Δ 498/5

213-5-11

ОПИСАНІЕ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

1811 г.

ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ 1877—1878 ГОДОВЪ

БИ
Б 827.6

15-го ГРЕНАДЕРСКАГО ТИФЛИССКАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

ПОЛКА.

БИБЛ. ЛЕНИНА ВОЕН. СЕКТ.

Составилъ того же полка маіоръ *Ф. Борковскій.*

ТИФЛИСЪ.

Печатано въ типографіи Штаба Кавказскаго военнаго округа, по распоряженію Главнокомандующаго Кавказскою Арміею.

1881.

Б-39-20939

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.

ГЛАВА I.

Выступленіе полка изъ города Тифлиса въ урочища Карабулахъ и Аха. Маршрутъ. Списочный и наличный составъ полка. Полевая поѣздка и лагерная жизнь. Внезапное выступленіе отряда въ Александрополь. Стоянка на Арпачаѣ. Телеграмма Главнокомандующаго къ начальнику лагеря. Пріѣздъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго въ Александрополь. Смотры, маневры и примѣрный штурмъ крѣпости. Постепенное присоединеніе новыхъ войскъ къ отряду. Сформированіе дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ. Роспускъ войскъ по зимнимъ квартирамъ.

25-го іюня 1876-го года, тифлисскій гренадерскій полкъ выступилъ изъ своей постоянной штабъ-квартиры города Тифлиса (*) въ общій дивизіонный сборъ близъ урочищъ Карабулахъ и Аха.

Офиціальный маршрутъ для слѣдованія полка выданъ былъ слѣдующій: 25-го іюня селеніе Коды—25 верстъ, 26-го селеніе Арахлу—15 верстъ, 27-го селеніе Екатериненфельдъ—15 верстъ, 28-го дневка, 29-го селеніе Дарбазъ—20 верстъ, 30-го селеніе Карабулахъ—25 верстъ.

Означенные въ маршрутѣ переходы были неутомительны и невелики. Полкъ всегда до полудня поспѣвалъ къ ночлегу, а потому два раза въ день людямъ варили горячую пищу. По прибытіи на мѣсто, немедленно разбивали палатки и мгновенно являлся правильный лагерь. Воды, дровъ, фуража и подножнаго корма находилось всюдѣ въ избыткѣ.

Словомъ, 6-ти дневный походъ этотъ, обставленный всевозможными удобствами, служилъ пріятнымъ разнообразіемъ послѣ стоянки въ Тифлисѣ, гдѣ нестерпимая духота и зной не давали ни ми-

нуты покоя (2).

Слѣдуя по маршруту безъ всякихъ проволочекъ и задержекъ, тифлисскій полкъ прибылъ къ 30-му іюня въ окрестности мокрыхъ горъ, гдѣ и расположился лагеремъ на обширной равнинѣ омываемой рѣчками Аха и Карабулахъ.

Мингрельцы пришли днемъ раньше и хотя далеко не успѣли устроиться, тѣмъ не менѣе, угостили полкъ дружескимъ, радушнымъ обѣдомъ.

Согласно росписанію, два дня люди занимались устройствомъ лагеря на влажной почвѣ Карабулаха, гдѣ, почти на каждомъ шагу, можно было рыть колодцы. Умѣренная температура, изобиліе воды и пастбищъ, близость лѣса, просторъ для ученій и маневрированія, всѣ эти условія, съ перваго взгляда, казалось бы давали право считать Карабулахъ превосходнѣйшимъ мѣстомъ для лѣтней стоянки войскъ. Къ сожалѣнію, постоянные туманы и дожди, которыми изобилуютъ мокрыя горы, портятъ все дѣло. Неговоря о томъ, что дожди тормазятъ занятія, заставляя по недѣлямъ сидѣть въ палаткахъ,—они развиваютъ страшную сырость, дѣйствующую чрезвычайно вредно на здоровье людей. Дизентерія и лихорадки являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ жизни среди болота.

3-го іюня начальникомъ лагеря былъ произведенъ парадъ, въ которомъ участвовали всѣ войска лагернаго сбора (3).

Послѣ молебствія, офицеры назначенные на полевую поѣздку, представлялись начальнику ея генералъ-маіору Шаликову. Познакомившись съ офицерами, генералъ приказалъ выдать имъ суточныя деньги, планшеты, готовальни и планы окрестностей Карабулаха. Кромѣ того офицерамъ, тутъ же, назначили вѣстовыхъ казаковъ.

Согласно инструкціи военнаго министра, цѣль упомянутыхъ поѣздокъ заключалась въ ознакомленіи строевыхъ офицеровъ (пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и артилерійскихъ частей), съ исполненіемъ рекогносцировочныхъ и тактическихъ работъ въ полѣ.

Для производства работъ, офицеровъ раздѣлили на двѣ группы. Первая—подчинялась командиру грузинскаго полка, полковнику Рыдзевскому (нынѣ генералъ-маіору), начальникомъ второй группы былъ командиръ тифлисскаго полка, полковникъ Ридигеръ (4).

На полевую поѣздку назначили отъ каждаго пѣхотнаго полка по пяти офицеровъ.

Группа тифлисцевъ состояла изъ слѣдующихъ лицъ: капитанъ Борковскій, штабсъ-капитаны—Андріевичъ и Жонголовичъ, поручики—Згоржельскій и Ясовичъ; руководитель—генеральнаго штаба капитанъ Люндеквистъ.

Съ 4-го іюля войска приступили къ обыденнымъ практическимъ занятіямъ, согласно росписанію, утвержденному начальникомъ лагеря, а лица назначенныя на полевую поѣздку, отправились въ селеніе Башкичетъ, населенное духоборами.

8-го іюля, въ день Казанской Божіей Матери, тифлисцы, по заведенному обычаю, праздновали свой полковой праздникъ, на который приглашены были начальствующія лица и офицеры всѣхъ частей отряда. По общему отзыву, праздникъ вполнѣ удался и прошелъ чрезвычайно весело (*).

Послѣ 9-го іюля начались обычныя занятія. Жизнь проходила тихо, однообразно, не нарушаясь никакими особенными событіями.

20-го іюля возвратились съ полевой поѣздки офицеры живше безвыѣздно въ Башкичетъ. Но однако поѣздка не ограничилась Башкичетомъ. Генералу Шаликову предписано было обрекогносцировать путь черезъ мокрыя горы къ Александрополю и избрать вблизи крѣпости мѣсто для лагеря гренадерской дивизіи, на случай ея передвиженія на границу. Война съ Турціей, повидимому, становилась неизбѣжною.

26-го іюля генералъ-маіоръ Шаликовъ выѣхалъ въ Александрополь, предложивъ полковнику Ридигеру принять участіе въ поѣздкѣ.

Въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ привлеченныхъ къ поѣздкѣ, отъ тифлисскаго полка былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Андріевичъ. Между тѣмъ, войска карабулахскаго лагеря приводили занятія къ окончательному итогу, неподозрѣвая возможности, вмѣсто возвращенія въ Тифлисъ, передвинуться на границу Турціи.

Въ ночь съ 23-го на 24-е іюля, когда весь лагерь погрузился въ сонъ, вдругъ послышались топотъ, оклики и какая то

небывалая суета. Около 10-ти часовъ ночи разнеслось извѣстіе, что въ лагерь прибылъ генеральнаго штаба полковникъ Малама, привезшій предписаніе Главнокомандующаго, чтобы карабулахскій отрядъ, въ полномъ своемъ составѣ, немедленно передвинулся къ Александрополю.

Конечно, это извѣстіе для многихъ было неожиданнымъ сюрпризомъ и не мудрено, что подобная новость взбудоражила и поставила на ноги весь лагерь.

Вскорѣ вѣстовые и ординарцы начали сновать по лагерю, приглашая командировъ частей къ начальнику отряда. Всѣ требуемыя лица не замедлили явиться къ генералу Зедергольму, гдѣ довольно долго происходило совѣщаніе и дѣлались необходимыя распоряженія.

Въ ожиданіи возвращенія начальниковъ, офицеры и солдаты сгруппировались въ кучки; вездѣ слышался оживленный говоръ и строилась бездна, зачастую, самыхъ несбыточныхъ предположеній. Многіе увѣряли, что война Турціи уже объявлена и походъ за границу рѣшенъ.

Въ первомъ часу ночи вернулся изъ штаба командующій полкомъ подполковникъ Александеръ и потребовалъ въ столовую ротныхъ командировъ. Нечего и говорить, что на зовъ этотъ сошлись всѣ наличные офицеры.

Командующій полкомъ прочиталъ черновой приказъ, въ которомъ сказано было, что по волѣ Его Высочества Главнокомандующаго арміею, карабулахскій отрядъ долженъ выступить 24-го іюля съ мѣста стоянки и прибыть въ Александрополь на третьи сутки.

По самому умѣренному разсчету, намъ предстоялъ 115-ти-верстный переходъ.

Офицеры выслушали приказъ, потолковали немного и разошлись по палаткамъ.

На другой день, съ зарею, по всему лагерю заиграла необычная дѣятельность, суматоха и возня. Укладывалось солдатское добро, стаскивалось къ столовой разное имущество, скрипѣли арбы, немилосердно гремѣли духоборскіе фургоны; все дѣлалось быстро, поспѣш-

но, такъ какъ зѣвать было некогда. Офицеры не имѣли никакихъ перевозочныхъ средствъ и подъ свои вещи законтрактовали духоборскіе фургоны. Отряду приказано было выступить въ полной походной амуниціи, лишнія же тяжести, палатки и проч. сдать въ обозъ, который долженъ былъ прибыть въ Александрополь нѣсколько позже.

24-го іюля, въ 12-ть часовъ дня, войска выстроились покоемъ вокругъ насыпи, гдѣ наканунѣ еще зеленѣла дивизіонная церковь. Послѣ молебствія, отрядъ тронулся въ путь двумя колоннами: правая—подъ начальствомъ командира лейбъ-эриванскаго полка флигель-адъютанта полковника Гурчина (нынѣ генералъ-маіора), направлена была въ Александрополь черезъ духоборье; лѣвая колонна—состоявшая изъ второй бригады кавказскихъ гренадеръ, 5-й и 6-й батарей и казачьяго кубанскаго полка, имѣла маршрутъ на Шахъ-Назаръ. Послѣдней колонной командовалъ командиръ кубанскаго казачьяго полка полковникъ Есаковъ (нынѣ генералъ-маіоръ). Предполагалось въ тотъ же день ночевать въ селеніи Шахъ-Назаръ, отстоявшемъ отъ лагеря верстахъ въ 30-ти. Но едва отрядъ достигъ башкичетскаго подъема, стало очевиднымъ, что для поднятія артилеріи и обозовъ потребуется немало времени. Дѣйствительно, артилерія взобралась на гору только въ третьемъ часу ночи и то благодаря дѣятельному содѣйствію пѣхоты. Поэтому колонна провела ночь на бивуакѣ возлѣ Башкичета, расположившись на правомъ берегу рѣки Машаверы. 25-го іюля войска выступили съ разсвѣтомъ, тифлисцы слѣдовали въ авангардѣ. Вблизи деревни Шахъ-Назаръ сталъ моросить дождь, дорога сдѣлалась вязкой, притомъ же гористая, пересѣченная, мѣстность сильно затрудняла движеніе артилеріи. Къ каждому орудію припрягали по два уноса, но и это оказывалось недостаточнымъ, и, тифлисцы, преимущественно 2-й и 3-й баталіоны, буквально на своихъ плечахъ тащили артилерію. Несмотря на всѣ затрудненія, къ двумъ часамъ пополудни, отрядъ стянулся къ Шахъ-Назару. На скорую руку людямъ приготовили кашу съ саломъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха, колонна выступила, прошла лорійскую степь и затѣмъ, переправясь черезъ черную рѣчку (Ка-

ра-кала-чай), остановилась тутъ же на ночлегѣ. Людямъ сварили ужинъ. 26-го іюля, колонна стала подниматься на крутой карахачскій подъемъ (горы Карахачъ или мокрыя). Во многихъ мѣстахъ совсѣмъ нельзя было слѣдовать артилеріи и повозкамъ, почему саперным полковымъ командамъ пришлось разработывать дорогу. Вообще, этотъ подъемъ одинъ изъ худшихъ, труднѣйшихъ.

Въ полдень, отрядъ поднялся и затѣмъ спустился къ казачьему посту, гдѣ войскамъ дали продолжительный привалъ и приказали варить пищу. Для варки отпустили дровъ, пополамъ съ кизяками. Обѣдъ у всѣхъ неудался, мясо оказалось сырымъ, видимо, кашевары не умѣли справиться съ кизяками, которые они увидѣли впервые.

Этого числа отрядъ ночевалъ между деревнями б. Кейты и Орта-Килиса.

Утромъ 27-го іюля, правая и лѣвая колонны соединились у каланджинскаго казачьяго поста, а въ часъ пополудни—весь отрядъ уже стоялъ подъ верками Александрополя.

Нашъ командиръ (6) встрѣтилъ и привѣтствовалъ полкъ, вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ комендантъ крѣпости генералъ-маіоръ Кобіевъ, который пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ и затѣмъ полкъ вступилъ въ свою старую штабъ-квартиру—историческія Гумры, обагренныя кровью прежнихъ тифлисцевъ.

Офицеры александропольскаго мѣстнаго баталіона встрѣтили полкъ хлѣбомъ и солью. Нижнимъ чинамъ предложили чарку водки и горячія щи съ фунтомъ мяса, а офицерамъ сытный обѣдъ(7).

Обѣдъ пришелся очень кстати, люди и офицеры были голодны и отъ души благодарили привѣтливыхъ хозяевъ.

Вечеромъ полкъ вышелъ изъ крѣпости и расположился бивуакомъ вблизи черной башни, на самой турецкой границѣ, на крайнемъ рубежѣ нашей обширной Имперіи.

Въ полку не было палатокъ, но предупредительный князь Тумановъ прислалъ ихъ нѣсколько штукъ, такъ что офицеры и слабые нижніе чины пріютились въ палаткахъ.

Вообще 115-ти-верстный путь, несмотря на множество невыгодныхъ условій, люди перенесли бодро; отсталыхъ, слабыхъ и забо-

лѣвшихъ почти не было въ полку.

28-го іюля, войска приступили къ устройству лагеря на историческихъ для тифлисцевъ берегахъ Арпачая. На противуположной сторонѣ рѣки начинались уже владѣнія оттоманской Порты; тамъ, у подножія горы, бѣлѣлъ турецкій таможенный постъ, ходили часовые, сновали пѣшеходы и всадники въ красныхъ фескахъ, съ любопытствомъ осматривавшіе русскій лагерь.

И такъ карабулахскій отрядъ служилъ единственной вооруженной угрозой Турціи, путавшей и усложнявшей восточный вопросъ, интересовавшій всю европейскую прессу.

Съ первыхъ же дней стоянки, лагерь снабдили всѣмъ необходимымъ. Устроили кухни, пекарни и нары въ палаткахъ.

Хотя мѣстность вокругъ Александрополя безлѣсная, но ее вполнѣ окупали плодоносныя окрестныя поля, небольшіе садики, изобиліе чистой арпачайской воды, которою безъ труда пользовались войска для всѣхъ хозяйственныхъ надобностей.

Ежедневно черезъ рѣчку переправлялись вереницы арбъ, нагруженныхъ ячменемъ, сѣномъ, саманомъ и прочими продуктами сельскаго производства. Все это сбывалось на рынкахъ Александрополя за безцѣнокъ. Вслѣдствіе этого, въ первое время, дешевизна была изумительная, небывалая! Пудъ сѣна стоилъ отъ 10—15 коп., пудъ ячменя отъ 18—20 коп., пудъ капусты отъ 10—15 коп.,— словомъ, условія жизни были весьма выгодныя и если бы не бури и вѣтры дующіе съ Алагёза и заносившіе иногда лагерь сугробами песку,—стоянка на Арпачаѣ считалась бы настоящею благодатью.

Людей, благодаря ничтожной стоимости продуктовъ, довольствовали прекрасно, офицеры имѣли дешевый, хотя и очень скромный общій столъ.

Вслѣдствіе малочисленнаго состава ротъ, еще въ 1874-мъ году послѣдовало распоряженіе, по которому люди каждаго батальона продовольствовались изъ одного общаго котла. Это была чрезвычайно выгодная мѣра въ экономическомъ отношеніи, потому что дровъ тратилось гораздо меньше казеннаго отпуска.

Съ 6-го августа начались занятія, заключавшіяся въ слѣдующемъ: стрѣльба въ цѣль (курсъ повторительный), глазомѣрное опре-

дѣленіе разстояній, маневрированіе ротъ, полковъ и бригадъ, совокупныя ученія всѣхъ трехъ родовъ оружія, военныя прогулки, саперныя работы полевыя и осадныя и, изрѣдка, переножныя, ротныя и баталіонныя ученья.

Кромѣ сказаннаго, войска пріучали къ невзгодамъ походной жизни. Для послѣдней цѣли составлялись отряды изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, для рѣшенія, предположенной заранѣе, тактической задачи. Отряды выводили на ночь, располагая бивуакомъ безъ палатокъ, съ соблюденіемъ всѣхъ военныхъ предосторожностей. Въ данномъ случаѣ войска знакомились со всѣми условіями сторожевой и бивуачной службы. Занятія, вообще, велись неутомительныя, короткія, такъ какъ приказомъ по лагерю предписано было производить ихъ съ 6-ти до 9-ти часовъ утра и съ 5-ти до 6-ти вечера.

Маневры и военныя прогулки тоже оканчивались не позже 10-ти часовъ утра.

9-го августа, отслужили панихиду по убіеннымъ на полѣ брани въ минувшую войну и преданнымъ землѣ на городскомъ кладбищѣ, называемомъ «Холмомъ чести». Отъ полка въ парадѣ находилась сводная рота.

Въ войну 1853-го—1856-го годовъ тифлисскій полкъ не участвовалъ въ составѣ главныхъ силъ корпуса, поэтому на «Холмѣ чести» не было тогда костей тифлисцевъ.

Въ ту кампанію одинъ только пятый баталіонъ тифлисскаго полка находился въ составѣ эриванскаго отряда и, отличившись въ сраженіи на чингильскихъ высотахъ, заслужилъ георгіевское знамя. Остальные же баталіоны тифлисскаго полка участвовали въ горной войнѣ на левгинской линіи и въ Дагестанѣ.

9-го августа, начальникъ лагеря генералъ-адъютантъ князь Тарханъ-Моуравовъ получилъ слѣдующую телеграмму: «Все ли у васъ благополучно? Много ли больныхъ со дня прибытія въ новый лагерь? Кланяюсь вашимъ молодецкимъ войскамъ. Надѣюсь, скоро увидимся. Еще не могу рѣшить когда пріѣду. М и х а и л ъ».

Высокое вниманіе Главнокомандующаго вызвало въ войскахъ восторженныя чувства и произвело на нихъ прекрасное впечатлѣніе. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ Августѣйшаго гостя, и съ пріѣ-

Іздомъ Его—конца тягостной неизвѣстности и выясненія дальнѣйшей нашей участи.

22-го августа, около 5-ти часовъ полудни, грохотъ крѣпостныхъ орудій, звонъ колоколовъ и шумные крики народа извѣстили насъ о прибытіи Высокаго Посѣтителя.

Немедленно послѣ пріѣзда, Главнокомандующій объѣхалъ лагерь, начавъ съ лѣваго фланга. Люди стояли на линейкахъ группами. Подъѣхавъ къ полку, Его Высочество привѣтствовалъ офицеровъ словами: «Здравія желаю г.г. тифлисцамъ; очень радъ васъ видѣть!» затѣмъ, милостиво сталъ шутить съ нижними чинами.

Послѣ объѣзда, Его Высочество, окруженный громадною толпою солдатъ, провожавшихъ Главнокомандующаго до крѣпостныхъ воротъ, изволилъ отбыть въ крѣпость.

На другой день, въ присутствіи Его Высочества, произведенъ былъ парадъ всѣмъ войскамъ лагеря, вмѣстѣ съ обозами, на плацу около красной башни.

24-го августа, въ 7½ часовъ утра, Главнокомандующій смотрѣлъ стрѣльбу въ цѣль. Отъ каждаго баталіона вызвано было по одной линейной ротѣ для стрѣльбы въ низкія, лежачія мишени, съ разстоянія 200-тъ шаговъ и по одной ротѣ для стрѣльбы на 800-тъ шаговъ (въ обоихъ случаяхъ выпущено по два патрона).

Вторую очередь составляли роты стрѣлявшія залпами на 300 шаговъ, тоже двумя пулями.

Стрѣлковыя роты собраны были на правомъ флангѣ отряда; онѣ стрѣляли 15-тью патронами съ неизмѣренныхъ разстояній.

Результаты стрѣльбы оказались блестящими: всѣ части выбили проценты выше отличныхъ, только стрѣльба въ низкія мишени менѣе удалась,—она вышла только лишь очень хорошей.

Послѣ стрѣльбы, Его Императорское Высочество изволилъ лично объѣзжать войска и благодарить за удачную стрѣльбу.

25-го августа Главнокомандующій произвелъ всѣмъ войскамъ лагеря односторонній маневръ, окончившійся около часа пополудни, по направленію къ селеніямъ Дагарли и Баяндуру.

Въ строю находилось по 36-ти рядовъ въ ротахъ.

Послѣ маневра приглашены были Его Высочествомъ, къ обѣденному столу, командиры частей и всѣ штабъ-офицеры.

26-го августа, въ день празднованія коронованія въ Богѣ почившаго Государя Императора, Главнокомандующимъ были произведены: утромъ—церковный парадъ, а вечеромъ—заря съ церемоніею.

Для пріема Высокаго Гостя въ лагерѣ не было особой ставки, вслѣдствіе чего, около палатки генералъ-адъютанта князя Тарханова, разбили паметъ, въ которомъ сервировали чай и приготовили десертъ.

Въ почетномъ караулѣ, возлѣ намета, стояла стрѣлковая рота лейбъ-эриванскаго полка.

До зари представлялся Его Высочеству карскій губернаторъ (Вали), прибывшій нарочно, чтобы привѣтствовать Государя Великаго Князя съ благополучнымъ прибытіемъ въ Александрополь. Заря съ церемоніей прошла очень эффектно.

Главнокомандующій закончилъ смотры примѣрнымъ штурмомъ крѣпости, происходившимъ 27-го августа, ранимъ утромъ, послѣ чего, въ тотъ же день, Его Высочество изволилъ отбыть въ Боржомъ.

Послѣ отъѣзда Главнокомандующаго гренадеры продолжали стоять лагеремъ, мирно занимаясь въ виду своихъ пограничныхъ сосѣдей. Занятія заключались въ стрѣльбѣ, одиночномъ ученьи и, по преимуществу, въ военныхъ прогулкахъ, предпринимаемыхъ скорѣе съ гигіеническою цѣлью, чтобы не дать людямъ засидѣться и скучать отъ безсѣлья. Немало также времени посвящалось сапернымъ работамъ, съ цѣлью пріучать войска къ осаднымъ работамъ.

Такимъ образомъ, прошелъ августъ, а за нимъ и сентябрь канулъ въ вѣчность (*), мы же все оставались въ прежнемъ положеніи, находясь въ полнѣйшей неизвѣстности относительно будущаго.

Въ концѣ сентября стали подходить новыя войска. Отрядъ замѣтно увеличивался. Пришли тверцы, потомъ нижегородцы, затѣмъ кубинскій и дербентскій пѣхотные полки съ двумя батареями 39-й артилерійской бригады; вскорѣ появились конная артилерія и

казаньи полки. Александрополь быстро превращался въ военный городъ.

Въ октябрѣ настали холода и морозы, войскамъ выдали полушубки (въ количествѣ 275-ти на полкъ), но по квартирамъ не роспускали.

Еще съ 28-го сентября командированъ былъ маіоръ эриванскаго полка Меликовъ за покупкой казенно-подъемныхъ лошадей, для полковъ кавказской гренадерской дивизіи.

Полкамъ предписано было завести, кромѣ наличныхъ, еще по 137-ми лошадей. На пріобрѣтеніе ихъ казна ассигновала по 100 рублей на каждую лошадь.

Вскорѣ завѣдывающій хозяйствомъ тифлисскаго полка, маіоръ Кабенинъ, тоже отправился въ Елисаветполь, пріобрѣсти для полка нѣмецкіе фургоны.

Въ ротахъ сушили сухари, съ такимъ разсчетомъ, что каждая рота обязана была приготовить запасъ провіанта на 18-ть дней, впрочемъ, по штатамъ мирнаго времени. Роты должны были снабдить также сухарями дивизіонный лазаретъ и нестроевую роту.

Ежедневно полковые врачи обучали санитарную команду, пріучая людей переносить раненыхъ и заставляя ихъ дѣлать необходимѣйшія перевязки. Кавказская гренадерская артилерійская бригада тоже запасалась ремонтами и проч. Такимъ образомъ, съ этого уже времени, войска александропольскаго отряда исподоволь приготовлялись къ войнѣ.

Несмотря однако на разные роды дѣятельности, скука и однообразіе все же царили въ лагерѣ. Въ особенности всѣхъ томила тягостная неизвѣстность.

А политическій горизонтъ все болѣе и болѣе темнѣлъ, дипломатія изощрялась въ краснорѣчіи, телеграфныя проволоки по всей Европѣ разносили самыя сбивчивыя, то тревожныя, то успокоительныя вѣсти. Кромѣ Герцоговины и Босніи, Сербія и Черногорія находились въ войнѣ съ Турціей; на балканскомъ полуостровѣ людская кровь лилась рѣкою,—но никто не зналъ чѣмъ все это кончится, никто не предвидѣлъ и не могъ предсказать грядущихъ событій. Впрочемъ, мало было оптимистовъ, вѣровавшихъ въ мирный исходъ дѣла.

Вскорѣ приказомъ по арміи, состоящій при Его Высочествѣ Главнокомандующемъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи Лорисъ-Меликовъ назначенъ былъ командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ войскъ собранныхъ подъ Александрополемъ, Эриванью и Ахалцыхомъ (?). Начальникомъ корпуснаго штаба назначенъ, генеральнаго штаба, генералъ-маіоръ Духовской и начальникомъ корпусной артилеріи—генералъ-маіоръ Губскій (приказъ по полку № 294).

Самый фактъ сформированія корпуса служилъ наглядимъ доказательствомъ, что Россія, бросивъ дипломатическіе переговоры, вскорѣ перейдетъ къ дѣлу, къ рѣшенію оружіемъ вѣковыхъ, спорныхъ недоразумѣній.

Наконецъ, 21-го октября прибылъ въ Александрополь командующій корпусомъ и въ тотъ же день посѣтилъ лагерь.

Подъѣхавъ къ лагерному карпулу тифлисскаго полка, командующій корпусомъ приказалъ ударить тревогу и, въ ожиданіи выхода людей, Его Высокопревосходительство отправился въ палатку командира полка. Люди выстроились въ колонны изъ середины ровно черезъ 3½ минуты по пробитіи тревоги. Командующій корпусомъ пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ, вызвалъ на середину всѣхъ офицеровъ и, сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ, объявилъ, что онъ исходатайствовалъ имъ подъемныя деньги за понесенные труды. Въ тотъ же день рѣшили роспустить войска на зимнія квартиры. Для вышесказанной цѣли, начальники частей отправились осматривать раіоны, назначенные для расквартированія войскъ.

Съ 1-го ноября лагерь подъ Александрополемъ считался упраздненнымъ.

ГЛАВА II.

Выступленіе на зимнія квартиры. Дислокація полка. Инструкція для квартирнаго расположенія. Невзгоды зимней стоянки. Запатія. Комплектованіе нолковаго и ротнаго обозовъ. Мобилизація. Обмундированіе и обученіе чиновъ запаса. Праздникъ св. Пасхи. Выступленіе въ общій лагерь въ сел. Дагарли.

Для зимняго расквартированія полка избраны были селенія Амамлы, Бекантъ, Вартанъ, Коралъ и, въ видѣ запаса, оставлены еще нѣсколько деревушекъ—Сиптахъ, Чотуръ, Качаганъ и Саралъ.

Такимъ образомъ, случай привелъ тифлисцевъ на родную, историческую почву, ознаменованную многими геройскими подвигами славныхъ ихъ предшественниковъ. Тутъ, въ памбакской области, началась закавказская боевая карьера полка, прибывшаго въ Грузію въ 1801 году. Амамлы, Бекантъ, Ахъ-Булахъ занимали небольшія команды тифлисскаго полка; здѣсь безпрерывно происходили геройскія и кровопролитныя стычки, хотя и не выдающіяся дѣла. Большой Караклисъ былъ штабъ-квартирой полка, которую сожгли въ 1826-мъ году персіяне, разграбивъ церковь и похитивъ всю священную утварь.

Около того же Караклиса стоитъ памятникъ маіору Монтрезору, безстрашно павшему, со всѣмъ почти 2-мъ баталіономъ, въ битвѣ съ персіянами, въ 1804-мъ году. Наконецъ, далекая окраина нашей обширной имперіи, укрѣпленіе Гумры (10) (Александрополь), въ началѣ столѣтія назначено было штабъ-квартирой тифлисскаго мушкатерскаго полка. Гумры, Артикъ, Безобдалъ, б. Караклисъ,—полны воспоминаніями, прославившими доброе имя полка. Словомъ, обозрѣвъ архивы и ожививъ въ памяти былое, мы справедливо выразились, что, расположившись въ Памбакѣ, полкъ попалъ на родное пепелище.

Изъ Александрополя полкъ выступилъ на зимовку двумя эшелонами (11).

Первый и второй баталіоны сняли лагерь 31-го октября, а третій и четвертый баталіоны ушли въ воскресенье, 1-го ноября. Оба эшелона имѣли, поочередно, ночлеги въ Ахъ-булахѣ и прибыли на мѣсто расквартированія въ два перехода. Затѣмъ, первый

баталіонъ и весь полковой штабъ разместились въ Амамлахъ, второй баталіонъ сталъ въ Вартиавѣ, четвертый и половина третьяго баталіона заняли Бекантъ, а 7-я и 8-я роты—Коралъ.

Въ приказѣ по полку за № 302-мъ изложена была подробная инструкція, обязательная при квартирномъ расположеніи полка.

Не выписывая ее цѣликомъ сдѣлаемъ лишь необходимыя извлеченія. Ею предписывалось: 1) обратить все вниманіе на сохраненіе здоровья нижнихъ чиновъ, озаботившись для сего приведеніемъ въ лучшій видъ квартиръ, старясь отдѣлить оныя повозможности отъ жительскихъ и 2) обратить вниманіе, чтобы всѣ нижніе чины имѣли непремѣнно наушники, рукавицы, набрюшники, теплыя портянки и проч.

Предлагалось также устроить своими средствами бани и употребить всѣ усилія и стараніе на приготовленіе хорошей пищи, для чего разрѣшено класть въ борщъ по фунту мяса.

Въ случаѣ появленія между жителями злокачественныхъ болѣзней, начальники участковъ обязаны были доносить объ этомъ немедленно командиру полка

Въ Вартиавѣ, Бекантѣ и Коралѣ устроили околодки, причемъ въ двухъ первыхъ деревняхъ состояли врачи, въ Амамлахъ же открыли полковой лазаретъ на 15 кроватей.

Всѣхъ больныхъ отправляли изъ Беканта прямо въ александропольскій военный госпиталь. Болѣе трудныхъ, которые не въ состояніи были выносить длиннаго пути, привозили въ полковой лазаретъ.

Для перевозки больныхъ, въ Бекантѣ постоянно находилась лазаретная карета. Изъ Вартиава сильно заболѣвшихъ эвакуировали тоже въ Амамлы.

За исключеніемъ втораго баталіона, остальные имѣли въ своихъ участкахъ отдѣленія полковаго духана(19). Въ Вартиавъ же мясо доставлялось на полковыхъ фургонахъ.

Касательно порядка, который соблюдался при квартирномъ расположеніи, мы снова приведемъ пункты текста приказа № 302:

«6) Въ расположеніи каждой роты имѣть дежурнаго и двухъ дневальныхъ, которымъ находиться у квартиры своего командира.

7) Въ каждомъ селеніи имѣть непремѣнно почной обходъ изъ двухъ смѣнъ. 8) Обратить строгое вниманіе, чтобы между жителями и нижними чинами не происходило ссоръ, при чемъ всякую ссору разбирать немедленно, удовлетворяя обиженнаго. 9) Ежедневно въ каждой ротѣ производить переклички. . . 10) Въ случаѣ совершенія по близости квартирнаго расположенія грабежей и разбоевъ, или при появленіи бродягъ, а также вооруженныхъ партій, каждый изъ начальниковъ участковъ расположенія полка неупустительно принимаетъ энергическія мѣры для водворенія порядка, не ожидая особыхъ распоряженій и вмѣстѣ съ симъ о своихъ распоряженіяхъ доносить командиру полка».

Кромѣ того, всѣ части полка обязывались находиться въ полной готовности къ выступленію въ походъ, по первому приказанію или сигналу. Сигналами же этими, согласно распоряженію по корпусу, служили маяки, устроенные изъ сухой соломы, около каждой деревни. Въ случаѣ, если маяки будутъ зажжены, всѣмъ частямъ полка приказано собираться въ Вскашъ. На тревогу всѣмъ выступать въ походной аммуниціи, въ ранцахъ съ полной укладкой, а полковому и ротному обозамъ слѣдовать при полку.

Нижнимъ чинамъ воспрещалось ѣздить поодиночкѣ въ Александрополь, куда полагалось отправляться вооруженными командами и непремѣнно подъ начальствомъ ефрейтора или унтеръ-офицера.

Безъ разрѣшенія командира полка ни одинъ офицеръ не могъ отлучиться въ Тифлисъ, а равно и въ Александрополь.

У квартиръ начальниковъ стоявшихъ отдѣльно устроены были фонари, съ начальной буквой означающей часть. На крышахъ квартиръ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ выставлялись жалонерные значки, такъ что, посыльные и вѣстовые легко могли отыскивать начальниковъ.

Такимъ образомъ, приведенная выше часть инструкціи полкѣ исчерпывала и предусматривала всѣ мѣры, необходимыя для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ, а равно—для сохраненія порядка и безопасности, при растянутомъ квартирномъ расположеніи.

2-го ноября, всѣ баталіоны были на своихъ мѣстахъ, т. е.

стояли по квартирамъ, въ деревняхъ, населенныхъ исключительно армянами. Населеніе сгруппированное около Александрополя вообще очень бѣдно. Мѣстные армяне весьма религіозны, благоговѣйно преданы своей церкви, но, къ сожалѣнію, суевѣрны и исполнены многихъ предразсудковъ. Крайняя воздержность въ пищѣ, умѣренность въ питьѣ—вотъ главная характеристика ихъ. Александропольскіе армяне обитаютъ въ сакляхъ, вырытыхъ въ землѣ и покрытыхъ толстымъ слоемъ насыпи, образующей родъ плоской крыши. Издали, подобныя лачуги кажутся обиталищемъ кротовъ или другихъ животныхъ, и эти норы, даже въ видѣ иронiи, нельзя назвать людскимъ жильемъ. Въ подобную саклю, обыкновенно, ведетъ узкій корридоръ и жилье дѣлится на двѣ половины: въ одной помѣщаются люди, въ другой—скотъ. Людская половина, въ которой всегда устраиваютъ каминъ, отгораживается отъ помѣщенія скота тонкой стѣнкой, рогожами, а иногда просто галлерейкой изъ столбиковъ, незаплетенныхъ ничѣмъ. Словомъ, въ армянскихъ лачугахъ животныя и люди помѣщаются вмѣстѣ, дышатъ одними и тѣми же навозными испареніями, впрочемъ, невредными для здоровья. Подобное жилье солдаты называли «буйволятникомъ». Въ конурахъ этихъ, даже въ солнечные дни, царитъ полумракъ и носятся облака дыма разъѣдающаго глаза, такъ что, работать можно съ трудомъ, да и то при свѣчахъ. «Буйволятники» освѣщаются дырами, продѣланными въ крышѣ; отдушина эта замѣняетъ также и вентиляторъ. Во всѣхъ селеніяхъ предназначенныхъ для расположенія полка, командиръ полка лично обходилъ и осматривалъ каждое помѣщеніе и буйволятникъ, чтобы лучше размѣстить людей, а равно и всѣ хозяйственныя учрежденія роть.

Только въ Амамлахъ нѣкоторые офицеры жили въ подобіяхъ комнатъ, отдѣленныхъ отъ скота, поднятыхъ надъ уровнемъ земли, и имѣвшихъ окна заклеенныя бумагой, за то остальные—помѣщались въ грязныхъ, затхлыхъ буйволятникахъ.

Русскій человѣкъ весьма скоро привыкаетъ къ новой обстановкѣ и, наши добродушные солдаты быстро освоились со своимъ положеніемъ и кое какъ сошлись съ жителями.

Согласно приказа по полку, во всѣхъ деревняхъ, роты устрои-

ли кухни, пекарни, бани, конюшни, завели околодки и ротныя школы.

Людей кормили хорошо. Занятія производились умѣренныя, по слѣдующей программѣ: одиночная выправка, гимнастика, фехтованіе, сборка и разборка ружья, сторожевая служба, ротныя и баталіонныя ученья, и военныя прогулки.

Вечера посвящались чтенію уставовъ и словеснымъ упражненіямъ, относящимся къ прохожденію солдатской службы.

Въ началѣ ноября объявлена была мобилизація части Императорской Всероссійской арміи. 5-го числа, на основаніи циркуляра начальника дивизіи, приказомъ по полку (№ 309) командированы въ Тифлисъ: маіоръ Улановичъ, штабсъ-капитаны: Баграновъ, Афанасьевъ, Гавриловъ, поручикъ Згоржельскій и младшій врачъ Теръ-Арютиніанцъ, для принятія и сопровожденія призывныхъ нижнихъ чиновъ, предназначенныхъ на укомплектованіе рядовъ полка.

Маіору Улановичу вѣрена была команда, состоявшая изъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, въ числѣ 82-хъ человѣкъ. Люди эти предназначались для обученія чиновъ запаса. Командиръ полка выдалъ маіору Улановичу инструкцію, содержавшую необходимыя указанія, относящіяся къ снаряженію, обученію, продовольствію, сбереженію здоровья, а равно и передвиженію чиновъ запаса въ Амамлы.

Вскорѣ, на основаніи Высочайшаго приказа, начали формировать запасные баталіоны, а потому изъ полка выдѣлили (7-го ноября) въ 15-ый гренадерскій запасный баталіонъ, слѣдующихъ офицеровъ: маіора Загобеля—командиромъ баталіона, капитановъ Шавердова и Александера—командирами ротъ, поручиковъ Намченко, Дороджанова и Чичинадзе младшими офицерами.

Кромѣ того, отъ полка взято въ запасный баталіонъ—унтеръ-офицеровъ 11, музыкантовъ 4, ефрейторовъ 19, писарей 2, пригонщикъ амуниціи 1, оружейникъ 1, денщиковъ 7, всего 45-ть человѣкъ.

Вскорѣ, въ приказѣ по дѣйствующему корпусу, отъ 18-го ноября 1876-го года за № 12, послѣдовало распоряженіе, объ уси-

ленномъ довольствіи нижнихъ чиновъ, причемъ командующій корпусомъ выразилъ свое желаніе, въ слѣдующихъ словахъ:

«Приказаніемъ сего числа за № 14, объявлено разрѣшеніе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, производить войскамъ корпуса, сверхъ отпускавшагося досель продовольствія, еще по полъ-фунта мяса въ день на человѣка, считая это довольствіе съ 15-го сего ноября, впредь до особаго распоряженія.

Таковое разрѣшеніе влечетъ за собою значительный расходъ казны и дано Государемъ Великимъ Княземъ, по ходатайству моему, исключительно во вниманіе къ могущимъ предстоять для войскъ корпуса трудамъ и лишеніямъ.

Цѣня благосклонное вниманіе, ко мнѣ и войскамъ мнѣ вѣреннымъ, Его Императорскаго Высочества, я поставлю себѣ въ обязанность требовать неуклонно отъ всѣхъ частныхъ начальниковъ, чтобы за симъ пища для людей приготовлялась вполнѣ удовлетворительная и сытная, здоровье ихъ сохранялось тщательно, а сами нижніе чины, я увѣренъ, въ дѣйствительности будутъ готовы къ перенесенію трудовъ и лишеній, какіе бы на ихъ долю ни выпали».

Приказъ этотъ прочитанъ былъ во всѣхъ ротахъ и, въ свою очередь, командиръ полка присовокупилъ: «что разрѣшенныя Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ арміею деньги на три чары водки въ недѣлю, обращать на ежедневную варку людямъ каши (13)».

Такимъ образомъ, нижнихъ чиновъ обезпечили вполнѣ здоровой и хорошей пищей и если прибавить къ этому, что между жителями не появлялось эпидемій и повальныхъ болѣзней, то можно сказать, положеніе войскъ было бы довольно хорошее, если-бы не убійственная скука, царствовавшая повсемѣстно (14).

Жизнь въ буйволятникахъ проходила до нельзя монотонно, тихо, изрѣдка только разнообразясь какимъ нибудь крупнымъ событіемъ, а главное, тягостно дѣйствовало на всѣхъ невѣдѣніе будущаго, давившее свинцовою тяжестью. Книгъ и журналовъ почти не было, газеты тоже попадались отрывочными нумерами, да и не весело было прочитывать повтореніе избитыхъ темъ періодической

печати. Сегодня пресса угрожала войною, а завтра убаюкивала легковѣрные умы иллюзіями мира... Но изъ военныхъ, едва ли кто нибудь думалъ о мирѣ, видя громадныя приготовленія всевозможныхъ запасовъ и поспѣшную мобилизацію войскъ.

Ежедневно черезъ Амамлы проходили сотни фургоновъ съ провіантомъ, орудіями, снарядами, лафетами, спиртомъ, оружіемъ, патронами и проч.

Въ александропольскихъ складахъ заготовлялись громадные запасы провіанта, въ арсеналѣ шла поспѣшная работа и приготовленіе массы снарядовъ, пуль и патроновъ.

Вскорѣ учреждены были корпусное интендантство и управленіе корпуснаго коменданта.

Съ самаго прибытія на зимнія квартиры, въ полку кипѣла энергичная дѣятельность по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Въ Амамлахъ ежедневно выѣзжали вновь приведенныхъ казенно-подъемныхъ лошадей, приводили въ порядокъ сбрую и обозы, кого слѣдовало обшивали, готовили санитаровъ изъ барабанщиковъ и горнистовъ и все это дѣлалось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира полка (18).

Предметомъ же особой заботливости полковника Ридигера служилъ полковой обозъ, требовавшій для приведенія въ исправность не малыхъ трудовъ.

По штатамъ военнаго времени въ полку полагалось имѣть 60 повозокъ и 213 лошадей, въ мирное же время въ полку было всего 16 плохихъ повозокъ и 52 лошади. Поэтому надо было завести фургоны, пріобрѣтая ихъ у нѣмцевъ и молоканъ покупкою. Стоимость ихъ была различная, отъ 160—180 рублей.

Фургоны нѣмецкой работы вполнѣ удовлетворяли своему назначенію, о чемъ сказано будетъ ниже.

На пріобрѣтеніе лошадей казна отпустила по 100 рублей на каждую, но купленный ремонтъ разбивалъ лично начальникъ дивизіи и полку, по жребію, достались худшія лошади; многихъ пришлось сбывать и пріобрѣтать новыхъ, кромѣ того необходимо было подбирать и сортировать четверики.

Ротамъ тоже приказано было запасаться фургонами и четве-

риками лошадей. Фургоны нѣмецкаго образца заводили ранѣе во всѣхъ баталіонахъ, кромѣ 2-го, для котораго таковые покупались вмѣстѣ съ полковыми.

Изложенные факты показываютъ, что полкъ исподоволь принималъ боевой видъ.

Недоставало только полнаго комплекта людей, но и ихъ пришлось недолго ждать. Какъ видно изъ донесенія маіора Улановича, помѣченнаго 8-мъ декабря 1876-го года, въ Тифлисѣ дѣятельно подготовлялась мобилизація.

Начиная съ 29-го ноября, чины запаса прибывали изъ Россіи ежедневно. Всѣхъ людей, по прибытіи въ Тифлисъ, немедленно обмундировывали, снаряжали и вооружали. Въ тифлисскомъ полку въ одинъ день экипировали 949 человѣкъ, благодаря неутомимымъ трудамъ полковаго казначея поручика Дьячкова и офицеровъ прибывшихъ за пріемомъ чиновъ запаса.

Такая поспѣшность въ обмундированіи не могла, конечно, не отозваться на правильности его.

Не надо забывать, что въ полкахъ существуютъ, такъ называемые, неприкосновенные запасы. Въ полковыхъ цейхгаузахъ хранится всегда все солдатское снаряженіе по штатамъ военнаго времени. Вещи для неприкосновеннаго запаса заготовляются полками въ мирное время и, притомъ, въ гренадерскихъ полкахъ на извѣстный ростъ. Между тѣмъ, при мобилизаціи, въ полкъ попали люди ростомъ далеко ниже полагаемаго въ гренадерахъ минимума, поэтому мундирная одежда на многихъ сидѣла мѣшковато, некрасиво и далеко не щегольски. Но какое до этого дѣло? Лишь бы солдатъ былъ вооруженъ, обутъ, одѣтъ и цѣль мобилизаціи достигнута; а пригнаны ли на немъ вещи по мѣркамъ и лекалямъ и сидятъ ли по формѣ, подобный вопросъ въ военное время имѣетъ совершенно второстепенное значеніе. Притомъ даже и въ походахъ найдется время кое что пригнать, исправить и перешить (16).

Главное затрудненіе мобилизаціи состояло вовсе не въ обмундировкѣ, а въ неточности маршрутовъ, въ несвоевременномъ прибытіи людей и въ отчетности. Нижніе чины запаса нерѣдко прибывали не въ томъ числѣ и далеко не въ тѣ дни, когда они ожи-

дались частями. Маршруты мѣнялись постоянно и служили причиной многихъ недоразумѣній.

Конечно, было бы во всѣхъ отношеніяхъ несравненно лучше, еслибы полки мобилизовались въ своихъ штабъ-квартирахъ, но, какъ мы уже видѣли выше, обстоятельства не позволили этого сдѣлать.

4-го декабря, Главнокомандующій кавказскою арміею произвелъ смотръ чинамъ запаса, прибывшимъ на укомплектованіе тифлисскаго полка. Люди были разсчитаны на четыре роты, по штатамъ военнаго времени. Осмотрѣвъ мундирную одежду, амуницію, затѣмъ ружейные пріемы и церемоніальный маршъ, Его Императорское Высочество выразилъ благодарность полку за успѣшное снаряженіе и обмундированіе. Затѣмъ Главнокомандующій обратился къ начальнику дивизіи съ вопросомъ: «когда выступаютъ люди?» Князь Тарханъ-Моуравовъ отвѣчалъ что люди пойдутъ тремя эшелонами и первый выступитъ 5-го декабря. Его Императорское Высочество приказалъ всѣмъ партіямъ слѣдовать вмѣстѣ.

Такимъ образомъ, по волѣ Главнокомандующаго, люди, участвовавшіе на смотру, выступили изъ Тифлиса 5-го декабря, подъ командою штабсъ-капитана Багратова, по выданному вновь слѣдующему маршруту: 5-го декабря деревня Коды—25 верстъ, 6-го Муганло—29 верстъ, 7-го Сала-оглы—28 верстъ, 8-го Новая-Ахстафа—27 верстъ, 9-го Караванъ-сарай—30 верстъ, 10-го Делижанъ—33 версты, 11-го (Бозникянтъ) Гамзачаманъ—18 верстъ, 12-го Караклисъ—17 верстъ, 13-го Аманлы—22 версты.

Въ дорогѣ продовольствіе людей производилось изъ девяти котловъ, на что отпускалось казною по 16-ти копѣекъ серебромъ въ день на человѣка, считая въ томъ числѣ и на хлѣбъ.

Въ Сала-оглы люди ночевали въ разбитыхъ для этой цѣли кибиткахъ, въ Ахстафѣ размѣстились въ недостроенномъ госпиталѣ, а на остальныхъ станціяхъ имѣли ночлеги въ деревняхъ.

Главное затрудненіе въ пути состояло въ добываніи топлива, подстилки и мяса. Обѣдъ обыкновенно приготовляли людямъ на половинѣ перехода, для чего штабсъ-капитанъ Багратовъ высылалъ

впередъ кухни и кашеваровъ.

Зная о прибытіи въ Амамлы большой партіи чиновъ запаса, командиръ полка распорядился отводомъ для нихъ квартиръ, а также предписалъ баталіоннымъ командирамъ прибыть 14-го декабря въ штабъ полка за пріемкой людей, назначенныхъ на пополненіе баталіоновъ.

13-го декабря пришла въ Амамлы первая партія чиновъ запаса, въ числѣ 939-ти человѣкъ. Командиръ полка выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу и лично распоряжался распредѣленіемъ людей по квартирамъ, на другой же день происходила разбивка людей побаталіонно. Хотя въ Тифлисѣ люди были распредѣлены поротно, но командиру полка пришлось нѣсколько измѣнить разбивку, чтобы уровнять между ротами фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ, а также выбрать обозныхъ и мастеровыхъ.

Несмотря на девяти-дневное движеніе безъ дневокъ, процентъ больныхъ оказался незначительнымъ и нижніе чины запаса имѣли довольно бодрый видъ, хотя было много невзрачныхъ и болѣзненныхъ солдатъ (17). Послѣднее обстоятельство замѣчено было въ Тифлисѣ Его Высочествомъ Главнокомандующимъ, который повелѣлъ приказать перемѣнить нѣкоторыхъ людей. Поэтому, изъ закавказскаго полка поступило 32 человѣка и изъ ленкоранскаго полка—28 человѣкъ, служившихъ прежде въ тифлисскомъ полку.

Вообще, Его Высочеству угодно было, чтобы чины запаса, по возможности, поступили въ прежнія свои части. Вслѣдствіе этого, къ намъ изъ лейбъ-эриванскаго полка переведено 28 человѣкъ, а изъ мингрельскаго—36 человѣкъ; словомъ, гренадерскіе полки обмѣнялись людьми.

14-го декабря чины запаса разошлись по своимъ деревнямъ.

17-го декабря штабсъ-капитанъ Афанасьевъ привелъ 360 человѣкъ, по большей части молодцевъ, поступившихъ на укомплектованіе 1-го, 3-го и 4-го баталіоновъ. Изъ 1421-го нижняго чина запаса назначеннаго въ полкъ прибыло всего 1295-ть человѣкъ, а 126 человѣкъ не явилось по разнымъ причинамъ. Изъ нихъ оставлено въ госпиталяхъ: владикавказскомъ 35 человѣкъ, гудомакарскомъ 4, душетскомъ 2, тифлисскомъ 38, делижанскомъ

1421 чинъ.

15, каракликскомъ 3, ряжскомъ 2, городищенскомъ 1 и козловскомъ 4 человѣка.

Самовольно отлучилось, разновременно, 18 человѣкъ.

Вмѣстѣ съ записными въ полкъ прибыло 100 человѣкъ на укомплектованіе дивизіоннаго лазарета, изъ коихъ 35 человѣкъ остались въ полку. Людямъ состоящимъ въ подвижномъ лазаретѣ, приказано носить форму своихъ полковъ; они считались въ командировкѣ.

Такъ какъ числительность ротъ значительно увеличилась, то, во избѣжаніе тѣсноты въ помѣщеніяхъ, были заняты запасныя деревни, а именно: 6-я рота, съ баталіонной учебной командой, стала въ Качаганѣ, а 1-я стрѣлковая рота—въ Сиптахѣ (48).

18-го декабря мобилизація полка объявлена вполнѣ окончательной и немедленно приступлено къ обученію нижнихъ чиновъ, а также болѣе тщательной пригонкѣ мундирной одежды, амуниціи, обуви и проч.

Приказъ по полку за № 352, подробно указывалъ средства и пріемы, необходимые для всесторонней подготовки чиновъ запаса къ строевой службѣ и выступленію въ походъ.

Основываясь на изложенномъ выше, роты приступили безъ замедленія къ приведенію обуви нижнихъ чиновъ запаса въ надлежащую годность и исправность.

Такъ какъ, всѣмъ безъ исключенія людямъ полагалось имѣть двѣ пары сапогъ, то, для ускоренія этой работы, сапожниковъ въ ротахъ уровняли, освободивъ ихъ отъ нарядовъ и всѣхъ служебныхъ обязанностей.

Сшитыя впродолженіи недѣли сапоги, по воскресеньямъ, новобранцы унтеръ-офицеры представляли на смотръ ротнымъ командирамъ слѣдившимъ за доброкачественностью работы и за тѣмъ, чтобы не было высокихъ каблуковъ.

Въ тоже время, во всѣхъ ротахъ открыты были швальни, въ которыхъ дѣятельно занимались постройкой, а также пригонкой мундирной одежды.

Кромѣ того, ротамъ пришлось приладить вновь амуницію, вычернить сапоги, понашить, кому слѣдовало, отличія, галуны, тесь-

му за безпорочную службу, басоны и проч.

Главное же вниманіе, обращено было на приготовленіе людей къ зимней экспедиціи и, въ данномъ отношеніи, приказами по полку сдѣланы безчисленныя указанія.

Поэтому, ротные командиры неусыпно заботились, чтобы у всѣхъ нижнихъ чиновъ непремѣнно были заведены: теплыя перчатки, наушники и портянки; для послѣдней надобности пріобрѣталось плотное молоканское сукно.

Въ свою очередь, высшее начальство принимало тоже рядъ мѣръ, чтобы снабдить войска теплой одеждой и обувью.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, напримѣръ, отпущено въ полкъ 1679 готовыхъ полушубковъ, но, къ сожалѣнію, весьма недоброкачественныхъ. Всѣ они оказались слишкомъ короткими и многіе, въ рукавахъ, не имѣли мѣха. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ наличные люди полка ходили зимою въ полушубкахъ, словомъ, имѣли теплую одежду.

Такъ какъ многіе чины запаса принесли съ собою хорошіе полушубки, то казна не замедлила ихъ пріобрѣсти въ собственность, покупкою, уплачивая за каждый исправный полушубокъ по три рубля серебромъ.

Также практически казна поступила и относительно собственныхъ сапогъ. По распоряженію интендантства, всѣ годные сапоги куплены были у чиновъ запаса, причемъ за пару сапогъ на двойной подошвѣ платили по 3 руб. 25 коп., а на ординарной—по 3 руб.

На обзаведеніе теплой обуви, всѣмъ войскамъ отпущено было по 50 коп. на человѣка.

Благодаря исчисленнымъ выше мѣрамъ, уже въ концѣ декабря, полкъ былъ вполнѣ готовъ къ зимнему походу.

На ряду съ экипировкой производились неутомимо, по два раза въ день, строевыя занятія съ нижними чинами запаса, по программѣ принятой для старослужащихъ. Трудъ этотъ былъ тяжелый, хлопотливый, но къ сожалѣнію не выдающійся, мало замѣтный.

Большинство прибывшихъ людей совсѣмъ забыли строевое образованіе, ихъ пришлось учить снова, начиная съ азбуки и кромѣ того, надо было ознакомить съ новымъ оружіемъ (19). Нижніе чины запаса были дурно дисциплинированы, распущены и не имѣли

никакой строевой подготовки (20).

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ, офицерамъ и кадрамъ пришлось много работать, и работать не на шутку. Подготовка чиновъ запаса къ сомкнутому строю, составляла второе, главнѣйшее затрудненіе мобилизаціи.

По совѣсти, безъ преувеличенія, можно сказать, что ротные командиры имѣли далеко меньше возни съ новобранцами, чѣмъ съ чинами запаса. Даже унтеръ-офицеры запаса, были большею частью неучи.

По штатамъ военнаго времени въ каждой ротѣ полагалось имѣть 20 человѣкъ унтеръ-офицеровъ, а такъ какъ ихъ прибыло 145 человѣкъ сверхъ комплекта, то излишнихъ приказано было ставить въ строй за рядовыхъ, но на службу и наряды они посылались какъ унтеръ-офицеры и носили отличія, присвоенныя этому званію.

Съ нижними чинами запаса пришлось зимою, невзирая на снѣгъ и морозы, пройти курсъ стрѣльбы (21). Для прохожденія курса, отпущено было по 20 патроновъ на каждую винтовку (кадры въ этотъ счетъ не входили, они вовсе не стрѣляли). Сначала предписано было отстрѣляться на 100, 200 и 400 шаговъ, впослѣдствіи же количество патроновъ добавили и, явилась возможность пострѣлять и на дальнія разстоянія.

Но и этого было мало и ротные командиры жаловались, что стрѣльба вообще слаба, а отпускъ патроновъ крайне ограниченъ.

И такъ, мы видимъ, что дѣятельность командира полка и всѣхъ офицеровъ направлена была къ возможно быстрой подготовкѣ людей къ строю и зимнему походу. Хотя зимняя экспедиція среди пустынь, холодовъ и вьюгъ карской области, была бы весьма рискованнымъ предпріятіемъ, тѣмъ не менѣе, невзирая на серьезныя затрудненія, она могла состояться. Это доказывается различными предостереженіями, приказами и распоряженіями старшихъ начальниковъ.

Въ половинѣ декабря, напримѣръ, командиръ полка получилъ, отъ начальника дивизіоннаго штаба, слѣдующее письмо:

«Увѣдомляю васъ о возможности движенія отряда въ азіатскую Турцію около 1-го будущаго января. По порученію начальника

дивизіи, прошу зависящаго распоряженія по нижеслѣдующему:

1) Всѣ излишнія состоящія при полку тяжести, теперь же отправить въ Александрополь, такъ, чтобы полкъ могъ выступить въ походъ тотчасъ, по полученіи приказанія.

2) Провіантъ полкъ долженъ требовать изъ магазина только по 1-е января, затѣмъ же, еслибы полкъ оставался на мѣстѣ, требовать неболѣе каждый разъ, какъ дня на два.

3) Всѣхъ лошадей, какъ казенныхъ, такъ и офицерскихъ, начать теперь же выводить на открытый воздухъ, сначала на часъ вечеромъ, а затѣмъ, постепенно увеличивая количество времени, дойти до полнаго пріученія ихъ къ ночному холоду (22).

4) Призывныхъ, возможно болѣе, занимать прицѣлкой, пройдя въ тоже время, опредѣленныя три стрѣльбы съ ними. Затѣмъ, вообще Его Сіятельство желаетъ, чтобы въ полкахъ, главнымъ образомъ занимались ротными и баталіонными ученьями, обративъ особенное вниманіе на разсыпной строй, добиваясь сознательнаго пониманія духа его, нетолько г. г. офицерами, но и всѣми нижними чинами. Подлинникъ подписанъ, генеральнаго штаба полковникомъ, Немировичемъ-Данченко, 14-го декабря 1876-го года, въ Александрополѣ».

Командующій корпусомъ, въ приказѣ отъ 14-го декабря за № 22, напоминая начальникамъ частей, чтобы непремѣнно пріучали лошадей къ саману и холоду, добавлялъ:

«Если въ дѣйствительности зимнія движенія и дѣйствія будутъ имѣть мѣсто и при этомъ будетъ оказываться недостаточное подготовленіе къ нимъ лошадей, то такое обстоятельство отнесется къ совершенному нерадѣнію частныхъ начальниковъ и, виновные будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности».

Слѣдовательно зимняя экспедиція представлялась болѣе чѣмъ вѣроятной и, исполняя строго приказы, начальники частей нетолько пріучали лошадей къ холоду и зимнимъ невзгодамъ, но и спѣшили избавиться отъ лишнихъ тяжестей, чтобы въ требуемую минуту можно было выступить въ походъ, безъ замедленія (23).

Однако, отправка тяжестей и излишка вещей, иногда вредно отзывалась на хозяйствѣ полка. Самый крупный ущербъ нанесенъ

полку, отправкой въ Александрополь мундировъ втораго срока, а также солдатскихъ вещей: бѣлья, сапожнаго товара и проч. Люди за зиму порядкомъ обносились и за вещами, потомъ, пришлось отправлять нарочныхъ въ Александрополь, что было несовсѣмъ удобно.

Весь вещевой излишекъ, зашитый въ мѣшки, съ надписанной на нихъ фамиліей собственника, сваленъ былъ въ тѣсномъ цейхгаузѣ, а такъ какъ посылались только нѣсколько человѣкъ заразъ, то часто не находили необходимыхъ вещей, да и вообще происходила путаница.

Несмотря на полную готовность къ походу, распоряженіе о выступленіи не приходило. Полкъ спокойно продолжалъ занятія и снаряженіе; все, повозможности, приводилось въ надлежащую исправность.

19-го декабря объявлено было перемиріе между Турціей и Сербіей, по 18-е января 1877 года.

Казалось, будто политическій горизонтъ понемногу прояснялся, но не такъ было на самомъ дѣлѣ!

Впрочемъ, мы видѣли выше, что приготовленія къ войнѣ не ослабѣвали ни на минуту и многочисленныя указанія и мѣры относительно похода и войны смѣнялись одни другими. Такъ напримѣръ, по распоряженію командующаго дѣйствующимъ корпусомъ, всѣмъ частнымъ начальникамъ, до ротныхъ командировъ включительно, выданы были пятиверстныя карты тѣхъ районовъ, гдѣ предстояло вѣроятіе дѣйствовать войскамъ. Въ полки прислали также брошюры и книжки: 1) «Спутникъ русскаго солдата въ походахъ по Турціи», заключавшій необходимыя слова и фразы, напечатанные русскими буквами и 2) «Деньги, вѣсы и мѣры эрзерумскаго вилайета».

Кромѣ того, баталіонныхъ командировъ снабдили двадцативерстными картами, съ обозначенными на нихъ сѣверовосточными областями Турціи. Затѣмъ, командиры полковъ получили описаніе, планы и профили укрѣпленій Карса, Эрзерума и Ардагана. Офицеры побаталіонно знакомились съ этими важными пріобрѣтеніями.

Вскорѣ привезли въ полкъ 20-ть кибитокъ, по одной на каждую роту и по одной на баталіонъ для офицеровъ. Кибитки присланы были для того, чтобы люди выучились обращаться съ ними,

Каждая кибитка вѣсила 16-ть пудовъ, вчетверо больше палатки. Въ кибиткахъ могло размѣщаться до сорока человѣкъ.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна, 26-го декабря, изволила прислать для всѣхъ офицеровъ сумки для перевязки раненыхъ. Въ сумкахъ помѣщались: кровоостанавливающая вата, бинты, буланки, холодный компрессъ и косынка, на которой изображены были главнѣйшіе виды перевязки.

28-го декабря проѣзжалъ черезъ Амамлы въ Тифлисъ, Его Высокопревосходительство, командующій корпусомъ и объявилъ, что война неизбѣжна, а можетъ быть даже объявлена.

2-го января 1877-го года командиръ полка получилъ отъ генералъ-маіора Зедергольма письмо и подлинную телеграмму начальника дивизіи. Оба документы имѣютъ значительный интересъ, поэтому прилагаемъ ихъ безъ сокращеній.

Телеграмма изъ Тифлиса. Въ Караклисъ, командиру 2-й бригады.

«Смотра не будетъ. Лишнія тяжести стягивать Александрополь. Быть совершенно готовыми къ выступленію, здѣсь, я распоряжусь. Князь Тархановъ». Января 1-го, 6-ть часовъ пополудни»,

А генералъ Зедергольмъ писалъ слѣдующее:

«Нужно, стало быть, распорядиться по первому приказанію выступить; для этого прошу теперь же, безъ особеннаго спѣха, приказать: 1) роздать людямъ патроны т. е. по 60-ти на человѣка, 2) начать укладку фургоновъ и повозокъ, 3) уложить аптеку, 4) лишнія вещи отправить въ Александрополь, но такъ какъ вашъ лагерь и сухари тамъ, то можетъ быть и не будетъ надобности высылать обозъ въ Александрополь; на возвращеніе коего потребуется не менѣе 4-хъ дней, 5) занятія съ запасными продолжать, 6) удостовѣриться, имѣютъ ли всѣ люди теплыя портянки и соотвѣтственно распорядиться, 7) привести ротный обозъ въ совершенный порядокъ и возможность выступить и 8) никого не увольнять въ отпускъ. Подписано: Зедергольмъ».

На другой день всѣ эти приказанія были исполнены; вещи

фургоны уложены. Казалось война уже объявлена, но и на этотъ разъ все обошлось благополучно и, вмѣсто похода полкъ инспектировали сначала командиръ полка, а 1-го февраля—командиръ бригады.

Результаты смотра оказались превосходными, полкъ былъ исправенъ во всѣхъ отношеніяхъ и готовъ вполнѣ къ выступленію.

Между чинами запаса обнаружился значительный процентъ слабосильныхъ и больныхъ хроническими болѣзнями. Изъ медицинскихъ отчетностей командующій корпусомъ усмотрѣлъ, что въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ и при частяхъ войскъ находится много больныхъ, страждущихъ хроническими болѣзнями, неподающихъ надежды на выздоровленіе, почему, приказомъ по корпусу за № 36-мъ, 1877-го года, предписано начальникамъ отдѣльныхъ частей и госпиталей къ исполненію нижеслѣдующее:

«1) Сдѣлать распоряженіе, чтобы оказавшіеся по врачебномъ осмотрѣ какъ въ частяхъ войскъ, такъ и въ госпиталяхъ неспособные нижніе чины были безотлагательно подвергнуты освидѣтельствованію, которое надлежитъ производить со строжайшею разборчивостью и справедливостью, порядкомъ опредѣленнымъ приказомъ по военному вѣдомству отъ 24-го марта 1875-го года, и приложенными къ этому приказу временными правилами (п. 8-й и 97-й).

2) Неспособныхъ, найденныхъ при освидѣтельствованіи подлежащими увольненію въ отпускъ, или вовсе отъ службы, немедленно отправлять по назначенію».

Вслѣдствіе этого приказа, начальники частей получили право, безъ излишней переписки и проволочекъ, увольнять на родину слабосильныхъ. Мѣра въ высшей степени цѣлесообразная и необходимая, такъ какъ ею сразу устранялся изъ арміи весь слабосильный, неспособный элементъ, затрудняющій и стѣсняющій войска.

Однако война не была объявлена зимою и войска за это время успѣли вполнѣ обучиться, снарядиться и приготовиться къ предстоящимъ трудамъ и лишеніямъ.

Мы забыли упомянуть, что всѣмъ людямъ, безъ исключенія, во время зимы привита была постепенно оспа.

Въ продолженіи поста люди оттовѣли и встрѣтили день Свѣт-

лаго Христова Воскресенія—по издревле заведенному обычаю.

Командиръ полка пригласилъ къ себѣ на розговѣнье всѣхъ офицеровъ и радушно угостилъ своихъ подчиненныхъ. Присутствовавшіе веселились непритворно, сохранивъ объ этомъ праздникѣ самыя пріятныя воспоминанія.

Вскорѣ послѣ Пасхи вытребованы были экстренными телеграммами офицеры, находившіеся гдѣ либо въ отпуску, а 2-го апрѣля полкъ выступилъ двумя эшелонами въ общій лагерь.

Первый и второй баталіоны ночевали въ Ахъ-Булахѣ.

3-го апрѣля весь полкъ соединился въ селеніи Кунахъ-Кранъ и, подъ начальствомъ полковника Ридигера, тифлисцы вступили въ лагерь, расположенный около деревни Дагарли.

ГЛАВА III.

Общій лагерь между селеніями Дагарли и Баяндуромъ. Вторичный пріѣздъ Его Высочества Главнокомандующаго арміею въ Александрополь. Наканунѣ великихъ событій; объявленіе войны и выступленіе главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса за границу. Въ предѣлахъ азіятской Турціи. Лагерь въ Заимѣ. Поиски нашей кавалеріи. Пѣхота дѣйствуетъ безъ выстрѣла. Приказъ по корпусу. Секретное распоряженіе и выступленіе въ Ардаганъ.

Дагарлинскій лагерь устроивали на мирную ногу, но предосторожности и мѣры охраненія его предпринимались почти боевыя. Ночью, къ берегамъ Арпачая, высылали секреты, въ каждомъ полку назначалась дежурная рота, спавшая въ палаткахъ, нераздѣвшаяся, вполнѣ готовая, по первому сигналу, выбѣжать на тревогу.

Боевые патроны находились у людей на рукахъ. Въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ ружья стояли въ козлахъ на линейкахъ, при нихъ—днемъ, ходили часовые, а ночью—приставлялся ефрейторскій караулъ.

Всѣмъ частямъ строго предписывалось находиться въ полной готовности къ выходу на тревогу, сигналомъ къ которой послужатъ:

«три ракеты и три залпа сдѣланные дежурной батареей». Одиночныя отлучки воспрещались.

Г.г. офицерамъ велѣно послѣ зари быть непремѣнно на своихъ мѣстахъ. По ночамъ лагерное мѣсто охраняли конные разъѣзды и пѣшіе патрули. Словомъ, это была уже не мирная стоянка въ виду пограничныхъ, дружескихъ сосѣдей, а угрожающая готовность, лицомъ къ лицу съ исконнымъ врагомъ.

Два или три дня посвятили устройству лагеря, совпадавшаго, повидимому, на продолжительное время.

Въ это же время офицеры занимались обзаведеніемъ обоза на фуражныя деньги, ассигнованныя казною. Въ каждый баталіонъ отпускалось довольствіе на одиннадцать лошадей, т. е. три лошади полагались баталіонному командиру, врачу и баталіонному адъютанту, и четыре лошади на каждыя двѣ роты; кромѣ того полагались двѣ тройки для полковаго штаба. Такимъ образомъ, для поднятія офицерскихъ вещей, въ полку слѣдовало имѣть 52 лошади. Конструкція офицерскаго обоза не была опредѣлена никакими указаніями; можно было заводить разныхъ типовъ повозки и даже имѣть вьючныхъ лошадей. Отпускъ фуражныхъ денегъ начался съ 15-го ноября 1876-го года и оканчивался лишь съ прекращеніемъ прочихъ довольствій по военному времени.

Выдача такого значительнаго количества фуражныхъ была разрѣшена войскамъ только въ мартѣ и, 8-го апрѣля, въ полкъ прислали сразу 2853 рубля 24 копѣйки т. е. всю сумму, причитавшуюся съ 15-го ноября по 1-е апрѣля включительно.

Примѣрная смѣта показала, что денегъ этихъ не хватитъ на устройство обоза и потому по распоряженію командира полка, прибавили еще 600 руб. изъ суммъ, ассигнуемыхъ казной ежегодно на улучшеніе быта офицеровъ.

Такимъ образомъ, каждому баталіону отпущено было 863 руб. 29 коп. серебромъ.

Поименованныя деньги выдали подъ росписку и отвѣтственность баталіонныхъ командировъ, съ тѣмъ, чтобы въ баталіонахъ завести достаточное количество перевозочныхъ средствъ, необходимыхъ для поднятія офицерскихъ вещей.

На бѣду, обозомъ пришлось обзаводиться спѣшно, чуть не наканунѣ выступленія, а потому фургоны и повозки пріобрѣтались безъ разбора, всякіе какіе только попадались подъ руку.

Хозяева фургоновъ, видя затруднительное положеніе офицеровъ, набавили цѣну, такъ что, плохой подержанный фургонъ съ четверикомъ лошадей стоилъ немнѣе 500 руб., а маломальски новый, съ хорошей четверной запряжкой, нельзя было пріобрѣсти менѣе чѣмъ за 800 или 1000 руб. т. е. ровно вдвое дороже противъ того, какъ было до войны.

Вслѣдствіе сказаннаго, офицеры накупили кое какихъ повозокъ; одинъ только четвертый баталіонъ составлялъ исключеніе, успѣвъ пріобрѣсти до войны прочный фургонъ съ четверкой крѣпкихъ лошадей, благодаря заботамъ командира баталіона маіора Суликова.

Дурное качество обоза обнаружилось немедля съ переходомъ границы; офицерскія повозки постоянно ломались, а во время похода къ Ардагану почти весь обозъ разсыпался, пришлось его исправлять и даже заводить вновь. Поэтому, частенько офицеры оставались безъ необходимыхъ вещей. Не бѣдствовали только офицеры 4-го баталіона и, за свою предусмотрительность, были вполнѣ вознаграждены.

Вообще, офицерскій обозъ составлялъ больную сторону полкового хозяйства и въ будущемъ слѣдуетъ избѣжать подобной ошибки.

4-го апрѣля, около шести часовъ пополудни, въ крѣпости послышались пушечные выстрѣлы; то была салютаціонная пальба, которой привѣтствовали Его Высочество Главнокомандующаго, прибывшаго вторично въ Александрополь.

Понятно, что войска съ нетерпѣніемъ ждали Августѣйшаго Посѣтителя. Всѣмъ надоѣло жить въ тоскливой неизвѣстности и каждому человѣку хотѣлось поскорѣе приподнять завѣсу, скрывавшую будущность.

Войска съ рвеніемъ стали приготовляться къ предстоявшему смотру; 6-го—послѣдовало распоряженіе перевезти поспѣшно въ лагерь боевые комплектные патроны, также восьмидневный сухарный провіантъ и уложить все на фургоны.

7-го апрѣля въ одинадцать часовъ утра, войска дагарлинска-

го отряда, построившись въ шесть линій, вмѣстѣ съ обозами и артилеріей, въ полномъ порядкѣ ожидали Главнокомандующаго. Ровно въ 11¾ утра показался Государь Великій Князь, окруженный многочисленной свитой.

Объѣхавъ войска, при громкихъ, неумолкаемыхъ крикахъ, «ура», Его Высочество остановился впереди гренадеръ и вызвалъ на середину всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

Главнокомандующій обратился къ собравшимся офицерамъ съ краткою рѣчью. Общій смыслъ ея заключался въ томъ, что Онъ вполнѣ увѣренъ въ молодецкихъ войскахъ и, что мы съ достоинствомъ сумѣемъ, въ случаѣ если бы того потребовали обстоятельства, сложить свои головы и пролить кровь за славу Великаго Государя и за честь Россіи.

Къ каждому роду оружія Его Императорское Высочество обращался отдѣльно, напоминая вкратцѣ подвиги и незабвенныя доблести предшественниковъ.

Затѣмъ, Главнокомандующій приказалъ сказанныя имъ слова передать сейчасъ же нижнимъ чинамъ.

Едва офицеры успѣли исполнить это приказаніе, какъ вдругъ, мгновенно, все мертвое поле огласилось задушевными кликами «ура»!

Энтузіазмъ овладѣлъ массой войскъ, у многихъ на глазахъ блестѣли слезы и, восторженные крики, громкими перекатами, долго, долго, потрясали воздухъ.

Когда, наконецъ, по мановенію Главнокомандующаго, снова воцарились тишина и порядокъ, тогда начался церемоніалъ.

Проходили сначала повзводно (пополуротно) затѣмъ сомкнутыми колоннами.

Грозная, внушительная масса войскъ, двигалась бодро, въ величайшей тишинѣ, съ замѣчательною стройностью (34).

Смотръ прошелъ блистательно, окончившись около 3-хъ часовъ пополудни.

Его Императорское Высочество искренно благодарилъ начальниковъ частей за все видѣнное и закончилъ свой разговоръ знаменательными словами:

«Если господа съ такими войсками мы не побѣдимъ, то въ

этомъ будутъ виноваты не они, а мы съ Вами!»

Затѣмъ, Главнокомандующій изволилъ отправиться на завтракъ, предложенный Ему старшими начальниками дагарлинскаго лагеря. На завтраку были приглашены начальники отдѣльныхъ частей и батальонные командиры полковъ гренадерской дивизіи.

Во время завтрака, играли поочередно четыре хора музыки и ухорски гремѣли нѣсколько группъ ротныхъ пѣсенниковъ.

Завтракъ чрезвычайно оживлялся тостами и рѣчами, изъ послѣднихъ особенно глубоко подѣйствовало слово командующаго корпусомъ, до слезъ растрогавшее присутствовавшихъ.

Въ концѣ завтрака Его Высочество вышелъ изъ намета со стаканомъ въ рукахъ и, обращаясь къ тысячамъ солдатъ окружившимъ толпою шатеръ, произнесъ:

«За здоровье моихъ дорогихъ солдатъ».

Затѣмъ выпилъ стаканъ до дна и бросилъ его вверхъ.

При прощаньи, Главнокомандующій пожелалъ войскамъ быть черезъ мѣсяцъ какъ можно дальше и дальше за границей.

Въ день 7-го апрѣля Государь Императоръ тоже изволилъ смотрѣть войска въ Кишеневѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, что Россія была наканунѣ великихъ событій, вопросъ заключался лишь во времени и близокъ былъ прологъ грандіозной драмы.

Послѣ 7-го апрѣля, всѣ дни войска отдыхали и приготовлялись къ походу. Мѣры охраненія лагеря стали строже: караулы усилили, а ночью высылалась сторожевая цѣпь, гдѣ часовые стояли въ ста шагахъ другъ отъ друга.

И снова въ лагерѣ наступило продолжительное мирное затишье и однообразіе. Какъ-то пронеслись было слухи, будто турки хотятъ сдѣлать нечаянное нападеніе на дагарлинскій лагерь, но басенъ и вымысловъ разсказывалось такъ много, что этой новости никто не вѣрилъ.

11-го апрѣля войска, по обыкновенію, занимались ученьями. Въ памятный тотъ день въ тифлисскомъ полку утромъ и вечеромъ производились ротныя ученья.

Послѣ вечерней зари строго воспрещалось шумѣть и пѣть,

поэтому люди улеглись пораньше.

Около одиннадцати часовъ, вѣсть о переходѣ за Арпачай, съ быстротою молніи, разнеслась по лагерю, который моментально зашевелился и все живое было на ногахъ.

Вскорѣ послышались топотъ лошадей и бряцанье оружія; то наша кавалерія проходила мимо лагеря, совершать захватъ турецкихъ кордонныхъ постовъ.

Война была объявлена!

Странно, но подобная важная новость встрѣчена была гораздо спокойнѣе, и съ меньшимъ удивленіемъ, чѣмъ извѣстіе, полученное на Карабулахѣ, о мирномъ передвиженіи въ Александрополь. Впрочемъ, подобное явленіе весьма понятно! Войска были готовы, давно ожидая рѣшительнаго часа, безповоротнаго шага.

Собравшіяся кучки солдатъ и офицеровъ говорили тихо, нигдѣ не замѣчалось суеты, торопливости и бѣготни, хотя не многимъ пришлось заснуть въ эту памятную ночь, такъ какъ всѣмъ надо было уложиться и приготовиться въ дальній путь.

Вообще новость объ объявленіи войны слетѣла какъ-то, сразу, нечаянно. Многіе не предвидѣли ее. Правда, нѣкоторые офицеры знали, что около девяти часовъ вечера потребовали всѣхъ командировъ полковъ въ палатку временнокомандующаго дивизіей, но цѣли для которой собирались начальники никто не зналъ. Между тѣмъ, генералъ-маіоръ Зедергольмъ передалъ приказаніе, чтобы они приготовили свои части къ выступленію за границу 12-го апрѣля въ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра. Къ означенному времени, войска должны были выстроиться покоемъ у селенія Баяндуръ и ожидать прибытія командующаго корпусомъ, въ присутствіи котораго должно было быть отслужено напутственное молебствіе. Кромѣ этихъ приказаній другихъ не послѣдовало. Нѣсколько дней уже полки были готовы, патроны и провіантъ уложенъ, оставалось только запречь лошадей и убрать палатки.

12-го апрѣля, къ 7-ми часамъ утра, войска построились покоемъ на лѣвомъ флангѣ снятаго лагеря.

Накрапывалъ мелкій дождь, горизонтъ заволокло тучами, небо было мрачно и суровый оттѣнокъ имѣли лица людей, готовившихся къ серьезному дѣлу.

Говоръ по рядамъ раздавался сдержанный, тихій, веселью и шуткамъ не было мѣста. Среди покоя, стоялъ аналой и священникъ лейбъ-эриванскаго полка въ полномъ облаченіи ожидалъ прибытія начальника.

Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ не заставилъ себя ждать, онъ вскорѣ пріѣхалъ, сейчасъ же вызвалъ на середину всѣхъ офицеровъ и передалъ въ нѣсколькихъ словахъ, что война объявлена и, черезъ часъ или два, отрядъ перейдетъ границу. Затѣмъ, командующій корпусомъ обратившись къ войскамъ, сказалъ глубоко прочувствованнымъ голосомъ, что онъ вполнѣ увѣренъ, что мы не посрамимъ нашихъ знаменъ и всѣ, если придется, костьми ляжемъ за Батюшку Царя и за славу Матушки Россіи.

Страшное, оглушающее «ура» пронеслось вслѣдъ за словами начальника.

Торжественно раздались звуки народнаго гимна и цѣлые баталіоны, надѣвъ шапки на ружья, потрясали ими надъ головами. Экстазъ и воодушевленіе овладѣло войсками до такой степени, что положительно не было средствъ унять людей.

Кто видѣлъ войска въ эту историческую минуту, тотъ ни на мгновеніе не усомнился въ успѣхѣ; побѣда написана была на лицахъ солдатъ.

Наконецъ, когда послѣ не малого труда успокоили людей, генералъ-маіоръ Духовской прочиталъ среди глубокой тишины, слѣдующій приказъ по корпусу:

«По волѣ Государя Императора и распоряженію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею, войска ввѣреннаго мнѣ корпуса, вступаютъ въ предѣлы азіятской Турціи.

Войска дѣйствующаго корпуса! Воля Государя, честь и достоинства Россіи требуютъ, чтобы, съ занятіемъ нами турецкихъ провинцій, спокойствіе среди населенія утверждалось прочно.

Никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не долженъ поднимать оружія на жителей, покоряющихся нашей власти, безплатно пользоваться имуществомъ жителей, въ чемъ бы оно ни состояло и къ какому бы вѣроисповѣданію и къ какой бы національности жители не принадлежали.

Врагами нашими будутъ лишь поднимающіе оружіе, на защиту турецкаго правительства, вмѣстѣ съ турецкими войсками.

Участники прежнихъ войнъ, воспитанные въ бояхъ начальники, укажутъ молодымъ путь, по которому вели ихъ въ свое время боевые руководители. Нижніе чины частей войскъ, заслужившихъ въ прежнихъ войнахъ геройскими подвигами безсмертную славу, нынѣ подъ тѣми же знаменами сдѣлаютъ все, чтобы слава эта росла и крѣпла, и чтобы каждый изъ нихъ терпѣливою, честною, молодецкою службою—удостоился милостиваго благоволенія Государя Императора, Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею, благодарной гордости начальства и благословенія всѣхъ русскихъ людей».

Его Императорское Высочество Главнокомандующій арміею, въ тотъ же день, издалъ приказъ по кавказскому военному округу за № 79, который былъ объявленъ въ отрядѣ нѣсколькими днями позже:

«Войска кавказской арміи.

Державная воля Государя Императора призываетъ васъ нынѣ, къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства нашего отечества.

За вами—славное прошлое кавказскихъ войскъ, передъ вами—поля и твердыни обагренныя кровью вашихъ отцовъ и братій.

Впередъ! съ Богомъ за родину и Великаго Государя!»

Когда генералъ-маіоръ Духовской окончилъ чтеніе приказа по корпусу, барабанщики и горнисты проиграли на молитву и, началось священнодѣйствіе. Молились всѣ горячо, искренно, поручая себя волѣ Всевышняго. Казалось, каждый человѣкъ сосредоточился въ самомъ себѣ. Отъ мала до велика, всѣ сознавали величіе переживаемой минуты. Многіе солдаты, не обращая вниманія на присутствіе старшихъ начальниковъ, выходили изъ рядовъ и, окружая священника, набожно молились на колѣняхъ.

Послѣ общаго колѣнопреклоненія и окропленія святою водою, войска съ музыкой тронулись въ путь, откуда многимъ, многимъ не суждено было вернуться. Все это произошло такъ просто и

такъ высокоторжественно!

Въ Баяндурѣ, вслѣдствіе переправы черезъ мостъ, произошла небольшая остановка. Въ этой деревнѣ, первый разъ, войска увидѣли плѣнныхъ турокъ, захваченныхъ нашей кавалеріей.

Черезъ Арпачай войска переходили по козловому Каппелевскому мосту, наведенному немного ниже Баяндура.

На турецкомъ берегу, стоялъ съ крестомъ и хоругвями греческій священникъ, старикъ почтенной наружности, напѣвавшій молитвы и кропившій солдатъ святою водою. Глядя на него, солдаты набожно крестились и прикладывались къ иконамъ.

Тифлисскій полкъ вступилъ на турецкій берегъ около 12-ти часовъ утра (**). Вблизи деревни Башъ-Шурагель, напротивъ развалинъ древней башни, отряду пришлось совершить очень трудную переправу черезъ рѣчку Караханъ-чай.

Было половодье и рѣка до того стремительно катила бушующія волны, что мингрельцы, прибывшіе первыми, не рѣшались пуститься въ бродъ.

Потребовали у жителей арбы и на нихъ начали переправлять людей, а такъ какъ каждая арба поднимала около пяти человѣкъ, арбъ же было всего 10-ть, то переправѣ не предвидѣлось конца.

Командующій дивизіей былъ въ крайнемъ затрудненіи и послалъ донесеніе, что дивизія въ этотъ день, вѣроятно, не успѣетъ переправиться, если не пришлютъ Каппелевскаго моста.

Вскорѣ весь отрядъ подошелъ къ берегу рѣки и стоялъ въ ожиданіи.

Въ продолженіи двухъ часовъ едва переправились три баталіона мингрельцевъ. Вслѣдствіе этого, нѣсколько офицеровъ тифлисскаго полка принялись искать бродъ пониже переправы.

Бродъ былъ найденъ и первымъ переѣхали его штабсъ-капитанъ князь Аргутинскій-Долгорукій, затѣмъ маіоръ Суликовъ и поручикъ Сагиновъ.

Испрося разрѣшеніе перейти рѣчку въ бродъ, полковникъ Ридигеръ немедленно двинулъ полкъ къ броду. Люди сняли сапоги и панталоны и, несмотря на холодную воду, на стремительность теченія, смѣло пошли въ бродъ, находясь почти по поясъ въ водѣ. Въ

нѣсколько минутъ полкъ былъ на другой сторонѣ.

Примѣръ тифлисцевъ увлекъ остальные полки; арбы были брошены, и черезъ полчаса вся пѣхота перешла рѣчку.

Но нетакъ легко было справиться съ обозами, лошади упрямились, повозки погружались выше колесъ, но всетаки, сравнительно, обозъ тифлисскаго полка переправился очень удачно и пришелъ на ночлегъ первымъ. Хотя переходъ былъ довольно трудный, тѣмъ не менѣе въ обозѣ обошлось безъ поломокъ, лопнулъ только одинъ тяжъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ переправы, въ деревнѣ Тихнисъ, былъ назначенъ первый бивуакъ, куда войска прибыли около пяти часовъ пополудни. Бивуакъ выбранъ былъ удачно, на хорошей равнинѣ, тыломъ къ Караханъ-чаю.

На аванпосты выслали отъ полка двѣ роты, 2-ю и 4-ю стрѣлковую; одна—составила сторожевую цѣпь, а другая—ея резервъ, въ лагерѣ былъ назначенъ дежурный баталіонъ.

Ночью былъ полученъ въ полку слѣдующій приказъ по дивизіи:

«13-го сего апрѣля, полкамъ дивизіи съ ея артилеріею передвинуться отъ селенія Тихнисъ къ селенію Аргина, на рѣкѣ Карсъ-чаѣ.

Въ авангардѣ пойдетъ 1-я сотня волгскаго полка (оставивъ 10-ть человѣкъ для разсылокъ при мнѣ), два баталіона мингрельскаго полка и 6-я батарея, подъ начальствомъ полковника князя Мухранскаго. Главныя силы, въ полуверстномъ разстояніи, слѣдуютъ за авангардомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: два баталіона мингрельскаго полка, 5-я и 4-я батареи, тифлисскій полкъ, два баталіона грузинскаго полка, 3-я, 2-я и 1-я батареи, остальные два баталіона грузинскаго и три баталіона эриванскаго полка. Въ 500-хъ шагахъ отъ колонны слѣдуетъ обозъ, подъ прикрытіемъ одного баталіона эриванскаго полка.

Обозъ 1-го разряда, неболѣе, какъ по одному патронному ящику и по одному офицерскому фургону на баталіонъ, денежные ящики и лазаретныя фуры по одной на полкъ, долженъ слѣдовать за своими частями непремѣнно.

Авангардъ выступаетъ въ 9-ть часовъ утра, причемъ всѣ вой-

ска дивизіи до выступленія должны имѣть ранній обѣдъ.

Я буду находиться въ головѣ главныхъ силъ. Роту эриванскаго полка, оставленную у рѣки Арпачая, притянуть къ своему полку. Къ 8-ми часамъ утра выслать въ селеніе Молла-муса, въ главную квартиру корпуса по одному ординарцу отъ каждой пѣхотной части и кавказской гренадерской артилерійской бригады, которымъ передъ отъѣздомъ, въ 6-ть часовъ утра, явиться въ штабъ дивизіи.

Командованіе 2-й бригадой завѣдываемой мною дивизіи поручается командиру 15-го гренадерскаго тифлисскаго полка, полковнику Ридигеру. Подлинный подписалъ, завѣдывающій дивизіею, генералъ-маіоръ Зедергольмъ».

На основаніи этого приказа, войска выступили въ 7-мь часовъ утра и, сдѣлавъ семиверстный переходъ, къ полудню прибыли къ селенію Аргыня, населенному настоящими османлисами.

Бивуакомъ полкъ расположился на хорошемъ мѣстѣ, лицомъ къ Карсъ-чаю.

Всего лагеря не разбивали, а поставили только по двѣ солдатскихъ палатки въ каждой ротѣ.

14-го апрѣля, войска дневали около селенія Аргыня. Жители этой деревни, встрѣтили отрядъ весьма нерадушно и даже злобно; они заперли сакли и не хотѣли ничего продавать, отказываясь принимать русскіе кредитные билеты. Въ концѣ концовъ, жители пожаловались корпусному командиру, что солдаты ихъ ограбили.

Жалобы, конечно, были очень преувеличены и по разборѣ оказалось, что настоящими грабителями были александропольскіе армяне, слѣдовавшіе за отрядомъ съ цѣлью наживы.

Вслѣдствіе упомянутыхъ жалобъ, лагерь окружили стороженою цѣпью, за которую воспрещалось переходить.

Въ отрядѣ носился слухъ, что около Хаджи-Вали стоятъ 6-ть баталіоновъ турецкой пѣхоты съ артилеріей и, что войскамъ главныхъ силъ корпуса придется атаковать непріятеля.

Офицеры озабоченно посматривали на увеличивающуся прибыль воды, предвидя трудную переправу черезъ Карсъ-чай, потому что обѣщаннаго моста еще не было.

Вечеромъ командующій корпусомъ повѣрялъ казачьи посты и

объѣзжалъ лагерь, привѣтливо здоровался съ солдатами. Когда командующій корпусомъ проѣзжалъ линію аванпостовъ, стоявшій на посту казакъ принялъ конвой генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова за непріятеля. Казакъ сдѣлалъ выстрѣлъ и произвелъ въ лагерѣ тревогу, люди сами одѣлись и начали строиться.

16-го апрѣля, отрядъ получилъ приказаніе идти къ селенію Кизилъ-чахчахъ, а оттуда, переправясь у селенія Джамусли черезъ Карсъ-чай, направиться къ деревнѣ Палдыванъ. Движеніе шло медленно, впереди отряда проходила бригада 39-й дивизіи, поэтому войска часто останавливались. Около трехъ часовъ пополудни, отряду данъ былъ отдыхъ около селенія Джамусли, гдѣ черезъ Карсъ-чай наведенъ былъ мостъ Каппелевской системы. Едва люди успѣли составить ружья въ козлы, какъ приказано было снова строиться и, къ колоннамъ подъѣхалъ генералъ-лейтенантъ Гейманъ, назначенный начальникомъ пѣхоты главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса (**).

Здѣсь то войска въ первый разъ познакомились съ генераломъ, игравшимъ не маловажную роль въ исторіи кавказскихъ войскъ. Черезъ нѣсколько минутъ отрядъ выступилъ и, войска стали проходить по мосту съ пѣснями, подъ звуки музыки. Четыре хора гренадерскихъ полковъ играли поочередно славянскій маршъ. Командующій корпусомъ встрѣчалъ войска на другой сторонѣ моста, сидя на походномъ складномъ стулѣ. При приближеніи новой части, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ вставалъ и слышалось его обыкновенное, ласковое: «здорово ребятушки»! Солдаты шли бодро и отвѣчали молодцами. Къ 7-ми часамъ вечера отрядъ стянулся на ночлегъ и расположился между селеніями Кюрюкъ-дара, Палдыванъ и Инджи-дара.

Тифлисскій полкъ сталъ тыломъ къ послѣдней деревнѣ. Здѣсь, какъ и вездѣ, армяне встрѣтили войска привѣтливо, а въ самой деревнѣ, священникъ поднесъ командиру полка нѣчто въ родѣ адреса. Какъ замѣчательно оригинальный документъ помѣщаемъ его ниже, сохраняя безъ измѣненія слогъ и орѳографію.

«Милостивый Государь.

Съ давняго времени съ Бога свѣтъ свободы для христіанскаго

БИБЛ. ВОЕН.СЕК. В.И. ЛЕНИНА

народа, а почти съ четырехъ сотъ лѣтъ подъ властію Турціи, несетъ мученія тяжелые, въ церквахъ не могли христіанскій народъ ясно молиться Богу.

Пришло время свободы бѣдныхъ народовъ христіанъ. Послѣ этого, крестъ Христа нашего творца небу и земли свѣтится въ тѣхъ странахъ, гдѣ по причинѣ Турковъ крестъ нашего Спасителя осталось подъ земнымъ комнатамъ. Такъ такъ Ваше Превосходительство за всею сердцею прольете Вашу кровь за вѣру и мы съ Вамъ вмѣстѣ со всею душою и силою, день и ночь станемъ молиться Богу за побѣду. Хотя мы съ давнаго времени, имѣли желаніе зайдти подъ властью нашего Царя и Россійскаго Императора, но по разнымъ причинамъ не могли объявить любовь нашего сердца нашему милостивому Государю Императору. 14-го апрѣля». Внизу подписались на армянскомъ языкѣ три личности.

Безъ сомнѣнія такіе адресы поднесены были и другимъ начальникамъ.

15-го апрѣля, генералъ-маіоръ Комаровъ назначенъ командующимъ кавказскою гренадерскою дивизіею (27).

Наканунѣ, обозъ прибылъ ночью и 16-го апрѣля, лишь съ трудомъ, успѣли приготовить къ выступленію людямъ обѣдъ.

Въ Кюрюкъ-дара присоединились къ отряду, два полка 39-й пѣхотной дивизіи, изъ нихъ три баталіона дербентскаго полка съ батареей оставлены были, для прикрытія упомянутаго селенія, набраннаго главнымъ депо и складочнымъ мѣстомъ провіанта и прочихъ запасовъ.

Съ ночлега отрядъ началъ движеніе двумя колоннами: вторая кавказская гренадерская бригада, двѣ девяти фунтовыя батареи, одна четырехъ фунтовая батарея и двѣ сотни горско-моздокскихъ казаковъ, составляли главныя силы, при которыхъ находились всѣ обозы, ѣхавшіе по пяти и шести повозокъ въ рядъ; вторая колонна генералъ-маіора Комарова направлена была лѣвѣе; аріергардомъ командовалъ полковникъ Зеземанъ.

Первая колонна выступила изъ Кюрюкъ-дара въ 9-ть часовъ утра, (людямъ приказали имѣть въ карманѣ по фунту мяса);

въ главѣ колонны шелъ, подъ командою полковника Ридигера, авангардъ, состоявшій изъ 3-го и 4-го баталіоновъ тифлисскаго полка, двухъ батарей 39-й артилерійской бригады, и полусотни волгскихъ казаковъ. Впереди авангарда ѣхалъ генералъ-лейтенантъ Геймань, а около деревни Паргетъ авангардъ догналъ корпусный командиръ со своимъ конвоемъ. Около полудня въ деревнѣ большой Паргетъ войскамъ дали привалъ, затѣмъ отрядъ выступилъ въ указанномъ выше порядкѣ.

Такъ какъ движеніе войскъ было фланговое, то по пути слѣдованія соблюдались всевозможныя военныя предосторожности; пѣхота имѣла боковыя цѣпи, а кавалерійскіе разъѣзды тщательно рекогносцировали окрестныя деревни.

Верстахъ въ трехъ за Паргетомъ произошла тревога. Дѣло въ томъ, что впереди раздались ружейные выстрѣлы нашей кавалеріи, наткнувшейся на какихъ то непріятельскихъ всадниковъ. Третій и четвертый баталіоны побѣжали впередъ, артилерія пыталась выѣхать на позицію, но вскорѣ заблужденіе объяснилось и войска мирно продолжали движеніе. Подъ вечеръ отрядъ сразу остановился, люди присѣли и прилегли. Вскорѣ подъѣхалъ корпусный командиръ, слѣзъ съ лошади и усѣлся на стулъ, вблизи первыхъ двухъ баталіоновъ тифлисскаго полка.

Черезъ нѣсколько минутъ, прискакалъ ординарецъ генерала Геймана съ какимъ то донесеніемъ, побудившимъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова немедленно уѣхать.

По прошествіи часа, потребовали жалонеровъ и около 9-ти часовъ вечера, войска разбили лагерь на возвышенностяхъ, вблизи деревень Енгикевъ и Занмъ.

Занмъ лежитъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, сѣверовосточнѣе Карса, въ разстояніи двадцати верстъ отъ него. Съ занятіемъ этого пункта, мы владѣли узломъ трехъ большихъ трактовъ, идущихъ изъ Александрополя, Ардагана и Ахалкалакъ въ Карсъ.

Впереди Занма находилась сильная боевая позиція, словомъ занятыя нами деревни, имѣли весьма важное стратегическое значеніе.

Лагерное мѣсто разобщалось поперегъ глубокимъ оврагомъ;

по правой сторонѣ оврага стала 2-я гренадерская бригада, а по лѣвую размѣстились 1-я бригада гренадеръ и корпусный штабъ, со всѣми своими учрежденіями; слѣдовательно тифлисскій полкъ составлялъ правый флангъ всего расположенія. Внизу надъ Карсъ-чаемъ, стояла кавалерія и кубинскій пѣхотный полкъ.

На другой же день по приходѣ на мѣсто, при корпусной квартирѣ устроили правильный базаръ и открыли для жителей торговую площадь, на которую съѣхались арбы съ произведеніями сельскаго хозяйства.

Съ 14-го апрѣля, при корпусномъ штабѣ учрежденъ былъ также полевой почтамтъ, гдѣ производились пріемъ и выдача простой и денежной корреспонденцій. Письма въ два лота вѣсомъ принимались отъ всѣхъ воинскихъ чиновъ безплатно, если на наружной сторонѣ конверта было написано: «изъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ». Мѣрой этой восторгались войска; кромѣ того, при корпусной квартирѣ устроили военно-походный телеграфъ, гдѣ на станціи, за плату, допускался пріемъ частныхъ депешъ, если конечно не было казенныхъ.

17-го апрѣля, третій и четвертый баталіоны, подъ командою полковника Ридигера, совмѣстно съ тремя сотнями конно-иррегулярнаго дагестанскаго полка, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Чолокаева, выступили въ пять часовъ утра, для демонстраціи противъ Карса.

Командующій корпусомъ лично указалъ полковникамъ Ридигеру и Лазареву, что именно при этой демонстраціи должна исполнять пѣхота и кавалерія. Приказано было идти къ Карсу, имѣя фронтъ какъ можно длиннѣе, чтобы издали казалось больше войскъ. Затѣмъ, подойдя къ Карсу, внѣ выстрѣловъ крѣпости расположиться такъ, чтобы замѣтили это изъ крѣпости. Простоявъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, вернуться обратно въ Заимъ. Въ случаѣ еслибы непріятель пытался атаковать, приказано не вязываться въ бой, а постепенно отходить къ своимъ. Цѣль всей демонстраціи заключалась въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ нашей кавалеріи, производившей поиски по другую сторону Карса. Всѣ приказанія были исполнены съ точностью.

Колонна князя Челокаева, подойдя къ крѣпости развернулась и простояла около 3-хъ часовъ на мѣстѣ. Во время расположенія на позиціи, съ другой стороны Карса показалась наша кавалерія, двигавшаяся густыми, стройными, колоннами. Турки и не думали тревожить нашихъ и потому колонна князя Челокаева, вернулась въ два часа пополудни въ Заимъ. Люди были страшно утомлены, такъ какъ день стоялъ жаркій и, къ тому же, съ утра пятнадцатаго числа солдаты довольствовались только одними сухарями, потому что вечеромъ по приходѣ въ Заимъ, негдѣ было достать топлива.

Въ этотъ день, по случаю рожденія Его Императорскаго Величества Государя, происходилъ церковный парадъ, въ которомъ отъ тифлисскаго полка участвовала сводная рота. Передъ началомъ молебствія, командующій корпусомъ вызвалъ всѣхъ офицеровъ и объявилъ имъ, что отъ имени всѣхъ чиновъ отряда, послалъ Главнокомандующему арміею телеграмму, прося Великаго Князя, повергнуть, къ стопамъ Государя изъявленіе нашихъ безграничныхъ, вѣрноподданническихъ чувствъ. Восторженное «ура» парадирующихъ служило отвѣтомъ, на вышеприведенныя слова.

По окончаніи парада принесли приказъ по корпусу, въ которомъ сказано было: что первая бригада гренадеръ, мингрельскій полкъ, три девяти фунтовыя батареи, двѣ четырехъ фунтовыя батареи и вся кавалерія выступятъ изъ Заима, подъ командою генералъ-лейтенанта Геймана. Затѣмъ въ лагерѣ остаются тифлисскій и кубинскій полки, баталіонъ дербентскаго полка, три батареи и вся художественная кавалерія, (22). Отрядъ генерала Геймана ушелъ на легкахъ, безъ ранцевъ въ два часа пополудни.

Генералъ-маіоръ Комаровъ назначенъ былъ начальникомъ войскъ оставшихся въ лагерѣ. На тревогу приказано выходить кубинскому полку, а тифлисцамъ велѣно прикрывать вагенбургъ. Распоряженіе это вызвало въ средѣ офицеровъ тифлисскаго полка большое сожалѣніе, что не прійдется участвовать въ первомъ дѣлѣ.

Командующій корпусомъ тоже выѣхалъ съ колонной генерала Геймана, предназначенной для поддержки нашей кавалеріи, выдви-

нувшейся къ Соганлугу. Ночью увеличили въ лагерѣ предосторожности, люди спали одѣтыми и были въ боевой амуниціи.

18-го апрѣля прошло спокойно, но о колоннѣ генералъ-лейтенанта Геймана, не слышно было ничего опредѣленнаго.

19-го апрѣля, въ три часа пополудни, второй баталіонъ тифлисцевъ, отправился въ селеніе Паргетъ, конвоировать сухарный транспортъ. Назначеніе баталіона послѣдовало вслѣдствіе слѣдующей записки, полученной командиромъ полка полковникомъ Ридигеромъ изъ дивизіоннаго штаба: «Генералъ-маіоръ Комаровъ предлагаетъ вамъ, давши отобѣдать, отправить одинъ баталіонъ вѣреннаго вамъ полка, при четырехъ орудіяхъ по назначенію помощника начальника артилеріи, въ селеніе Паргетъ на встрѣчу транспорта, который будетъ отправленъ сегодня полковникомъ Кавтарадзе изъ Кюрюкъ-дара. Полковникъ Немировичъ-Данченко. 19-го апрѣля 1877-го года. Получена въ часъ и десять минутъ».

Изъ Паргета транспортъ доставленъ былъ въ Зайнъ въ три часа пополуночи. Съ транспортомъ прибылъ корпусный интендантъ генералъ-маіоръ Бобоховъ и полевое казначейство.

Колонна генерала Геймана вернулась въ лагерь 19-го апрѣля вечеромъ, и, съ этого времени сторожевая служба въ зайнскомъ лагерѣ замѣтно усилилась. Днемъ отъ полка высылалась рота на аванпосты, располагаясь на упомянутой выше, боевой позиціи; ночью увеличивали лагерный и задній караулы, назначали промежуточные посты и заставы подъ командою офицеровъ; кромѣ того дежурная рота ночевала впереди лагеря. Полки поочереди наряжались на тревогу и въ ночь наряда спали всегда одѣтыми при амуниціи.

Съ разрѣшенія Главнокомандующаго армією, приказомъ по дѣйствующему корпусу за № 57, предписано было требовать отъ казны: «съ пятнадцатаго числа сего мѣсяца, полевыя порціонныя деньги и усиленное фуражное довольствіе, а нижнимъ чинамъ войскъ за границей находящимся по полуторафунтовой порціи мяса ежедневно».

Тутъ кстати коснуться быта офицеровъ, денежнаго довольствія ихъ и выяснить тѣ условія, въ которыхъ они находились. Со

дня объявленія мобилизаціи кромѣ жалованья, офицеры получали суточныя деньги. Размѣръ отпуска суточныхъ состоялъ изъ двухъ категорій: походной и полевой. Суточныя отпускались по слѣдующему разсчету: командиру полка—полевыхъ 3 руб., походныхъ 6 руб.; штабъ-офицеру—1 руб.:—2 руб.: ротному командиру—60 коп.—1 руб.; младшему офицеру—30 коп.—60 копѣекъ. Независимо отъ этого довольствія офицерамъ отпускались фуражныя, на содержаніе своего обоза, составлявшія значительное подспорье въ офицерскомъ бюджетѣ. Семейства всѣхъ офицеровъ, остававшіяся въ штабъ-квартирѣ, получали квартирныя деньги, согласно Высочайше утвержденнымъ категоріямъ. Офицерамъ, имѣвшимъ отцовъ, матерей, малолѣтнихъ сестеръ или братьевъ, отпускалось тоже, на общемъ основаніи, квартирное довольствіе. Передъ началомъ кампаніи, семейнымъ офицерамъ разрѣшили зачислить лишняго деньщика, такъ что штабъ-офицеры имѣли ихъ по три, а оберъ-офицеры по два человѣка. Кромѣ того, за понесенные труды всѣмъ офицерамъ отпущено было во время зимней стоянки, единовременно, по третному окладу и по полугодовому окладу жалованья лицамъ, коимъ полагалось быть въ строю верхомъ.

Немало также сдѣлано было облегченій на время похода. Такъ напримѣръ, приказомъ по военному вѣдомству разрѣшено не брать никакой парадной формы, допускалось быть въ черныхъ и желтыхъ каучуковыхъ пальто, но только съ форменными сѣрыми воротниками.

Командующій дѣйствующимъ корпусомъ, въ свою очередь, не скупился дѣлать войскамъ много облегченій. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ разрѣшилъ всѣмъ офицерамъ въ походахъ носить фуражки, сюртуки и азіятскія шапки. Въ такой формѣ допускалось исполнять всѣ служебныя обязанности; исключеніе составляли лишь смотры и парады, на которые полагалось выходить въ установленной формѣ; кромѣ того, всѣмъ офицерамъ дѣйствующаго корпуса позволено было, сверхъ вьючныхъ, имѣть верховыхъ лошадей.

Послѣдняя мѣра была въ высшей степени полезна: отъ офицера, сдѣлавшаго переходъ верхомъ, можно было требовать безукоризненно точной исполнительности по службѣ, такъ какъ верховой

утомляется менѣе пѣшаго человѣка. Словомъ, матеріальный бытъ офицеровъ былъ бы достаточно обезпеченъ, еслибы не дороговизна, являвшаяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ боевыхъ обстоятельствъ.

Изъ предыдущаго описанія мы видѣли, что время стоянки въ Займѣ посвящалось рекогносцировкамъ; главное же вниманіе обращалось на обезпеченіе нашего тыла, путей сообщенія и продовольственной части.

Командующій корпусомъ, озабочиваясь, чтобы войска не терпѣли ни въ чемъ недостатка, разрѣшилъ брать продукты изъ сосѣднихъ деревень реквизиціоннымъ порядкомъ (29). Для этой цѣли назначались отъ частей вооруженныя команды, непремѣнно подъ начальствомъ офицеровъ: послѣдніе обязаны были справляться у колоновожатаго, полковника Кишмишева, въ какую именно деревню слѣдуетъ идти. По прибытіи съ командой на мѣсто, офицеръ требовалъ къ себѣ старшину и, при содѣйствіи его, получалъ необходимые продукты, расплачиваясь немедленно по слѣдующей таксѣ: самара ячменя (16 п.) 9½ руб., пудъ самана 15 копѣекъ, пудъ сѣна 40 копѣекъ, баранъ годовикъ 3 рубля, курица 20 копѣекъ, 20 штукъ яицъ 15 копѣекъ, сотня кизяковъ рубль. (Такса утверждена была и для отряднаго базара). Одиночные люди и команды безъ офицеровъ считались мародерами и строго преслѣдовались.

Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, приказомъ по корпусу за № 58, благодарилъ всѣхъ частныхъ начальниковъ, офицеровъ и солдатъ, исполнившихъ движенія 16, 17, 18 и 19 чиселъ; результатомъ этихъ движеній было изъявленіе покорности жителями большей части карскаго пашалыка.

Въ продолженіи пяти дней, а именно: 21, 22, 23, 24 и 25 апрѣля, не произошло ничего выдающагося. Кавалерія производила въ эти дни поиски, а пѣхота отправляла сторожевую службу и занималась въ сосѣднихъ деревняхъ фуражировками. Въ одной изъ такихъ фуражировокъ принималъ участіе 1-й баталіонъ тифлисцевъ, который, съ дивизіономъ четвертой батареи и двумя сотнями казаковъ, выступилъ 23-го апрѣля, въ семь часовъ утра, на лѣвый берегъ Карсъ-чая. Начальникомъ этой колонны былъ коман-

диръ 1-го баталіона подполковникъ Александеръ, получившій лично приказаніе отъ генерала Гейманна обслѣдовать дорогу черезъ селеніе Джелаусъ и далѣе, для чего назначенъ былъ проводникъ карскій армянинъ. Въ свою очередь, командующій корпусомъ передалъ приказаніе черезъ полковника Кишмишева, чтобы подполковникъ Александеръ запечаталъ турецкіе склады провіанта въ деревнѣ. Пройдя Джелаусъ подполковникъ Александеръ наткнулся на непроходимый съ отвѣсными берегами оврагъ, по которому артилерія отказалась слѣдовать. Въ этомъ мѣстѣ подполковникъ Александеръ оставилъ баталіонъ, а самъ, съ двумя сотнями, проѣхалъ на рысяхъ верстъ 8 и убѣдился, что дорога вездѣ проходима, за исключеніемъ упомянутаго оврага. Тогда подполковникъ Александеръ послалъ казаковъ впередъ, приказавъ старшему сотенному командиру опечатать склады, что и было имъ исполнено. Самъ же подполковникъ Александеръ, съ тремя конвойными, вернулся къ баталіону и повелъ его въ Джелаусъ, гдѣ произвелъ незначительную реквизицію; вскорѣ вернулись казаки и колонна отошла въ Заимъ, куда и прибыла въ часъ ночи. О результатахъ рекогносцировки подполковникъ Александеръ тотчасъ же доложилъ лично генералу Гейману, за что получилъ благодарность.

26-го апрѣля генералъ Гейманъ потребовалъ къ себѣ командировъ эриванскаго и тифлисскаго полковъ и поручилъ имъ распустить слухи, что отрядъ переходитъ во Владикарсъ. Дѣлалось же это съ цѣлью сбить съ толку турокъ, имѣвшихъ, по всей вѣроятности, лазутчиковъ въ отрядѣ. Въ дѣйствительности же рѣшено было передвинуть часть главныхъ силъ къ Ардагану.

Затѣмъ генералъ Гейманъ приказалъ сформировать въ полкахъ охотничьи команды, въ составѣ 2-хъ офицеровъ, одного горниста, 10-ти унтеръ-офицеровъ и 90-та рядовыхъ.

Въ полдень полкъ выходилъ на тревогу, но его скоро вернули. Войска въ первый разъ услышали пушечную стрѣльбу изъ Карса; то происходила стычка тверцевъ и горско-моздокскихъ казаковъ съ турками, вышедшими изъ крѣпости. Пѣхота снова не участвовала въ дѣлѣ, словомъ пѣхота лишь маневрировала, не дѣлая ни одного выстрѣла. А жаль, потому что солдаты настроены были превосход-

но. Имъ давно хотѣлось помѣряться съ врагомъ и, офицерамъ надо было поскорѣе обстрѣляться.

Вечеромъ командиръ полка полковникъ Ридигеръ выбиралъ людей въ охотничью команду. Солдаты къ этому дѣлу относились весьма сочувственно, желающихъ набралось гибель, выходило человѣкъ по 30-ти изъ каждой роты, пришлось выбирать ихъ по жребію. Семь человѣкъ офицеровъ изъявили полную готовность стать въ ряды охотниковъ, это были: штабсъ-капитаны—князь Аргутинскій-Долгорукій, князь Макаевъ и Гавриловъ, поручикъ Кретковскій, подпоручики Мисниковъ и Невѣровскій. Кинули жребій и счастливый чередъ достался Гаврилову и Невѣровскому. Охотники подчинялись своему командиру, жили отдѣльно, но довольствовались въ ротахъ; они избавлены были отъ несенія всякой лагерной службы, имъ разрѣшили отростить бороды и носить вмѣсто сапогъ поршни. На другой день охотничья команда представлялась генералу Гейману.

Вечеромъ 26-го апрѣля, пронесся слухъ и не безъ основанія, что карскій гарнизонъ, понуждаемый мирными жителями, а въ особенности женщинами, намѣренъ сдѣлать нападеніе на лагерь. Извѣстіе это подтвердилось слѣдующими двумя официальными записками, полученными полковникомъ Ридигеромъ одна вслѣдъ за другой.

«По порученію командующаго дивизіей, сообщаю Вашему Высокоблагородію, о намѣреніи непріятеля потревожить одинъ изъ нашихъ лагерей, вслѣдствіе чего Его Превосходительство приказалъ усилить бдительность аванпостовъ цѣпи и имѣть къ разсвѣту на готовѣ дежурныя части. 26-го апрѣля. Исправляющій должность начальника штаба, полковникъ Немировичъ-Данченко».

«Начальникъ пѣхоты и правой колонны (генералъ-лейтенантъ Гейманъ) приказалъ сообщить вамъ, дабы были приняты неупустительно всѣ мѣры къ быстрому выходу полка на тревогу, ибо, по полученнымъ свѣдѣніямъ, гарнизонъ Карса имѣетъ въ виду, въ ночь на 27-е или 28-е апрѣля, встревожить бивуакъ нашихъ войскъ. Полковникъ Радзишевскій, № 16, 26-го апрѣля 1877-го года, бивуакъ у Заима».

Записки писались на имя полковника Ридигера, потому что

тифлисскій полкъ, съ уходомъ, 24-го апрѣля, мингрельцевъ и дербентцевъ къ Визинъ-кею, остался на передовой позиціи, составляя какъ бы авангардъ отряда, который, въ случаѣ движенія турокъ, выдержалъ бы первый натискъ. Для охраненія мѣста гдѣ стояли выбывшіе въ Визинъ-кей полки, каждую ночь высылалась отъ тифлисскаго полка одна рота. Вслѣдствіе этихъ приказаній были приняты необходимыя мѣры предосторожности, но все обошлось благополучно и турки лагеря не потревожили.

Въ вечернемъ приказѣ 27-го апрѣля объявлено было, что на другой день всѣ войска перейдутъ на новую позицію, сосредоточившись у селенія Халифъ-оглу. По прочтеніи этого приказа, офицеры вывели заключеніе, что главныя силы будутъ продолжать дѣйствія противъ Карса, а слѣдовательно и слухи о передвиженіи части войскъ къ Ардагану преждевременны.

ГЛАВА IV.

Выступленіе и походъ къ Ардагану. Бивуакъ въ виду форта Гёля-ворды. Передвиженіе отряда генерала Геймана на новую позицію, къ подошвѣ горы Алагёзъ. Рекогносцировка ардаганскихъ укрѣпленій. Закладка осадныхъ батарей. Бомбардированіе, штурмъ и паденіе крѣпости. Уронъ понесенный полкомъ. Описаніе Ардагана. Мѣры принятыя полковникомъ Ридигеромъ для сохраненія въ цѣлости запасовъ и складовъ, захваченныхъ у турокъ. Парадъ и благодарственное молебствіе. Приказъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса, собраннымъ подъ Ардаганомъ. Приказъ по кавказскому военному округу. Отдыхъ и награды. Обратный путь къ Заиму.

Съ переходомъ границы, какъ мы видѣли выше, всѣ операціи главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, направились исключительно противъ Карса и его окрестностей, съ цѣлью изученія крѣпости, ея вооруженія и численности гарнизона.

Но главныя силы не могли дѣйствовать изолированно и неразъ должны были выдѣлять, болѣе или менѣе, значительныя части войскъ, для содѣйствія отрядамъ наступавшимъ изъ Эривани и

Ахалцыха, входившимъ также въ составъ корпуса. Послѣ объявленія войны упомянутые отряды, также вступили въ предѣлы азіятской Турціи и уже 20-го апрѣля, генералъ-лейтенантъ Девель подступилъ къ Ардагану, занявъ позицію около селенія Бекрехатунъ, съ весьма малочисленнымъ отрядомъ (30).

Имѣя въ виду, возможно быстрое овладѣніе Ардаганомъ, командующій корпусомъ призналъ необходимымъ, усилить войска генерала Девеля особою колонною, направленною изъ Заима; предусмотрительность заставляла совершить походъ повозможности секретно и, чтобы замаскировать истинныя наши намѣренія, 27-го апрѣля, послѣдовалъ приказъ перейти войскамъ на новую позицію къ селенію Халифъ-оглу.

Вслѣдствіе полученнаго наканунѣ распоряженія, 28-го апрѣля въ 7-мь часовъ утра, тифлисскій полкъ, убравъ свой лагерь, въ полномъ составѣ выстроившись впереди линеекъ, ждалъ очереди выступленія. Людямъ позволили стоять вольно, поэтому многіе офицеры старались по картѣ опредѣлить величину предстоящаго перехода.

Черезъ нѣсколько времени, вдругъ, тифлисскому полку приказано было спуститься къ Карсъ-чаю и, переправившись черезъ рѣку, вытянуться по дорогѣ ведущей въ селеніе Джелаусъ, т. е. въ сторону совершенно противуположную той, какая была указана приказомъ по войскамъ. У переправы вскорѣ очутились также эриванцы и другія части. Пѣхота переходила по мосту очень древней архитектуры, а обозы, артилерія и кавалерія переправлялись въ бродъ у деревни Енгикевъ. Сейчасъ же объяснилось, что всѣ названныя войска, подъ командою генерала Геймана, направлялись прямо въ Ардаганъ. Въ составъ колонны генерала Геймана входили: лейбъ-эриванскій и тифлисскій гренадерскіе полки, часть 1-го сапернаго баталіона (31), 1-я и 2-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, 1-я батарея 39-й артилерійской бригады (всѣ 9-ти фунтовыя), тверской драгунскій и 1-й горско-моздокскій полки, съ дивизіономъ казачьей артилеріи (32), сотня конно-иррегулярнаго александропольскаго полка и сотня карапапаховъ. Командующій корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ находился при этой колоннѣ.

По совершеніи переправы и по полученіи приказаній, войска продолжали движеніе. Тифлисцы шли въ авангардѣ, имѣя впереди вновь сформированную охотничью команду, обутую въ поршни. Поршни однако негодились для скалистаго грунта и они въ тотъ же день исчезли.

Въ упомянутое утро, колонна генерала Гейкана исполняла фланговое движеніе въ виду карскихъ укрѣпленій, грозно черніющихъ на свѣтломъ фонѣ горизонта, а потому приняты были военныя предосторожности. Несмотря на довольно сильный зной, первый переходъ оказался не труднымъ и, задолго еще до сумерекъ, войска заняли сильную боевую позицію вблизи деревни Джалаусъ, гдѣ раскинули лагерь въ формѣ каре, фасы котораго обращены были лицомъ къ Карсу и Ардагану. Вечеромъ людямъ варили супъ съ мясомъ, а ночь прошла совершенно спокойно.

На другой день, утромъ 29-го апрѣля, согласно полученной диспозиціи, войска выступили въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ — 1-й баталіонъ лейбъ-эриванскаго полка и 1-я батарея кавказской гренадерской артилерійской бригады. Главныя силы, подъ командою генералъ-маіора Задергольма — рота саперъ, 2-й баталіонъ лейбъ-эриванскаго полка, 2-я батарея, 3-й баталіонъ лейбъ-эриванскаго полка, патронные ящики, обозъ корпуснаго штаба, 4-й баталіонъ лейбъ-эриванскаго полка, затѣмъ весь остальной обозъ, за нимъ 3-й баталіонъ тифлисскаго полка, дивизіонъ 1-й батареи 39-й артилерійской бригады. 2-й баталіонъ тифлисскаго полка; 4-й баталіонъ тифлисскаго полка, для прикрытія обоза, шелъ слѣва онаго, со стороны Карса, въ ротныхъ колоннахъ. Аріергардъ — 1-й баталіонъ тифлисскаго полка и дивизіонъ 1-й батареи 39-й артилерійской бригады.

Пройдя версты двѣ съ половиною, войска внезапно остановились, потому что впередилежащій путь перерѣзывалъ огромный оврагъ, съ крутымъ спускомъ и почти отвѣснымъ подъемомъ, доступнымъ лишь для вьюковъ. Саперная рота и полевыя саперныя команды принялись не медля дѣлать дорогу вилзагами и только около одиннадцати часовъ, начала, съ большимъ трудомъ, переправляться артилерія. Второму баталіону тифлисцевъ выпало на долю, ста-

щить на своихъ плечахъ почти всю артилерію и обозы. Несмотря, на неутомимое содѣйствіе пѣхоты, трудившейся до изнуренія, безпрерывно припрягали къ орудіямъ и фурлонамъ упосы, а зачастую и тѣ и другіе солдаты тянули канатами, безъ помощи лошадей. Къ чести полковаго хозяйства, безъ преувеличенія скажемъ, что полковой обозъ тифлисцевъ прошелъ легко, безъ особенныхъ затрудненій.

Генералъ Гейманъ лично руководилъ передвиженіемъ тяжестей. Его голубой, шелковый значекъ развѣвался вблизи 2-го баталіона.

Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, около 6-ти часовъ вечера, послѣдняя повозка отряднаго обоза въѣхала на подъемъ и войска пошли впередъ.

Но, описанными обстоятельствами, бѣдствія не ограничились, ибо дорога пролегала по топкимъ илистымъ мѣстамъ и рѣчкамъ, въ которыхъ постоянно вязли повозки и орудія, почему обозы растянулись на значительное протяженіе. Наибольшаго же горя натерпѣлись тифлисцы съ запаснымъ лафетомъ 1-й батареи 39-й артилерійской бригады, который ежеминутно останавливался, тормозя на каждомъ шагу движеніе пѣхоты, безжалостно утомляя тащившихъ его людей. Эриванцы, шедшіе во главѣ колонны, быстро двигались впередъ не дожидаясь хвоста. Артилерія и обозы, по мѣрѣ того какъ выбирались на ровную дорогу, догоняли впереди идущую часть, а потому тифлисцы, занятые поднимаціемъ послѣднихъ повозокъ, скоро остались одни, не имѣя даже точныхъ указаній куда и по какой дорогѣ идти.

Къ довершенію труднаго положенія, вскорѣ наступила очень темная ночь. За неимѣніемъ проводниковъ, дорогу отыскивали наугадъ нѣсколько человѣкъ охотниковъ, шедшихъ ощупью съ командиромъ полка, ѣхавшимъ впереди колонны. Въ непроглядной темнотѣ аріергардъ отсталъ, и полкъ потерялъ его изъ виду. Командиръ полка пріостановилъ движеніе, приказавъ подать нѣсколько сигналовъ на рожкахъ и свисткахъ, но они не были услышаны аріергардомъ. Тогда полковникъ Видигеръ рѣшилъ продолжать движеніе безъ аріергарда, въ той надеждѣ, что бивуакъ близко; по прибытіи же на бивуакъ, командиръ полка разсчитывалъ про-

сить проводниковъ, для того, чтобы отправить ихъ на встрѣчу 1-му баталіону. Въ какой однако сторонѣ былъ бивуакъ? куда слѣдовало идти?—никто не зналъ! А потому, шагъ за шагомъ, совершенно наугадъ, полкъ шелъ впередъ, по незнакомой непріятельской мѣстности.

Такимъ образомъ, колонна прошла уже версты двѣ, нигдѣ не видя бивуачныхъ огней, не слыша ни одного звука. Какъ вдругъ впереди показалась блестящая точка, быстро приближавшаяся на встрѣчу. Оказалось, что это былъ артилерійскій чиновникъ Алексѣевъ, посланный начальникомъ артилеріи съ фонаремъ, на встрѣчу батареѣ 39-й артилерійской бригады. Отъ него командиръ полка узналъ, что лагерь очень близко. Тѣмъ неменѣе, только въ часъ ночи, перейдя въ бродъ нѣсколько болотистыхъ рѣчекъ, вымокшіе и подрогшіе три баталіона тифлисцевъ, достигли мѣста стоянки. Голодные и усталые люди легли не ѣвши, на сырой землѣ, въ наскоро разбитыхъ палаткахъ.

Полковникъ Ридитеръ сейчасъ пошелъ въ штабъ, чтобы добыть проводниковъ для перваго баталіона, но пока ихъ отыскивали и будили, они оказались лишними, такъ какъ баталіонъ прибылъ благополучно въ лагерь, около трехъ часовъ пополуночи.

Съ разсвѣтомъ, легко было убѣдиться, что бивуакъ окружали кругомъ болота и рѣчки, вообще мѣстность оказалась весьма нездоровой; она называлась Чатахъ.

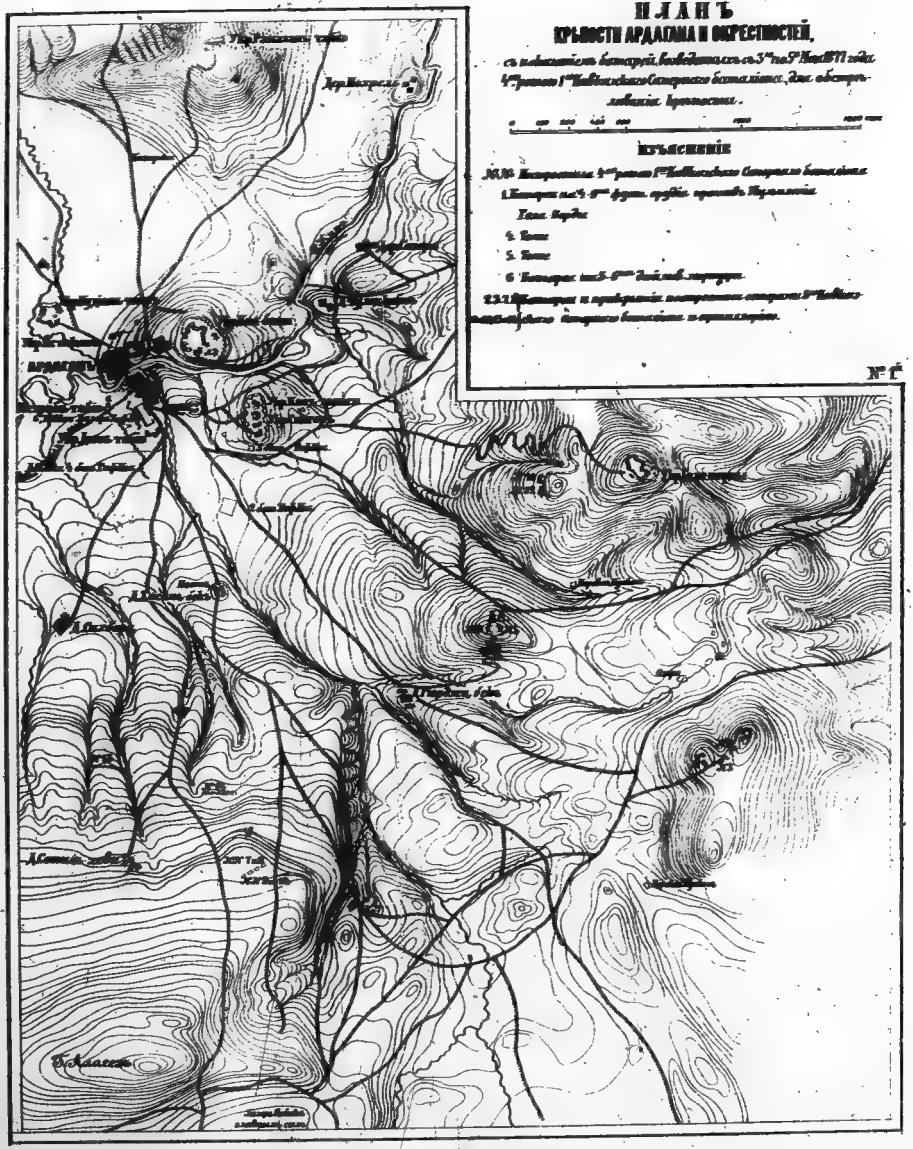
По неимѣнію дровъ и времени, людямъ сварили кашу съ саломъ. Отобѣдавъ, отрядъ выступилъ въ 8-мь часовъ утра, соблюдая строгія военныя предосторожности. Баталіонъ тифлисскаго полка съ батареей шелъ въ авангардѣ, два баталіона того же полка въ главныхъ силахъ, потомъ весь обозъ и остальная пѣхота. По обѣимъ сторонамъ обоза двигались по баталіону пѣхоты, въ ротныхъ колоннахъ повернутыхъ рядами. Дорога пролегала по долинѣ и вообще была прекрасная, сравнительно съ пройденной. Вездѣ по лугамъ бродили стада; при появленіи русскихъ жители не прятались, а напротивъ выносили на продажу съѣстное, и еслибы не воинскія предосторожности соблюдаемыя войсками, можно было бы подумать, что мы двигаемся среди мирныхъ жителей центральной Россіи.

У селенія Омеръ-Ага войскамъ дали большой привалъ, а къ вечеру колонна прибыла на ночлегъ въ селеніе Хенискярь (въ переводѣ—входъ въ ущелье). Тутъ пришлось тяжело только 2-й стрѣлковой и 6-й ротамъ, назначеннымъ на аванпосты, для охраненія лѣваго фланга лагернаго расположенія. Названнымъ ротамъ выпало на долю перейти рѣчку и огромное болото. Переправа была чрезвычайно затруднительна, люди вязли въ болотѣ по поясъ и провели ночь безъ сна и ѣды, такъ какъ пошелъ проливной дождь и не было возможности подвезти котловъ.

1-го мая отрядъ двигался въ томъ же полубоевомъ порядкѣ, какъ и въ предыдущіе дни. Около полудня послышались орудійные выстрѣлы, то турки стрѣляли изъ крѣпости по командующему корпусомъ, производившимъ, совмѣстно съ генераломъ Гейманомъ, рекогносцировку ардаганскихъ укрѣпленій. Около трехъ часовъ по полуночи, отрядъ сталъ лагеремъ въ виду форта Гёля-верды невдалекѣ деревни Бурдосанъ. Бивуачное мѣсто, поросшее густою травою, сулило хорошій отдыхъ и солдаты, уже снявъ сапоги, рвали пахучую траву на подстилку; но вдругъ ударили по возамъ и войскамъ приказали отойти назадъ, потому что, какъ оказалось, мы стояли подъ выстрѣлами форта Гёля-верды. Когда уже совершенно смерклось, отрядъ снова устроилъ свой лагерь на скатахъ возвышенности, въ полутора верстѣ отъ первоначальной стоянки. Обозы же долго блуждали и собрались только поздно ночью.

На другой день, послѣдовало распоряженіе перейти на новую позицію и, въ 8-мъ часовъ, отрядъ выступилъ по назначенію.

Въ головѣ колонны шли три баталіона лейбъ-эриванскаго полка, съ 1-й батареей кавказской гренадерской артилерійской бригады; за ними три баталіона тифлисцевъ, со 2-й батареей; потомъ отдѣльною колонной слѣдовалъ весь обозъ, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ пѣхоты. Командованіе вагенбургомъ поручено было генералъ-маіору Зедергольму. Впереди главной колонны ѣхалъ генералъ Гейманъ, но онъ скоро ускакалъ впередъ, сдавъ начальство полковнику Ридигеру. Колонна подходила уже на пушечный выстрѣлъ къ форту Гёля-верды, когда было получено приказаніе, продолжать движеніе мимо форта на селеніе Гюрджи-бекъ;—а затѣмъ,



ПЛАНЪ
КРѢПОСТИ АРДАГАНА И ОКРЕСТНОСТЕЙ,

съ показаніемъ позицій, выбранныхъ въ 3-мъ и 5-мъ Мая 1877 года 4-ю ротою 1-й Кавказской Стрѣлковой батальона, для обстрѣливанія Крѣпости.

0 100 200 300 400 500 600 700 800 900

ОБЪЯСНЕНІЯ

№№ Позицій 4-й роты 1-й Кавказской Стрѣлковой батальона.

1 Позиція въ 3-мъ фунт. орудіе противъ Ардагана.

Тоже Карабе

4 Тоже

5 Тоже

6 Позиція въ 3-мъ дальній пороховой.

2 3 7 Позиціи и прибрежная позиція въ 5-мъ Мая 1877 года Стрѣлковой батальона.

№ 1

казакъ привезъ полковнику Ридигеру собственноручную записку генерала Геймана, слѣдующаго содержанія: «Прошу полковника Ридигера, на поворотѣ дороги съ карско-ардаганской позиціи, оставить эриванскій баталіонъ съ 4-мя орудіями 1-й батареи, съ тѣмъ чтобы они стояли тамъ пока не прійдетъ аріергардъ». Вслѣдъ за этой запиской пріѣхалъ ординарецъ генерала Геймана, драгунскій офицеръ Мищенко, которому поручено было провести всю колонну черезъ болото, влѣво отъ первоначально указаннаго пути.

Почему турки не стрѣляли, покуда колонна перебиралась черезъ болото, осталось неразгаданнымъ. Во всякомъ случаѣ мы шли подъ выстрѣлами ихъ дальнобойныхъ орудій и подобная сдержанность и безучастное отношеніе къ противнику, двигающемуся вблизи, дѣйствовали на войска ободрительно.

Послѣ полудня, отрядъ сталъ лагеремъ на возвышенномъ плато, у подножія горы Алагёзъ вблизи деревни Гюрджи-бекъ. Мѣсто подъ лагерь выбрали хорошее. Кругомъ былъ отличный подножный кормъ, въ которомъ нуждались лошади, не имѣвшія сухаго фуража. Воды тоже нашлось въ изобиліи.

Едва разбили лагерь, генералъ Гейманъ потребовалъ къ себѣ полковника Ридигера и приказалъ ему отправить ночью одинъ баталіонъ, смѣнить эриванцевъ, занявшихъ, тотчасъ по прибытіи отряда на бивуакъ, передовую высоту, названную А. А. Въ это же время къ ставкѣ генералъ-лейтенанта Геймана были потребованы начальники гренадерскихъ охотничьихъ командъ и командиръ 3-го баталіона тифлисскаго полка маіоръ Улановичъ, назначенный смѣнить эриванцевъ. Первымъ двумъ офицерамъ генералъ приказалъ: одному—подойти къ Гёля-верды, а другому—къ городу и обоимъ поручилъ сдѣлать по городу и форту нѣсколько залповъ, дабы произвести тамъ тревогу. Маіору же Улановичу генералъ Гейманъ сдѣлалъ кое-какія указанія, рекомендуя во время движенія соблюдать осторожность и строжайшую тишину.

Около одиннадцати часовъ по полуночи 3-й баталіонъ, со всѣми предосторожностями, выступилъ изъ лагеря. Проводникъ, топографъ поручикъ Завріевъ, водившій уже на высоту А. А. баталіонъ эриванцевъ, повелъ тифлисцевъ напрямикъ, безъ дороги, по ско-

рѣ заблудился и попалъ въ такія трущобы, изъ которыхъ трудно было выбраться.

Видя затруднительность своего положенія, маіоръ Улановичъ отправилъ на развѣдку патрули, подъ командою офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, но долгіе ихъ поиски остались безуспѣшными. Въ это время, охотники эриванскаго полка подошли къ валамъ Гёля-верды и сдѣлали два или три залпа. Турки не замедлили отвѣтить тремя или четырмя орудійными выстрѣлами и, благодаря поднятой тревогѣ, наши убѣдились, что находятся близко цѣли. Тогда маіоръ Улановичъ взялъ съ собою 7-ю роту и, при содѣйствіи ея, достигъ высоты А. А, куда вскорѣ привлекъ остальныя роты баталіона, смѣнивъ ими эриванцевъ. Сейчасъ же разставлены были по скату горы аванпосты, а резервъ укрытъ за полуторасаженною скалою. Поутру на противулежащихъ высотахъ показался турецкій разъѣздъ, силою человѣкъ въ двадцать, повидимому, зорко разсматривавшій расположеніе баталіона. Послѣднее предположеніе вполнѣ оправдалось. Около девяти часовъ турки начали обстрѣливать высоту А. А, выпустивъ около сорока снарядовъ, причемъ легко ранили унтеръ-офицера 3-й стрѣлковой роты Желтуху. Это былъ первый раненый тифлисецъ. Въ 12-ть часовъ на смѣну 3-го баталіона пришли эриванцы. Замѣтивъ послѣднихъ, непріятель направилъ выстрѣлы по нимъ, но тутъ, къ счастью, пошелъ градъ съ дождемъ, стрѣльба прекратилась и нашъ 3-й баталіонъ благополучно вернулся въ лагерь.

Набѣгъ полковой охотничьей команды совсѣмъ не удался. Безъ проводника охотники забрели въ болото, которыми, въ это время года, изобилуютъ окрестности Ардагана, да къ тому же начальникъ команды штабсъ-капитанъ Гавриловъ внезапно заболѣлъ, вслѣдствіе чего на его мѣсто, на другой день, назначенъ былъ штабсъ-капитанъ князь Макаевъ (Захарій).

Утромъ 3-го мая предпринята была подробная рекогносцировка ардаганскихъ укрѣпленій, въ коей участвовали всѣ начальники частей и командиры баталіоновъ пѣхотныхъ полковъ. Цѣль рекогносцировки заключалась, въ опредѣленіи мѣстъ, для устройства осадныхъ батарей. При этомъ на сѣверномъ склонѣ Алагёза чуть

не разыгралось серьезное дѣло. Турецкіе аванпосты, увидя рекогносцирующія партіи, подошли весьма близко и открыли учащенный огонь. Казалось они дѣйствовали такъ настойчиво для того, что намѣрены были предпринять атаку, но похрабрившись немного сразу отошли назадъ. Во время перестрѣлки у маіора Суликова ружейная пуля слегка пробила голенище походнаго сапога, но ноги не задѣла.

Въ 6-ть часовъ вечера, генералъ Гейманъ лично приказалъ полковнику Ридигеру, распорядиться чтобы люди поскорѣе ужинали и, затѣмъ полку приказано слѣдовать на сѣверный склонъ Алагёза, для возведенія батарей № №. 7, 8, 9 и 10.

Къ полку присоединена была рота 3-го сапернаго баталіона. Руководителемъ работъ назначенъ инженеръ полковникъ Бульмерингъ.

Для производства работъ предписано было получить, въ прибавку къ штатному шанцевому инструменту, еще 1200 штукъ.

Всѣ распоряженія полковнику Ридигеру пришлось дѣлать поспѣшно. Вмѣсто ожидаемаго количества инструмента, полку отпущено всего 700 штукъ (кирокъ, лопатъ, топоровъ), и столько же холщевыхъ мѣшковъ, для носки земли. Вслѣдствіе довольно значительной задержки, при полученіи инструмента изъ инженернаго парка, только въ $8^1/_2$ часовъ полкъ выступилъ по назначенію. Баталіоны шли по порядку нумеровъ,—2-я стрѣлковая и 6-я роты составляли аріергардъ, а 3-й баталіонъ прикрывалъ лагерь. Въ аріергардѣ везли осадную артилерію, предназначенную для вооруженія батарей, которыя долженъ былъ возвести полкъ въ продолженіи ночи. Головные баталіоны достигли склона Алагёза скоро и не медля приступили къ работамъ, на пунктахъ указанныхъ полковникомъ Бульмерингомъ, но только по ошибкѣ, не на тѣхъ самыхъ, которые выбраны были во время утренней рекогносцировки.

Послѣднее обстоятельство замѣчено и указано было маіоромъ Суликовымъ полковнику Бульмерингу. Послѣдній съ нимъ не согласился. Тогда маіоръ Суликовъ, дабы доказать справедливость своихъ доводовъ, взялъ съ собою прикрытіе и отправился на розыскъ выбраннаго утромъ мѣста. Вскорѣ онъ вернулся съ конвер-

томъ, отъ письма полученнаго по утру и заткнутаго имъ для приметы въ кучку камней, сложенныхъ имъ собственноручно на мѣстѣ разбивки батарей.

Несмотря на это, полковникъ Бульмеринъ не нашелъ возможнымъ остановить работу, продолжавшуюся всю ночь, подъ прикрытіемъ охотничьей команды, подходившей весьма близко къ Ардагану.

Между тѣмъ, осадный паркъ тащился съ большимъ трудомъ. Духоборскія лошади и обывательскіе быки, постоянно останавливались. Орудія вязли въ болотистомъ грунтѣ Алагёза еще больше разбухшемъ отъ прошлаго дождя. Особенно задерживали движеніе три 6-ти дюймовыя мортиры, которыя наконецъ совсѣмъ остановились. Видя это, командиръ 6-й роты капитанъ Борковскій, оставленный съ аріергардомъ за старшаго и, которому командиръ полка приказалъ, во чтобы то ни стало втащить артилерію, велѣлъ впречь лошадей и люди, зацѣпивъ канатами лафеты, съ огромными усиліями, потащили на себѣ орудія до скатовъ Алагёза, гдѣ дорога стала лучше и гдѣ уже снова впрягли лошадей. Такимъ образомъ, передъ разсвѣтомъ весь осадный паркъ прибылъ своевременно, къ вновь построеннымъ батареямъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ, въ виду перенесенныхъ ночныхъ трудовъ, справедливо гордились тифлисцы, которымъ отдалъ должную дань и начальникъ артилеріи генералъ-маіоръ Губскій, горячо благодаря командира полка за содѣйствіе, оказанное 6-й ротой осадному парку.

Со стороны турокъ не сдѣлано было во всю ночь ни малѣйшей попытки, тревожить наши работы. Также безнаказанно и безъ всякаго урона, среди полнаго разсвѣта, уставлены были на батареяхъ орудія. При постановкѣ орудій всѣ убѣдились, что батареи построены не на мѣстѣ и что изъ орудій поставленныхъ на нихъ, нельзя будетъ стрѣлять, такъ какъ города вовсе не было видно. Въ крайности могли дѣйствовать только мортиры. Вооруженіе было однако кончено. Поставили двѣ мортиры, шесть 9-ти фунтовыхъ осадныхъ орудій и восемь орудій тоже 9-ти фунтовыхъ, батареи полковника Кирсанова.

Рано утромъ, прибылъ командующій корпусомъ и увидя, какъ

неудачно выбрано мѣсто для батарей, приказалъ выкатить изъ нихъ орудія и поставить ихъ открыто на скатѣ Алагёза, такъ чтобы можно было стрѣлять по городу. Для прикрытія орудій была однако разбита новая батарея, для постройки которой вызвали саперную роту изъ лагеря, по причинѣ же долгаго неприбытія этой роты, работы начала 4-я рота тифлисскаго полка. Впрочемъ, батарея эта не была окончена и орудія все время стояли открыто.

Чтобы понять планъ нашихъ дѣйствій, необходимо ознакомиться съ диспозиціей, отданной по отряду; нѣкоторые пункты ея выписываемъ цѣликомъ и притомъ въ томъ видѣ какъ они сохранились.

4-го мая 1877-го года, приказъ № 2-й. Бивуакъ у горы Алагёзъ.

«1) Для устройства осадныхъ батарей предписывается къ исполненію слѣдующее: батареи №№ 1-го и 2-го полковника Кабенина, по четыре орудія каждая, вооружаются первой батареей кавказской гренадерской бригады. Батареи №№ 3-го и 4-го, полковника Гарковенко, вооружаются второй батареей той же бригады. Устройство батарей №№ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го возлагается на два баталіона ариванскаго полка, въ прикрытіи работъ охотничья команда того же полка; прикрытію и всѣмъ вообще работающимъ до 12-ти часовъ находиться подъ командою старшаго баталіоннаго командира; съ 12-ти часовъ ночи должны начать работу два баталіона бакинскаго полка, подъ командою полковника Иванова, а эриванцы возвращаются въ лагерь. Батареи №№ 5-го и 6-го вооружаются четырмя осадными 9-ти фунтовыми пушками и тремя 6-ти дюймовыми орудіями, подъ командою подпоручика Лучинскаго и штабсъ-капитана Магнусскаго; работы произвести двумя баталіонами ариванскаго полка, подъ командою полковника Толстаго.

2) Батарею № 7-го подпоручика Буткевича, вооружить двумя шести дюймовыми мортирами. Батарею № 8-го поручика Черняискаго вооружить шестью 9-ти фунтовыми осадными орудіями. Батареи №№ 9-го и 10-го вооружаются каждая 9-ти фунтовыми полевыми орудіями 1-й батареи 39-й артилерійской бригады. Работы на батареяхъ №№ 7-го, 8-го, 9-го и 10-го производятся тремя бата-

ліопами тифлисскаго полка, подъ командою полковника Ридигера, прикрытіе работъ составляютъ охотники сего же полка. Назначеніе саперныхъ офицеровъ и саперъ, предоставляется начальнику кавказской саперной бригады; всѣми работами завѣдываетъ инженеръ полковникъ Бульмерингъ; всей осадной артилеріей завѣдываетъ полковникъ Кохановъ.

3) Отъ кавалеріи назначить на каждую батарею по два казака, для доставленія ко мнѣ, во время ночи, свѣдѣній о ходѣ работъ и г. г. офицеры работающіе батареи, начиная съ 12-ти часовъ, обязательно присылаютъ ко мнѣ свѣдѣнія—въ 12-ть часовъ и въ четыре часа, въ какомъ положеніи находятся работы. Съ открытіемъ бомбардировки казаки спускаются въ свои сотни. Въ вѣдѣніе начальника артилеріи и инженеровъ назначить по 5-ти казаковъ, которые остаются во время бомбардировки.

4) Приблизительно около 4-хъ часовъ утра, съ крайней къ лагерю высоты Алагёза, будетъ пущена сигнальная ракета, по которой откроется бомбардировка со всѣхъ батарей одновременно, согласно указаній данныхъ полковнику Коханову, по соглашенію съ начальникомъ артилеріи корпуса. Раньше сигнальной ракеты никто не открываетъ огня, даже если непріятель начнетъ стрѣлять.

5) Съ открытіемъ бомбардировки, прикрытія располагаются слѣдующимъ порядкомъ: батареи №№ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го прикрываютъ два баталіона эриванскаго полка. Въ резервѣ на полугорѣ ниже батареи, внѣ пушечнаго выстрѣла, баталіонъ того же полка. Батареи №№ 5-го и 6-го прикрываютъ двѣ роты того же полка, имѣя въ резервѣ, также внѣ пушечнаго выстрѣла, баталіонъ того же полка. Батареи №№ 7-го, 8-го, 9-го и 10-го прикрываютъ баталіоны тифлисскаго полка, имѣя въ резервѣ баталіонъ того же полка, внѣ пушечнаго выстрѣла. Всѣми прикрытіями командуетъ генералъ-маіоръ Зедергольмъ. Перевязочные пункты, съ открытіемъ бомбардировки, будутъ указаны мною; таковыхъ будетъ два: для батарей №№ 3-го и 4-го приблизительно сзади резерва эриванскаго полка, для батарей №№ 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го и 10-го вблизи резерва тифлисскаго полка. На перевязочныхъ пунктахъ имѣть санитарные значки и разбить нѣсколько солдатскихъ палатокъ . . .

. . . . . .

Отрядному врачу сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія, о назначеніи достаточнаго числа врачей и перевязочныхъ средствъ. Всѣмъ частямъ войскъ имѣть въ полной готовности, по первому востребованію, приспособленныя фуры для перевозки раненыхъ, а особенно на позиціи имѣть носилки.

6) Двѣ сотни казаковъ, по назначенію начальника дивизіи и сотня карапапаховъ подъ командою генеральнаго штаба полковника Маламы, въ часъ ночи выступаютъ, согласно отданному приказанію, на ольтинскую дорогу. Въ тоже время, одна сотня казаковъ, подъ командою сотеннаго командира, выступаетъ на карскую дорогу. Оба эти отряда, каждые два часа, а если окажется нужнымъ-то немедленно, присылаютъ донесенія о всемъ замѣченномъ, и черезъ этихъ посыльныхъ получаютъ приказанія, если таковые будутъ. Остальныя двѣ сотни казаковъ, дивизіонъ драгунъ[illegible] взводъ конной артилеріи, подъ командою генералъ-маіора Шереметьева, должны быть въ готовности, выступить по первому востребованію.

7) Въ 12-ть часовъ дня, 4-го мая, войска остающіяся въ лагерѣ, переставляютъ лагерь тѣснѣе, что сообщается для свѣдѣнія.

8) Дежурнаго по лагерю штабъ-офицера предоставляется назначить генералъ-маіору Зедергольму. Караулъ къ ставкѣ корпуснаго и ко мнѣ, ординарцы и вѣстовые отъ тифлисскаго полка.

9) . . . . . .

10) Всѣ люди для работы выступаютъ безъ ранцевъ и такъ какъ, прикрытія будутъ смѣняться вечеромъ послѣ ранняго ужина, то всегда имѣть людямъ въ карманахъ по фунту мяса, согласно приказанію корпуснаго командира.

11) . . . . . .

12) Въ случаѣ со стороны ахалцыхскаго отряда, во время бомбардировки будетъ пущена сигнальная ракета, то немедленно батареи №№ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го прекращаютъ стрѣльбу по непріятельскому редуту Эмиръ-оглы (Гёля-верды) и обращаютъ огонь на сосѣдніе пункты.

Пароль—высота А. А., отзывъ—св. Аркадій, пропускъ—виктбравура. Подписалъ генеральнаго штаба полковникъ Радишевскій (**)».

Какъ видно изъ диспозиціи, первый день обложенія крѣпости, посвящался на нанесеніе ей вреда посредствомъ бомбардировки, пѣхота же должна была ограничиться пассивной ролью, составляя прикрытіе батарей. Вслѣдствіе указанной задачи, первый и второй баталіоны тифлисцевъ остались въ прикрытіи батарей, четвертый же баталіонъ составилъ резервъ. Всѣ занятыя нами позиціи, командовали непріятельскими и только форты Эмиръ-оглы и Рамазанъ-табія были выше расположенія нашихъ войскъ.

4-го мая, ровно въ 10-ть часовъ утра, прошумѣла въ воздухѣ сигнальная ракета, вторя ей, раздался грохотъ орудій и со всѣхъ батарей съ визгомъ полетѣли снаряды въ непріятельскую крѣпость. Турки нѣсколько минутъ не отвѣчали и можно было подумать, что городъ брошенъ. Но вотъ, задымился Сингеръ, Ахали, Дювъ и Мехрабъ, посылая отвѣтные снаряды. Съ этого мгновенія турки, безпрерывно, энергически стрѣляли. Наши батареи палили разсчетливо, съ промежутками, выпуская снарядъ за снарядомъ.

Внѣ всякой опасности, тифлисцы любовались невиданнымъ досель зрѣлищемъ—гранаты не долетали къ намъ. Въ бинокль можно было отчетливо прослѣдить полетъ каждаго нашего снаряда и судить о его дѣйствіи. Въ особенности же рельефно замѣчалось дѣйствіе нашей артилеріи, противъ форта Гёля-верды, громимаго первой и второй батареями кавказской гренадерской артилерійской бригады. Надо отдать полную справедливость непріятелю, все время храбро и настойчиво отстрѣливавшемуся. Но огонь турецкой артилеріи былъ недѣйствителенъ и потери наши весьма незначительны.

Около часу пополудни, съ противуположной стороны фортовъ Гёля-верды раздался бѣглый ружейный огонь, прерываемый иногда залпами,—то елисаветпольцы штурмовали Эмиръ-оглу. Въ непродолжительномъ времени послышалось русское «ура» и вскорѣ показались толпы турокъ, въ безпорядкѣ бѣжавшихъ въ крѣпость. Форты Гёля-верды были взяты штурмомъ (24). Крики восторга и ликованія пронеслись по рядамъ войскъ, солдаты, снявъ шапки, крестились.

За часъ до взятія Гёля-верды, командующій корпусомъ, находившійся все время на лѣвомъ флангѣ тифлисскаго полка, поѣхалъ

со своею свитою на правый флангъ боевой линіи, чтобы лично руководить занятіемъ форта. Начальникъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ Духовской, уѣзжая передалъ приказаніе полковнику Ридигеру, что если, послѣ занятія форта, войска праваго фланга будутъ продолжать наступленіе, то лѣвому флангу сообразаться съ ними, наступая прямо на Ардаганъ. Командиръ полка, о распоряженіи этомъ, доложилъ сейчасъ же, начальнику лѣваго фланга генералъ-маіору Зедергольму. Спустя нѣкоторое время, послѣ паденія Гёля-верды, пріѣхалъ ординарецъ корпуснаго командира рядовой Едигаровъ и привезъ приказаніе, чтобы одинъ баталіонъ наступалъ на Ардаганъ. Приказаніе это согласовалось вполнѣ, съ распоряженіемъ генерала Духовскаго и, какъ казалось, отдавалось съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля отъ павшаго форта, а потому генералъ Зедергольмъ приказалъ второму баталіону не медля перейти въ наступленіе. Баталіонъ, взявъ ружья вольно, развернувшись поротно въ одну линію, пошелъ впередъ.

При спускѣ къ крѣпости со склона Алагёза, второй баталіонъ былъ совершенно открытъ, представляя отличную мишень для непріятельской артилеріи, не замедлившей воспользоваться невыгоднымъ положеніемъ туфлисцевъ.

Съ перваго же шага, всѣ правобережныя непріятельскія батареи направили огонь въ наступавшихъ и моментально засыпали наши колонны снарядами. Гранаты падали чуть не подъ ногами. Казалось наступающія роты должны были понести огромныя потери, на самомъ же дѣлѣ, огонь турецкой артилеріи оказался безвреднымъ. Роты втораго баталіона шли развернутымъ фронтомъ, съ разомкнутыми рядами на полныхъ интервалахъ, имѣя начальниковъ впереди; при ротахъ находился командиръ полка. Около тридцати орудій обстрѣливали наступавшихъ тифлисцевъ (*). Наконецъ баталіонъ достигъ продолговатой возвышенности, имѣвшей видъ природнаго брустверa; тутъ полковникъ Ридигеръ приказалъ остановиться, но 4-я и 5-я роты, увлекаемыя своими командирами, поручикомъ Снѣжковымъ и штабсъ-капитаномъ Мадчевріани, перебѣжали бугоръ, залегли въ балкѣ въ разстояніи 1200—1300 шагахъ отъ крѣпости и завязали съ непріятелемъ ружейную перестрѣлку.

Почти одновременно съ наступленіемъ втораго баталіона, новый ординарецъ привезъ записку за подписью полковника Семенова слѣдующаго содержанія: «Начальникъ штаба приказалъ вести другой баталіонъ вашего полка въ резервъ, (за однимъ баталіономъ уже послали юнкера Едигарова). 1½ часа пополудни 4-го мая». Неправильно переданное первое приказаніе, заставило ошибочно исполнить и второе. Генералъ Зедергольмъ, которому предъявлена была записка полковника Семенова, приказалъ отправить въ резервъ наступавшему баталіону еще одинъ баталіонъ. Но можно было послать только двѣ роты перваго баталіона, такъ какъ необходимо было двѣ другихъ—оставить въ прикрытіи орудій. Четвертый же баталіонъ стоялъ далеко въ резервѣ и привлечь его было нелегко. Впрочемъ, маіоръ Суликовъ, замѣтя наступленіе своихъ, увлекшись, тоже выдвинулъ 4-й баталіонъ въ боевую линію и попалъ, хотя подъ безвредный, но сильный артилерійскій огонь.

Двѣ роты перваго баталіона, а именно 1-я и 1-я стрѣлковая, слѣдовали нѣсколько сзади втораго баталіона, составляя какъ бы вторую линію и подверглись не менѣе сильному огню, но отдѣлались не столь счастливо, какъ второй баталіонъ. Одна граната, попала въ правый флангъ роты Его Высочества и вывела изъ строя 10-ть человѣкъ. По прибытіи двухъ ротъ, за бугромъ собрались 1-я и 1-я стрѣлковая, 6-я и 2-я стрѣлковая роты. Пріостанавливая баталіоны, командиръ полка имѣлъ въ виду одно изъ двухъ: или выждать движеніе эриванцевъ и бакинцевъ отъ Ченяверды, такъ какъ съ этой стороны замѣтно было въ бинокль довольно сильное наступленіе, или, что было еще вѣрнѣе, не зарываться слишкомъ далеко съ слабыми силами, такъ какъ были шансы думать, что приказаніе привезенное Едигаровымъ передано невѣрно и, что штурмъ крѣпости вовсе въ этотъ день не предполагался.

Между тѣмъ, турки безпрерывно продолжали канонаду, снаряды то и дѣло свистѣли въ воздухѣ. Большей частью они не разрывались, углубляясь въ болотистую мѣстность. Командиръ полка безпрестанно всходилъ на возвышенность и все время наблюдалъ въ бинокль за тѣмъ что дѣлалось въ впередилежащихъ фортахъ крѣпо-

сти и на правомъ флангѣ, откуда должно было начаться наступленіе. Но какія то части цѣпью продвинулись впередъ форта и затѣмъ остановились. Поэтому и тифлисцы оставались въ бездѣйствіи, сознавая ясно, что въ этотъ день штурмъ не состоится.

Наконецъ, около 6-ти часовъ вечера, генералъ-маіоръ Зедергольмъ прислалъ приказаніе—всѣмъ частямъ тифлисскаго полка отступить на прежнія позиціи, отходя по возможности участками и цѣпями, во избѣжаніе безполезныхъ потерь. Полковникъ Ридигеръ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, пославъ съ приказаніемъ къ 4-й и 5-й ротамъ подпоручика Родзевича, безстрашно исполнившаго вторично подобное порученіе.

Роты, лежавшія за закрытіемъ, начали отступать, поочередно полувзводами, разсыпанными рѣдкою цѣпью, направляемыя командиромъ полка лично на скатъ Алагёза, казавшійся по наблюденію полковника Ридигера мертвымъ пространствомъ. Дѣйствительно, турки не стрѣляли по отступавшимъ, давъ ротамъ удалиться безнаказанно: это служило несомнѣннымъ доказательствомъ, что у непріятеля не было орудій направленныхъ на упомянутый выше скатъ. Послѣднее обстоятельство сообщено было на другой день полковникомъ Ридигеромъ начальнику осадной артилеріи полковнику Коханову, вслѣдствіе чего, на необстрѣленномъ скатѣ Алагёза устроена была батарея (9-ти фунтовая осадная) поручика Черняевскаго, громившая съ успѣхомъ 5-го мая укрѣпленія Мехрабъ и Дюзъ, не понеся сама никакой потери.

Труднѣе другихъ отступленіе выпало на долю 4-й и 5-й ротъ какъ болѣе близкихъ къ непріятелю, но и онѣ отошли съ потерею двухъ человѣкъ, легко раненыхъ пулями.

Такимъ образомъ, окончилось движеніе тифлисскаго полка къ Ардагану 4-го мая, которое оказалось ошибочнымъ, вслѣдствіе неправильно переданнаго приказанія ординарцемъ Едигаровымъ. Ему приказано было сообщить, чтобы одинъ баталіонъ тифлисскаго полка передвинулся въ резервъ баттареямъ, но не то чтобы шелъ на штурмъ; конечно это составляло большую разницу! Начатое предпринятое движеніе на штурмъ, дало, сверхъ чаянія, благіе результаты. Оно превосходно повліяло на духъ и настроеніе солдатъ,

Они наглядно убѣдились, что не всякая пуля убиваетъ, не каждая граната разрывается и не всѣ осколки ранятъ и калѣчатъ. Наконецъ, люди на практикѣ увѣрились въ малой дѣйствительности непріятельскаго артилерійскаго огня.

Несмотря на безсонную ночь и общее утомленіе, отъ полка высланы были очередныя роты въ сторожевую цѣпь (2-я и 6-я роты), охотники отправлены въ лагерь, а остальные люди расположились бивуакомъ на сырой почвѣ Алагёза.

Потеря полка 4-го мая состояла: убитыхъ два, раненыхъ 11, контуженыхъ одинъ барабанщикъ. Почти весь уронъ пришелся на долю роты Его Высочества (36).

Ночью командиръ полка получилъ слѣдующую диспозицію:

Приказъ на 5-е мая 1877-го года № 22, бивуакъ у горы Алагёзъ.

«1) Всѣмъ войскамъ къ девяти часамъ отобѣдать и по сбору выстраиваться въ слѣдующемъ порядкѣ: рота саперъ 1-го кавказскаго сапернаго баталіона, два баталіона эриванскаго полка, два баталіона бакинскаго полка, 1-я и 2-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады—выстраиваются впереди лагеря тифлисскаго полка и далѣе слѣдуютъ подъ личнымъ моимъ начальствомъ; при этой колоннѣ должны быть лазаретные фургоны съ носилками; старшій врачъ 3-го сапернаго баталіона и младшій врачъ гренадерской артилерійской бригады. Предлагается врачамъ озаботиться достаточнымъ числомъ перевязочныхъ средствъ, а также отъ частей должны быть фельдшера.

2) Для продолженія бомбардировки города Ардагана, на сѣверномъ склонѣ Алагёза назначается 6-ть орудій осадныхъ 9-ти фунтовыхъ, 5-ть шести дюймовыхъ мортиръ и 1-я батарея 39-й артилерійской бригады, три роты сапернаго баталіона, три баталіона тифлисскаго полка,—всѣ подъ командою генералъ-маіора Зедергольма.

3) При этой колоннѣ перевязочный пунктъ будетъ подвижной; для колонны генералъ-маіора Зедергольма перевязочный пунктъ имѣетъ быть на скатѣ Алагёза, сзади войскъ, на мѣстахъ мортирныхъ батарей, куда и должны собираться всѣ остальные врачи.

4) Всей кавалеріи, полъ часа послѣ сбора, со взводами конной артилеріи построиться впереди лагеря полевой артилеріи и быть въ готовности по первому востребованію.

5) . . . . . .

6) Въ прикрытіи лагеря остаются по одному баталіону отъ гренадерскихъ полковъ, которые обязаны прикрыть мѣста выступающихъ войскъ.

7) Караулъ къ ставкѣ корпуснаго командира, и ко мнѣ, ординарцы и вѣстовые—рота бакинскаго полка.

Пароль—г. Борисовъ; отзывъ—св. Борисъ; пропускъ—бомба.

Подлинное подписалъ, генеральнаго штаба, полковникъ Радзишевскій».

Утро 5-го мая, застало войска на позиціяхъ, занятыхъ съ вечера. Третій баталіонъ пришелъ на смѣну перваго баталіона, которому выпалъ жребій охранять лагерное мѣсто.

Баталіоны тифлисскаго полка расположены были въ слѣдующемъ порядкѣ: третій баталіонъ, въ прикрытіи батареи, назначенной дѣйствовать противъ укрѣпленія Сингеръ, имѣя въ цѣпи, по флангамъ батареи полковника Кирсанова, 8-ю и 9-ю роты; 7-я и 3-я стрѣлковыя роты, составляя резервъ, заняли высоту за батареей, ставъ въ развернутомъ строю и разомкнувъ ряды. Четвертый баталіонъ прикрывалъ 9-ти фунтовую осадную батарею поручика Чернявскаго, устроенную на необстрѣленномъ пространствѣ ската Алатёва, напротивъ укрѣпленія Дюз-табія. 4-я стрѣлковая рота разсыпалась въ цѣпь, 10-я и 12-я роты стали въ первой линіи, а 11-я рота со знаменемъ во второй линіи. Второй баталіонъ поставленъ былъ (внѣ выстрѣловъ) въ резервѣ, въ колоннѣ изъ середины, сзади бывшихъ мортирныхъ батарей. Кромѣ цѣпей, всѣ развернутыя роты расположились внѣ выстрѣловъ.

Погода стояла прекрасная, солнечное утро всѣхъ оживило и развеселило. Солдаты завтракали сухариками съ водою, вспоминая вчерашнія невзгоды. Бомбардировка не начиналась и обѣ стороны хранили упорное молчаніе. Въ войскахъ носился слухъ, что къ непріятелю посланъ парламентеръ съ предложеніемъ сдать крѣпость и пока не получится отвѣтъ, до тѣхъ поръ бомбардировка не откроется.

Въ 10-мъ часу, всѣмъ баталіонамъ привезли на лагеря готовый обѣдъ въ закрытыхъ котлахъ. Проголодавшіеся въ прошлый день люди, спѣшили удовлетворить аппетитъ. Многимъ офицерамъ деньщики тоже принесли закуску, словомъ всѣ старались подкрѣпить силы. Ѣда замѣтно пріободрила даже и усталыхъ.

Послѣ полудня, командующій корпусомъ объѣзжалъ войска, здороваясь съ людьми, отвѣчавшими привѣтливо; прошлаго шатанія не замѣчалось и слѣда. Его Высокопревосходительство замѣнилъ, кое гдѣ, расположеніе войскъ, вслѣдствіе чего, второй баталіонъ увели назадъ шаговъ на 800 и поставили въ балкѣ. Окончивъ объѣздъ батарей, полукружіемъ охватывавшихъ Ардаганъ, командующій корпусомъ слѣзъ съ лошади и усѣлся на стулѣ, на небольшой возвышенности, находившейся сзади 3-го и 4-го баталіоновъ.

Наконецъ то, въ три часа пополудни, взвилась сигнальная ракета и, мгновенно съ обѣихъ сторонъ завязалась, неумолкаемая, частая орудійная канонада. Около пяти часовъ, командующій корпусомъ потребовалъ къ себѣ полковника Ридигера и, зная, что послѣдній наканунѣ имѣлъ возможность изучить мѣстность впереди Ардагана, Его Высокопревосходительство подробно распрашивалъ о мѣстности. Выслушавъ докладъ полковника Ридигера, командующій корпусомъ приказалъ ему ожидать новыхъ распоряженій, такъ какъ генералу Гейману уже посланъ былъ запросъ, не считаетъ ли онъ возможнымъ, сегодня же попытаться штурмовать крѣпость. Генералъ Гейманъ будто предугадалъ желаніе командующаго корпусомъ, потому что въ то самое время пріѣхалъ ординарецъ, прапорщикъ тифлисскаго полка Еремѣевъ, съ извѣщеніемъ отъ генералъ-лейтенанта Геймана, что ровно въ 6-ть часовъ, послѣдній начнетъ штурмъ крѣпости, наступая отъ форта Гёля-верды.

Вслѣдствіе этого, ровно въ 5-ть часовъ и 15-ть минутъ, командующій корпусомъ отдалъ личное приказаніе полковнику Ридигеру двинуть свой полкъ на штурмъ крѣпости въ слѣдующемъ порядкѣ: третій баталіонъ направить во флангъ и тылъ укрѣпленія Сингеръ, стараясь атаковать его одновременно съ колонной генерала Геймана; четвертому баталіону штурмовать предмостныя укрѣпленія Мехрабъ и Дюзъ и занять мостъ; второй баталіонъ получилъ назначеніе

служить резервомъ и поддержкой третьяго баталіона. Для отдачи этихъ приказаній оставалось всего 45-ть минутъ и потому, не медля ни одной секунды, полковникъ Ридигеръ поскакалъ къ 4-му баталіону и передалъ командиру его маіору Суликову, необходимыя приказанія. Затѣмъ, полковникъ Ридигеръ направился ко 2-му баталіону и отдавъ соотвѣтствующее распоряженіе, командиръ полка поѣхалъ къ 3-му баталіону, при которомъ и оставался во все время штурма. Обязанность адъютанта исполнялъ въ бою штабсъ-капитанъ Жанголовичъ, состоя по должности жалонернаго офицера въ распоряженіи командира полка.

Командиръ 3-го баталіона маіоръ Улановичъ, по полученіи приказаній, развернулъ баталіонъ поротно въ двѣ линіи и, прикрывъ свои сомкнутыя части цѣпью 3-й стрѣлковой роты, а также охотничьей командой, удлинившей цѣпь влѣво, перешелъ въ наступленіе. Непріятель сначала не замѣчалъ движенія 3-го баталіона и направилъ весь огонь на колонны генерала Геймана.

Тифлисцы шли бойкимъ шагомъ, почти бѣгомъ, чтобы поспѣть на штурмъ вмѣстѣ съ войсками праваго фланга.

Видя дружное, стремительное наступленіе русскихъ колоннъ съ двухъ сторонъ, защитники Сингеръ и Ахали моментально растерялись. Они палили торопливо, не цѣлясь, не высовывая изъ закрытій головъ. Понятно, что вся масса свинца проносилась надъ головами атакующихъ мимо, почти не причиняя вреда. Одна только непріятельская артилерія исполняла добросовѣстно свое дѣло и войска генерала Геймана, наступавшія по открытой мѣстности, несли значительный уронъ.

Замѣтя, что турецкая пѣхота стрѣляетъ не цѣлясь, наши солдаты еще настойчивѣе полезли впередъ, предводимые своими офицерами. Вдругъ, на правомъ флангѣ протремѣло «ура»; 3-й баталіонъ дружно подхватилъ его и люди, стремглавъ, въ разсыпную бросились на укрѣпленія. Охотничья команда, подъ начальствомъ штабсъ-капитана князя Макаева, и 3-я стрѣлковая рота, съ штабсъ-капитаномъ княземъ Орбеліани, ворвались первыми, почти одновременно съ бахинцами и эриванцами въ укрѣпленіе Ахали, куда не замедлили добѣжать остальныя роты 3-го баталіона.

Немногіе только непріятельскіе смѣльчаки сцѣпились въ рукопашную схватку, остальные не выдержали быстраго натиска и въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ бѣжали разомъ изъ всѣхъ правобережныхъ укрѣпленій, бросая ружья, амуницію, котелки, чтобы избавиться отъ излишней тяжести, стѣсняющей бѣгство. Увлеченные преслѣдованіемъ, люди всѣхъ полковъ смѣшались вмѣстѣ, спѣша переправиться на лѣвый берегъ Куры, гдѣ всѣ укрѣпленія еще держались, сильно отстрѣливаясь.

Прижатые къ рѣкѣ, преслѣдуемые энергично, турки бросались въ воду, пытаясь спастись вплавь. На мосту хаосъ и безпорядокъ были невообразимые (37). Огромныя кучи непріятельскихъ солдатъ, объятые паникой, инстинктивно метались въ страхѣ, безсознательно толкая другъ друга въ воду.

Чтобы довершить пораженіе непріятеля, очистивъ отъ него городъ, большая часть 3-го баталіона, который удалось командиру полка удержать въ рукахъ, повернута была имъ лично въ городъ, наступая по узкой улицѣ вдоль госпиталя, гдѣ, какъ въ этомъ зданіи, такъ и въ сосѣднихъ домахъ, засѣло много турокъ, стрѣлявшихъ изъ оконъ. Для усиленія нашего наступленія, разсыпана была 7-я рота, которая мѣткимъ огнемъ выжила турокъ изъ зданій. Засѣвшіе въ нихъ непріятельскіе стрѣлки были переколоты. Командиръ полка слѣзъ съ лошади и направился къ дому паши, окруженному людьми 3-го сапернаго и частью 3-го тифлисскаго баталіоновъ. Какой то саперный унтеръ-офицеръ подошелъ къ полковнику Ридигеру, увѣряя что въ домѣ находится паша, но его не хотятъ выдать плѣнные, захваченные въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Послѣ тщательныхъ розысковъ и распросовъ, паши неоказалось, такъ какъ онъ бѣжалъ изъ крѣпости одинъ изъ первыхъ.

Когда третій баталіонъ очистилъ сосѣднія съ госпиталемъ зданія, тогда, по приказанію командира полка, маіоръ Улановичъ повелъ свой баталіонъ черезъ мостъ въ укрѣпленіе Кая-Баши, куда собирались и другія войска.

Четвертый баталіонъ, находясь въ прикрытіи батареи, помогалъ ей до начала бомбардировки подносить снаряды. Какъ только началось движеніе праваго фланга боевой линіи, маіоръ Сули-

ковъ, согласно даннаго ему приказанія, началъ спускать свой баталіонъ на плоскость впереди Ардагана.

Пройдя версты полторы, баталіонъ нѣсколько пріостановился, чтобы подтянуть людей, отставшихъ на крутыхъ спускахъ Алагёза. Приведя баталіонъ въ порядокъ, маіоръ Суликовъ быстро пошелъ впередъ, имѣя 4-ю стрѣлковую роту въ цѣпи, 10-ю и 12-ю роты въ первой линіи, за которыми слѣдовала 11-я рота съ развернутымъ знаменемъ. Увидя это наступленіе, оба предмостныя укрѣпленія открыли чрезвычайно частый и сильный огонь, сосредоточивъ всѣ орудія, на двигавшіяся маленькія колонны. Стрѣлки, предводимыя своимъ мужественнымъ командиромъ поручикомъ Сагиновымъ, быстро и смѣло перебѣгали впередъ, по временамъ залегая, и мѣткимъ огнемъ поражали турокъ, сидѣвшихъ въ переднихъ траншеяхъ.

Роты безостановочно подвигались и были, такъ сказать, уже у цѣли, какъ вдругъ къ маіору Суликову подскакалъ ординарецъ командующаго корпусомъ, съ приказаніемъ остановиться и выждать атаку праваго фланга. Но было уже поздно!—не пришлось исполнить этого приказанія: стрѣлки зарвались, подошли почти къ самымъ укрѣпленіямъ, баталіонъ тоже не отставалъ; оставалось только одно—броситься впередъ съ крикомъ «ура», къ счастію, чрезъ мгновеніе раздавшемуся также въ колоннахъ генерала Геймана.

Атака 4-го баталіона была исполнена съ замѣчательной быстротой и удалью. Испуганный непріятель мигомъ сталъ очищать траншеи и, занимавшіе ихъ турецкіе стрѣлки, взбираясь на валы укрѣпленій, хватались другъ за друга, причемъ каждый сраженный пулею, падая, тащилъ въ ровъ многихъ товарищей. Вскорѣ, изъ укрѣпленій стали бѣжать цѣлыя массы турокъ, но нашлись и такіе, которые, до послѣдней минуты, отчаянно защищались, стрѣляя въ солдатъ почти въ упоръ. Разъяренные люди живо порѣшали ихъ штыками. Чтобы прекратить безполезную бойню, поручикъ Сагиновъ сталъ кричать по татарски «явашъ! явашъ! (стой); турки, засѣвшіе большой кучей во рву, послушались, прекратили огонь и взяли было къ ногѣ. Какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, можетъ и нечаянный, ранившій 4-й стрѣлковой роты рядового

Фисенко. Это послужило сигналомъ къ поголовному истребленію турокъ. Рядовой Черновъ живо закололъ выстрѣлившаго непріятельскаго солдата и несмотря ни на какія усилія, невозможно было удержать разсвирѣпѣвшихъ солдатъ (38). Едва, едва, и то съ большимъ трудомъ, поручику Сагинову удалось спасти четырехъ человѣкъ. Во время наступленія и атаки, маіоръ Суликовъ неотлучно находился со стрѣлками, стараясь, личною неустрашимостью, подавать имъ примѣръ. Послѣ описаннаго кроваваго эпизода, часть обороняющихся еще оставалась за валами укрѣпленій, но ворвавшіяся роты 4-го баталіона съ частью охотниковъ, подъ командою подпоручика Невѣровскаго, обратили ихъ въ бѣгство.

Турки густой массой запрудили окопечность кладбища и мостъ, стрѣлки и прочія роты слѣдовали за ними по пятамъ и многихъ сбросили штыками въ Куру.

Для защиты моста на противуположномъ берегу, поставлено было горное орудіе, повидимому заряженное (39). Маіоръ Суликовъ опасался, что когда очистятъ мостъ отъ турокъ, то орудіе откроетъ огонь и неминуемо будутъ потери. Поэтому баталіонный командиръ кричалъ своимъ людямъ, чтобы они, пока непріятель ихъ заслоняетъ, поскорѣе завладѣли бы стальной пушкой. Предупрежденіе это было лишнее, орудіе бездѣйствовало, такъ какъ прислуга давно уже бѣжала.

Около моста, тифлисцы сошлись съ эриванцами. Послѣдніе повернули вправо въ цитадель, а 4-й баталіонъ, во главѣ со стрѣлковой ротой и охотниками, преслѣдовалъ бѣгущихъ, уничтожая всѣхъ сопротивлявшихся.

Четыре плѣнныхъ турка, сопровождавшихъ поручика Сагинова, идя по городу, громко вызывали изъ домовъ своихъ товарищей, предлагая имъ сдать русскимъ оружіе и увѣряя, что всѣ они будутъ въ безопасности. Вслѣдствіе этого, нѣсколько человѣкъ вышли изъ домовъ, изъявляя покорность. Такимъ образомъ, около командира 4-й стрѣлковой роты скопилось 11-ть плѣнныхъ, въ числѣ ихъ одинъ молодой офицеръ.

Выбѣжавъ за городъ, стрѣлки увидѣли цѣлыя толпы и вереницы турокъ, въ безпорядкѣ спасавшихся бѣгствомъ. Сзади всѣхъ,

видѣлась группа, тащившая что то, громоздкое. Солдаты подумали что уносятъ казну и, несмотря на страшное утомленіе, стрѣлки побѣжали впередъ, открыли огонь, двухъ человѣкъ положили на мѣстѣ, остальные бѣжали. Оказалось, что это было стальное орудіе, а не казна. Въ это время подошли остальныя роты 4-го баталіона, и затѣмъ закричали «раздайсь!» То кавалерія, со взводомъ конной артилеріи, неслась преслѣдовать бѣгущихъ. Тогда уже начинало смеркаться.

Все поле, гдѣ стоялъ 4-й баталіонъ, усѣяно было трупами и кучами турецкаго имущества, разбросаннаго въ величайшемъ безпорядкѣ. Баталіонъ собрался въ колонну изъ середины. Увлекшіеся люди, вернулись въ ряды и когда порядокъ возстановился, къ колоннѣ подъѣхалъ генералъ-маіоръ Зедергольмъ, благодарилъ людей за молодецкое дѣло, поздравилъ съ побѣдой, приказавъ отступить въ лагерь, что и было исполнено сейчасъ же.

Второй баталіонъ, составляя резервъ, не принималъ участія въ дѣлѣ, благодаря той невѣроятной стремительности, съ которою занята была крѣпость.

Такимъ образомъ, въ штурмѣ принимали непосредственное участіе только два баталіона тифлисскаго полка. Изъ нихъ третій баталіонъ поддерживалъ и содѣйствовалъ колоннѣ генерала Геймана, къ овладѣнію укрѣпленіями Синдеръ и Ахали, а затѣмъ очистилъ городъ, или тылъ наступленія отъ непріятеля, остававшаго зданія и всѣ сколько нибудь значительныя постройки. Четвертый баталіонъ самостоятельно, безъ всякихъ соперниковъ, завладѣлъ сильными укрѣпленіями Мехрабъ и Дюзъ, выстроенными по правиламъ современнаго искусства, вооруженными 9-ю тяжелыми орудіями, снабженными громаднымъ количествомъ снарядовъ. За этотъ подвигъ 4-му баталіону было пожаловано георгіевское знамя, а его храбрый командиръ маіоръ Суликовъ получилъ орденъ св. Великомученика Георгія, 4-й степени. Впослѣдствіи, тотъ же орденъ получили поручикъ Сагиновъ и штабсъ-капитанъ князь Орбеліани.

Для исторической точности, необходимо сказать, что 4-й баталіонъ началъ атаку, немного ранѣе колонны генерала Геймана, а слѣдовательно и всѣ дѣянія 3-го баталіона въ городѣ, совершены тог-

да, когда 4-й баталіонъ уже перешолъ мостъ.

Первый баталіонъ, какъ сказано выше охранялъ лагерь.

Вотъ такими то результатами завершился, славный для тифлисцевъ день 5-го мая.

Передъ сумерками перестрѣлка прекратилась всздѣ и съ укрѣпленія Кая-Баши раздались сигналы отбой и сборъ. Правда, фортъ Рамазанъ-табія еще находился въ рукахъ непріятеля, но онъ молчалъ въ эту минуту, также точно какъ и во время боя, сдѣлавъ всего два выстрѣла. Грозный Рамазанъ-табія турки оставили въ ту же ночь.

По сбору, въ фортъ Кая-Баши вступилъ только 3-й баталіонъ тифлисскаго полка; 4-й, какъ мы знаемъ, увлекся преслѣдованіемъ, а 2-й, не разслышавъ сигнала, оставался около госпиталя.

Когда войска стянулись въ цитадель въ достаточномъ числѣ, генералъ Гейманъ объѣзжалъ ряды, поздравляя молодцовъ съ первой славной побѣдой. Звучнымъ «ура» отвѣчали войска на поздравленія генерала. Музыка заиграла народный гимнъ, всѣ сняли шапки и преклонили колѣни, горячо молясь. Минута была высокоторжественная! Послѣ этого генералъ Гейманъ приказалъ идти всѣмъ обратно въ лагерь у Алагеза. Ардаганъ заняли части лейбъ-эриванскаго и бакинскаго полковъ.

Уставшіе люди, еле передвигали ноги и только въ 3 часа весь полкъ собрался въ лагерь.

Уронъ этого памятнаго дня въ полку состоялъ: убитыхъ—7, раненыхъ—15, контуженыхъ—7,—итого 29 человѣкъ.

Въ два дня подъ Ардаганомъ полкъ потерялъ: убитыхъ—9, раненыхъ—26, контуженыхъ,—7—всего 42 человѣка (40).

Къ сожалѣнію многіе раненые впослѣдствіи умерли.

Сверхъ того, легко раненъ въ правое бедро поручикъ Абеловъ, не оставившій фронта. Ружей утеряно 9, выпущено патроновъ 27,642 ружейныхъ и 439 револьверныхъ (41).

Утромъ 6-го числа командиръ полка получилъ, одно за другимъ, два предписанія слѣдующаго содержанія:

«1) Въ тифлисскій полкъ. Генералъ-лейтенантъ Гейманъ приказалъ: двумъ баталіонамъ тифлисскаго полка безотлагательно по-

обѣдать и смѣнить въ крѣпости Ардаганѣ два баталіона бакинскаго полка. Присемъ предупреждается, что войска переходятъ въ Ардаганъ. Баталіоны налегкѣ идутъ въ Ардаганъ, а тяжести переходятъ туда же—не торопясь. Нелишнимъ считаю предупредить, что бакинскіе баталіоны не имѣютъ даже сухарей съ 5-го мая. Полковникъ Радзишевскій, 8¼ часовъ утра 6-го мая.

2) Генералъ-лейтенантъ Гейманъ приказалъ: двумъ баталіонамъ тифлисскаго полка, отправляющимся въ крѣпость Ардаганъ, поступить по занятіи крѣпости въ распоряженіе коменданта подполковника Мищенко, заняв одною ротою укрѣпленіе Рамазанъ-табія. Полковникъ Радзишевскій, 8 часовъ 40 минутъ утра.

P. S. Выслать пріемщиковъ въ корпусный штабъ за полученіемъ барановъ».

По полученіи приведенныхъ выше распоряженій, командиръ полка приказалъ людямъ поскорѣе обѣдать. Ротамъ приказано было накормить плѣнныхъ и своихъ раненыхъ. Прекрасный этотъ обычай относительно послѣднихъ соблюдался всю кампанію. Полковникъ Ридигеръ наблюдалъ постоянно, чтобы раненые прежде другихъ были накормлены, если конечно перевязочный пунктъ былъ вблизи полка.

Послѣ обѣда, въ одиннадцатомъ часу, 1-й и 2-й баталіоны выступили съ музыкой и пѣснями въ Ардаганъ. (3-й и 4-й баталіоны должны были подойти нѣсколько позже). Путь баталіоновъ пролегалъ по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ 4-го и 5-го мая происходилъ бой. Тамъ и сямъ, ходили санитары съ носилками, подбирая убитыхъ и раненыхъ, такъ какъ темнота и пересѣченная мѣстность воспрепятствовали убрать ихъ наканунѣ.

Въ Ардаганѣ первый баталіонъ сталъ лагеремъ внутри укрѣпленій Мехрабъ и Дюзъ, куда потомъ прибыли 3-й и 4-й баталіоны, второй же баталіонъ направился въ цитадель Кан-Баши. Войдя въ городъ, даже при поверхностно брошенномъ взглядѣ, можно было составить себѣ полное понятіе о страшномъ погромѣ турокъ и, о невѣроятныхъ потеряхъ понесенныхъ ими. Вездѣ виднѣлись слѣды разрушенія и тоскливаго запустѣнія, точно по городу пронеслась заразительная эпидемія, уничтожившая всё живое. Многіе дома бы-

ли наглухо заколочены, иные распахнуты настежь, лавки разломаны, арбы опрокинуты, заборы снесены. На каждомъ шагу попадались оружіе, амуниція, безпорядочныя кучки одежды, ранцевъ и всякаго имущества. Улицы были завалены снарядами и буквально запружены металическими патронами, такъ что страшно было ѣхать верхомъ, изъ опасенія чтобы лошадь, ударивъ копытомъ, не произвела взрыва.

А трупы, трупы, такъ и валялись вездѣ!—напримѣръ—на одной площади, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженей, южнѣе укрѣпленія Сингеръ, лежало 320 труповъ. Въ числѣ ихъ былъ начальникъ штаба ардаганскаго отряда полковникъ Ахметъ-Бей, два маіора и 9 оберъ-офицеровъ. Около госпиталя, влѣво отъ входа на мость, люди думали, что сложены дрова, не то были мертвыя людскія тѣла.

Запахъ крови, разложенія и гніенія, носился въ воздухѣ. Да, пораженіе было ужасное, невѣроятное!

Тутъ кстати считаемъ нелишнимъ ознакомить читателей вкратцѣ съ крѣпостью и ея вооруженіями, потому что тогда только будутъ понятны громадные результаты, добытые побѣдой.

Городъ Ардаганъ лежитъ на обоихъ берегахъ Куры, въ плодоносной долинѣ, образуемой горами Алагёзомъ и сплошною цѣпью многихъ возвышенностей(42). На правомъ берегу сосредоточены были правительственныя учрежденія и постройки, по большей части европейской архитектуры. Тутъ виднѣлись: трехъ-этажный домъ паши, госпиталь, казармы, почтамтъ, телеграфная станція, разныя казенныя зданія и только немного, плоскокрышыхъ, восточныхъ построекъ. На лѣвомъ берегу группировались азіятскія постройки, караванъ-сараи, лавки, мечети и сакли жителей. Весь городъ былъ опоясанъ, почти сплошнымъ, кольцомъ укрѣпленій. Для насъ, конечно, важны лишь правобережныя укрѣпленія, такъ какъ противъ нихъ направлены были дѣйствія полка 4-го и 5-го мая.

Первое укрѣпленіе, защищавшее входъ въ городъ, было Мехрабъ, имѣвшее рядъ ложементовъ для стрѣлковъ. Въ немъ четвертый баталіонъ захватилъ только три орудія, на то всѣ стальныя Круппонскія, заряжающіяся съ казны. Съ укрѣпленіемъ Мехрабъ соединенъ

трашеями, обширнѣйшій люнетъ Дюкъ-табія, сильной профили съ глубокими рвами, впереди которыхъ вырыты были ложементы для стрѣлковъ. Въ Дюкѣ взято шесть орудій заряжающихся правда съ дула, но нарѣзныхъ 6-ти дюймоваго калибра. Четыре же были стальныя и небольшаго калибра—3,8 дюйма.

Ахали-табія тоже значительной профили укрѣпленіе съ длинными неоконченными окопами по бокамъ, оно вооружено было пятью орудіями, изъ нихъ: одно шести дюймовое, одно калибромъ—4,8 дюйма (гладкое), двѣ горныя пушки и одно орудіе мѣдное, съ казны заряжаемое, калибромъ—3,8 дюйма.

Сингеръ и Кавъ-тепеси два отдѣльныя укрѣпленія, соединенныя въ одно, оба расположены на высотѣ командующей и обстрѣливали весь городъ изъ 19-ти орудій. По обѣ стороны двухъ названныхъ укрѣпленій были построены батареи для полевыхъ орудій, На правомъ же берегу возвышались форты Гёля-верды вооруженные девятью орудіями.

На лѣвомъ берегу Куры находились: старая цитадель и фортъ Кая-баши, неоконченное укрѣпленіе Кудіанъ-чаиръ и сильный фортъ Рамазанъ-табія. Распланировка и устройство укрѣпленій показывали, что ихъ воздвигли опытные мастера военнаго дѣла. На всѣхъ ардаганскихъ укрѣпленіяхъ и въ арсеналѣ найдено нами 92 орудія, большею частью Крупповскихъ, стальныхъ. Число убитыхъ турокъ насчитали до 1,700 человѣкъ и раненыхъ болѣе двухъ тысячъ(*).

Кромѣ того, захвачено множество ружей системы Пибоди-Мартини, и Снайдера, громадные запасы пороха, снарядовъ, патроновъ, амуниціи, одежды, склады галетъ, ячменя, сѣна, рисовой крупы и проч. Имущество захваченное у турокъ оцѣнивалось экспертами отъ 3-хъ до 4-хъ милліоновъ рублей.

Вскорѣ послѣ того, какъ тифлисскій полкъ разбилъ лагерь въ укрѣпленіяхъ Мехрабъ и Дюкъ, къ полку пріѣхалъ генералъ Гейманъ съ начальникомъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоромъ Духовскимъ. Поздоровавшись съ людьми и еще разъ поздравивъ съ побѣдой, генералъ обратился къ 4-му баталіону, знамя котораго развѣвалось на Дюкъ-табіи, а горное орудіе стояло передъ фронтомъ, объявивъ—что онъ настойчиво будетъ хлопотать, о пожалованіи

баталіону георгіевскаго знамени. Полкъ привѣтствовалъ генерала Геймана радостными криками, долго не смолкавшими. Затѣмъ генералъ приказалъ полковнику Ридигеру принять на себя обязанность коменданта, впредь до прихода полковника Комарова, который со своимъ отрядомъ долженъ былъ занять Ардаганъ, по уходѣ остальныхъ войскъ.

Тутъ же генералъ Геймант объявилъ жителямъ, окружившимъ его густою толпой и жаловавшихся на безпорядки, производимые карапапахами, чтобы населеніе со своими просьбами и заявленіями обращалось къ полковнику Ридигеру, который будетъ удовлетворять ихъ претензіи.

Сейчасъ же послѣ отъѣзда генерала Геймана, полковникъ Ридигеръ принялъ мѣры къ возстановленію порядка въ городѣ, и къ прекращенію грабежа. Мародерствомъ спеціально занимались карапапахи и армяне, нахлынувшіе стаями изъ Ахалцыха и Ахалкалакъ. Прежде всего послана была охотничья команда въ городовой караулъ, выставившая часовыхъ къ погребамъ, складамъ, запасамъ; послѣдніе сейчасъ же начались приводиться въ извѣстность. Затѣмъ — отправлены были команды подъ начальствомъ офицеровъ, для уборки и похоронъ убитыхъ. Командиру 4-го баталіона маіору Суликову поручили собрать, разбросанное вездѣ оружіе и артилерійскіе припасы. Маіоръ Суликовъ, съ помощью завѣдывающаго оружіемъ капитана Афанасьева и офицеровъ своего баталіона, собралъ валявшіеся снаряды и патроны и уложилъ ихъ въ погреба, къ которымъ приставилъ часовыхъ. Кромѣ того, тотъ же штабъ-офицеръ усердно занялся собираніемъ ружей; огромной кучей, сложены они были около палатки командира полка. Суликовъ нашелъ также два горныхъ орудія. Въ числѣ вещей, у турокъ взято полковыми музыкантами нѣсколько барабановъ и духовыхъ инструментовъ. Полковой же барабанщикъ Костюкъ предпочелъ завладѣть настоящимъ огромнымъ турецкимъ барабаномъ, и имѣлъ терпѣніе притащить его, несмотря на утомленіе послѣ штурма, изъ Ардагана въ лагерь, что составляло разстояніе верстъ десять. Барабанъ этотъ служилъ всю войну въ хорѣ музыкантовъ и привезенъ въ Тифлисъ. Въ городѣ, между тѣмъ, начался пожаръ, отъ нашихъ ли снарядовъ, или

по другой причинѣ—неизвѣстно? Для тушенія пожара отправлена была 10-я рота, которая, хотя и невполнѣ потушила его, но покрайней мѣрѣ, не дала ему разгуляться. А что пожаръ угрожалъ серьезною опасностью, видно изъ слѣдующей записки полковника Маламы къ полковнику Рудигеру, хотя мѣры къ тушенію пожара были уже приняты: «Командующій дивизіей (кавалерійской) свиты Е г о В е л и ч е с т в а генералъ-маіоръ Шереметьевъ поручилъ сообщить Вамъ, что въ городѣ много складовъ пороху и потому проситъ распоряженія Вашего потушить пожаръ на лѣвомъ берегу Куры, 6-го мая Ардаганъ. Полковникъ Малама».

Словомъ, въ день этотъ тифлисскому полку выпало на долю, сберечь отъ расхищенія казеннаго имущества, не на одну сотню тысячъ рублей и притомъ спасти городъ отъ ужасовъ и бѣдствій пожара.

Второй баталіонъ, по вступленіи въ городъ, занялъ укрѣпленіе Кая-Баши, отдѣливъ 4-ю роту въ фортъ Рамазанъ-табія, брошенный турками 5-го же мая. Рота вернулась вечеромъ обратно. Люди втораго баталіона нашли готовый превосходно устроенный турецкій лагерь, снабженный тюфяками, подушками, одѣялами, даже кое-какою мебелью. Въ палаткахъ найдено множество пшеничныхъ галетъ, мѣшки съ отличнѣйшей сорочинской крупой, сундуки съ топленымъ масломъ, превосходное качество котораго было испытано немедленно. Сейчасъ же началась общая стряпня, а турецкіе патронные деревянные ящики послужили топливомъ. Въ нѣкоторыхъ палаткахъ висѣли на древкахъ вполнѣ готовыя курицы. За весь походъ солдаты не видывали и не испытывали такой неслыханной роскоши и удобствъ. Ну, да и ликованье же было великое, радость наивная, дѣтская!

Второму баталіону бакинцы сдали болѣе сорока человѣкъ военнопленныхъ, въ числѣ ихъ были: Али-паша командиръ ардаганской пѣхоты, одинъ интендантъ—чиномъ маіоръ, телеграфистъ, докторъ и юзъ-баши (ротный командиръ) родомъ аджарецъ.

Вечеромъ командующій корпусомъ прислалъ за пашею и интендантомъ. Для нихъ привели изъ корпусной квартиры красивыхъ казачьихъ лошадей, осѣдланныхъ щегольски. Паша со своею сви-

тою немедленно отправилая по назначенію и турки, воображая, что имъ будетъ дана свобода, забрали съ собою весь свой скарбъ.

Командующій корпусомъ обласкалъ пашу и, отобравъ отъ него необходимыя свѣдѣнія о хранящихся въ крѣпости припасахъ, отправилъ его со свитою обратно въ лагерь. Вернувшись въ Кая-Баши турки не нашли своихъ вещей и, пока ихъ доставили, плѣнные сидѣли даже безъ свѣчей.

Видя затруднительное положеніе плѣнныхъ, командиръ 6-й роты капитанъ Борковскій пригласилъ пашу съ его спутниками къ себѣ и угостилъ ихъ ужиномъ въ турецкой же палаткѣ, въ которой самъ помѣщался. Вообще надо замѣтить, что турецкіе палатки нравились очень какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ. Али-паша высокій старикъ лѣтъ 60-ти, сгорбленный, сутуловатый, человѣкъ безъ образованія, скорѣе походилъ на носильщика, чѣмъ на командира пѣхоты. Черезъ переводчика (прапорщика Агаларова) турки передали весьма много интересныхъ свѣдѣній. Паша разсказывалъ, что они совсѣмъ не ожидали нападенія со стороны Алагёза и когда замѣтили русскихъ, копающихся съ юго-восточной стороны крѣпости, то жители и войска пришли въ неописанное смятеніе. Во время же бомбардировки на нихъ наводила панику наша артилерія, стрѣлявшая до того мѣтко, что, по увѣренію Али-паши, турецкіе военноначальники вынуждены были два раза мѣнять на батареяхъ, перебитую и перекалѣченную прислугу. Но больше всего ихъ поражала стойкость нашихъ солдатъ во время штурма: «мы стрѣляемъ гранатами, картечью, пулями, а русскіе все идутъ, идутъ и идутъ!»—вотъ тутъ то наши солдаты растерялись, начали сначала палить не цѣлясь, а потомъ разомъ бѣжали». Въ подобномъ родѣ, довольно много передавали своихъ впечатлѣній плѣнные. Въ концѣ ужина Али-паша преннвно замѣтилъ, что комендантъ Гусейнъ-паша поступилъ подло, бѣжавши раньше его, тогда какъ ему, начальнику пѣхоты, лицу менѣе отвѣтственному, слѣдовало по справедливости убѣжать первымъ. Нельзя было не удивляться такому странному соревнованію и соперничеству въ побѣгѣ съ поля битвы! Если турецкіе паши пускались въ такія неумѣстныя разсужденія, то что же думали ихъ солдаты? Приведенный разсказъ фактически вѣренъ и

можетъ быть подтвержденъ многими свидѣтелями.

Когда плѣнныхъ принесли вещи, ихъ вѣжливо попросили удалиться, такъ какъ наша дисциплина обязываетъ хранить ночью въ лагерѣ тишину.

7-го мая, всѣ войска собранныя подъ Ардаганомъ, выстроились на обширной долинѣ, для выслушанія благодарственнаго Господу Богу молебствія, за ниспосланную побѣду. Во время священнодѣйствія провозглашены: вѣчная память воинамъ павшимъ на полѣ брани, многолѣтіе Царствующему Дому и русскому побѣдоносному воинству. Во время этого произведено изъ турецкихъ орудій 101 выстрѣлъ.

По окончаніи молебствія, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ выѣхалъ передъ середину войскъ и, снявъ шапку, громко поздравилъ съ блестящей побѣдой, добавляя: «Вы первые порадовали Батюшку Царя и матушку Россію!» Войска отвѣчали восторженнымъ «ура»! (Плѣнные турки издали присутствовали на церемоніи). Затѣмъ части прошли церемоніаломъ мимо командующаго корпусомъ, благодарившаго всѣхъ, отдѣльно. Утромъ читанъ былъ приказъ командующаго корпусомъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса, собраннымъ подъ Ардаганомъ и, въ этотъ же день объявленъ въ Тифлисѣ приказъ Главнокомандующаго, по кавказскому военному округу. Прилагаю при этомъ копіи обоихъ приказовъ.

Приказъ по кавказскому военному округу. Мая 7-го 1877-го года г. Тифлисъ.

«Поздравляю васъ, войска кавказской арміи, съ первымъ блистательнымъ успѣхомъ вашихъ славныхъ товарищей. Сильно укрѣпленный турецкій городъ Ардаганъ, послѣ двухдневнаго, 4-го и 5-го мая, дѣйствія нашей артилеріи палъ къ ногамъ Его Величества. Непріятель не выдержалъ дружнаго натиска нашихъ штурмующихъ колоннъ и бѣжалъ, преслѣдуемый до ночи нашей кавалеріей.

«Хвала Всевышнему за дарованную побѣду! Потери наши, благодаря Бога, не велики, сравнительно съ достигнутымъ успѣхомъ. Вѣчная память товарищамъ, павшимъ во славу русскаго оружія.

«Объявляю мою душевную признательность: командующему кор-

пусомъ генералъ-адъютанту Лорисъ-Мелпкову и генералъ-лейтенантамъ: Гейману и Девелю. Благодарю всѣхъ начальниковъ частей и офицеровъ. Мое задушевное спасибо молодцамъ солдатамъ».

«Михаилъ».

Приказъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса, собраннымъ подъ Ардаганомъ. Мая 6-го дня 1877 года, г. Ардаганъ.

«Богъ благословилъ насъ порадовать Государя, нашего Главнокомандующаго и русскій народъ первою важною побѣдою. Крѣпость Ардаганъ съ 90 орудіями пала къ стопамъ Его Императорскаго Величества и на крѣпостныхъ верхахъ развѣваются знамена нашихъ славныхъ полковъ. Оставшіеся въ живыхъ защитники Ардагана разсѣяны.

«Поздравляю васъ, боевые мои сотрудники, и благодарю, именемъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею.

«Смотря на здѣшнюю, созданную для упорной обороны, природу, на размѣры крѣпостныхъ верковъ, на отличныя орудія новѣйшихъ системъ, въ числѣ коихъ есть громадныхъ калибровъ, на груды тѣлъ непріятельскихъ, невѣрится чтобы человѣческія силы могли одолѣть все это.

«Вы всѣ, отъ перваго генерала до послѣдняго солдата, исполнили свой долгъ честно. Не могу нахвалиться неустрашимостью и искусствомъ нашихъ молодыхъ солдатъ, распорядительностью начальниковъ и офицеровъ. Ближайшимъ же моимъ помощникамъ, начальникамъ отрядовъ, генералъ-лейтенантамъ: Гейману и Девелю и начальнику корпуснаго штаба генералъ-маіору Духовскому, главнымъ виновникамъ успѣха, выражаю глубочайшую мою признательность.

«Помянемъ вѣчною памятью храбрыхъ товарищей, сложившихъ здѣсь на славу родины свои кости и, съ твердою вѣрою въ помощь Всемогущаго Творца, будемъ готовы къ новымъ подвигамъ, на новую радость Царя Батюшки, всего Русскаго Царства и на благословенное воспоминаніе отдаленнаго потомства.

«Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и сотняхъ, передъ благодарственнымъ молебствіемъ 7-го сего

мая. Подлинный подписалъ командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ».

Въ приведенныхъ приказахъ рельефно выражены результаты славной побѣды.

Совершившійся фактъ возбудилъ удивленіе Европы и русскаго народа, ликовавшаго по всему обширному Царству.

Да, это была первая побѣда, такъ какъ дунайская армія еще не вступала въ предѣлы Турціи.

Ночью 7-го мая 2-й баталіонъ присоединился къ полку, стоявшему лагеремъ на горжѣ укрѣпленій Мехрабъ и Дюзъ-табія. Рядомъ съ тифлисскимъ полкомъ помѣщался военно-временной госпиталь № 12-й, въ которомъ лежали наши раненые. Отъ общества «Краснаго Креста» при отрядѣ находился уполномоченный Карцовъ, но онъ не могъ принести никакой пользы страдальцамъ, ибо не имѣлъ при себѣ почти никакихъ запасовъ.

8-го мая, войска отдыхали, чистились и мылись, готовясь къ обратному движенію.

Командующій корпусомъ потребовалъ къ себѣ отличившихся нижнихъ чиновъ, чтобы наградить ихъ знаками отличія военнаго ордена. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ собственноручно украшалъ грудь каждаго солдата, подаривъ имъ кромѣ того по рублю.

Надо было видѣть, съ какою гордостью и неподдѣльною радостью возвращались наши молодцы, поглядывая на свои блестящіе крестики. Въ лагерѣ ихъ встрѣтили громкимъ «ура», и затѣмъ качали.

Кресты были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 3-му и 4-му баталіону дано по четыре креста на роту, 2-му баталіону по три, а 1-й и 1-й стрѣлковой ротамъ тоже по четыре. Кресты эти раздавались нижнимъ чинамъ по выбору и приговору роты. Сверхъ того, впослѣдствіи представили къ крестамъ еще по четыре человѣка изъ каждой роты. За взятіе Ардагана приказано представить къ наградамъ поголовно всѣхъ офицеровъ.

На другой день, 9-го мая, колонна генералъ-лейтенанта Геймана выступила обратно въ Запимъ. Порядокъ слѣдованія назначенъ былъ приказомъ по отряду, выписываемъ его безъ сокращеній:

«Завтра, по сбору, въ 9-ть часовъ утра, войска прибывшія изъ заимскаго лагеря, выступаютъ обратно въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) Авангардъ, подъ командою баталіоннаго командира: сотня казаковъ горско-моздокскаго полка, 1-й баталіонъ лейбъ-эриванскаго полка и 1-я батарея гренадерской артилерійской бригады.

б) Главныя силы, подъ командою генералъ-маіора Зедергольма: рота саперъ 1-го сапернаго баталіона, 2-й баталіонъ эриванскаго полка, 2-я батарея гренадерской артилерійской бригады, 3-й баталіонъ эриванскаго полка, патронные ящики, обозъ корпуснаго штаба, саперъ, артилеріи, эриванскаго полка, кавалеріи, тифлисскаго полка, дивизіонъ 1-й батареи 39-й артилерійской бригады и два баталіона тифлисскаго полка.

в) Аріергардъ, подъ командою баталіоннаго командира: 1-й баталіонъ тифлисскаго полка, дивизіонъ 1-й батареи 39-й артилерійской бригады. Обозъ прикрываетъ справа 4-й баталіонъ тифлисскаго полка».

Несмотря на побѣду, военныя предосторожности нисколько не были забыты, а напротивъ соблюдались со всею строгостью.

Съ добрымъ чувствомъ оставлялъ полкъ Ардаганъ, съ которымъ связано было столько славныхъ, прекрасныхъ, воспоминаній. Тутъ, въ первый разъ тифлисцы приняли огневое крещеніе, въ первый разъ ознакомились съ боевымъ полемъ. Солдаты долго оглядывались на городъ, будто стараясь запечатлѣть въ памяти, покидаемыя мѣста. Многіе набожно крестились, поминая молитвой павшихъ, и благодаря Создателя за спасеніе жизни.

Первый переходъ вышелъ очень трудный и, только въ десять часовъ ночи, войска добрались къ бивуаку, выбранному на горѣ.

На этотъ разъ, полку шедшему въ аріергардѣ много было возни съ обозомъ, въ особенности съ офицерскимъ, ломавшимся безпрерывно. Относительно же полковаго обоза, тифлисскому полку нельзя было сдѣлать ни одного упрека, онъ шелъ на своемъ мѣстѣ не отставая и никого не задерживая. Нѣмецкіе фургоны оказались легкими, укладистыми, прочными.

1-й баталіонъ, страшно утомившись, прибылъ лишь въ часъ ночи. Людямъ варили теплую пищу.

10-го мая, въ семь часовъ утра, отрядъ выступилъ въ порядкѣ

указанномъ выше, только съ тою разницею, что тифлисцы шли въ авангардѣ и главныхъ силахъ. Переходъ былъ весьма изнурительный. Немудрено! войска поднялись въ горы на 7735 футовъ выше уровня моря. Мѣстность эту туземцы называли Магара. Ночью выпалъ снѣгъ почти на полъ аршина.

11-го мая, люди отобѣдали въ 6-ть часовъ утра и, тотчасъ же, отрядъ началъ движеніе, имѣя во главѣ эриванцевъ; тифлисцы составляли аріергардъ; войскамъ въ полдень дали большой привалъ у озера Айгеръ-гёль, откуда правильными полосками видѣлись бѣлыя палатки заимскаго лагеря.

Вечеромъ, отрядъ сталъ на ночлегъ у деревни Башкей и Инжасу, вблизи Заима.

ГЛАВА V.

Вступленіе ардаганской колонны въ заимскій лагерь. Отправленіе 3-го баталіона въ Кюрюкъ-Дара. Фланговое движеніе кавказскихъ гренадеръ, въ обходъ Карса къ селенію Ардостъ. Назначеніе 2-го баталіона въ Хаджихалилъ, для конвоированія сухарнаго транспорта. Стоянка полка у селенія Коталы и труды лагерной жизни. Пріѣздъ Его Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею въ лагерь подъ Аравартаномъ. Несостоявшійся штурмъ Карса. Вылазка турокъ противъ Аравартана и сраженіе у селенія Бозгала. Приготовленія къ выступленію въ Зивинъ.

Чудесное утро, 12-го мая, вполнѣ гармонировало съ превосходнымъ настроеніемъ войскъ, прибывшихъ изъ Ардагана и ночевавшихъ въ селеніи Инжасу. Среди солдатскихъ кружковъ, грѣвшихся на солнышкѣ, не замѣчалось ни малѣйшей вялости, ни тѣни утомленія; всѣ лица радостно сіяли. Оживленный, громкій говоръ, сопровождался частыми шуточками, прерываемыми звонкимъ, искреннимъ хохотомъ. Люди спѣшили почиститься, оправиться, привести себя въ порядокъ, чтобы молодцами вступить въ Заимъ, гдѣ ожидали сочувственной встрѣчи; между тѣмъ, обозы полковой, рот-

ный и офицерскій, длинною вереницею, безъ всякаго прикрытія, спускались къ Заиму. Въ семь часовъ, солдаты разобрали супъ съ говядиной и усѣлись обѣдать.

Много, въ минувшія двѣ недѣли, утекло воды, много пришлось испытать горя, радостей, опасностей и, снова всё было какъ будто по старому. Нѣкоторыя линіи роты недосчитывались своихъ товарищей, и только въ ротахъ Его Высочества и 4-й стрѣлковой люди могли пожаловаться, на отсутствіе нѣсколькихъ знакомыхъ лицъ, съ которыми солдатская ложка привыкла черпать кашу изъ общаго котелка.

Послѣ обѣда, приказано было строиться и затѣмъ полки, по порядку нумеровъ, имѣя артилерію въ баталіонныхъ интервалахъ, выступили въ Заимъ. Около 12-ти часовъ, полкъ, съ пѣснями и музыкой, входилъ въ общій лагерь, присоединясь вновь къ составу главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса. Остававшіеся въ Заимѣ, для караула вещей тифлисцы, вышли на встрѣчу своимъ. По рядамъ то и дѣло раздавались привѣтствія, отрывочные вопросы, торопливые отвѣты и разнохарактерные возгласы. У переправы черезъ Карс-чай, какой то баталіонъ кубинцевъ, проходя мимо, взялъ на-плечо и гаркнулъ «ура», ему отвѣчали тѣмъ же.

Вскорѣ полкъ взошелъ на подъемъ, гдѣ былъ прежде нашъ лагерь, но тутъ стояли уже грузинцы, встрѣчавшіе баталіоны тифлисцевъ криками неподдѣльной радости. Гордые сознаніемъ исполненнаго долга, тифлисцы проходили бойко, молодцовато, какой-то удалью вѣяло отъ нихъ. Боевая опытность придавала солдатскимъ лицамъ особый колоритъ. Впереди полка везли горное орудіе, отбитое 4-ю стрѣлковою ротою. На каждомъ ночлегѣ его привозили къ ставкѣ командующаго корпусомъ (44).

Черезъ четверть часа по вступленіи въ Заимъ, полкъ дошелъ до мѣста своего расположенія и началъ устраивать лагерь лѣвѣе мингрельцевъ, съ любопытствомъ группировавшихся на линейкахъ. Пока люди разбивали палатки, голодные офицеры разбрелись по походнымъ ресторанамъ. Сказать по правдѣ, въ продолженіи двухнедѣльнаго нашего отсутствія, заимскій лагерь значительно преобразился и расширился, сталъ неузнаваемъ. Тутъ, теперь появились

магазины, наполненные всевозможными товарами и даже предметами роскоши, замечательно красовались походные рестораны, и цѣлые ряды холщовых лавочекъ пестрѣли разнообразными мелочами, необходимыми въ солдатскомъ обиходѣ. Словомъ, впереди корпусной квартиры организовался былъ вполнѣ благоустроенный, очень порядочный базаръ.

Вообще, на людей, прибывшихъ изъ Ардагана, послѣ скитанія по малонаселеннымъ мѣстамъ Анатоліи, записскій лагерь производилъ отрадное впечатлѣніе осѣдлости и довольства. Вплоть до сумерекъ, побѣдители Ардагана, веселыми группами, наводняли базаръ, запасаясь необходимыми предметами, разсказывая любопытнымъ товарищамъ о перенесенныхъ недавно минутахъ.

Ночью полкъ не выставлялъ авангардовъ, а только въ каждомъ батальонѣ назначены были дежурныя роты. Но ужинъ людямъ варили горячую пищу.

18-го мая полкъ отдыхалъ, не имѣя нарядовъ. Только третій батальонъ выступилъ въ Кюрюкъ-Дара — для охраненія находившихся тамъ складовъ. Въ этотъ же день приказано было представить къ наградамъ всѣхъ офицеровъ, принимавшихъ участіе въ штурмѣ Ардагана. Наградные листы нужно было доставить въ штабъ къ вечеру, а ихъ было 41; поэтому, командиру полка, съ его адъютантомъ, пришлось просидѣть весь день за этимъ дѣломъ, такъ какъ полковникъ Радиверъ собственноручно писалъ всѣ реляціи.

14-го мая былъ полный отдыхъ.

15-го мая, части лѣвой колонны выступили, въ 8½ часовъ утра, по направленію къ селенію Визинъ-кей. Въ авангардѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Авинова, слѣдовали: дивизіонъ драгунъ съ конною артилеріею, двѣ сотни владикавказскаго и двѣ сотни кабардинско-кумыкскаго полковъ, три батальона лейбъ-эриванскаго полка и первая батарея кавказской гренадерской артилерійской бригады. Въ главныхъ силахъ, подъ командою генералъ-маіора Комарова, находились: 1-й кавказскій саперный батальонъ, грузинскій полкъ, три батальона тифлисскаго полка и 2-я, 3-я, 4-я и 5-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады. Сзади главныхъ силъ слѣдовалъ весь обозъ. Арріергардъ, подъ командою генералъ-

маіора Зедергольма, состоялъ изъ мингрельцевъ и 6-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады. Перечисленныя войска назывались лѣвой колонной, которой командовалъ генералъ-лейтенантъ Гейманъ. Эта колонна, пройдя двадцать верстъ, имѣла ночлегъ въ Визинъ-кеѣ, гдѣ солдатамъ варили ужинъ.

16-го мая, согласно полученному приказанію, нижніе чины пообѣдали въ шесть часовъ утра. Супъ былъ съѣденъ, а полтора фунта мяса взяли съ собою. Въ семь часовъ, колонна двинулась съ ночлега, соблюдая военныя предосторожности и имѣя авангардъ, главныя силы и арріергардъ. Въ главныхъ силахъ шли три баталіона тифлисцевъ, съ 3-й батареей. До полудня отрядъ двигался почти безъ задержекъ, по гладкой долинѣ: по мѣрѣ же приближенія къ орлокскимъ высотамъ, дорога дѣлалась все хуже и наконецъ, уперлась въ отвѣсную гору, представляя узенькую тропу. Между тѣмъ, погода ежечасно мѣнялась. Попеременно шли то дождь, то снѣгъ, то градъ. Глинистый грунтъ быстро превращался въ клейкую жидкость, въ которой колеса вязли по ступицы.

Для разработки дороги и подъема на гору Орлокъ, вызваны были саперы и полковыя саперныя команды, работавшія въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ; стоявшійся же отрядъ, имѣя впереди тифлисскій полкъ, все время стоялъ на привалѣ внизу.

Послѣ трехчасоваго труда, дорога, наконецъ, была готова, но по ней поднялись на вершину только тифлисцы и мингрельцы; артилерія и всѣ обозы ночевали у подошвы. Люди на рукахъ принесли для себя палатки. Едва ихъ успѣли разбить, пошелъ градъ, сдѣлалось очень холодно. Нужно замѣтить, что высоты, гдѣ находятся развалины орлокской башни, подняты надъ уровнемъ моря почти на 7,000 футъ. Вечеромъ, потребовали людей для пріема топлива, и поздно ночью, съ грѣхомъ пополамъ, кое-какъ ухитрились сварить ужинъ. Передъ сумерками, погода немного прояснилась, за то хватилъ морозъ, такъ что грязь застыла. Не имѣя полушубковъ, люди крѣпко зябли на аванпостахъ, выставленныхъ отъ 12-й роты, подъ командою штабсъ-капитана Станиевича. Командиръ полка, будучи дежурнымъ по отряду, лично разставлялъ сторожевые посты, обративъ ихъ лицомъ къ Карсу.

17-го мая, люди пообѣдали рано и затѣмъ, приказано было выступить двумя колоннами: лѣвая, подъ командою генералъ-маіора Комарова, состояла изъ двухъ ротъ саперъ, второй бригады гренадеръ, 1-й, 2-й и 3-й батарей кавказской гренадерской артилерійской бригады и дивизіона драгунъ, съ конной артилеріей; правая колонна, подъ командою генералъ-маіора Авинова, ушла раньше.

За ночь земля побѣлѣла отъ мороза, палатки сильно закоробили, и только послѣ долгой возни ихъ могли сложить. Пользуясь тѣмъ, что грязь замерзла, полковникъ Ридигеръ приказалъ обозу своего полка подняться съ разсвѣтомъ. Сдѣлано это было очень кстати, потому что, съ восходомъ солнца, грязь растаяла, а безчисленные обозы и артилерія страшно испортили дорогу и ее до того размѣсили, что поднимавшіеся въ хвостѣ обозы не могли бы выбраться, еслибы командиръ 2-й батареи полковникъ Гаркевенко, случайно свернувшій въ сторону, не открылъ болѣе удобнаго, хотя неразработаннаго пути, по которому безъ особыхъ усилій и проѣхалъ обозъ. Затѣмъ, все время лѣвая колонна двигалась по плоскогорію, по хорошей дорогѣ.

Въ три часа пополудни, колонна генералъ-маіора Комарова, сдѣлавъ двѣнадцать верстъ, стала лагеремъ впереди селенія Хаджи-Халиль, гдѣ до сихъ поръ располагалась наша кавалерія.

18-го мая, отрядъ снова раздѣлился на двѣ колонны (68). Первая выступила въ восемь часовъ утра, а вторая должна была двинуться часъ спустя. Вторую колонну, подъ командою генералъ-маіора Зедергольма, составляли: рота саперъ, 2-я бригада гренадеръ, 4-я, 5-я и 6-я батареи и вся «художонная» кавалерія. При колоннѣ находился отрядный обозъ.

Въ моментъ выступленія первой колонны, изъ Карса вышло нѣсколько пѣхотныхъ частей. Повидимому, турки выдвинулись лишь для очищенія совѣсти: они маневрировали подъ защитою крѣпости. Генералъ Гейманъ взглянулъ на турокъ въ бинокль и, не обративъ никакого вниманія на непріятельскія эволюціи, приказалъ войскамъ исполнять свое дѣло. Тифлисскій полкъ составлялъ арріергардъ и выступилъ съ мѣста только въ 11-ть часовъ утра. Охотничья команда, на всякій случай, лежала въ залогѣ, къ сторонѣ крѣпости.

Генералъ-маіоръ Зедергольмъ прислалъ полковнику Ридигеру записку, гдѣ изложены были распоряженія на случай нападенія. Вотъ что въ ней было сказано: «если бы мы услышали выстрѣлы со стороны Хаджи-Халиля, но не со стороны Карса, то одинъ изъ вашихъ баталіоновъ, со взводомъ 6-й батареи и одной сотней, подъ вашимъ начальствомъ, будетъ посланъ въ подкрѣпленіе колонны, слѣдующей съ сухарями (о чемъ мною будетъ сдѣлано распоряженіе). Если же выстрѣлы будутъ слышны со стороны Карса, то я долженъ ожидать приказанія—сколько и какого полка баталіоновъ выслать. Сообщаю это вамъ для свѣдѣнія. Сейчасъ осматривалъ позицію, занятую вашими охотниками,—все хорошо. Я остаюсь здѣсь, у генерала Геймана, до возвращенія колонны. 18-го мая, 1877-го года. Зедергольмъ».

Но турки и не думали нападать на насъ, и къ пяти часамъ пополудни полкъ прибылъ въ Ардостъ, расположившись въ полуверстѣ отъ деревни. Лагерное мѣсто досталось очень скверное, сильно пересѣченное, волнистое, такъ что палатки поставили на склонистыхъ косогорахъ. Остальныя войска стали на ровныхъ луговинахъ лѣваго берега Карсъ-чая.

Къ вечеру, изъ сосѣднихъ деревень жители навезли разныхъ припасовъ на продажу: образовался настоящій базаръ, на которомъ можно было достать даже свѣжую рыбу. Топлива привезли тоже порядочное количество. Берега Карсъ-чая изобиловали множествомъ тучныхъ пастбищныхъ мѣстъ; подножнаго корма было вдоволь. Отъ полка ночью была выслана рота на аванпосты, и въ каждомъ баталіонѣ назначены дежурныя роты. Въ вечернемъ приказѣ по полку объявлено приказаніе начальника лѣвой колонны, чтобы музыканты играли въ слѣдующихъ случаяхъ: «при выступленіи съ бивака, при вступленіи на бивакъ, при встрѣчѣ на походѣ высшаго начальства и вообще, при всякомъ удобномъ случаѣ (48)».

19-го мая, второй баталіонъ тифлисцевъ, съ дивизіономъ 6-й батареи и полусотней волжскихъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Лорисъ-Меликова, забравъ провіантскія фуры всего отряда, отправился въ 4½ часа пополудни въ селеніе Хаджи-Халиль, чтобы встрѣтить и прикрыть колонну графа Граббе, конвоировав-

ную провіантскій транспортъ. На пятой или шестой верстѣ, баталіонъ нагнали восемь линейскъ дивизіоннаго лазарета, съ ранеными кавалеристами и турками, выѣхавшими изъ Ардоста безъ всякаго прикрытія. При выходѣ изъ деревни Ардостъ, съ баталіономъ сошелся кавказскій казачій полкъ, полковника Кирьякова, слѣдовавшій въ Кагызманъ на усиленіе эриванскаго отряда, вслѣдствіе чего полковникъ Кирьяковъ и принялъ командованіе колонной.

Незадолго до сумерокъ, второй баталіонъ прибылъ въ Хаджи-Халиль, гдѣ не нашелъ графа Гриббе, а потому обозы и люди расположились впереди деревни, отдѣливъ бивачное мѣсто сторожевыми постами, высланными отъ 6-й роты. Второй баталіонъ имѣлъ только по одной палаткѣ на роту, и люди провели холодную ночь на сырой землѣ (47).

Чтобы понять цѣль передвиженія отряда генерала Геймана, необходимо бросить взглядъ на общее положеніе дѣлъ на малоазіятскомъ театрѣ войны, существовавшее въ описываемое время, а именно: послѣ паденія Ардагана начался новый періодъ операцій главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, исключительною цѣлью для нихъ служили Карсъ и Соганлугъ. Имѣя точныя свѣдѣнія о пребываніи арміи Мухтаръ-паши на Соганлугѣ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ призналъ цѣлесообразнымъ расположить войска въ двухъ пунктахъ: одну часть съ сѣвера, а другую съ югозапада, откуда, въ случаѣ надобности, можно было выдвинуться навстрѣчу непріятелю, могущему появиться со стороны Соганлуга (48). На основаніи этихъ соображеній и выдѣлили, подъ начальствомъ генерала Геймана, лѣвую колонну, которой предстояло выбрать на западѣ отъ крѣпости такую позицію, откуда войска могли бы участвовать въ операціяхъ противъ Карса и, въ случаѣ надобности, выходить въ поле, постоянно сохраняя связь съ правою колонною генерала Девеля.

Съ цѣлью выбора соотвѣтствующей позиціи, командующій корпусомъ произвелъ, 20-го мая, большую рекогносцировку, при чемъ осмотрѣны были пораженія и чахмахскія укрѣпленія, и окончательно опредѣлены мѣста для расположенія войскъ лѣвой колон-

ны. Позиціи были избраны: для пѣхоты—между селеніями Когалы и Аравартаномъ, а для кавалеріи—близь селенія Кула. Тифлисскій полкъ въ рекогносцировкѣ не участвовалъ, а оставался въ Ардостѣ—прикрывать лагерь. Второй же баталіонъ весь этотъ день стоялъ на позиціи у сел. Хаджи-Халиль, тщетно ожидая графа Граббе, запоздавшаго съ транспортомъ вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, испорченныхъ дождями. Положеніе баталіона было рискованное: турки ежеминутно могли броситься изъ крѣпости на малочисленный отрядецъ и, пожалуй, даже отрѣзать его. Вѣроятно, генералъ Гейманъ сознавъ опасное положеніе втораго баталіона, потому что послѣ полудня на подкрѣпленіе его пришелъ изъ Ардоста, подъ начальствомъ маіора Зеньковича, 4-й баталіонъ мингрельцевъ, съ четырмя орудіями 6-й батареи.

21-го мая, на разсвѣтѣ, прибылъ графъ Граббе съ сухарнымъ транспортомъ, и пріемщики сейчасъ же начали разбирать провіантъ, нагружая имъ полковые фургоны. Полковникъ графъ Граббе перезнакомился со всѣми офицерами втораго баталіона, съ удовольствіемъ принялъ предложеніе закусить, и непринужденной обходительностью расположилъ всѣхъ въ свою пользу. Когда провіантъ приняли, тогда колонна графа Граббе выступила, и второй баталіонъ присоединился вечеромъ къ своему полку, доставивъ сухари на девять дней включительно.

Въ тотъ день, утромъ, въ полку отслужено было молебствіе, по случаю тезоименитства Шефа полка, Его Императорскаго Высочества Константина Константиновича. Ночью, послѣдовало распоряженіе о переходѣ войскъ на новую позицію.

Такъ какъ сухари, принятые въ большемъ количествѣ, чѣмъ положено имѣть въ обозѣ, слишкомъ увеличили грузъ повозокъ, и всѣхъ тяжестей нельзя было поднять сразу, то въ приказѣ по войскамъ на 22-е мая сдѣлана была оговорка: «обозъ слѣдуетъ поодиночкѣ, такъ какъ дорога будетъ прикрыта. Часть тяжестей оставить на мѣстѣ настоящаго расположенія; затѣмъ, немедленно присылать повозки для поднятія остальныхъ тяжестей». Для прикрытія неубранныхъ вещей, у Ардоста оставили мингрельскій полкъ.

Изъ этого распоряженія видно, что полки могли идти на мѣсто стоянки кратчайшимъ путемъ, по дорогамъ, которыя признаютъ болѣе удобными.

1-му и 4-му баталіону тифлисцевъ, ротѣ саперъ и двумъ сотнямъ владикавказскаго казачьяго полка, подъ общимъ начальствомъ полковника Ридигера, приказано было слѣдовать въ селеніе Чивтликъ, для постройки моста на Карсъ-чаѣ. Баталіоны эти выступили изъ Ардоста въ восемь часовъ утра, имѣя съ собою арбы, наполненныя мостовымъ матеріаломъ; остальныя войска начали трогаться около девяти часовъ. Второй баталіонъ тифлисцевъ шелъ въ главной колоннѣ. Движеніе отряда происходило довольно медленно, потому что путь пролегалъ по топкимъ мѣстамъ, изрытымъ канавами. Въ десять часовъ войска остановились для привала, люди составили ружья въ козлы, и тутъ же второй баталіонъ, по ошибкѣ, получилъ приказаніе—прикрывать обозы, идя въ хвостѣ. Подобное распоряженіе было совершенно лишнее, такъ какъ путь къ Карсу былъ достаточно прикрытъ.

Когда отрядъ выступилъ съ привала, поднялась сильная буря съ дождемъ, и вскорѣ образовалась изрядная грязь. Вообще, малоазіятская природа не забывала дарить насъ сюрпризами. Вблизи селенія Когалы обозы задержаны были крутымъ спускомъ и такимъ же подъемомъ. Много пришлось трудиться съ фургонами, втащенными большею частью людьми втораго баталіона. Обозъ тифлисскаго полка и въ этотъ разъ прошелъ безъ затрудненія. Вечеромъ, весь отрядъ собрался на высотахъ вблизи селенія Когалы, гдѣ войска стали лагеремъ. Первый и четвертый баталіоны, окончивъ постройку моста, должны были присоединиться къ главнымъ силамъ. Къ сожалѣнію, проводника не было; никто не зналъ, гдѣ Когалы, и потому, командиръ полка рѣшилъ идти наудачу, на огонекъ. Уже въ дорогѣ баталіоны встрѣтили какихъ-то казаковъ, указавшихъ лагерь, куда полковникъ Ридигеръ пришелъ съ своей колонной въ девять часовъ вечера. Ночью, около 11-ти часовъ, когда люди спали, второй баталіонъ подняли и приказали карауллить вещи, занять мѣсто, предназначенное мингрельцамъ, оставшимся все еще въ Ардостѣ.

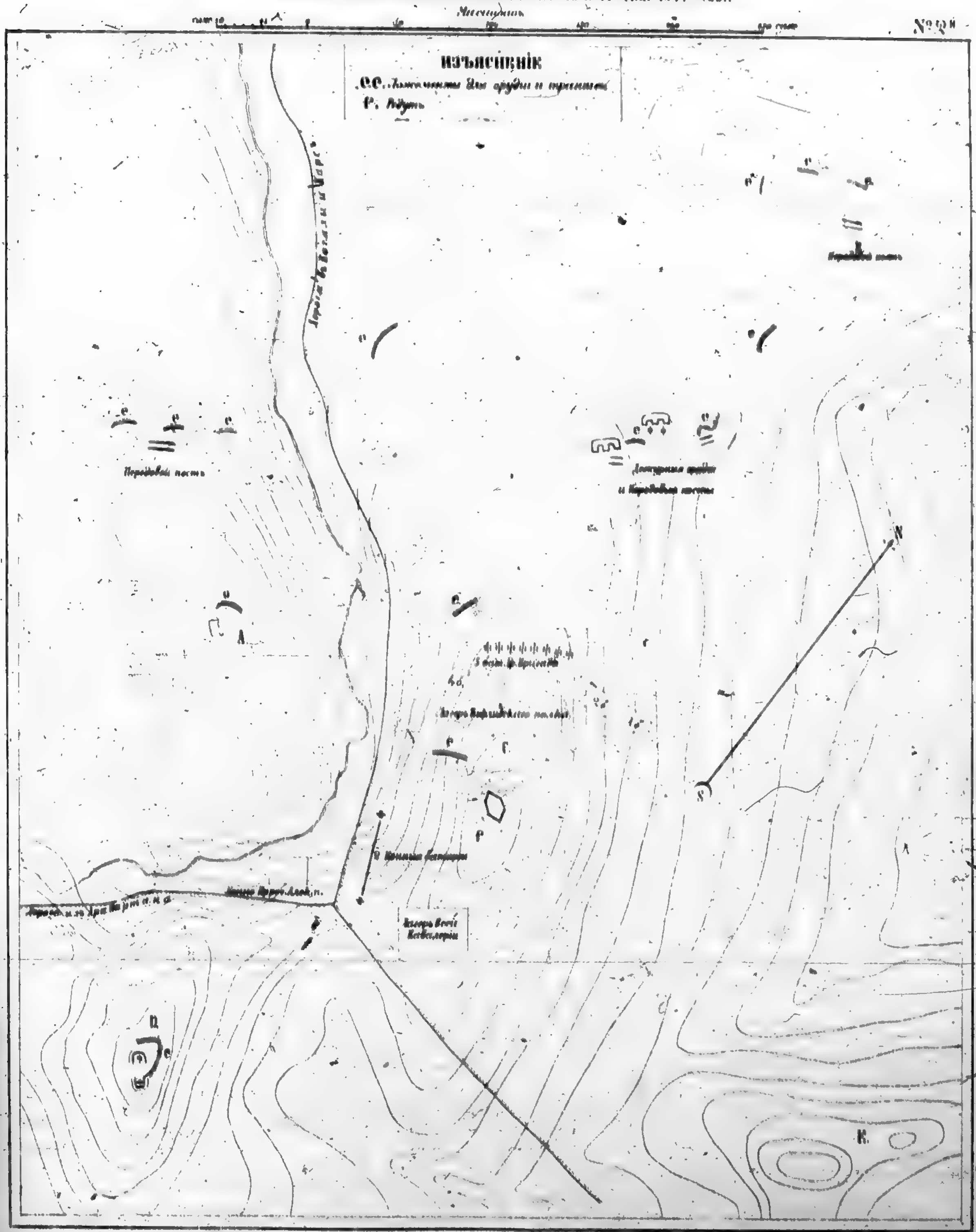
Когалы лежатъ на большой дорогѣ, идущей изъ Карса черезъ селеніе Бегли-Ахметъ къ Согандугу: значитъ, занятая позиція имѣла стратегическое значеніе, а потому рѣшено было укрѣпить ее. Приведеніе лагеря въ оборонительное положеніе началось съ утра 23-го мая, и продолжалось включительно по 27-е число. Работами руководилъ командиръ перваго сапернаго баталіона полковникъ Зеземанъ и саперные офицеры. Для возведенія же окоповъ, отъ каждаго полка ежедневно высылалось по 200 человѣкъ, съ полковымъ шанцовымъ инструментомъ. Въ одиннадцать часовъ людей отпускали, а въ три часа замѣняли свѣжими. Работа производилась неутомимо, и вскорѣ посреди лагеря выстроили большой люнетъ слабой профили, а вся впереди лежащая мѣстность покрылась траншеями, закрытіями для орудій и стрѣлковыми ровиками. Турецкій телеграфъ, проходившій около сел. Когалы въ Эрзерумъ, уничтожили, и на его мѣстѣ протянули нашу проволоку.

Вообще говоря, видно было по всему, что на новыхъ позиціяхъ войскамъ предстояла довольно продолжительная стоянка; а предпринимаемыя каждую ночь охотниками развѣдки вокругъ Карса давали право думать, что вскорѣ начнутся серьезныя операціи противъ крѣпости.

25-го мая, генералъ Геймань произвелъ рекогносцировку по направленію къ Аравартану, Самашту и другимъ селеніямъ, а 26-го, часть отряда передвинулась въ Аравартанъ. Такимъ образомъ, въ сел. Когалы осталось всего три баталіона тифлисцевъ, съ пятой батареей; впрочемъ, около трехъ часовъ пополудни, къ намъ присоединились: нижегородцы, сѣверцы, два волгскихъ казачьихъ и два конно-иррегулярныхъ полка (александропольскій и дагестанскій), съ двумя батареями конной артилеріи. Начальникомъ лагеря войскъ, оставшихся въ сел. Когалы, былъ сначала генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, а затѣмъ — начальникъ кавалеріи генералъ-маіоръ князь Захарій Чавчавадзе.

Несмотря на присутствіе такой значительной массы кавалеріи, тремъ баталіонамъ пѣхоты пришлось не легко: днемъ, рота, съ двумя орудіями пятой батареи, выходила на аванпосты, отъ которыхъ одинъ взводъ, подъ командою офицера, находился на горѣ, что

СХЕМАТИЧЕСКІЙ ПЛАНЪ МѢСТНОСТИ ПРИ СЕЛ. КОГАЛЫ
(10 ВЕРСТЪ ОТЪ КАРСА)
съ показаніемъ окоповъ возведенныхъ 23 и 24-го Мая 1877-го года



реди лагеря (см. планъ № 2-й); кромѣ того, отъ роты, назначенной на аванпосты, отдѣлялся наблюдательный постъ въ 15-ть человѣкъ, подъ начальствомъ надежнаго унтеръ-офицера, располагавшійся на горѣ лѣвѣе лагеря. Съ обѣихъ возвышенностей, вся мѣстность впереди крѣпости видна была, какъ на ладони. Ночью, въ каждомъ баталіонѣ назначались дежурныя роты, спавшія въ аммуниціи, а для поддержки охотниковъ, каждую ночь ходившихъ къ Карсу, высылалась въ сел. Вогала рота въ полномъ составѣ. Нерѣдко также цѣлыя роты оберегали карско-эрзерумскую дорогу или же направляемы были къ мосту, для поддержки кавалеріи, занимавшей аванпосты праѣе лагеря, у самаго моста. Такъ какъ кругомъ сел. Когалы находился отличный подножный кормъ, то въ прикрытіе пастьбищныхъ мѣстъ назначались тоже особыя команды. Всѣ офицеры, отправлявшіеся въ наряды, вечеромъ являлись къ командиру полка за полученіемъ особыхъ приказаній.

27-го мая, генералъ Гейманъ производилъ осмотръ шорахскихъ укрѣпленій; въ прикрытіе рекогносцирующихъ назначены были два баталіона эриванцевъ и охотничьи команды отъ трехъ полковъ гренадерской дивизіи. Въ ночь, предшествовавшую этой рекогносцировкѣ, наши охотники производили развѣдку вблизи Карса; они не успѣли даже раздѣться, какъ ихъ снова потребовали въ помощь къ генералу Гейману. При появленіи рекогносцировавшей колонны, Шорахъ открылъ учащенную стрѣльбу, а нѣсколько турецкихъ пѣхотныхъ частей, выступивъ изъ крѣпости, завязали жаркую перестрѣлку, при чемъ двухъ охотниковъ нашихъ легко ранили, а начальника команды штабсъ-капитана князя Макаева сильно контузило въ бокъ осколкомъ разорвавшейся гранаты. Въ эту же ночь, нижегородцы, съ дивизіономъ артилеріи, подъѣзжали къ Карсу, съ цѣлью произвести тревогу, но турки на выстрѣлы не отвѣчали.

28-го мая, въ аравартанскій лагерь прибылъ Главнокомандующій арміею. Для встрѣчи Его Императорскаго Высочества отправился 1-й баталіонъ, при которомъ находились и всѣ баталіонные командиры. Государь Великій Князь осмотрѣлъ всѣ войска и, поблагодаривъ людей, участвовавшихъ въ штурмѣ Ардагана, за молодецкую службу, направился къ ставкѣ

генерала Геймана, куда потребованы были всѣ вновь пожалованные за Ардаганъ георгіевскіе кавалеры. Обласкавъ кавалеровъ и отпустивъ ихъ, Главнокомандующій остался обѣдать у генерала Геймана, къ столу были приглашены всѣ начальники частей.

Отъѣзжая, Его Высочество поручилъ полковнику Ридигеру кланяться тѣмъ баталіонамъ, которыхъ Главнокомандующій не видѣлъ. Тутъ же Главнокомандующій пожаловалъ за Ардаганъ передовыя награды: маіору Улановичу золотую саблю и поручику Сагпову орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.

29-го мая, турецкія колонны опять выходили изъ Карса и маневрировали подъ защитою своихъ укрѣпленій—вѣроятно, съ цѣлью тревожить наши войска. По занятіи Аравартана, Карсъ былъ обложенъ полукружіемъ русскихъ войскъ, и наши пути сообщенія съ Александрополемъ обезпечены. Въ Кюрюкъ-Дара мы имѣли военное депо, въ селеніи Мацра (Мезра) стояла правая колонна (39-я пѣхотная дивизія) генерала Девеля. Аравартанъ занималъ генералъ Геймапъ. Связью обѣимъ колоннамъ служилъ летучій отрядъ полковника Панина, расположенный въ Самаватѣ и Чахмаурѣ. Наконецъ, въ сел. Когалы стояли три баталіона тифлисцевъ и шесть полковъ кавалеріи, которые могли выдвинуться вверхъ по Карс-чаю, навстрѣчу турецкихъ войскъ, еслибы онѣ спустились съ Согаплуга.

Для полнаго обложенія Карса, силы дѣйствующаго корпуса были недостаточны: но, тѣмъ не-менѣе, противъ крѣпости можно было предпринимать весьма серьезныя операціи. Такимъ образомъ, въ ночь съ 29-го на 30-е мая, начальникъ охотничьей команды получилъ приказаніе подойти какъ можно ближе къ карскимъ укрѣпленіямъ и, если будетъ возможно, измѣрить глубину рвовъ. Порученіе было весьма опасное, и потому, полковникъ Ридигеръ выслалъ въ Бозгала, на всякій случай, весь четвертый баталіонъ. Къ общей радости, охотники вернулись безъ потерь. Начальникъ команды штабсъ-капитанъ князь Макаевъ донесъ, что турецкіе аванпосты занимаютъ всѣ высоты вблизи Карса, и потому рвовъ не могли измѣрить.

Вслѣдствіе слуховъ, что изъ Согаплуга идутъ навыручку

Карса турецкія войска, служба въ лагерѣ стала еще тяжелѣе. Еженочно четыре роты охраняли бивакъ, а въ продолженіи дня всему полку приходилось перебывать въ разныхъ нарядахъ.

31-го мая, полковникъ Ридигеръ получилъ съ утра приказаніе приготовить два баталіона къ выступленію ночью и притомъ, налегкахъ. Подробности же движенія долженъ былъ лично объяснить генералъ Гейманъ.

Въ семь часовъ пополудни, въ Когалы пріѣхалъ генералъ Гейманъ, потребовалъ къ себѣ командира полка, и полковникъ Ридигеръ получилъ отъ генерала опредѣленныя распоряженія относительно ночнаго движенія. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: два баталіона тифлисцевъ, совмѣстно съ 5-й батареей, должны были подойти къ форту Тохмасъ и произвести тамъ тревогу орудійными выстрѣлами. Тоже самое, но только немного правѣе, приказано исполнить сѣверцамъ, съ терской батареей.

Согласно означенному распоряженію, 2-й и 4-й баталіоны выступили изъ сел. Когалы въ 9-ть часовъ вечера, подъ начальствомъ полковника Ридигера. Ночь была темная, непроглядная, именуемая на Руси «воробьиной ночкой». Въ двухъ шагахъ не видно было ни зги, и плохо пришлось бы намъ безъ проводника, еслибы роль его не взялся исполнить, съ замѣчательною смѣтливостью и знаніемъ, унтеръ-офицеръ охотничьей команды Герасимъ Хижченко. Онъ изучилъ мѣстность до тонкости, зная каждую канавку, бугорокъ, рѣчку и даже извилины дорогъ. Полковникъ Ридигеръ спросилъ у Хижченки, когда онъ успѣлъ такъ хорошо ознакомиться съ окрестностями крѣпости. На этотъ вопросъ Хижченко отвѣтилъ: «я, ваше высокоблагородіе, думалъ, что скоро будутъ штурмовать Карсъ, а потому каждую ночь уходилъ съ кѣмъ нибудь изъ лагеря подъ крѣпость, чтобы хорошенько узнать мѣстность: въ одиночку или вдвоемъ вездѣ пролѣзешь незамѣтно, а команду могутъ увидѣть». Этотъ истинный подвигъ Хижченко совершалъ шутя, скромно, не сознавая своего полнаго героизма. Хижченко спасся отъ пуль и тифа и ушелъ на родину фельдфебелемъ, украшеннымъ двумя знаками военнаго ордена (89).

Благодаря Хижченкѣ, баталіоны, вразу не спутавшись, безъ

всякихъ затрудненій, подошли версты на три къ Тохмасу. Тутъ артилерія выѣхала на позицію и выпустила послѣдовательно изъ каждаго орудія по три снаряда. Турки не отвѣчали. Тогда полковникъ Ридигеръ приказалъ сдѣлать еще по одному выстрѣлу. Отвѣта всетаки не послѣдовало. Видя безполезность стрѣльбы, командиръ полка приказалъ колоннѣ отойти въ лагерь, куда она прибыла въ половинѣ втораго поподуночи. По возвращеніи въ Когалы, полковникъ Ридигеръ отправилъ съ нарочнымъ къ генералу Гейману донесеніе о результатахъ возложеннаго наканунѣ порученія. Сѣверцамъ турки тоже не отвѣчали изъ крѣпости.

Эти, повидимому, безцѣльныя ночныя прогулки увѣнчались впослѣдствіи блистательнымъ успѣхомъ. Сначала непріятель обращалъ вниманіе на наши ночные набѣги, и въ крѣпости поднимали тревогу; но потомъ турки стали относиться къ поискамъ русскихъ равнодушно. Безпечность непріятеля не прошла безнаказанно, и когда, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября, наши штурмующія колонны подходили къ Карсу, турки вполнѣ были увѣрены, что русскіе производятъ свой обыкновенный набѣгъ,—чѣмъ, конечно, облегчился успѣхъ штурма.

Наконецъ, мы приступаемъ къ описанію дѣйствій нашихъ войскъ въ іюнѣ мѣсяцѣ—періоду весьма богатому важными боевыми событіями, смѣнявшимися быстро и имѣвшими вліяніе на весь ходъ малоазіятской кампаніи. Въ концѣ іюня, изъ роли активной, наступательной, мы перешли къ оборонительнымъ дѣйствіямъ и іюньскія дѣянія наши нельзя очертить общей характеристикой, а необходимо излагать событія по днямъ, или проще—слѣдуетъ вести дневникъ.

1-го іюня, генералъ Гейманъ приказалъ всѣмъ начальникамъ частей и баталіоннымъ командирамъ собраться въ лагерь при Аварталѣ, чтобы выслушать диспозицію относительно заложенія батарей, а равно и штурма крѣпости; вслѣдъ за отъѣздомъ начальниковъ, послѣдовала отмѣна вышеупомянутаго приказанія. Всѣ недоумѣвали, не зная вовсе причины такой перемѣны; впослѣдствіи

же оказалось, что къ Аравартану нельзя было подвезти осадной артилеріи.

Штурмъ Карса предполагалось произвести еще въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня, что усматривается изъ диспозиціи, которая для этой надобности была составлена (80). Но онъ не состоялся, и какія именно были тому причины въ отрядѣ генерала Девеля—намъ, стоявшимъ съ южной стороны Карса, неизвѣстно. А что касается войскъ генерала Геймана, то, какъ указано выше, онѣ ограничились лишь необходимыми демонстраціями, выславъ противъ крѣпости два баталіона тифлисцевъ, а съ другой стороны—сѣверцевъ.

1-го іюня распространился слухъ, что всѣмъ черкесамъ, населяющимъ Соганлугъ, приказано поголовно вооружиться. Вѣроятно, поводомъ къ этому слуху послужило то обстоятельство, что 2-й волгскій и конно-иррегулярный дагестанскій полки, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, отправлены были на рекогносцировку къ Соганлугу. Войскамъ могло казаться, что колонна эта двинута для отраженія наступавшихъ турокъ.

2-го іюня, съ утра, всѣ начальники частей и командиры баталіоновъ были вытребованы въ Аравартанъ. Тамъ, у палатки генерала Геймана стоялъ длинный столъ, около котораго усѣлись собравшіеся штабъ-офицеры и выслушали другую диспозицію о заложеніи, со 2-го на 3-е іюня, шести батарей, объ устройствѣ ложементовъ и вообще, о новомъ наступленіи (81).

Послѣ чтенія диспозиціи, генералъ Гейманъ сдѣлалъ много словесныхъ разъясненій относительно штурма, состоявшихъ въ слѣдующихъ указаніяхъ: въ два часа, послѣ кратковременнаго бомбардированія, предпримется штурмъ крѣпости. Впереди всѣхъ идутъ грузинцы въ двѣ линіи, по два баталіона въ каждой; за ними, тоже въ двѣ линіи, слѣдуютъ эриванцы и совмѣстно штурмуютъ укрѣпленіе Лазъ-тепеси, называемое турками Чахмахъ. Когда укрѣпленіе будетъ взято, его занимаютъ грузинцы, немедленно приводятъ въ оборонительное положеніе и направляютъ турецкія орудія на крѣпость. Эриванцы же идутъ далѣе и вмѣстѣ съ мингрельцами штурмуютъ укрѣпленіе Тихъ-тепеси; когда оно будетъ взято эриван-

нами, мингрельцы вмѣстѣ съ тифлисцами штурмуютъ Тохмасъ. Послѣ взятія упомянутаго укрѣпленія, дальнѣйшее движеніе подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности, «подъ страхомъ разстрѣлянія», какъ выразился генералъ Гейманъ, воспрещалось, даже осажденные турки выкинули бѣлый флагъ.

Всѣ три упомянутые выше укрѣпленія имѣли на вооруженіи въ числѣ прочихъ и крупповскія дальнобойныя орудія, а фортъ Тохмасъ былъ сильнѣе другихъ (*).

Изъ предыдущихъ распоряженій явствуетъ, что на 1-й, 2-й и 4-й баталіоны (3-й баталіонъ былъ въ Кюрюкъ-Дара) тифлисцевъ возлагалась самая трудная и сложная задача: мы должны были построить ночью батарею, въ 800 саженяхъ отъ крѣпости, на высотѣ, съ которой надо было прежде сбить непріятеля. Слѣдовательно, намъ предстояло ночное дѣло; затѣмъ, работы всю ночь подъ выстрѣлами болѣе чѣмъ 50-ти орудій и на другой день — штурмъ одного изъ сильнѣйшихъ фортовъ Карса. Была ли бы исполнена эта задача — опредѣлить трудно. Вообще, послѣ паденія Ардагана, всѣ были такъ наэлектризованы и увлечены недавнимъ блестящимъ успѣхомъ, что даже несбыточное казалось возможнымъ. По окончаніи объясненій, генералъ Гейманъ отпустилъ штабъ-офицеровъ въ свои лагери, а командировъ полковъ оставилъ у себя обѣдать. Полковникъ Ридигеръ вернулся изъ Ардартана въ шесть часовъ пополудни и, по пріѣздѣ, сейчасъ же сталъ дѣлать распоряженія къ выступленію. Тогда только мы узнали о предстоящемъ штурмѣ, и многіе люди надѣли чистыя рубашки.

Нельзя не упомянуть объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ, а именно: между 4-мя и 5-ю часами шелъ очень сильный градъ, который, растаявъ, образовалъ цѣлыя лужи грязи. Кажется, по этой собственно причинѣ и нельзя было подвезти осадныя орудія изъ Мацра.

Передъ вечеромъ, прибыли въ Когалы двѣ саперныя роты подъ командою подполковника Черкасова, назначеннаго производителемъ работъ(**). Запасшись шанцевымъ инструментомъ, три баталіона тифлисскаго полка выступили изъ Когалы въ 8¼ часовъ пополудни, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ — цѣпь охотниковъ, 1-й бата-

ліонъ: 4-ре орудія 5-й батареи (4-хъ-фунтовыя), 11-я, 12-я и 4-я стрѣлковыя роты; за авангардомъ шли двѣ роты саперъ 1-го кавказскаго сапернаго баталіона, весь 2-й баталіонъ и 10-я рота. Авангардъ долженъ былъ сбить непріятеля съ обсерваціонной горы, а остальныя роты, снабженныя шанцевымъ инструментомъ, предназначались для производства работъ.

Когда колонна спустилась къ селенію Бозгала, тучи разсѣялись, но ночь была темная, а дорога очень грязная. Новая луна тускло свѣтила только до 9½ часовъ вечера. Полкъ велъ тотъ же унтеръ-офицеръ Хижченко, съ безошибочною точностью указывавшій чуть-ли не каждый изгибъ. Движеніе пѣхоты тормазила 5-я батарея: орудія то и дѣло вязли въ грязи, ихъ приходилось вытаскивать изъ болота и тихонько спускать въ балки и овраги. При медленномъ движеніи артилерія, колонна потеряла болѣе часа, иначе—рано была бы у обсерваціонной горы, гдѣ предстояла ночная схватка.

На этотъ разъ, задержка, какъ увидимъ ниже, принесла пользу, избавивъ полкъ отъ безполезнаго урона. Вблизи развалинъ башни, чернѣвшей отъ насъ вправо, не доходя 900 саженей до мѣста, назначеннаго для постройки батареи (значитъ, приблизительно, въ 1,700 саженяхъ отъ крѣпости) когда полкъ готовился развернуться въ боевую линію—вдругъ послышался топотъ скачущихъ всадниковъ, и черезъ мгновеніе къ полку приблизилась группа казаковъ. Впереди ихъ быстро несся офицеръ въ бѣлой фуражкѣ, сдержаннымъ, торопливымъ голосомъ спрашивавшій: «гдѣ командиръ полка?» Полковникъ Ридигеръ въ это время выѣхалъ впередъ, сопровождаемый сапернаго баталіона подполковникомъ Черкасовымъ. Когда полковникъ Ридигеръ услышалъ скачущихъ всадниковъ, тотчасъ же поѣхалъ къ нимъ навстрѣчу и узнавъ, что ищутъ командира полка, прямо направился къ спрашивавшему его офицеру. Послѣдній отрекомендовался, назвавъ себя подполковникомъ Климентовымъ, командиромъ кизляро-гребенскаго полка, и тутъ же прибавилъ: «генералъ Гейманъ прислалъ къ вамъ, съ приказаніемъ, чтобы полкъ немедленно вернулся назадъ». Полковникъ Ридигеръ, удивленный этимъ распоряженіемъ, спросилъ: «что случилось?» Кли-

ментовъ повторилъ настойчиво: «ради Бога, полковникъ, поскорѣе назадъ! Дорогой я вамъ все сообщу». Тогда командиръ полка приказалъ отступить. Баталіоны, въ величайшей тишинѣ, стали отходить назадъ. Дорогой, дѣйствительно подполковникъ Климентовъ сообщилъ очень интересныя подробности, вызвавшія отступленіе: по причинѣ грязи, нельзя было доставить осадную артилерію въ Аравартанъ, да и встрѣтились разныя затрудненія, помѣшавшія начать работы и штурмъ крѣпости. На этомъ основаніи, всѣ двигавшіяся войска немедленно вернули въ лагерь, на старыя позиціи. Когда войска стянулись къ Аравартану, тогда только генералъ Гейманъ вспомнилъ, что объ отступленіи не было дано знать тифлисскому полку, который, по расчету времени, вѣроятно, уже приближался къ своей цѣли. Дабы скорѣе остановить полкъ, генералъ Гейманъ поручилъ это трудное дѣло подполковнику Климентову, прося его поспѣшить—и, во что бы то ни стало, вернуть полкъ обратно. Подполковникъ Климентовъ сейчасъ же сообразилъ, что если онъ поскачетъ изъ Аравартана въ Когалы (около 4-хъ верстъ) а оттуда, по слѣдамъ полка, направится къ Карсу—выйдетъ большая проволочка, и ему совершенно не удастся нагнать полкъ. А потому, не теряя ни минуты, подполковникъ Климентовъ рѣшился на весьма рискованное предпріятіе, бросившись напрямикъ къ развалинамъ башни, мимо которой долженъ былъ пройти тифлисскій полкъ. Какъ пропесся Климентовъ съ полусотней, въ темнотѣ, по страшно пересѣченной мѣстности, трудно доступной даже днемъ—объ этомъ вѣдаетъ лишь Создатель.

Надо удивляться такой вѣрности направленія, взятаго подполковникомъ Климентовымъ: онъ такъ и уткнулся въ хвостъ колонны. Къ чести полка, колонна шла такъ тихо, что, по заявленію Климентова, покуда онъ не достигъ людей, ничего въ темнотѣ не видѣлъ и не слышалъ. Услуга, оказанная подполковникомъ Климентовымъ тифлисскому полку, такъ велика, что ее нельзя не записать подробно на страницахъ нашей исторіи. Упомянутый штабъ-офицеръ своевременно остановилъ полкъ, не давъ ему, безъ всякой поддержки, броситься на грозныя укрѣпленія Шораха, гдѣ навѣрно легло бы множество жертвъ. Малѣйшее нерадѣніе при исполненіи

такого важнаго порученія могло служить причиной многихъ бѣдствій. И только человѣкъ высоко честный, искренно проникнутый сознаніемъ долга, рѣшился бы исполнить опасное предпріятіе съ такимъ героизмомъ, съ какимъ его совершилъ подполковникъ Климентовъ. Онъ умеръ отъ тифа, но добрая память о доблестномъ штабъ-офицерѣ должна сохраниться въ исторіи тифлисцевъ.

Колонна полковника Ридигера прибыла въ Когалы около часу ночи. Какъ ни утомлены были люди ночнымъ движеніемъ, все же пришлось выставить аванпосты, и, кромѣ того, въ Возгала оставлена была 11-я рота, подъ командою штабсъ-капитана Афанасьева (Алексѣя).

3-го іюня, кавалерійская колонна генералъ-маіора Лорисъ-Меликова вернулась, не найдя нигдѣ черкесскихъ скопищъ, о которыхъ не безъ умысла распространялись турецкими агентами тревожные слухи, съ цѣлью безпокоить и держать насторожѣ русскія войска. Въ полдень, присоединились къ полку три роты 3-го баталіона, подъ командою маіора Улановича, прибывшія изъ Кюрюкъ-Дара.

Изъ Когалы съ ранняго утра замѣтно было движеніе турецкой кавалеріи и пѣхотныхъ частей, направлявшихся изъ Карса къ Аравартану. О движеніи этомъ тотчасъ же началъ доносить письменно командиру полка штабсъ-капитанъ Станкевичъ, находившійся въ этотъ день съ полуротою на обсерваціонной горѣ. Записки эти полковникъ Ридигеръ представлялъ начальнику лагеря. Вотъ содержаніе этихъ записокъ, сохранившихся въ подлинникѣ (въ 11-ть часовъ, 35-ть минутъ утра получена первая записка): «отъ непріятельскаго лагеря, что съ правой стороны отъ насъ, по дорогѣ къ Карсъ-чаю, вышли до 100 человѣкъ всадниковъ и слѣдуютъ довольно быстро». Черезъ нѣсколько времени штабсъ-капитанъ Станкевичъ поспѣшилъ съ новымъ донесеніемъ: «непріятельскіе всадники быстро подаются впередъ съ лѣвой стороны нашего лагеря, вдоль лощины, а теперь начали подаваться на правый бугоръ, который ближе къ намъ».

Вскорѣ штабсъ-капитанъ Станкевичъ докладывалъ, тоже письменно, уже о движеніи пѣхоты. Между тѣмъ, полковникъ Ридигеръ,

окруженный офицерами, стоялъ на передней линейкѣ, давно слѣдя въ бинокль за движеніемъ непріятеля. Начальникъ лагеря генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе, по полученіи первыхъ донесеній, тоже вышелъ на переднюю линейку, съ начальникомъ штаба подполковникомъ Люндеквистомъ. Очевидно было всѣмъ, что турки предпринимаютъ нѣчто серьезное противъ Аравартана, откуда, конечно, ихъ видѣли наши войска. На основаніи личныхъ наблюденій, князь Чавчавадзе приказалъ полковнику Ридигеру—приготовить ввѣренный ему полкъ къ выступленію. Впрочемъ, командиръ полка давно уже сдѣлалъ необходимыя распоряженія.

Чтобы сличить свѣдѣнія, полученныя отъ штабсъ-капитана Станкевича съ обсерваціоннаго пункта, съ наблюденіями съ другаго мѣста, полковникъ Ридигеръ послалъ подпоручика Родзевича на гору, лѣвѣе селенія Когалы, и приказалъ—въ бинокль слѣдить за дѣйствіями непріятеля, донося обо всѣмъ замѣченномъ письменно.

Около двухъ часовъ пополудни, движеніе турецкихъ колоннъ усилилось. Въ часъ и тридцать минутъ Родзевичъ донесъ слѣдующее: «съ право-фланговаго укрѣпленія вышло нѣсколько колоннъ, имѣя впереди кавалерію, и направились къ аулу Чивтликъ». Спустя часъ, подпоручикъ Родзевичъ писалъ снова: «непріятельская цѣпь спускается съ большой горы, позади слѣдуютъ три колонны. Въ аулѣ уже непріятельскій разъѣздъ. Съ укрѣпленій еще спускаются колонны». Въ свою очередь, штабсъ-капитанъ Станкевичъ не переставалъ присылать донесенія, сходныя по содержанію съ первыми его посланіями. Послѣдняя записка пришла въ три четверти третьяго часа: «отъ насъ съ лѣвой стороны башни вышла непріятельская пѣхота, примѣрно три баталіона. Непріятельская кавалерія съ той стороны подается по гребню». Какъ видимъ, донесенія обоихъ наблюдавшихъ офицеровъ были почти тождественны; разница заключалась лишь въ мелочахъ. Наконецъ, въ началѣ четвертаго часа, явственно послышалась канонада въ сторонѣ Аравартана, куда турки направили всѣ свои силы. Дѣло состояло въ томъ, что непріятельская кавалерія, пользуясь пересѣченною мѣстностью и, какъ говорили тогда, отсутствіемъ у насъ аванпостовъ впереди аравартанскаго лагеря, внезапно появилась на высотахъ противъ сел. Чивтликъ,

успѣвъ отхватить 150 штукъ маркитантскаго скота. Вслѣдъ затѣмъ, показалась турецкая пѣхота, а около Чинтлика выѣхали двѣ непріятельскія батареи, открывшія по аравартанскому лагерю огонь. Гранаты ложились среди палатокъ, орудій и зарядныхъ ящиковъ; наибольшее число снарядовъ падало въ лагерь грузинскаго полка. Наша артилерія стала отвѣчать съ мѣста, а два баталіона грузинцевъ, подъ командою полковника Рыдзевскаго, безъ приказанія свыше, бросились впередъ, атаковали гору, занятую арабистанцами, и сбили ихъ. Для поддержки грузинцевъ, высланы были два баталіона—эриванцевъ и завязали довольно жаркое дѣло. Начальство надъ этими войсками принялъ генералъ-маіоръ Авиновъ.

Генералъ Гейманъ дѣйствовалъ въ Аравартанѣ медлительно, имѣя въ виду нанести главный ударъ изъ Когалы, куда послано было приказаніе, чтобы князь Чавчавадзе зашелъ непріятелю въ тылъ. Но, услышавъ выстрѣлы, генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе, до полученія приказанія, выступилъ изъ лагеря съ тремя баталіонами тифлисцевъ, съ сѣверскимъ и нижегородскимъ драгунскими полками и частью иррегулярной кавалеріи, двумя конными батареями и 5-й батареей кавказской артилерійской бригады.

Войска когалинскаго лагеря взяли сразу направленіе, чтобы зайти непріятелю въ тылъ. Впереди всѣхъ ѣхали рысью сѣверцы; слѣдовавшія за ними двѣ конныя батареи присоединились къ тифлисскому полку. Въ минуту выступленія полка изъ лагеря, пришло извѣстіе, что деревня Возгала занята непріятелемъ. Полковникъ Ридигеръ, опасаясь, чтобы драгуны одни не нарвались на непріятельскую пѣхоту, засѣвшую въ деревнѣ, послалъ бѣгомъ, вслѣдъ за сѣверцами, охотниковъ съ 4-ю стрѣлковою ротою, а потомъ и весь 4-й баталіонъ.

2-й баталіонъ отправленъ былъ влѣво, чтобы войти въ связь съ войсками аравартанскаго лагеря. Въ Возгала однако непріятеля не оказалось—а потому, охотники и 4-й баталіонъ безостановочно подвигались впередъ и заняли высоты впереди сея. Возгала. Въ упомянутой деревнѣ въ общемъ резервѣ оставленъ былъ первый баталіонъ съ 5-й батареей.

Въ это время укрѣпленія Шорала открыли по наступавшимъ

огонь. Вскорѣ тифлисцы очутились вблизи турокъ. Для охвата непріятеля, полковникъ Рейнгеръ приказалъ штабсъ-капитану Афанасьеву (Константину) удлинить цѣпь влѣво. Благодаря этому распоряженію, охотники, съ 12-ю ротою, стали дѣйствовать во фланг турецкимъ колоннамъ, поражая ихъ продольнымъ огнемъ съ шести сотъ шаговъ, и притомъ—съ бугра.

Между тѣмъ, сѣверцы, продолжая подаваться на рысяхъ впередъ, подъѣхали къ непріятелю близко и ударили въ шашки. Турки встрѣтили атакующихъ батальнымъ огнемъ, стрѣляя почти въ упоръ. Но ничто не устрашило нашихъ удалыхъ драгунъ, уничтожившихъ цѣлый таборъ непріятельской пѣхоты и разсѣявшихъ нѣсколько сомкнутыхъ кучъ. Блистательная атака сѣверцевъ нагнала на турокъ такую панику, что они дрогнули и начали отступать.

Почти одновременно съ приведеннымъ выше эпизодомъ, конныя батареи, предводимыя своими храбрыми командирами (полковниками Ризенкампфомъ и Позоркевичемъ), преодолѣли почти непроходимый оврагъ и, въѣхавъ въ интервалы цѣпей тифлисскаго полка, открыли по непріятелю мѣткій огонь. Снаряды ложились по назначенію съ изумительною точностью.

Несмотря на то, что турки находились подъ защитою горныхъ орудій, стрѣлявшихъ безъ умолка, положеніе непріятеля становилось критическимъ. Тѣснимые съ фронта войсками аравартанскаго отряда, а слѣва драгунами и тифлисцами, турки легко могли бы быть отрѣзаны отъ Карса. Удачное дѣйствіе конной артилеріи, а также огонь пѣхоты, увеличивали переполохъ непріятеля, и вскорѣ отступленіе турокъ превратилось въ безпорядочное бѣгство. Однако, по разнымъ причинамъ, непріятеля не преслѣдовали: кавалерія бездѣйствовала: нижегородцы и сѣверцы послѣ атаки стали за второй линіей 4-го баталіона и не трогались съ мѣста. Вскорѣ получилось приказаніе—отступить войскамъ въ Когалы. Около 6-ти часовъ канонада прекратилась. На ближайшихъ высотахъ къ Карсу виднѣлись турецкія колонны, спѣшившія войти въ крѣпость.

Тифлисскій полкъ долго еще оставался на позиціи для уборки раненыхъ драгунъ. Обязанность эту исполнилъ штабсъ-капитанъ

Афанасьевъ, со вверенной ему 12-й ротой. Упомянутый офицеръ внимательно осмотрѣлъ мѣсто схватки съверцевъ и 12-я рота отступила послѣдней только тогда, когда убѣдилась, что на мѣстѣ побоища не осталось ни одного раненаго драгуна.

Послѣ заката солнца тифлисскій полкъ вернулся въ Когалы, прибывъ на мѣсто уже въ сумеркахъ. Въ полку не было никакого урона, и только рядовой 4-й стрѣлковой роты Гончаровъ получилъ неопасную царапину (24). Такимъ образомъ, войска убѣдились воочію, что и грозный Шорахъ, съ своими дальнобойными орудіями, не столь страшенъ, какъ о немъ воображали.

Донося командующему корпусомъ о дѣлѣ 3-го іюня, генералъ Гейманъ выразился слѣдующимъ рельефнымъ образомъ: «считаю обязанностью свидѣтельствовать предъ вашимъ высокопревосходительствомъ о примѣрномъ и вполнѣ молодецкомъ поведеніи войскъ: онѣ всѣ, поистинѣ, могутъ составлять гордость арміи, и я затрудняюсь, какому роду оружія отдать преимущество». Если войска вели себя блестяще, то остается сожалѣть, что результаты побѣды оказались весьма скромными. Первый разъ за всю кампанію турки 3-го іюня вышли въ поле, и имъ можно было бы нанести болѣе чувствительный ударъ. Потеря непріятеля всетаки была значительна. Турки оставили на мѣстѣ до 200 тѣлъ: между ними было много арабистанцевъ и одна женщина, одѣтая въ мундиръ низама. Съ нашей стороны, во всей лѣвой колоннѣ уронъ былъ слѣдующій: раненъ 1 оберъ-офицеръ и 106 нижнихъ чиновъ и убито 11 человѣкъ. По показаніямъ плѣнныхъ, со стороны турокъ въ вылазкѣ участвовало 10 таборовъ и отъ 8-ми до 10-ти полевыхъ орудій.

Не взирая на побѣду, военныя предосторожности въ Когалы не уменьшились: въ ночь съ 3-го на 4-е іюня аванпосты усилили, а 12-ю роту оставили въ сел. Бозгала.

4-го іюня, потребованы были свѣдѣнія—какое именно количество провіанта необходимо полку для довольствія людей въ продолженіи двухъ недѣль. На основаніи этого запроса, въ лагерѣ укоренилось общее мнѣніе, что вскорѣ отрядъ выступитъ къ Согандугу, навстрѣчу Мухтаръ-пашѣ.

Вечеромъ пригнали стадо конфискованнаго у турокъ скота.

Стадо это взято было въ аулѣ Чивтликъ, за несоблюденіе нейтралитета. Жители его содѣйствовали гарнизону крѣпости всѣми мѣрами, и 3-го іюня стрѣляли по русскимъ войскамъ. За подобные поступки генералъ Гейманъ приказалъ аулъ разнести: дома разобрали на дрова, скотъ угнали въ Когалы и Аравартанъ, а жителей отправили въ Карсъ, давъ имъ часъ срока, чтобы захватить съ собою болѣе цѣнный скарбъ. Подобные примѣры были настоятельно необходимы: въ районѣ блокированной крѣпости множество было деревень, жители которыхъ, подъ видомъ торговли, разгуливали по нашимъ лагерямъ, безнаказанно собирая необходимыя для нихъ свѣдѣнія.

Изъ чивтликскаго стада, на долю когалинскаго лагеря досталось: 330 барановъ, 140 ягнятъ и 116 штукъ рогатаго скота; изъ этого числа тифлисскій полкъ получилъ: 36-ть штукъ рогатаго скота, 175-ть барановъ и 34-ре штуки ягнятъ. День прошелъ спокойно; ночью сторожевыя бдѣнія соблюдались согласно заведенному порядку.

7-го іюня, началось бомбардированіе крѣпости со стороны Мацра. Съ обѣихъ сторонъ раздавалась канонада, слышная ясно въ Когалы. Осадныя батареи заложены были правою колонною противъ фортовъ: Мухлиса, Арабъ-табіи и Карадага. Въ полдень пріѣхалъ генералъ Гейманъ и привезъ съ собою сѣверцамъ кресты за 3-е іюня. Въ полкъ, за дѣло 3-го іюня, не было назначено наградъ; но, по ходатайству командира полка, былъ удостоенъ знака 3-й степени унтеръ-офицеръ изъ охотниковъ Хижненко, такъ смѣло водившій полкъ два раза подъ Карсъ. Въ этотъ же день противъ сухарнаго транспорта, слѣдовавшаго изъ Мацра, турки произвели вылазку, заставивъ всѣ лагери стать въ ружье. Транспортъ съ большими затрудненіями удалось провести всетаки подъ выстрѣлами крѣпостныхъ орудій.

6-го іюня, четвертый баталіонъ посланъ былъ разобрать мостъ на Карсъ-чаѣ. Мостовой матеріалъ выданъ въ роты на топливо. Бомбардированіе крѣпости продолжалось. Въ вечернемъ приказѣ по полку сказано было: «сегодня, съ вечера, всѣмъ частямъ полка уложить палатки и тяжести на фургоны, оставивъ въ каждомъ бата-

ліонѣ—для баталіоннаго командира по одной и для офицеровъ по двѣ солдатскихъ палатки, на случай же раненыхъ и больныхъ оставить четыре палатки. Для поднятія офицерскихъ тяжестей разрѣшается взять только двѣ фуры на полкъ».

Носились слухи, что шайки черкесовъ бродятъ вблизи Бегли-Ахмета, поэтому ночью 6½ ротъ охраняли лагерь.

7-го іюня, въ четыре часа пополуночи, обозы съ лишними тяжестями ушли въ Аравартанъ. Ночью стоялъ холодъ, а на разсвѣтѣ лилъ дождь. Люди сильно страдали безъ палатокъ; процентъ больныхъ увеличился. Около полудня, въ Когалы прибылъ летучій артилерійскій паркъ, состоявшій изъ 180-ти ящиковъ. Второй баталіонъ, съ конной батареей, назначены были въ прикрытіе парка, расположившагося сзади кавалерійскаго лагеря.

День выступленія окончательно былъ рѣшенъ. Отряду стало извѣстно, что онъ выступитъ 9-го іюня. Первый баталіонъ ходилъ на фуражировку верстъ за 13-ть; 10-я рота прибыла изъ Аравартана, сопровождая паркъ. Если къ этому расходу прибавить части, высылаемыя на аванпосты, а равно и дежурныя, то ясно станетъ, что въ продолженіи сутокъ всѣмъ ротамъ приходилось выполнять наряды. Такіе дни выпадали тифлисцамъ не въ одиночку, а сплошь и рядомъ. Словомъ, лагерная стоянка въ Когалы была для полка очень тяжела и утомительна.

9-го іюня, съ ранняго утра, въ лагерѣ начались приготовленія къ выступленію. Въ Когалы то и дѣло прибывали обозы и парки. По приблизительному расчету, въ отрядномъ вагенбургѣ скопилось не менѣе 1,000 повозокъ разныхъ конструкцій и наименованій. Полковой обозъ состоялъ изъ 75-ти повозокъ. Ихъ нагрузили патронами, провіантомъ и прочая. Провіантъ хотя и былъ принятъ на 14-ть дней, но надо знать, что его никогда не отпускали на полное число людей. Когда провѣрили раскладку, то вышло, что мы имѣли провіантъ всего лишь на 12½ дней. Запасъ этотъ приказано было растянуть по 26-е число включительно, т. е. на 18-ть дней; слѣдовательно, приходилось сократить дачу съ двухъ до полутора фунта.

Послѣ обѣда, вся кавалерія выступила къ Бегли-Ахмету; въ

лагерь остались только сѣверцы. Вечеромъ же прибыли мингрельцы.

ГЛАВА VI.

Первое движеніе за Соганлугъ. Выступленіе первой колонны. Маршрутъ. Дневка на Мелидузѣ. Движеніе къ Зивину. Словесная диспозиція генерала Геймана для атаки турецкихъ позицій. Начало боя. Штурмъ главной турецкой батареи. Первыя потери и дальнѣйшее развитіе боя. Попытки непріятельской кавалеріи охватить правый флангъ нашей боевой линіи. Движеніе артиллеріи на усиленіе праваго фланга. Дѣйствія нашей кавалеріи. Замѣтное ослабленіе боя. Рѣшенія, принятыя полковниками Рыдзевскимъ и Ридигеромъ. Послѣднія усилія овладѣть главной батареей. Транспортировка раненыхъ. Отступленіе. Официальное донесеніе о зивинскомъ сраженіи. Потери полка. Движеніе къ Мелидузу. Дневка и погребеніе убитыхъ товарищей.

Вслѣдствіе обстоятельствъ, вызванныхъ положеніемъ дѣлъ въ эриванскомъ отрядѣ, а также различныхъ стратегическихъ соображеній, командующій корпусомъ рѣшилъ—часть главныхъ силъ направить къ Соганлугу.

Отрядъ, назначенный для дѣйствій на Соганлугъ, называемый въ официальныхъ источникахъ первой колонной, состоялъ изъ слѣдующихъ частей: кавказской гренадерской дивизіи, 1-го кавказскаго сапернаго баталіона, шести батарей кавказской гренадерской артилерійской бригады, нижегородскаго и сѣверскаго драгунскихъ полковъ, перваго, втораго волгскаго и кизляро-гребенскаго казачьихъ полковъ, александропольскаго конно-иррегулярнаго дивизіона, перваго и втораго дагестанскихъ иррегулярныхъ полковъ, чеченскаго коннаго полка, грузинскаго коннаго дворянскаго дивизіона, кубанской и терской конныхъ батарей,—всего: 17 баталіоновъ пѣхоты, 64 орудія, 8 эскадроновъ и 35 конныхъ сотенъ. Начальникомъ этого отряда назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Гейманъ; при отрядѣ находился и командующій корпусомъ.

Порядокъ выступленія войскъ былъ опредѣленъ диспозиціей съ 8-го на 9-е іюня, объявленной въ Аравартанѣ (22).

Проведя холодную ночь безъ сна, подъ открытымъ небомъ, весь отрядъ, согласно диспозиціи, 9-го іюня поднялся съ разсвѣтомъ. Обѣдали наскоро, почти въ темнотѣ. Въ пять часовъ пополуночи полкъ уже выстроился; возлѣ него, по направленію большой эрзерумской дороги, стали вытягиваться нескончаемые обозы. Вскорѣ пріѣхалъ командующій корпусомъ, съ генераломъ Гейманомъ. Вслѣдъ затѣмъ, войска тронулись. Въ авангардѣ шли тифлисцы, за ними двигались обозы. Арріергардъ составляли мингрельцы. Сзади самаго лагеря пришлось переходить весьма крутую балку, и на переправу черезъ нее потрачено было три часа времени. Далѣе путь нашъ лежалъ на большое село Бегли-Ахметъ, населенное армянами, которые, при нападеніи 18-го мая Муссы-паши Кундухова, едва не сдѣлались жертвами кровожадныхъ черкесовъ. Эти армяне встрѣтили войска радушно и привѣтливо, предлагая безвозмездно съѣстные продукты; священники ихъ благословляли солдатъ иконами.

Къ полудню, тифлисскій полкъ, наступавшій въ головѣ колонны, достигъ возвышеннаго плато, невдали отъ селенія Катанлы, гдѣ и былъ остановленъ вслѣдствіе приказанія, полученнаго командиромъ полка еще съ утра. Вскорѣ къ авангарду подтянулся весь отрядъ съ обозомъ; войска составили ружья и ждали дальнѣйшихъ распоряженій. Около трехъ часовъ пополудни прибылъ къ отряду генералъ Гейманъ и лично выбралъ бивакъ для ночлега, на другомъ берегу Карсъ-чая, у селенія верхніе Катанлы, куда и были переведены въ бродъ, черезъ Карсъ-чай, первые три полка дивизіи, съ артилеріей. Мингрельскій же полкъ остался на мѣстѣ привала. Къ пяти часамъ пополудни всѣ войска стали на мѣстѣ ночлега, сдѣлавъ въ этотъ день переходъ неутомительный, приблизительно, верстъ въ шестнадцать.

Бивачное мѣсто оказалось нездоровымъ, почва была болотистая, сырая и къ утру покрылась изморозью. Но за то, вся луговина зеленѣла густой травой, и въ нѣсколькихъ шагахъ протекала рѣчка. Вокругъ бивачнаго поля находились черкесскіе аулы, населенные по преимуществу выходцами съ Кавказа. Въ этихъ аулахъ наши фуражиры пріобрѣтали за деньги топливо, ячмень и всѣ необходимые

припасы, такъ что войска въ этотъ день не терпѣли ни въ чемъ недостатка.

10-го іюня, въ 8-мь часовъ утра, отобѣдавъ, отрядъ выступилъ далѣе. Согласно приказа по колоннѣ, тифлисскому полку, съ 2-й батареей кавказской гренадерской артилерійской бригады, пришлось идти въ авангардѣ. Начальникъ его, полковникъ Ридигеръ, двинулся по указанному ему пути, пролегавшему по низменнымъ лугамъ Карсъ-чая. На первой же верстѣ начались громадныя затрудненія, въ особенности для артилеріи, колеса которой мѣстами вязли въ болотистомъ грунтѣ по ступицы; людямъ тоже приходилось переходить значительныя пространства по колѣно въ грязи и водѣ. Еслибы не отличное состояніе 2-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, а также распорядительность и энергія ея командира, полковника Гарковенко, даже отказавшагося отъ пособія пѣхотныхъ солдатъ, которыхъ нѣсколько разъ предлагалъ ему Ридигеръ, то встрѣченныя затрудненія были бы непреодолимы. Однако, не взирая на все это, авангардъ, послѣ трехчасовыхъ усилій, благополучно перебрался черезъ болото и вышелъ на сухую дорогу.

Увидѣвъ тѣ препятствія, съ которыми боролся авангардъ, начальникъ отряда направилъ остальныя войска и обозы по двумъ другимъ дорогамъ, найденнымъ правѣе и лѣвѣе. Дороги эти, благодаря усиліямъ саперъ, были быстро исправлены, и въ дальнѣйшемъ движеніи не было затрудненій. Около трехъ часовъ пополудни, отрядъ достигъ степнаго пригорка, съ котораго открывалась живописная панорама соганлугскаго хребта, увѣнчаннаго зеленѣющими лѣсами и кое-гдѣ покрытаго пластами неистаявшаго еще снѣга. У подножія его гнѣздились аулы, заселенные по преимуществу кавказскими осетинами. Отдохнувъ немного на пригоркѣ, войска двинулись по лугамъ, поросшимъ роскошною травою, мимо пажитей и плодородныхъ нивъ, щедро орошенныхъ водою, и сдѣлавъ въ этотъ день двадцать пять верстъ, еще засвѣтло расположились въ прелестныхъ сосновыхъ рощахъ, напоминавшихъ собою сѣверъ Россіи.

Исходивъ малую Азію по разнымъ направленіямъ, войска два

мѣсяца нигдѣ не встрѣчали лѣса: пройденныя пространства были пустынны и дики. Понятно, что всѣ съ восторгомъ привѣтствовали зеленые своды, вдыхая полной грудью здоровый ароматъ сосны. Мигомъ застучали топоры, массой повалились деревья, громадные костры вскорѣ запылали,—хотя въ іюнѣ мѣсяцѣ дѣйствительной надобности въ нихъ не было. Костеръ вообще производитъ пріятное впечатлѣніе на утомленнаго человѣка, но для войскъ онъ имѣетъ еще и гигіеническое значеніе, замѣняя въ походѣ баню. Дѣйствительно, солдаты быстро снимали платье и бѣлье и еще быстрѣе выжаривали ихъ на огнѣ, освобождая такимъ образомъ отъ всего лишняго. Вскорѣ изъ селенія Сарыкамыша, возлѣ котораго былъ бивакъ, и изъ сосѣднихъ деревень появились осетины. Они навезли сыръ, масло, домашнюю птицу, барановъ, даже лошадей—и начался торгъ.

Вообще, наши горскіе переселенцы значительно предпріимчивѣе, культурнѣе и развитѣе своихъ религіозныхъ собратовъ, турокъ. Женщины у нихъ не играютъ роли гаремныхъ затворницъ, но являются вездѣ съ открытыми лицами, чего ни подъ какимъ видомъ не позволятъ себѣ турчанки. Приходившіе на бивакъ жители одѣты были, за немногими исключеніями, чисто и прилично; нищета не поражала глазъ. Члены же депутаціи, прибывшей къ командующему корпусомъ, щеголяли нетолько изысканностью національныхъ костюмовъ, но и богатствомъ оружія, и красотой своихъ коней, убранныхъ сбруей, блиставшей серебрянымъ чеканомъ. Многіе горцы прекрасно говорили порусски и весьма отчетливо читали—что оказалось тогда, когда они, принимая съ удовольствіемъ наши кредитки, произносили вслухъ отпечатанный на нихъ текстъ закона.

Фантастическая иллюминація горѣла на бивакѣ до поздней ночи. Наконецъ, усталость вступила въ свои права, и люди съ удовольствіемъ заснули на мягкой травѣ, подъ зелеными шалашами, сплетенными изъ вѣтокъ пахучей сосны. На другой день, въ семь часовъ утра, вдоволь насладившись лѣсомъ, кострами и мягкой постелью, отрядъ продолжалъ наступленіе. Тифлисскій полкъ находился въ главной колоннѣ. На пути предстоялъ историческій соганлугскій хребетъ, куда заблаговременно былъ посланъ для раз-

работки дороги саперный баталіонъ и 400 человѣкъ рабочихъ отъ полковъ гренадерской дивизіи, снабженныхъ шанцевымъ инструментомъ. Отъ тифлисскаго полка выслали 200 человѣкъ, подъ командою подпоручика Климова. Къ сожалѣнію, усилія добросовѣстно трудившихся солдатъ невполнѣ увѣнчались успѣхомъ: по большей части дорога оказалась отвратительною; не помогъ и набросанный кое-гдѣ фашинникъ, не помогли срѣзанные косогоры, мало принесли пользы разработанные спуски и подъемы.

Поднявшись на первыя высоты, войска очутились на зеленѣющемъ плато, обрамленномъ сосновымъ лѣсомъ. Площадь прошли легко. Далѣе слѣдовалъ громадный спускъ въ долину, къ развалинамъ какой-то деревни, названія которой мы не могли добиться. Здѣсь, отдохнувъ немного, войска продолжали движеніе по топямъ и трясинамъ, вплоть до тяжелаго слѣдующаго перевала. Въ одномъ мѣстѣ, узкая тропа, высѣченная въ скалѣ, замѣняла дорогу, по которой предстояло подняться громадному обозу. Много горя испыталъ отрядъ на этомъ подъемѣ, и только поздною ночью тифлисскій полкъ сталъ бивакомъ на высотахъ, вблизи урочища Мелидзова, лежавшаго между селеніями верхній и нижній Меджингерть.

Первыми же прибыли на позицію эриванцы и мингрельцы. Въ то время тифлисцы только издали видѣли сигнальную ракету и слышали раздавшійся заревой орудійный выстрѣлъ.

Ночь была лунная, свѣтлая, но за то, очень холодная. Рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Несмотря на суровую погоду, люди не позаботились даже развести костровъ; всѣ устали до того, что прямо ложились тамъ, гдѣ стояли. По прибытіи тифлисцевъ, къ нимъ доставленъ былъ дезертиръ изъ осетинъ, бѣжавшій къ туркамъ и пойманный во время похода. Бѣглеца караулила 2-я стрѣлковая рота, при чемъ приказано было—держать его постоянно связаннымъ. Обозы, подъ прикрытіемъ арріергарда, стягивались всю ночь. Крики погонщиковъ, скрипъ колесъ, ржаніе лошадей безпрерывно тревожили и безъ того чуткій сонъ бивакирующихъ. Тѣмъ временемъ, лагерь охраняли довольно серьезно: далеко впереди стояли кавалерійскіе пикеты, а отъ полка на сторожевые посты выслали 11-ю роту.

На другой день, 12-го іюня, въ воскресенье, получено было нѣсколько приказаній относительно выступленія; но оно не состоялось вслѣдствіе несвоевременнаго прибытія парковъ и обозовъ, успѣвшихъ собраться лишь въ три часа пополудни, подъ прикрытіемъ арріергарда, сильно изнуреннаго ночнымъ переходомъ. Около десяти часовъ объявлена была окончательно дневка, и такъ какъ сдѣлалось жарко, то люди принялись устроивать изъ сосновыхъ вѣтокъ шалаши, вытягивая ихъ линіями, представлявшими построеніе колонны изъ середины. Съ полкомъ ночью же прибылъ ротный обозъ съ котлами. Недоставало только маркитанта съ гуртомъ скота, гдѣ-то отставшаго. Поэтому, командиръ полка приказалъ, чтобы роты пріобрѣли скотину покупкою въ сосѣднихъ деревняхъ и стоимость ея отнесли насчетъ маркитанта. Приказаніе это исполнили весьма быстро, и черезъ часъ подъ котлами ротной артели пылали огни.

Бивакъ гренадеръ и пѣшей артилеріи былъ расположенъ на крѣпкой боевой позиціи, надъ уровнемъ моря на 7,000 футъ. Кавалерія стала у нижняго Меджингерта. Вправо и влѣво отъ нашей позиціи тянулись лѣсистыя вершины Соганлуга; впереди мѣстность оканчивалась крутымъ спускомъ, у подножія котораго разстилалась обширная волнообразная равнина ущелья, замкнутаго цѣпью горъ. Южнѣе, за этими высотами, лежала укрѣпленная зивинская позиція, которой намъ предстояло завладѣть. Объ этомъ однако упоминалось какъ-то вскользь, безъ надлежащей серьезности. Всѣмъ было извѣстно, что Зивинъ занятъ турками, лагерь которыхъ бѣлѣлъ передъ нами на высотахъ; но подобному обстоятельству войска не придавали особеннаго значенія. Да и могло ли быть иначе послѣ блистательнаго успѣха подъ Ардаганомъ, вылазки 3-го іюня, во время которой наша кавалерія молодецки поразила современно вооруженную непріятельскую пѣхоту; наконецъ, послѣ постоянной уклончивости турокъ и нежеланія встрѣчаться съ русскими въ открытомъ полѣ. Всѣ эти обстоятельства невольно внушили войскамъ самоувѣренность и пренебреженіе къ врагу. Поэтому-то, и предстоявшій бой не составлялъ интереса дня и служилъ второстепеннымъ, не особенно важнымъ предметомъ разговоровъ. Такое настроеніе господ-

ствовало собственно въ войскахъ. Что же касается корпуснаго командира, то онъ еще утромъ приказалъ осмотрѣть зивинскія позиціи. Рекогносцировку произвелъ генеральнаго штаба подполковникъ Войновъ. Результатъ ея оказался болѣе чѣмъ утѣшительный. По собраннымъ справкамъ, Зивинъ занятъ былъ малочисленнымъ отрядомъ турокъ, а позиція укрѣплена не особенно сильно.

Конечно, какъ сказано выше, войска не имѣли обо всемъ ровно никакихъ точныхъ свѣдѣній, и такъ какъ никто и не думалъ о предстоявшемъ дѣлѣ, то на бивакѣ, среди господствовавшаго оживленія, многіе безпечно отдыхали въ тѣни деревьевъ и въ шалашахъ, вполнѣ наслаждаясь прохладою. Вечеромъ, когда жара уменьшилась, толпы солдатъ сновали взадъ и впередъ; неумолкаемый говоръ носился въ воздухѣ; въ нѣкоторыхъ кружкахъ даже раздавались пѣсни, а передъ зарею играла музыка. Потомъ, хотя люди и улеглись, но разговоры не прекращались долго. Только въ нихъ никто не упоминалъ о Зивинѣ.

Ночь настала великолѣпная. Полная луна озаряла вершины горъ и лѣсовъ, линіи зеленыхъ шалашей и одиноко бѣлѣвшія офицерскія палатки. Около полуночи, бивакъ погрузился въ сонъ. Тѣмъ временемъ, командиръ полка получилъ такого рода письменное приказаніе: «завтра, 13-го іюня, войска выступаютъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Весь мингрельскій полкъ, съ 4-й батареей, выступаютъ первыми, по дорогѣ въ нижній Меджингертъ; дойдя до спуска и встрѣтивъ кавалерію, слѣдуютъ за ней и поступаютъ подъ команду генералъ-маіора князя Чавчавадзе. 2) Вслѣдъ за мингрельскимъ полкомъ слѣдуетъ эриванскій полкъ, 1-я, 2-я и 3-я батареи и три сотни кизляро-гребенскаго полка, подъ командою генералъ-маіора Авинова. 3) За эриванцами слѣдуютъ три баталіона, безъ одной роты, грузинскаго полка, тифлисскій полкъ и 6-я батарея, подъ командою генералъ-маіора Комарова, и одна рота саперъ, которой, до особаго приказанія, идти впереди мингрельскаго полка. Всѣ войска въ два часа пополуночи должны пообѣдать и имѣть съ собою въ карманѣ по фунту мяса и четырехдневный запасъ сухарей. По пробитіи зари, всѣ войска выстроиваются по назначенію. На Мелидузѣ устроивается вагенбургъ, подъ командою полковника Зеземана,

изъ пяти ротъ грузинскаго полка и трехъ сапернаго баталіона, съ 5-й батареей и одной сотней кизляро-гребенскаго полка».

Въ этой краткой диспозиціи, какъ мы видимъ, указывался лишь порядокъ походнаго движенія, но вовсе не предусматривался ходъ сраженія, такъ какъ оно зависѣло отъ точнаго выясненія силъ противника и отъ другихъ обстоятельствъ. Документъ этотъ доказываетъ также, что сраженіе могло и не состояться.

Наканунѣ, 12-я рота тифлисскаго полка занимала караулъ при корпусной квартирѣ. Въ полночь, генералъ Гейманъ призвалъ къ себѣ командира ея, штабсъ-капитана Афанасьева (Константина) и объявивъ, что 12-ю роту смѣнятъ немедленно саперы, поручилъ ему ударить въ три часа утра по возамъ. Незадолго же до этого времени, на бивакѣ началось движеніе, послышался негромкій говоръ, постукиваніе котелковъ: это—люди разбирали свой ранній обѣдъ. Вслѣдъ затѣмъ, ровно въ три часа, забили барабаны, и вскорѣ войска стали выстраиваться, въ резервномъ порядкѣ, на указанныхъ въ диспозиціи мѣстахъ. Заря едва занималась, и люди отыскивали свои ряды въ полумракѣ. Въ четыре часа тронулась голова колонны: саперы и мингрельцы; за ними потянулись остальныя войска; тифлисскій полкъ хотя и находился въ главныхъ силахъ, но шелъ въ хвостѣ отряда. Хотя бивачное мѣсто, какъ сказано выше, оканчивалось крутымъ обрывомъ, только наканунѣ нѣсколько разработаннымъ, и потомъ дорога вела въ гору, но оба эти препятствія не задержали движенія, потому что обозъ былъ незначительный, и съ нимъ не пришлось возиться. Въ тифлисскомъ полку онъ состоялъ всего изъ двухъ лазаретныхъ каретъ и восьми фургоновъ съ патронами. Поднявшись на высоты, войска пошли безостановочно.

Утро было прохладное, но уже съ девяти часовъ зной постепенно увеличивался, и неподвижный воздухъ становился тяжело душнымъ. Начала одолѣвать жажда, а воды не оказывалось и напли: мы шли по безводной горной пустынѣ. Въ полдень войска остановились для отдыха на плоскогорьи, выжженномъ солнцемъ. Людямъ позволили снять ранцы. Моментально толпы солдатъ разбрелись по окрестностямъ—розыскивать воду; но увы, всѣ возвращались съ пу-

стыми котелками. Между тѣмъ, командующій корпусомъ, съ нѣкоторыми генералами, выѣхалъ на отдѣльную высоту, откуда отчетливо виднѣлись турецкія позиціи, разсмотрѣнныя подробно въ бинокли. Послѣ этого осмотра, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и баталіонныхъ командировъ. Приказаніе это привезъ тифлисскаго полка подпоручикъ Чоглоковъ.

Когда названныя лица собрались, командующій корпусомъ объявилъ, что атака турецкихъ позицій рѣшена, планъ же и исполненіе боя поручаются генералу Гейману. Тогда послѣдній, обратясь къ присутствующимъ и указывая рукою на непріятельскія укрѣпленія, сказалъ: «передъ нами турецкій лагерь; наша цѣль—взять его».

Затѣмъ, онъ сталъ отдавать соотвѣтствующія приказанія, заключавшіяся приблизительно въ слѣдующемъ: кавалерія, съ конной артилеріей, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, идетъ въ обходъ праваго фланга турокъ, на Чермукъ (минеральный источникъ) и, направляясь по карско-эрзерумской дорогѣ, атакуетъ непріятеля съ тыла одновременно съ пѣхотой. Грузинскій и тифлисскій полки (27-мь ротъ), подъ командою генералъ-маіора Комарова, атакуютъ центръ турецкой позиціи и лѣвый ея флангъ—словомъ, все пространство, заключенное между двумя главными непріятельскими батареями. 6-я батарея (четырехъ-фунтовая) поддерживаетъ атаку упомянутыхъ двухъ полковъ. Мингрельскій полкъ атакуетъ, одновременно съ кавалеріей, правый флангъ турокъ. Лейбъ-эриванскій полкъ назначается въ прикрытіе трехъ девяти-фунтовыхъ батарей.

Во время передачи приказаній, генералъ Гейманъ стоялъ лицомъ къ непріятелю, указывая начальникамъ рукою на тѣ пункты турецкихъ позицій, которые должны были взять ввѣренныя имъ части. Распоряженія свои генералъ Гейманъ заключилъ словами: «затѣмъ, господа, отправляйтесь на свои мѣста, и желаю вамъ поскорѣе расколотить турокъ».

Генералъ Комаровъ, по возвращеніи начальниковъ къ своимъ частямъ, собралъ ихъ и сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: одинъ баталіонъ грузинцевъ, съ охотниками, долженъ подняться по дорогѣ,

видѣющейся лѣвѣе аула Зивинъ. Два другіе баталіона грузинцевъ и 1-й баталіонъ тифлисцевъ, съ 6-й батареей кавказской гренадерской артилерійской бригады, подъ личнымъ начальствомъ генерала Комарова, должны подняться по центральной дорогѣ, ведущей къ непріятельской позиціи. 2-й, 3-й и 4-й баталіоны тифлисцевъ, подъ начальствомъ командира полка, обязаны наступать правѣе колонны генерала Комарова, безъ дороги, и взять непріятеля во флангъ; въ случаѣ же, если колонна генерала Комарова поднимется нѣсколько раньше, то она будетъ поджидать тифлисцевъ.

Пока высшіе начальники совѣщались и отдавали приказанія, войска разсматривали турецкіе лагери, двумя большими группами занимавшіе впереди лежащія высоты. Массы черныхъ линій, траншей, покрывали горы. Это могъ видѣть каждый зоркій глазъ—а такихъ между солдатами было весьма много. Офицеры также разсматривали по картамъ непріятельскія позиціи и сличали ихъ съ тѣми, которыя видны были въ дѣйствительности, а именно: на западномъ склонѣ соганлугскаго хребта, невдали отъ сліянія рѣчекъ Ханы-чай и Зивинъ-чай, было расположено селеніе Зивинъ; на зивинскихъ высотахъ перекрещивалось нѣсколько дорогъ, соединяющихъ Эрзерумъ съ Карсомъ. Такимъ образомъ, позиція эта пріобрѣтала важное стратегическое значеніе. Изъ Мелидюза къ Зивину тоже было нѣсколько дорогъ. По одной изъ нихъ, какъ болѣе кратчайшей, слѣдовалъ отрядъ генерала Геймана. Зивинскія высоты сами по себѣ представляли природную крѣпость, а усиленныя фортификаціонными сооруженіями, онѣ съ фронта становились непреодолимыми.

Вся природно-крѣпкая мѣстность лежитъ на правомъ берегу Ханы-чай и командуетъ совершенно лѣвымъ берегомъ (см. планъ). Вершина главнаго хребта представляетъ плато, длиною три версты, а шириною полторы. Транзитная эрзерумская дорога проходитъ по самой серединѣ плато. Площадь эта справа, слѣва и отчасти съ тыла ограничена оврагами (ab, cd, fg), но только въ тылу покатость гораздо отложе, а съ фронта во многихъ мѣстахъ она почти-неприступна. За уступами оврага (hk) и за задними ска-

тами позиціи, располагались турецкіе лагери. Изобиліе воды, а также близость лѣса, дѣлали это мѣсто чрезвычайно пригоднымъ для лагерной стоянки. Турки укрѣпили нетолько упомянутое плато, но распространили оборонительную линію правѣе оврага (cd), и послѣдняя группа право-фланговыхъ укрѣпленій, на горѣ Хорумѣ, находилась въ разстояніи двухъ-трехъ верстъ отъ окраины плато.

Всѣ зивинскія укрѣпленія имѣли характеръ поспѣшныхъ окоповъ, состоявшихъ изъ батарей и пѣхотныхъ траншей. Мѣста для укрѣпленій выбраны были весьма искусно и удачно: онѣ нетолько обстрѣливали противуположный берегъ и всѣ подступы къ позиціи, но могли дѣйствовать по линіи всѣхъ укрѣпленій. Передовую линію составляли холмы №№ 1-й и 2-й, занятые траншеями, сложенными наскоро. Вторую линію—укрѣпленія №№ 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й. Группа укрѣпленій № 3-го состояла изъ траншеи и батареи. Батарея обстрѣливала фронтъ и лѣвый флангъ позиціи. Укрѣпленія № 4-го, расположенныя на знаменитой «круглой горѣ» (названной такъ войсками) состояли изъ батареи на пять орудій и траншеи по ея скату. Батарея расположена была на самой высшей точкѣ позиціи, она имѣла хорошій обстрѣлъ и фланкировала всѣ подступы. Холмъ № 1-й не закрывалъ батареи № 4-й. Стрѣльба поверхъ его была возможна, и недостатокъ этотъ ступевывался расположеніемъ батарей №№ 3-й и 7-й. Впереди же траншеи, на «круглой горѣ», шагахъ въ восьмидесяти, нашлось мертвое пространство, за которымъ во время боя лежали грузинцы и тифлисцы. Крутой оврагъ отдѣлялъ «круглую гору» отъ холма № 1-й. У основанія своего оврагъ имѣлъ скалистые обрывы и уступы. Крутизна скатовъ горы № 4-й была у основанія и дальше по скату болѣе 30%, а отъ уступа (мертваго пространства) до траншеи—не болѣе 20%. На упомянутыхъ горахъ кое-гдѣ были отвѣсныя мѣловыя осыпи.

Главныя дѣйствія полка направлены были противъ «круглой горы», а потому и достаточно будетъ вышеприведеннаго описанія.

Вглядываясь внимательно въ планъ зивинскихъ позицій, можно убѣдиться, что, въ сущности, необстрѣленныхъ мѣстъ на нихъ почти не было. Огонь изъ всѣхъ укрѣпленій перекрещивался, со-

средоточиваясь на требуемыхъ пунктахъ: кромѣ того, укрѣпленія были расположены въ нѣсколько линій. Хотя описаніе составлено по плану точному, снятому посредствомъ мензулы, но, естественно, никакой планъ не въ состояніи передать вполнѣ рельефа и выпуклости горной мѣстности. Часто, показанные на планѣ незначительные обрывы и высоты, на самомъ дѣлѣ оказываются трудно-преодолимыми препятствіями, въ особенности для пѣхоты, идущей въ походномъ или боевомъ порядкѣ.

Приведенное выше описаніе показываетъ, что намъ предстояла не легкая задача: штурмъ сильныхъ укрѣпленій и бой съ хорошо-укрытымъ непріятелемъ, численность котораго, по донесенію генерала Геймана, равнялась 15,000—20,000 человѣкъ (88).

Но, понятно, войска этого не знали и, съ полной вѣрой въ успѣхъ, ожидали возвращенія своихъ начальниковъ. Послѣ получасоваго отсутствія, вернулся полковникъ Ридигеръ и, вызвавъ офицеровъ на середину, сообщилъ имъ полученныя приказанія. Около двухъ часовъ пополудни войска выступили по назначенію. Въ это время кавалерія черной лентой исчезла въ ущельи Ханы-чай. Когда же колонна генералъ-маіора Комарова достигла группы хребтовъ, скрывавшихъ ее отъ взоровъ противника, то ей приказано было остановиться и стянуться.

Послѣ самаго незначительнаго отдыха, колонна поднялась на высоты, съ которыхъ отчетливо обрисовывались турецкія позиціи. Всѣ гребни на правомъ берегу Ханы-чая усѣяны были множествомъ траншей и укрѣпленій; ярко блестѣвшія на солнцѣ орудія показывали мѣста батарей. Вскорѣ свистъ пуль и шипѣніе гранатъ показали, что на насъ обращено вниманіе: турецкіе стрѣлки занимали передовыя высоты и сыпали оттуда свинцомъ.

Колонна генерала Комарова (изъ середины рядами) быстро спускалась къ Ханы-чаю по узкому карнизу, по едва замѣтной тропѣ, съ крутыми обрывами и скалистыми выступами. Мѣстами приходилось идти въ одиночку, а иногда останавливаться, въ ожиданіи, пока саперы разработаютъ дорогу. Саперы же шли впереди колонны, получивъ приказаніе—исправлять спускъ для артилеріи; но, несмотря на эту предосторожность, одно орудіе 6-й батареи свали-

лось всетаки въ кручу, и только ночью было вытащено оттуда конно-иррегулярнымъ полкомъ. Къ счастью, на этомъ спускѣ мы терпѣли незначительный уронъ.

Въ 2 часа и 25 минутъ, грянулъ, наконецъ, первый выстрѣлъ нашей девяти-фунтовки (37). Лѣвѣе насъ, мингрельцы переходили ущелье. Непріятель сталъ очищать передовыя высоты. У рѣчки Ханы-чай колонна генерала Комарова попала въ сферу дѣйствительнаго ружейнаго огня. Рой пуль вспѣнилъ рѣку, такъ что люди не могли останавливаться ни на секунду, чтобы зачерпнуть воды, и подхватывали ее горстями на ходу, чтобы хоть какъ нибудь промочить засохшую глотку и одеревенѣвшій языкъ. Съ этого мѣста тифлисскій полкъ сталъ нести потери, и первою жертвою былъ подпоручикъ Родзевичъ, адъютантъ 2-го баталіона: подъ нимъ убита лошадь, и онъ самъ слегка раненъ пулею въ ногу. Но Родзевичъ бодро переправился въ бродъ и пошелъ пѣшкомъ впереди баталіона. Между тѣмъ, переправа происходила безостановочно, бѣгомъ.

На правомъ берегу Ханы-чая, вблизи мельницъ, которыхъ около Зивина было нѣсколько, оказалось почти мертвое пространство. На немъ командиры грузинскаго и тифлисскаго полковъ привели свои части въ порядокъ, и тутъ только передніе люди успѣли, не торопясь, утолить свою нестерпимую жажду. Когда же устроились, то впереди пошли грузинцы, а за ними тифлисцы, въ колоннахъ изъ середины. Съ перваго же шага начали получаться новыя приказанія, такъ напримѣръ: полковникъ Немировичъ-Данченко, отъ имени командующаго корпусомъ, направилъ влѣво, на высоты, которыя упустили занять, шедшія въ хвостѣ три роты перваго баталіона тифлисцевъ и три роты 1-го баталіона грузинцевъ, а 1-я стрѣлковая рота оставлена была у мельницы, въ прикрытіе дивизіона 6-й батареи. Послѣ утомительнаго подъема, роты 1-го баталіона добрались до вершины горы, откуда увидѣли, что онѣ находятся противъ центра турецкой позиціи (см. планъ укрѣпленій №№ 5, 6 и 7). Убійственный перекрестный огонь встрѣтилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и раненые повалили. Наступавшая впереди, съ поручикомъ Кучевскимъ, цѣпь 2-й роты заняла на вершинѣ горы

площадку, на которой съ трудомъ помѣщался только одинъ взводъ. Видя это, командиръ баталіона полковникъ Александеръ приказалъ поручику Кучевскому перебѣжать со 2-й ротой на новую позицію, а поручику Кретковскому—удлинить цѣпь 3-ю ротою; рота Его Высочества осталась на горѣ, и поставивъ прицѣлъ на 1,500 шаговъ; дѣйствовала черезъ головы переднихъ.

Едва 2-я рота начала перебѣжку, полковникъ Александеръ, желавшій осмотрѣть цѣпь, былъ раненъ пулею въ руку и, по причинѣ сильнаго кровотеченія, удалился на перевязочный пунктъ, сдавъ командованіе баталіономъ капитану Братковскому. Между тѣмъ, 2-я рота натянулась на непроходимую кручу, и весь баталіонъ вынужденъ былъ остановиться, имѣя лѣвѣе себя три роты грузинцевъ, подъ командою капитана Рыльскаго. Въ цѣпи люди ставили прицѣлъ на 1,200—1,300 шаговъ. Когда 2-я рота разстрѣляла всѣ патроны, ее смѣнила 3-я рота. На этомъ остановились дѣйствія перваго баталіона, не подвигавшагося больше впередъ.

Одновременно съ наступленіемъ 1-го баталіона, остальные три баталіона тифлисцевъ, пройдя форсированнымъ маршемъ по окраинамъ Зивина, получили приказаніе отъ командующаго корпусомъ, переданное полковникомъ Немировичемъ-Данченко, немедленно снять ранцы. Конечно, это сдѣлано было поспѣшно, и ихъ сбросили сейчасъ же по выходѣ изъ деревни. Облегчившись отъ излишней поши и развернувшись поротно въ двѣ линіи, баталіоны продолжали наступленіе, имѣя въ цѣпи охотниковъ, 3-ю и 4-ю стрѣлковыя роты.

Въ началѣ движенія, генералъ-маіоръ Комаровъ, подозвавъ полковника Ридигера, приказалъ ему направить 3-й и 4-й баталіоны за двумя баталіонами грузинцевъ, уже поднимавшихся на высоты, и совмѣстно съ ними атаковать непріятеля съ лѣвой стороны. Командованіе этими баталіонами было поручено генераломъ Комаровымъ самому командиру полка. Второму же баталіону генералъ-маіоръ Комаровъ приказалъ принять влѣво, чтобы прикрыть дивизіонъ 6-й батареи, поднимавшійся по дорогѣ, пролегавшей по скатамъ высоты № 2-й. Въ описываемую минуту, со всѣхъ турецкихъ батарей и траншей гремѣлъ орудійный и неумол-

каемый ружейный огонь. Такого страшнаго огня войска не видѣли потомъ въ продолженіе всей кампаніи. Ураганъ свинца несся навстрѣчу наступавшимъ: — картина была ужасающая, не поддающаяся ни кисти, ни перу. Къ счастью, при наступленіи, полкъ, благодаря крутизнамъ подъема, почти не имѣлъ урона. Послѣднимъ обстоятельствомъ онъ много былъ обязанъ своей мирной подготовкѣ, научившей насъ примѣнять въ сферѣ огня разомкнутый строй. Всѣ роты шли развернутыми рядами, на опредѣленныхъ интервалахъ, представляя непріятелю весьма неуловимую, обманчивую цѣль.

Едва только первыя два орудія 6-й батареи показались на высотѣ, какъ въ одно мгновеніе ока почти всѣ лошади и прислуга были переранены и перебиты. Батарея не могла дальше двигаться: одно орудіе осталось на мѣстѣ и было уже вечеромъ увезено охотниками грузинскаго полка. Странно, что въ то самое время, когда разстрѣливали батарею, 5-я и 6-я роты, касаясь флангами орудій, обошли артилерію безъ потерь; и только, очутившись далеко впереди артилеріи, роты втораго баталіона стали нести уронъ. Не доходя кустарника, контуженъ былъ камнями командиръ 6-й роты капитанъ Борковскій; вслѣдъ за нимъ тяжело раненъ въ ногу командиръ 5-й роты штабсъ-капитанъ Мадчеваріани. Оба, офицера выбыли изъ строя, и роты остались безъ командировъ. Командиръ баталіона подполковникъ Лорисъ-Меликовъ призналъ движеніе впередъ невозможнымъ, а потому 5-ю и 6-ю роты остановили въ кустахъ, за небольшимъ гребнемъ, противъ укрѣпленій №№ 5-й, 6-й и 7-й. Не менѣе того, въ помянутыхъ ротахъ уронъ все же продолжался. Тутъ былъ убитъ пулею наповалъ баталіонный адъютантъ подпоручикъ Родзевичъ, уже легко раненый въ началѣ дѣла, молодой, храбрый и много обѣщавшій офицеръ, только-что выпущенный изъ военнаго училища. Выбывало изъ строя немало и нижнихъ чиновъ.

4-я и 2-я стрѣлковыя роты тоже попали подъ сильный огонь. Онѣ направились вдоль по оврагу, сильно фланкированному продольнымъ обстрѣломъ. Во время слѣдованія, раненъ былъ пулею въ руку поручикъ Снѣжковъ, не оставившій строя. Наконецъ, 4-я и 2-я роты залегли въ развѣтвленіяхъ оврага и дальше не трога-

лись съ мѣста. Тутъ же остановилась и рота саперъ. Генералъ-маіоръ Комаровъ сначала лично руководилъ дѣйствіями 6-й батареи и 2-го баталіона, но вскорѣ тоже былъ раненъ въ ногу и убылъ на перевязочный пунктъ. Возлѣ генерала Комарова раненъ также тяжело пулею въ колѣно тифлисскаго полка подпоручикъ Чоглоковъ, состоявшій при немъ ординарцемъ. Такимъ образомъ, въ центрѣ атакующіе уже въ началѣ сраженія понесли серьезныя потери, и части всюдѣ остановились, укрывшись отъ адскаго огня за мѣстными препятствіями. Въ три съ половиною часа бой разгорѣлся по всей линіи съ полной силой и распался на отдѣльные эпизоды, за которыми весьма трудно слѣдить.

Послѣ полученнаго приказанія атаковать непріятеля съ фронта, полковникъ Ридигеръ направилъ 3-й баталіонъ прямо на гору № 1-й, по одному скату, а 4-й нѣсколько правѣе, по другому. Оба баталіона, идя вслѣдъ за грузинцами, догнали ихъ у вершины горы. Страшный ружейный огонь длился безъ перерыва. По всѣмъ направленіямъ ронились пули, визжали осколки, летѣли камни.

Повидимому, было много разрывныхъ пуль, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, ударяясь въ землю, издавали трескъ и выбрасывали дымокъ. Говорили, будто турки употребляли эти пули для опредѣленія разстоянія. Но вся эта огненная буря сначала проносилась мимо, причиняя мало вреда, такъ какъ баталіоны взбирались по слабо обстрѣливаемымъ скатамъ. Турки не выдержали перваго натиска и, очистивъ траншеи №№ 1-й и 2-й, впопыхахъ бросились къ заднему ряду укрѣпленій.

Смѣшанная масса грузинцевъ и тифлисцевъ, занявъ безъ боя гребень горы, увѣнчанный первыми траншеями, залегла подъ нимъ, чтобы перевести духъ. Полковникъ Ридигеръ, слѣдовавшій съ цѣпью, выѣхалъ съ штабсъ-капитаномъ Жанголовичемъ за траншею, чтобы высмотрѣть, куда направить атаку, и тутъ же былъ раненъ въ ногу, а лошадь штабъ-горниста, бывшаго рядомъ съ нимъ, прострѣлена въ шею. Не слѣзая съ лошади, командиръ полка отъѣхалъ назадъ и приказалъ ударить атаку. Тотъ же сигналъ, какъ по согласію, ударили и у грузинцевъ, командиръ которыхъ полковникъ Рыдзевскій былъ здѣсь же. 3-й и 4-й баталіоны, вмѣстѣ съ

грузинцами, бросились впередъ.

Глубокій скалистый оврагъ отдѣлялъ гору № 1-й отъ главной батареи (№ 6-й) или такъ называемой «круглой горы». Несмотря на это препятствіе, 8-я и 9-я роты, предводимыя своими командирами—штабсъ-капитаномъ княземъ Аргутинскимъ и поручикомъ Ясовичемъ, спустились ниже, обойдя гору слѣва, и очутились почти въ турецкомъ лагерѣ. Турки ошеломили наступающихъ такимъ убійственнымъ огнемъ, что роты вынуждены были перебѣжать вправо и залечь въ мертвомъ пространствѣ. По разсказамъ очевидцевъ, командиръ 8-й роты поручикъ Ясовичъ намѣренъ былъ ворваться въ лагерь, поэтому предупреждалъ людей, чтобы дружнѣе кидались на штурмъ, но тутъ пуля сразила Ясовича наповалъ. Тѣло его свалилось въ кручу, и не взирая на всѣ усилія, не могло быть вынесено. Такъ оно и осталось въ рукахъ у турокъ.

Между тѣмъ, командиръ 3-го баталіона маіоръ Улановичъ, видя большой уронъ и, кромѣ того, замѣшательство, происшедшее при переходѣ черезъ оврагъ, стянулъ людей 7-й и 3-й стрѣлковой роть и сталъ устроивать ихъ. Тутъ, командиръ 7-й роты штабсъ-капитанъ Андріевичъ получилъ тяжелую рану пулею въ грудь, съ переломомъ ключицы. Въ это же время контуженъ былъ въ голову и въ животъ капитанъ князь Орбеліани. Несмотря на потерю уже трехъ ротныхъ командировъ, маіоръ Улановичъ, собравъ двѣ роты, перешелъ въ наступленіе и съ необыкновеннымъ мужествомъ достигъ «круглой горы», гдѣ залегъ въ мертвомъ пространствѣ, имѣя подъ рукою весь свой баталіонъ.

Въ параллель съ описанными дѣйствіями 3-го баталіона, 4-й баталіонъ взбирался тоже на турецкую позицію, предводимый своимъ храбрымъ командиромъ маіоромъ Суликовымъ;—этому штабъ-офицеру, какъ старшему, полковникъ Ридигеръ поручилъ командованіе 3-мъ и 4-мъ баталіонами, при которыхъ, вслѣдствіе полученной раны, самъ слѣдовать не могъ, оставшись на высотѣ № 1-й, откуда продолжалъ управлять дѣйствіями полка. Здѣсь же, съ помощью полковаго адъютанта поручика Васильева, полковникъ Ридигеръ перевязалъ свою рану. На этой же высотѣ находился и полковникъ Рыдзевскій, принявшій начальство надъ атакующими войска-

ми, вслѣдствіе выбытія изъ строя генерала Комарова.

На долю 4-го баталіона тифлисцевъ досталась тоже крутая балка, отдѣлявшая круглую гору отъ занятыхъ нами траншей. Смѣльчаки-субалтерны кинулись внизъ; примѣру ихъ слѣдовали остальные. Восхожденіе на крутизну, да еще подъ пулями, становилось чрезвычайно труднымъ. Но что за дѣло!... Возврата нѣтъ, онъ невозможенъ. И вотъ, цѣпляясь за кусты тощей колючки, хватаясь за камни и осыпи, опираясь на ружья, тифлисцы рука объ руку съ грузинцами, черепашьимъ шагомъ ползутъ впередъ и залегаютъ въ мертвомъ пространствѣ. Во время этого тяжелаго перехода баталіоны потерпѣли большую потерю: весь пройденный оврагъ былъ покрытъ трупами, умиравшими и ранеными. Казалось, турки съ цѣлью заманили русскихъ въ опасное мѣсто, чтобы поголовно ихъ истребить. Передовыя траншеи служили какъ бы маской, искусно скрывавшей трудно-преодолимую балку, а что онѣ были дѣйствительно ловушкой — въ этомъ убѣждало каждаго то обстоятельство, что всѣ окопы были сооружены наскоро, небрежно, и брошены непріятелемъ при первомъ натискѣ.

И такъ, грузинцы и тифлисцы лежали въ ста шагахъ, а нѣкоторые даже и ближе, отъ турецкихъ траншей, изъ которыхъ выглядывали турки, стрѣлявшіе непрерывно.

Все описанное наступленіе было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ и происходило почти одновременно съ дѣйствіями 3-го баталіона, занявшаго западную гору. При этомъ роты двухъ полковъ перемѣшались и вмѣстѣ лежали въ мертвомъ пространствѣ. Слѣдовательно, попытка атаковать главную непріятельскую позицію — тоже не удалась. Атакующіе хотя и вытѣснили турокъ изъ передовыхъ укрѣпленій, но затѣмъ, сами будучи отбиты, залегли за закрытіями и лишь поддерживали перестрѣлку. Огонь же изъ турецкихъ траншей все усиливался; пѣхота обѣихъ сражавшихся сторонъ буквально разстрѣливала другъ друга; свинецъ рѣялъ по всѣмъ направленіямъ, и мѣстность заволокло облаками дыма. О возобновленіи атаки съ наличными силами, казалось, нечего было и думать. Для этого нужны были резервы, а ихъ-то и не было. Но чего только не въ состояніи сдѣлать беззавѣтная преданность долгу и чести

И вотъ, на площадкѣ, подъ перекрестнымъ огнемъ, собирались неустрашимые: подполковникъ Ушаковъ, маіоры Улановичъ и Суликовъ, и капитанъ Сагиновъ (**); къ нимъ присоединяются нѣкоторые офицеры и даже многіе нижніе чины. Здѣсь, подъ градомъ пуль, возбужденъ былъ вопросъ: что дѣлать? Краткое совѣщаніе запечатлѣлось однимъ единодушнымъ рѣшеніемъ: «впередъ»! Тогда маіоръ Суликовъ приказалъ развернуть знамя и сталъ махать имъ по направленію къ непріятелю. Быстро все живое поднялось на ноги, грянуло «ура» и бросилось на батарею. Чудовищный залпъ встрѣтилъ героевъ, тѣла которыхъ повалились ведрѣ. Не было никакой возможности двинуться ни на шагъ впередъ, и люди снова скученно легли за закрытіями.

По счету, это былъ четвертый штурмъ, вырвавшій изъ строя много жертвъ. Между прочимъ, были ранены: подполковникъ Ушаковъ—въ ногу, маіоръ Суликовъ—тяжело въ животъ, и наповалъ убитъ командиръ 11-й роты штабсъ-капитанъ Афанасьевъ (Алексѣй). Кромѣ нихъ, еще были ранены: поручикъ Абеловъ въ ногу и командиръ 9-й роты штабсъ-капитанъ князь Аргутинскій-Долгорукій навылетъ въ грудь. Контужены: командиръ 4-й стрѣлковой роты поручикъ Сагиновъ и 12-й роты штабсъ-капитанъ Афанасьевъ (Константинъ). На «круглой горѣ», за выбытіемъ всѣхъ штабъ-офицеровъ обоихъ полковъ, остался за старшаго маіоръ Улановичъ, тоже контуженный въ правую ногу. Грузинцы и тифлисцы не оставляли батареи, но, тѣмъ не менѣе, турецкіе стрѣлки, занимавшіе траншею на скатѣ «круглой горы» и висѣвшіе почти надъ головами атакующихъ, вынуждены были убраться за батарею.

Неудача и потери нисколько не ослабили энергіи и мужества храбрыхъ полковъ, и оба они стойко держались на занятыхъ позиціяхъ, ни пяди не подаваясь назадъ. А тѣмъ временемъ, уронъ съ каждой минутой становился ощутительнымъ; патроновъ не было; недоставало и санитаровъ, и каждому раненому приходилось удѣлять, смотря по характеру раны, строевыхъ людей по два и по три человѣка. Ряды замѣтно рѣдѣли. Непріятель билъ съ фронта, съ фланговъ, съ тыла; не было нигдѣ безопаснаго мѣста, и многіе раненые добиты были турецкими пулями на своихъ мѣстахъ. Къ

довершенію критическаго положенія, шагахъ въ трехстахъ, на правомъ флангѣ, появилась черкесская конница, именно въ ту минуту, какъ напрягались всѣ усилія противъ «круглой горы»; она быстро спѣшилась и засыпала насъ пулями изъ своихъ магазинокъ. Но ее удержалъ взводъ 3-й стрѣлковой роты, перемѣшанный съ грузинцами. Несмотря однако на невиданный огонь, никто не думалъ объ отступленіи. Всѣ взоры съ надеждой обращались на лѣвый флангъ, откуда должна была показаться кавалерія. Было уже пять съ половиною часовъ пополудни, а о кавалеріи—ни слуху, ни духу. Прошелъ еще часъ въ томительномъ ожиданіи,—и все же ни одинъ всадникъ не показывался въ тылу непріятельской позиціи.

Мингрельцы тоже не двигались; ихъ придерживалъ командиръ 2-й бригады кавказской гренадерской дивизіи генералъ-маіоръ Бедергольмъ, имѣя приказаніе—не трогаться впередъ, пока не подойдетъ кавалерія. Это былъ какой-то неопредѣленный моментъ боя, положеніе тоскливое, осязательно гласившее объ общей неудачѣ. Наконецъ, на высотахъ, позади замка Зивина, замелькали штыки русской пѣхоты. Это были два баталіона эриванцевъ, которые слѣдовали на поддержку нашего праваго фланга. Люди приободрились. Начальники расчитывали попытать счастья въ новой атакѣ. Но эриванцы вскорѣ остановились въ балкѣ, выславъ небольшую цѣпь противъ кавалеріи. Распоряженіе это принесло немедленную пользу, такъ какъ кавалерія, видя наступленіе пѣхоты, отступила. Намъ стало легче: по крайней мѣрѣ, хоть съ одной стороны насъ больше не разстрѣливали. Оказалось впослѣдствіи, что командующій корпусомъ приказалъ и эриванцамъ остановиться и не двигаться впередъ.

И такъ, наступленіе вездѣ пріостановилось. Артилерія наша, дѣйствовавшая противъ центра непріятеля, тоже прекратила огонь. Ясно сознавали всѣ, что случилось нѣчто недоброе, и потому окончательный штурмъ въ этотъ день не состоится. Однако, энергія и долгъ чести заставляли начальниковъ употреблять послѣднія усилія и истощать всѣ средства, чтобы завладѣть грозной турецкой батареей. Такъ напримѣръ: когда, среди людей, находившихся подъ командою маіора Улановича, разорвались, по причинѣ недолета,

двѣ наши гранаты, тогда раздался общій громкій говоръ, предвѣщавшій повтореніе штурма. Маіоръ Улановичъ отлично понималъ несостоятельность атаки, но, тѣмъ не менѣе, поставленъ былъ въ необходимость уступить общему желанію. И вотъ, раненый барабанщикъ Гусевъ пробилъ атаку; люди дружно бросились въ штыки, но были снова съ уронемъ отбиты. Движеніе впередъ оказалось немыслимымъ.

Полковники Радевскій и Ридигеръ, въ свою очередь, рѣшились тоже атаковать «круглую гору». Послѣ предварительнаго совѣщанія, оба командира начали стягивать цѣпи, сжимая ихъ по взводы. Полковникъ Ридигеръ, вслѣдствіе дурно перевязанной раны, изъ которой сильно сочилась кровь, не могъ ходить; тифлисскіе офицеры почти всѣ выбыли изъ строя, потому полковникъ Радевскій принялся строить тифлисцевъ, состоявшихъ изъ людей 3-го и 4-го баталіоновъ, большею частью возвратившихся послѣ переноски раненыхъ и полученія патроновъ; за послѣдними надо было спускаться подъ гору, такъ какъ взводовъ для подъема ихъ наверхъ не было, а подвозить на фургонахъ—и думать было нельзя. Въ этомъ жестъ грузинцевъ было мало, и для атаки предназначались только тифлисцы. Набралось четыре взвода, каждый рядовъ въ двадцать. Командирами ихъ полковникъ Ридигеръ назначилъ единственнаго еще уцѣлѣвшаго офицера 3-го баталіона подпоручика Софіева, фельдфебеля Походенко (?), унтеръ-офицера 3-й стрѣлковой роты Добровольскаго и вольноопредѣляющагося Знаменскаго. Когда людей расчитали, и взводы пришлось выводить изъ траншей, огонь былъ до того губительный, что одинъ изъ взводовъ, видя передъ собою незнакомаго унтеръ-офицера Добровольскаго, замялся; тогда полковникъ самъ принялъ начальство надъ взводомъ и лично повелъ его на штурмъ. Люди, съ крикомъ «ура», рванулись впередъ, но и эта атака, какъ и всѣ предыдущія, не удалась. Пришлось остановиться и вновь залечь. Въ числѣ другихъ жертвъ, палъ смертельно раненый въ животъ подпоручикъ Софіевъ, умершій черезъ нѣсколько часовъ. Этимъ эпизодомъ окончился послѣдній актъ кровавой зивинской драмы, въ теченіе которой тифлисцы и грузинцы хотя и убѣдились, что есть извѣстный предѣлъ человѣческой силы,

но въ тоже время доказали, что для мужества, храбрости и неустрашимости такого предѣла можетъ и не быть.

Около 8-ми часовъ, бой сталъ ослабѣвать, затихать на всѣхъ пунктахъ. Но кое-гдѣ перестрѣлка все же продолжалась. Войска ожидали приказаній, приготовляясь почевать на занятыхъ позиціяхъ. Къ 9-ти часамъ вечера бой былъ совсѣмъ конченъ, и о наступленіи нечего было помышлять. Всѣхъ, однако, занималъ вопросъ: возобновимъ ли мы атаку на другой день. Впрочемъ, въ этомъ едва ли кто либо сомнѣвался.

Темнѣло. Надо было подумать объ уборкѣ раненыхъ. Послѣдніе, еще въ началѣ боя, проложили кровавую стезю къ Зивину, гдѣ ихъ скопилось очень много. Санитаровъ едва хватало для офицеровъ и тяжело раненыхъ. Наличный медицинскій персоналъ состоялъ всего изъ двухъ врачей, однимъ изъ которыхъ былъ старшій врачъ тифлисскаго полка Егоровъ, и пособія раненымъ неоткуда было ждать. По большей части они сами себя кое-какъ перевязывали, для чего рвали собственное бѣлье и дѣлали изъ него бинты. И только нѣсколько человѣкъ турокъ, обитателей Зивина, подавали воду несчастнымъ, стоны и вздохи которыхъ наполняли воздухъ. Турецкія пули долетали до Зивина, и потому большая часть жителей укрылась въ гротъ, подъ зивинскимъ замкомъ. Одинъ тифлисецъ, раненый въ ногу, увидѣвъ въ гротѣ турокъ, неистовымъ голосомъ закричалъ: «братцы, вотъ турки»! и, зарядивъ ружье, хотѣлъ выстрѣлить. Непремѣнно произошла бы рѣзня въ тылу нашей позиціи. Къ счастью, тифлисскаго полка капитанъ Ворковскій, бывъ контуженъ и находясь по этой причинѣ въ Зивинѣ, вовремя остановилъ недоразумѣніе. Послѣ этого, опасаясь, чтобы черкесы, наѣдавшіе на нашъ правый флангъ, не спустились въ деревню, онъ приказалъ раненымъ собраться, взять ружья и приготовиться къ защитѣ. Предложеніе это было исполнено всѣми, кто только могъ владѣть руками, и такимъ образомъ собралось человѣкъ восемьдесятъ тифлисцевъ и грузинцевъ, конечно, лежавшихъ въ безпорядкѣ, но за то, готовыхъ съ честью погибнуть.

Около шести часовъ пріѣхалъ въ Зивинъ генеральнаго штаба полковникъ Семеновъ и, узнавъ отъ капитана Ворковскаго о поло-

женія дѣлъ, распорядился правильною транспортировкою раненыхъ. Тотчасъ карапапахи вытребовали у жителей арбы, и началась перевозка. По всему ущелью, южнѣе Зивина, тянулись вереницы раненыхъ, пѣшкомъ и верхомъ на карапапахскихъ лошадяхъ; нѣкоторыхъ несли на носилкахъ, а большинство везли на арбахъ. Всѣ раненые были съ голубыми и бѣлыми околышами. А въ тоже время, по ущелью, по крайней мѣрѣ на протяженіи двухъ верстъ, свистѣли пули. Вотъ вѣрный снимокъ съ картины, происходившей въ тылу русской позиціи.

Справедливость требуетъ воздать должную дань уваженія нашимъ солдатамъ: многіе раненые, перевязавшись въ Зивинѣ, спѣшно возвращались въ боевую линію, навыручку своихъ товарищей.

Часовъ около семи, черезъ деревню проскакалъ, безъ конвоя, командиръ 1-й бригады кавказской гренадерской дивизіи генералъ-маіоръ Авиновъ, назначенный замѣнить генералъ-маіора Комарова.

А что же сталось съ кавалеріей, и почему она не поддержала атаки мингрельцевъ? Вопросъ этотъ вертѣлся на языкѣ каждаго солдата, назойливо испрашивая отвѣта, который можетъ быть данъ въ такомъ родѣ: генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе, въ восемь часовъ вечера донесъ командующему корпусомъ, что его кавалерійскій отрядъ, вмѣсто хорошей дороги, нашелъ едва проходимую тропу. Изъ Кепри-кея появилась непріятельская колонна, угрожавшая тылу кавалеріи. Артилерію нельзя было поднять на высоты, и она осталась у Чермука. Вмѣсто двухъ или трехъ часовъ передвиженія, кавалерія сдѣлала переходъ болѣе тридцати верстъ. Такое было положеніе дѣлъ на полѣ битвы въ началѣ вечера. Передъ сумерками, по приказанію генерала Геймана, направленъ былъ 3-й баталіонъ эриванцевъ въ резервъ грузинцамъ и тифлисцамъ. Туда же приведена была 1-я стрѣлковая рота тифлисскаго полка. Когда взошла полная и свѣтлая луна, началась повсемѣстная уборка убитыхъ и раненыхъ. Маіоръ Улановичъ, оставаясь на передовой позиціи, по собственному почину, занялся этою уборкою, приказавъ людямъ надѣть шинели; тоже сдѣлали тифлисцы и на бугрѣ № 1-й. Надѣтыя шинели столько же защитили отъ ночнаго холода, сколько сѣрыя фигуры были менѣе замѣтны для глазъ непріятеля. Вслѣдствіе

этого, во время уборки раненых, мы имѣли гораздо меньше потерь, чѣм грузинцы, не надѣвшие шинелей. Для того же, чтобы показать туркам, что мы держимся на занятых съ боя мѣстах и не думаем объ отступленіи, упомянутый штабъ-офицеръ прибѣгнулъ къ слѣдующей уловкѣ: онъ собралъ нѣсколько десятковъ грузинцевъ и тифлисцевъ и, вѣривъ начальство надъ ними фельдфебелямъ Медовому и Одинцову, такъ какъ офицеров было всего четыре-пять человѣкъ, да и тѣ находились въ сторонѣ, правѣе, приказалъ зорко слѣдить за траншеями, и по каждой показавшейся фескѣ давать залпы. Къ сожалѣнію, распоряженіе это стоило не малых жертвъ, такъ какъ турки отвѣчали цѣлымъ потокомъ выстрѣловъ, и пули попадали въ холмъ № 1-й. Тутъ былъ прострѣленъ въ грудь, въ числѣ другихъ, фельдфебель Скиба, явившійся за полученіемъ приказаній, которых войска не имѣли до полупочи, все занимаясь лишь уборкою раненых.

Не взирая на продолжавшійся огонь, изнуренные люди кое-гдѣ заснули. Всѣ были увѣрены, что атака возобновится на разсвѣтѣ. Такого именно рода распоряженіе и получилъ генералъ-маіоръ Авиновъ, которому генералъ Геймапъ приказывалъ выбрать на ночь удобную и крѣпкую позицію. Понятно, что командиры полковъ, предвидя, что атака неизбѣжно будетъ возобновлена, съ наступленіемъ сумерокъ приняли мѣры, чтобы собрать и устроить свои части. Съ этою цѣлью и разосланы были соотвѣтствующія приказанія. Рѣшено было собрать грузинцевъ лѣвѣе, гдѣ былъ второй баталіонъ, а на холмѣ № 1-й собирать тифлисцевъ. Сюда вскорѣ прибыли 4-я, 5-я и 6-я роты, подъ начальствомъ ротнаго командира 4-й роты поручика Снѣжкова и уцѣлѣвшихъ—поручиковъ Рейбурга и Гауша. 2-я стрѣлковая, съ штабсъ-капитаномъ Гавриловымъ, подпоручикомъ Климовымъ и подполковникомъ Лорисъ-Меликовымъ, остановилась у подножія горы. Командиръ грузинскаго полка полковникъ Рыдзевскій немедленно отправилъ поручика Рейбурга къ маіору Улановичу съ слѣдующимъ словеснымъ приказаніемъ: «отпустить людей обоихъ баталіоновъ грузинскаго полка обратно за оврагъ, къ высотѣ № 1-й, и ожидать присылки людей тифлисскаго полка изъ за оврага на передовую позицію. При этомъ, имѣть въ виду,

что послѣ такого перемѣщенія частей, тифлисцы будутъ составлять правый флангъ, а грузинцы—лѣвый. Въ такомъ положеніи оставаться до полученія новыхъ приказаній». Поручикъ Рейбуръ, пройдя къ маіору Улановичу вмѣстѣ съ юнкеромъ Декабрилевичемъ, передалъ ему это приказаніе около десяти часовъ вечера и тутъ же вызвался отыскать тѣло поручика Леонича. Но нѣкоторые солдаты объявили, что ходили за трупомъ и не нашли его.

Наконецъ, часовъ въ 11-ть, къ генералъ-маіору Авинову пріѣхалъ полковникъ Немировичъ-Данченко, съ письменнымъ приказаніемъ, подписаннымъ генералъ-маіоромъ Духовскимъ, чтобы войска немедленно отступили. Согласно этому, генералъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Первыми снялись части тифлисскаго полка, находившіяся впереди, съ маіоромъ Улановичемъ, которому приказаніе объ отступленіи послано было черезъ поручика грузинскаго полка Коболадзе. Командиръ 3-го баталіона, забравъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, незамѣтно отступилъ по продольной балкѣ, къ сожалѣнію неизвѣстной намъ во время наступленія, и прибылъ въ Зивинъ, съ двумя баталіонами, около двухъ часовъ пополуночи. Получивъ извѣстіе, что маіоръ Улановичъ уже отошелъ въ Зивинъ, командиръ полка приказалъ отходить и остальнымъ баталіонамъ. Такимъ образомъ, отступленіе отряда совершалось всю ночь, и турки насъ не преслѣдовали.

Описанію кроваваго зивинскаго дѣла посвящены были цѣлыя столбцы въ нашей и иностранной печати; вообще, печатали и говорили много. Но для насъ важна лишь оффиціальная реляція, и мы позаимствуемъ изъ рапорта генерала Гейманна мѣста, относящіяся къ тифлисскому полку. Изложивъ всѣ предварительныя распоряженія, генералъ говоритъ слѣдующее: «въ центрѣ три баталіона грузинцевъ и весь тифлисскій полкъ, съ 6-ю батареею, спустившись къ рѣчкѣ Зивинъ-чай и подойдя къ сел. Зивинъ, начали подниматься на вершины, находящіяся между большимъ турецкимъ лагеремъ и сел. Зивинъ, влѣво отъ эрзерумской дороги; 6-я батарея шла между двумя полками. Тотъ же самый убійственный огонь съ вершины, занятой двумя турецкими траншеями, а лѣвѣе—съ террасы, занятой одной траншеей, встрѣтилъ и здѣсь нашихъ гренадеръ, медленно

подвигавшихся и повременамъ останавливавшихся, чтобы устроиться, потому что покатость, на которую взбирались тифлисцы и грузинцы, была еще круче выпавшей на долю мингрельцевъ. Несмотря, однако, на крутизну покатости, на самую частую стрѣльбу изъ турецкихъ траншей, поддерживаемую турецкою батареею, наши гренадеры, въ свою очередь, открыли живой огонь по траншеямъ и, пренебрегая градомъ пуль, которыми осыпали ихъ турки, бросились впередъ; нѣсколько гранатъ, мѣтко брошенныхъ изъ нашихъ девяти-фунтовыхъ батарей бѣглымъ огнемъ и разорвавшихся въ самыхъ траншеяхъ, помогли неотразимой атакѣ гренадеръ, и всѣ траншеи перешли въ наши руки. Турки отступили изъ этихъ траншей, но остановились позади ихъ, открывъ рядъ залповъ почти въ упоръ гренадерамъ, входившихъ въ траншеи; новый натискъ заставилъ турокъ вовсе покинуть эту высоту и отступить къ лагерю, на свою батарею. По занятіи трехъ траншей, тифлисцы и грузинцы тотчасъ спустились въ глубокій, съ особенно крутыми боками, оврагъ и начали подниматься на послѣднюю передъ лагеремъ высоту, съ круглой вершиной, увѣнчанной редутомъ, а нѣсколько ниже его — траншеей. Турки отстаивали эту высоту замѣчательно упорно. Скаты высоты крутостью своею превышали всѣ скаты, пройденные до сихъ поръ нашими гренадерами; крутизна этихъ скатовъ была настолько значительна, что раненые и убитые не въ состояніи были удерживаться на нихъ и скатывались внизъ, увлекая за собою мелкіе камни; солдаты взбирались на эту естественную стѣну, подпираясь ружьями. Здѣсь, съ нашей стороны, перестрѣлка умолкла, пока храбрые и настойчивые гренадеры не добрались до менѣе крутаго подъема; на этой чертѣ, находившейся отъ траншеи въ разстояніи отъ 50 до 100 шаговъ, передніе пріостановились, открывъ по траншеѣ огонь въ упоръ; задніе медленно стягивались, изнеможенные какъ предшествующимъ боемъ, такъ и страшными крутизнами, которыя преодолѣли. Передъ траншеей и справа отъ нея образовалась густая цѣпь нашихъ гренадеръ, стрѣлявшихъ въ упоръ по траншеѣ, бывшей передъ батареей, и по ряду траншей, находившемуся правѣе холма съ батареей и занятому турецкими пѣхотными частями, съ поддержкой нѣсколькихъ митральезъ (60). Гренадеры подверглись

въ этомъ мѣстѣ самому убійственному огню на разстояніи отъ 50 до 100 шаговъ; перестрѣлку въ этомъ мѣстѣ можно сравнить съ взаимнымъ разстрѣливаніемъ. Обѣ сражавшіяся стороны покрылись густыми облаками дыма».

Далѣе, въ рапортѣ положена атака грузинцевъ; затѣмъ, о тифлисцахъ говорится слѣдующее: «правѣе грузинцевъ, тифлисскій гренадерскій полкъ, перейдя неглубокую, но съ крутыми боками, вершину оврага, низовье котораго находилось въ тылу грузинцевъ, направился къ ряду траншей съ митральезами; но лишь только тифлисцы поднялись на гребень бывшей передъ ними возвышенности, какъ были встрѣчены почти въ упоръ массой безпрерывныхъ залповъ и направленнымъ сюда огнемъ картечницъ. Подъ вліяніемъ столь неожиданнаго и губительнаго огня, тифлисцы отошли нѣсколько назадъ и прилегли за гребнемъ возвышенности.

«Тифлисскіе гренадеры, разстрѣлявъ всѣ свои патроны, бросились въ штыки на ложементъ, которымъ соединялся редутъ съ правыми, еще неоконченными траншеями; несмотря на такой же убійственный огонь, который господствовалъ въ этихъ мѣстахъ все время битвы, тифлисцы штыками выбѣжали турокъ изъ части ложемента (61), но, не имѣя возможности отвѣчать на самый частый огонь бывшихъ здѣсь турецкихъ резервовъ, занявшіе часть ложемента тифлисцы не могли въ немъ достаточно утвердиться, и должны были снова отойти за гребень высоты. Воодушевленные примѣромъ тифлисцевъ, грузинцы, у которыхъ, какъ и у ихъ боевыхъ товарищей, была разстрѣляна большая часть патроновъ, одновременно съ тифлисцами еще разъ попытались штыками выбить залегшихъ въ траншеи турокъ, но и на этотъ разъ подверглись той же участи, какъ прежде, и должны были отойти за край крутизны».

На этой короткой выдержкѣ закончимъ извлеченіе изъ рапорта, такъ какъ далѣе въ немъ говорится объ общемъ ходѣ сраженія и упоминается о тифлисцахъ лишь вскользь. Вообще, важно то, что офиціальная реляція признаетъ за полкомъ качества доблести, мужества и самоотверженія. Сами турки, въ своихъ донесеніяхъ, съ полнымъ безпристрастіемъ признали за гренадерами вышеприведенныя качества (62).

Всѣ современники отнеслись съ глубокимъ уваженіемъ къ зимнему сраженію и потому, нѣтъ сомнѣнія, будущіе тифлисцы съ гордостью станутъ помнить предшественниковъ, честно сложившихъ головы въ бою 13-го іюня 1877-го года.

Грустное зрѣлище представилось утромъ, 14-го іюня: потрясенные нравственно, контуженые физически, покрытые грязью и кровью, стекались съ разныхъ сторонъ порѣдѣвшіе батальоны гренадеръ. Одни солдаты поддерживали раненыхъ, другіе тащили мертвыхъ, и большинство было навьючено длинными ранцами, двумя и даже тремя ружьями. У нѣкоторыхъ подвязаны были руки, обвязаны головы, иные, хромая, плелись вяло, опираясь на ружья, вмѣсто костылей. По дорогѣ скрипѣли арбы; на нихъ качались группы раненыхъ, терпѣливо выносившихъ боль. Постепенно, но довольно медленно, стягивались и выстроивались части вблизи дивизіоннаго лазарета. Уцѣлѣвшіе фельдфебеля дѣлали расчетъ, перекликали людей. Тутъ-то стали считать мы ряды товарищей, считать— и многихъ не досчитались. Это была первая серьезная потеря въ полку. Тифлисскій полкъ потерялъ убитыми: оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 42; ранеными: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 252; контуженными: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 6; безъ вѣсти пропало 16 нижнихъ чиновъ(62). Всего, съ офицерами, выбыло изъ строя 332 человѣка. Въ это число не включены легко раненые и контуженные нижніе чины, не оставлявшіе строя. А такихъ каждая рота насчитывала нѣсколько человѣкъ. Если и ихъ взять въ расчетъ, то общее число убылыхъ дойдетъ до трехсотъ восьмидесяти человѣкъ. Между тѣмъ, полкъ вышелъ въ бой въ составѣ 2,629 человѣкъ.

Сравнительно, всѣ войска отдѣлались очень счастливо. Судя по ужасающему огню, сторонніе очевидцы боя опредѣляли потерю отряда въ 2,000 человѣкъ. На самомъ же дѣлѣ, цифра эта оказалась слишкомъ преувеличенною: во всемъ отрядѣ, не исключая и офицеровъ, выбыло изъ строя 860 человѣкъ. Самый большой уронъ пришелся, конечно, на долю грузинцевъ и тифлисцевъ. Въ тифлисскомъ полку убито, ранено и контужено почти наполовину офицеровъ, участвовавшихъ въ сраженіи. Въ 3-мъ батальонѣ, напримѣръ,

незадѣтымъ остался только одинъ офицеръ, да не выбылъ изъ строя еще контуженный командиръ баталіона; всѣ прочіе офицеры выбыли. Ощутительная эта убыль вызвала распоряженіе, вслѣдствіе котораго къ тифлисскому полку прикомандировано было нѣсколько офицеровъ изъ полковъ кавказской гренадерской дивизіи. Тѣ они въ тотъ же день явились къ командиру полка. Это были: лейбъ-гренадерскаго эриванскаго полка поручики Крайскій и Алексѣевъ, подпоручикъ Агамаловъ и прапорщикъ князь Тархановъ; грузинскаго полка: поручикъ Турабойскій и подпоручикъ Аѳанасіевъ; мингрельскаго: поручики Туласвъ, Магаловъ, Калиновскій и Цуркавъ, подпоручики Джаіани и Ширалевъ.

По приведеніи общей убыли полка въ извѣстность, командиръ полка распорядился немедленно назначить баталіонныхъ, ротныхъ командировъ, фельдфебелей и уровнять число рядовъ въ ротахъ. Словомъ, къ девяти часамъ утра полкъ былъ приведенъ въ порядокъ и, по собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что въ каждой ротѣ круглымъ счетомъ состояло налицо не менѣе 120 штыковъ. Въ бою выпущено 125,260 ружейныхъ и 426 револьверныхъ патроновъ.

Хотя Богъ не даровалъ намъ побѣды, но турки не рѣшались насъ преслѣдовать. Съ бивака отчетливо видѣлись эриванскія позиціи, на которыхъ непріятель воздвигалъ новые окопы.

Съ ранняго утра, 14-го іюня, въ дивизіонномъ лазаретѣ начались операціи и перевязка раненыхъ. Врачи работали неутомимо, безъ устали, съ самой ночи; но ихъ было мало. Лужи крови разлагались въ жаркомъ воздухѣ, кучи окровавленнаго тряпья валялись вокругъ операціоннаго пункта. Раненые находились подъ открытымъ небомъ. Нѣкоторые, болѣе тяжелые, помѣщались въ лазаретныхъ каретахъ; большинство же лежало въ повалку, на разостланныхъ шинеляхъ. Только часть офицеровъ могла размѣститься на носилкахъ. Къ довершенію картины, вблизи этой печальной арены тянулся длинный рядъ мертвецовъ.

Офицеры и солдаты обходили раненыхъ, дѣлились съ ними, чѣмъ Богъ послалъ; обходили также и ряды покойниковъ, узнавая знакомыя лица. При этомъ происходило много характерныхъ сценъ, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ. Раненый подпоручикъ Софіевъ,

съ лицомъ сильно осунувшимся, лежалъ спокойно, тихо; жизнь въ немъ видимо угасала. Къ нему подошелъ товарищъ и, поздоровавшись, спросилъ:

— Какъ свое здоровье?

— Плохо, послышался слабый отвѣтъ.

— Ничего, живъ будешь, выздоровѣешь, утѣшалъ пришедшій.

Вмѣсто отвѣта Софіевъ быстро снялъ повязку съ живота: у него былъ пробитъ пулею мочевой пузырь. Воткнувъ палецъ въ рану, онъ сказалъ:

— Видишь, это значитъ—умру.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ, дѣйствительно, умеръ. Тѣло его предано было землѣ братомъ его и подпоручикомъ Агаевымъ, по магометанскому обряду. Другой случай: фельдфебель 8-й роты Синцарь, тоже раненый, узнавъ, что трупъ его командира, поручика Яковича, остался въ рукахъ турокъ, рыдалъ, какъ малый ребенокъ. Среди кучи мертвыхъ замѣтили фельдфебеля Скибу, еще чуть дышавшаго. Его удалось привести въ чувство и сдать въ лазаретъ. Придя въ себя, Скиба открылъ глаза, спросилъ: «живъ ли командиръ Рудигеръ?» и получивъ успокоительный отвѣтъ, закрылъ глаза съ сіяющей улыбкой. Раненому подпоручику Еремѣеву не хотѣли даже дѣлать операціи, ожидая, что онъ умретъ подъ ножемъ; однако, по настоянію полковаго врача Егорова, операція была произведена; пуля, попавшая въ голову и прошедшая черезъ половину тѣла, была вынута изъ бока; раненый черезъ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно выздоровѣлъ и вернулся въ полкъ.

И много еще было подобныхъ печальныхъ сценъ и случаевъ. Раненымъ давали пищу и чай, но недостатокъ чувствовался во всемъ, даже въ перевязочныхъ матеріалахъ, хотя при дивизіонномъ лазаретѣ и находился единственный представитель общества «Краснаго креста», врачъ Шванбергеръ, который, къ чести его сказать, усердно подавалъ первоначальную помощь и снабжалъ ранными предметами: табакомъ, водкой, виномъ и прочая. Но все это не соотвѣтствовало тому количеству нуждающихся, которое, безъ сомнѣнія, никто сначала предвидѣть не могъ.

Въ три часа пополудни, по приказанію генерала Геймана,

полковой бивакъ перенесенъ черезъ небольшую балку вправо. Люди уже два дня питались лишь урѣзанною донельзя своею дачею сухарей, размоченныхъ въ водѣ. Убитыхъ нижнихъ чиновъ похоронили на позиціи. Трупы же Афанасьева и Родзевича офицеры рѣшили взять съ собою, привязавъ ихъ на лошадей.

Около пяти часовъ вечера, получено приказаніе, чтобы войска отходили къ Мелидюву. Въ арріергардѣ шли эриванцы, а въ хвостѣ отряда—вся кавалерія. Офицеровъ и тяжело раненыхъ нижнихъ чиновъ несли на носилкахъ. Командующій корпусомъ отдалъ свою коляску генералъ-маіору Комарову и полковнику Ридигеру. Примѣру старшаго начальника послѣдовали: генералъ-лейтенантъ Гейманъ, начальникъ артилеріи корпуса генералъ-маіоръ Губскій и генералъ-маіоръ Зедергольмъ, предложившіе свои экипажи раненымъ штабъ-офицерамъ—такъ что транспортировка послѣднихъ совершилась благополучно.

Невеселое было отступленіе зивинскаго отряда. Ряды носилокъ и лазаретныхъ каретъ, стоны и агонія умиравшихъ—все это имѣло непривлекательный видъ похоронной процессіи и дѣйствовало грустно на уцѣлѣвшихъ. Хотя нижніе чины шли бодро, но молча: не слышно было смѣха и шутокъ, отъ которыхъ такъ непрочь нашъ солдатъ. Лица всѣхъ и каждаго выражали единственное стремленіе—скорѣе отомстить врагу. Раненые сильно замедляли движеніе отряда, потому что носильщикамъ приходилось обращаться съ ихъ жертвами бережно и часто останавливаться.

Поздно вечеромъ, навстрѣчу раненымъ выѣхали духоборскіе фургоны. Около одиннадцати часовъ ночи, отрядъ достигъ вагенбурга. Поужинавъ, солдаты прилегли въ недавно покинутыхъ палаткахъ; у офицеровъ были взяты палатки для раненыхъ и оставлено было только по двѣ на баталіонъ.

И вотъ, мы были снова на Мелидювѣ, гдѣ такъ спокойно и безпечно дневали 12-го іюня. Еще разъ пришлось намъ здѣсь передневать и пятнадцатое число, такъ какъ командующій корпусомъ счелъ необходимымъ дать войскамъ отдыхъ и главное—перевязать раненыхъ. Сочувствуя всегда всею душою положенію этихъ несчастныхъ, онъ теперь въ особенности оказывалъ имъ вниманіе и за-

ботливость: поутру обошелъ всѣ палатки и палатки, ободрялъ, успокоивалъ, всѣмъ нижнимъ чинамъ роздалъ деньги. Назначено было такое пособіе и офицерамъ: штабъ-офицеры получили по сто рублей, а оберъ-офицеры по пятидесяти.

День былъ очень жаркій. Трупы Родзевича и Афанасьева, подъ вліяніемъ зноя, быстро разлагались: надо было подумать о похоронахъ. Генералъ Гейманъ приказалъ хоронить убитыхъ съ полнымъ почетомъ, подобающимъ героямъ. Отъ каждаго пѣхотнаго полка было назначено по взводу, отъ кавалеріи и артилеріи—команды; кромѣ того, отъ тифлисскаго полка баталіонъ. Присутствовать обязаны были всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, свободные отъ службы. Форма одежды—сюртуки и шарфы. Похороны велѣно произвести въ пять часовъ вечера. Къ назначенному часу покойники лежали на походныхъ катафалкахъ, въ той боевой обстановкѣ, въ которой они кончили свою доблестную жизнь.

На зеленой лужайкѣ разбили наскоро живую изгородь изъ сосны. Среди этого круга составили въ козлы ружья и на нихъ уложили носилки съ покойниками. Хоронили безъ гробовъ: досокъ негдѣ, да и некогда было достать. За то, трупы покоились на мягко выложенныхъ травою носилкахъ, подъ пологомъ бѣлыхъ простынь, перевязанныхъ гирляндами. Въ штыковыхъ трубкахъ теплились восковыя свѣчи, зажженныя товарищами и сослуживцами. Когда всѣ собрались, началось отпѣваніе. Кромѣ участвовавшихъ въ парадѣ, стеченіе постороннихъ зрителей было громадное. Во время провозглашенія вѣчной памяти, присутствующіе почтили покойниковъ слезою. По совершеніи панихиды, офицеры сняли съ козелъ носилки и приняли товарищей на плеча. Музыка заиграла «коль славенъ»; второй баталіонъ взялъ «на караулъ», и печальная процессія тронулась. На пути ей перерѣзало дорогу другое, такое же грустное, шествіе: офицеры сапернаго баталіона несли гробъ поручика Шрадера.

Могилы были вырыты въ сторонѣ отъ дороги, подъ сѣнью группы сосенъ. Ихъ выложили деревяннымъ срубомъ, сосновыми вѣтками и свѣжею травою. Отпѣваніе продолжалось недолго; вскорѣ раздалось «со святыми упокой». Грянули три прощальныхъ выстрѣла—и могилы начали забрасывать землею. Командующій корпусомъ

бросилъ первую горсть; тоже сдѣлали другіе,—и вскорѣ небольшая насыпь вознеслась надъ послѣднимъ жилищемъ усопшихъ; по ее, по приказанію распорядителя похоронъ, сравняли съ землею. Затѣмъ, въ извѣстномъ порядкѣ разложили камни и развели костры, чтобы скрыть слѣды могилы и показать непріятелю, будто тутъ была устроена кухня, и производилась варка пищи.

Христіанскіе и вполнѣ братскіе похороны произвели хорошее моральное впечатлѣніе на солдатъ. Вечеромъ, они вели разговоры о пережитыхъ минутахъ,—и много, много разнородныхъ чувствъ и побужденій частью высказалось, а частью притаилось въ душѣ каждаго изъ нихъ. Между прочимъ, были толки и о томъ, что перевалъ занятъ турками; но подобное извѣстіе нисколько не смущало—въ виду того общаго желанія отмстить за себя и товарищей, о которомъ сказано выше.

ГЛАВА VII.

Отступленіе колонны генералъ-лейтенанта Геймана къ Карсу. Маршрутъ. Ложная тревога въ Ходжи-Халилѣ. Встрѣча Главнокомандующаго въ Халифъ-оглы. Награды. Стоянка въ Мацра. Снятіе блокады Карса и передвиженіе въ Кюрюкъ-Дара. Полковой праздникъ въ виду турецкихъ позицій. Рекогносцировка 16-го іюля. Тягостное бездѣйствіе и однообразіе іюльскихъ дней. Дивизіонное ученье съ боевыми патронами 6-го августа.

Зивинская неудача, не причинившая войскамъ нравственнаго удара, послужила однако причиной отступленія колонны генералъ-лейтенанта Геймана къ Карсу. Первая согаплугская экспедиція была окончена. Съ очищеніемъ Согаплуга, наступилъ новый періодъ войны, и операціи главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса приняли другой характеръ.

Послѣ перевязки раненыхъ, утромъ, 16-го іюня, войска оставили мелидюзское плато, выступивъ двумя колоннами. Тифлисцы находились въ правой колоннѣ и шли по извѣстному уже пути. Послѣ полудня, на подъемѣ, за развалинами деревни, произошла

тревога: слѣдовавшіе лѣвѣе насъ мингрельцы, по ошибкѣ, приняты были за турокъ. Сейчасъ же полкъ развернулся въ боевой порядокъ. Первый баталіонъ, зайдя правымъ плечомъ, составилъ передовую линію. Ѣхавшій въ коляскѣ съ генераломъ Комаровымъ полковникъ Ридигеръ, несмотря на рану, сѣлъ верхомъ и лично вступилъ въ командованіе полкомъ. Ошибка вскорѣ выяснилась, и отрядъ пошелъ снова по большой дорогѣ. Поднявшись на зеленое плато, войска расположились бивакомъ, выславъ аванпосты.

На ночлегѣ, воды оказалось мало, но за то—костровъ былъ большой избытокъ. Обозы стягивались всю ночь; между тѣмъ, пройденное пространство не превышало десяти верстъ. 17-го іюня, около двѣнадцати часовъ дня, отрядъ спустился къ селенію нижній Сарыкамышъ, гдѣ остановился на прежде занимаемыхъ мѣстахъ, а 18-го имѣлъ дневку у селеній верхній и нижній Сарыкамышъ. Войска пользовались тѣнью, прохладою, здоровымъ воздухомъ и чистою водою, изобильно орошающею оба селенія. Раненымъ оказаны были возможныя пособія. Ихъ всѣхъ вновь перевязали и накормили. Подвижной лазаретъ помѣщался въ рощѣ, вблизи корпусной квартиры. Предсказанія пессимистовъ ничуть не сбылись: осетины и всѣ переселенцы не приготовили намъ на Соганлугѣ засадъ, не рискнули задержать насъ съ оружіемъ въ рукахъ. Напротивъ, жители встрѣтили войска довольно дружелюбно. Снова на бивакѣ открылся базаръ, и мы запасались всѣми необходимыми припасами сельскаго произведенія. Впрочемъ, дороговизна сильно увеличилась, но съ нами были торговцы, и у нихъ можно было добыть за деньги даже предметы прихоти.

Днемъ люди мылись или отдыхали вблизи костровъ, а вечеромъ раздавались пѣсни: унынія или упадка духа не замѣчалось. Въ лагерѣ приняты были строгія предосторожности. Пастьбу приказано производить въ долинѣ впереди полка, вдоль карской дороги, и затѣмъ, кромѣ этого мѣста, одиночныя фуражировки воспрещались. Такъ какъ вблизи бивака бродили непріятельскія партіи, то командующій корпусомъ, приказаніемъ по отряду за № 61, предупреждалъ, «что въ недальнемъ разстояніи появилась черкесская кавалерія, съ цѣлью отбить пасущихся лошадей или изрубить людей

на одиночныхъ фуражировкахъ». Поэтому, цѣлые сутки бивакъ былъ оцѣпленъ. Войскамъ выдали четырехдневную пропорцію сухарей. Для перевозки раненыхъ, предписано было выслать въ дивизіонный подвижной лазаретъ отъ полковъ кавказской гренадерской дивизіи по два полковыхъ фургона.

19-го іюня, отрядъ выступилъ съ ночлега. Движеніе происходило вообще весьма медленно. День стоялъ душный, жаркій. Переправившись въ бродъ черезъ Карсъ-чай, отрядъ сталъ бивакомъ, около четырехъ часовъ пополудни, вблизи сел. Кирлинъ. Для 1-й бригады, шедшей во главѣ колонны, нескоро нашлось удобное бивачное мѣсто, а потому она довольно долго ходила по полю. Второй же бригадѣ посчастливилось, такъ какъ она, пристроившись къ 1-й бригадѣ, прямо стала на мѣсто. Едва отрядъ успѣлъ расположиться, дали знать, что карская кавалерія грабитъ селеніе Бегли-Ахметъ. Немедленно послано было нѣсколько полковъ кавалеріи и эриванцы. Вскорѣ всѣ они вернулись, такъ какъ хищники бѣжали. Людямъ стали варить ужинъ. Аванпосты занимали 4-я и 7-я роты.

20-го іюня, войска направились на новую позицію въ двухъ колоннахъ: тифлисцы находились въ первой, подъ командою генералъ-маіора Зедергольма, прикрывая раненыхъ и обозы. Обѣдъ роздали людямъ въ шесть часовъ утра, мясо же взяли съ собою. Проголодавшись, люди съѣдали его обыкновенно на первомъ большомъ привалѣ.

Путь отряда пролегалъ черезъ злополучное селеніе Бегли-Ахметъ, гдѣ жители, попрежнему, встрѣчали войска радушно. Около четырехъ часовъ, отрядъ прибылъ въ Ардостъ, и полки заняли свои прежнія мѣста; тифлисцы переправлялись въ бродъ. Въ Ардостѣ предполагалась первоначально продолжительная стоянка, но предположеніе это тотчасъ же измѣнилось, такъ какъ, по слухамъ, Мухтаръ-паша слѣдовалъ за нашимъ отрядомъ съ большими силами; Ардостъ же былъ мѣстомъ слишкомъ удаленнымъ отъ нашихъ сообщеній, а потому не могъ намъ служить опорнымъ пунктомъ.

21-го іюня, войска передвинулись въ Хаджи-Халиль тремя колоннами. Тифлисцы находились опять въ первой колоннѣ, подъ командою генералъ-маіора Зедергольма. Колонна двигалась въ слѣ-

дующемъ порядкѣ: мингрельскій полкъ, 3-й и 4-й баталіоны тифлисцевъ, 2-я и 3-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, обозъ, 1-й и 2-й баталіоны тифлисцевъ. Движеніе происходило по безводной степи: солнце прожигало насквозь: всѣ положительно изнемогали отъ жажды, усталости и, обливаясь потомъ, едва передвигали ноги.

Послѣ полудня, голова колонны прибыла въ Хаджи-Халиль, гдѣ и остановилась въ самой деревнѣ. Тутъ отдѣлился отъ насъ транспортъ съ ранеными, которые отправились прямо въ Кюрюкъ-Дара, въ военно-временные госпитали. Раненые весьма нуждались въ отдыхѣ, такъ какъ, несмотря на мѣры, принятыя для доставленія имъ удобствъ въ пути, многаго недоставало, а вслѣдствіе этого, во время перевязки, смертность между ранеными въ дивизіонномъ лазаретѣ была большая.

Бивачное мѣсто довольно долго не было найдено, и только, послѣ нѣсколькихъ передвиженій, мы стали тыломъ къ деревнѣ и лицомъ къ Карсу. Едва 1-й и 2-й баталіоны, пришедшіе послѣдними, сняли аммуницію и успѣли перевести духъ, какъ изъ Карса вышли непріятельскія колонны и приблизились къ намъ на разстояніе трехъ верстъ. Генералъ-маіоръ Бедергольмъ немедленно выслалъ въ боевую линію баталіонъ саперъ, 6-ю батарею, а самъ, съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами тифлисцевъ, расположился вправо, противъ высокой горы, командовавшей окрестностями. Несмотря на численный перевѣсъ турокъ, которыхъ было отъ десяти до двѣнадцати баталіоновъ, они ничего не предпринимали и, увидя насъ, остановились; кавалерія ихъ подскакала однако близко, поэтому охотники тифлисскаго полка открыли по ней огонь и съ первыхъ же выстрѣловъ одного коннаго сбили съ лошади. Всадники тотчасъ же отъѣхали. 3-й и 4-й баталіоны остались въ резервѣ.

Въ это время, со стороны Мацра слышалась сильная канонада: это, какъ мы узнали послѣ, происходило молодецкое дѣло нашихъ артилеристовъ, заклепавшихъ, среди бѣлаго дня, на непріятельской батареѣ орудія и захватившихъ замки. Передъ вечеромъ, въ сторонѣ Вишинъ-кея опять гремѣла оживленная ружейная перестрѣлка. Оказалось, что наши казаки захватили непріятельскій

вьючный транспортъ, слѣдовавшій изъ Катызмана въ Карсъ. Транспортъ былъ доставленъ въ отрядную квартиру. Въ числѣ прочихъ продуктовъ, во вьюкахъ нашли много тутовыхъ ягодъ, чесноку и довольно значительный запасъ соли. Послѣдняя оказалась благодѣяніемъ, такъ какъ ее въ нашемъ отрядѣ не было вовсе. Всѣ припасы выданы были, соразмѣрно наличному составу людей, въ роты, эскадроны и батареи; тутовника досталось на роту по цѣлой коношкѣ. Офицерамъ тоже роздали тутовыя ягоды, и наши туземныя лошади съѣли ихъ съ аппетитомъ. Турокъ, состоявшихъ при транспортѣ, генералъ Гейманъ отпустилъ на свободу, возвративъ имъ также скотъ и оружіе; вьюки же съ кладью были опорожнены. Корпусный командиръ въ этотъ же день, обогнавъ колонну, когда она подходила къ Хаджи-Халилю, отбылъ въ лагерь у Мацра, для свиданія съ Главнокомандующимъ, который, по слухамъ, долженъ былъ возвратиться въ Александрополь.

22-го іюня, отрядъ оставилъ ночлегъ около восьми часовъ утра: вторая бригада шла въ арріергардѣ. Жара была нестерпимая. Въ полдень, войска достигли развалинъ орлокской башни, возлѣ которой составили ружья и отдыхали. Тутъ воды оказалось вдоволь, и притомъ, хорошаго качества—чистой и холодной, какъ ледъ. На скатѣ горы поставили арбу дышломъ вверхъ, и на ней наскоро раскинули палатку. Это мѣсто служило временной ставкой генералъ-лейтенанта Геймана, гдѣ онъ завтракалъ и раздавалъ нижнимъ чинамъ кресты, за отличіе, оказанное въ дѣлѣ подъ Зивиномъ. Въ тифлисскій полкъ выдано одиннадцать знаковъ отличія. Генералъ Гейманъ навѣшивалъ кресты собственноручно. Новопожалованныхъ нижнихъ чиновъ встрѣчали во всѣхъ полкахъ и частяхъ съ музыкой и кричали «ура», веселымъ перекатнымъ эхомъ отражавшееся въ горахъ.

Вечеромъ, войска стянулись къ Визинъ-кею, гдѣ природа встрѣтила ихъ непривѣтливо, угостивъ сильнымъ градомъ и дождемъ. Такимъ образомъ, на жидкой грязи пришлось разбить палатки—но не надолго: вскорѣ послѣдовало распоряженіе, чтобы тифлисскій полкъ, въ двѣнадцать часовъ ночи, выступилъ въ Халифъ-оглы. По этому случаю, проведя все время безъ сна, согласно приказанію,

ровно въ полночь, полкъ выстроился и вступилъ подъ команду генералъ-маіора Арцу Чермоева, родомъ чеченца. При насъ находилась, подчиненная генералу, чеченская кавалерія и, кромѣ того, всѣ обозы съ кухнями. Движеніе продолжалось до разсвѣта. Оно предпринято было съ цѣлью—приготовить до прихода отряда пищу; но, къ сожалѣнію, въ Халифъ-оглы не нашлось и капли воды. Всѣ родники и колодцы были завалены и съ умысломъ испорчены бѣжавшими жителями.

23-го іюня, въ девять часовъ, отрядъ собрался въ Халифъ-оглы, и всѣ стали готовиться для встрѣчи Главнокомандующаго, проѣзжавшаго въ Александрополь и желавшаго по пути видѣть насъ и поблагодарить за Зивинъ. Въ десять часовъ войска выстроились по жалоперамъ въ три линіи. Солдаты имѣли видъ бодрый, но платье ихъ сильно поизносилось, истрепалось. Офицеры тоже щеголяли разнообразіемъ костюмовъ. Нѣкоторые были въ мундирахъ и фуражкахъ, другіе просто въ сюртукахъ, большинство—съ азіятскими папахами, и весьма лишь немногіе одѣлись по формѣ. Около одиннадцати часовъ показался конвой Главнокомандующаго, и вскорѣ Его Высочество началъ объѣздъ войскъ съ праваго фланга, благодаря каждую часть отдѣльно за молодецкую боевую службу. Послѣ объѣзда, Главнокомандующій вызвалъ передъ середину войскъ наиболѣе отличившихся офицеровъ и собственноручно пожаловалъ имъ награды. Въ тифлисскомъ полку награждены были: поручики Сагиновъ и Абеловъ слѣдующими чинами и поручикъ Снѣжковъ орденомъ св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

Сказавъ нѣсколько милостивыхъ словъ по поводу доблестей офицеровъ вообще, Его Императорское Высочество, обращаясь къ тифлисцамъ, проговорилъ: «однако, мало же васъ осталось, господа!» Затѣмъ, добавилъ: «Я не могу равнодушно видѣть гренадеръ»,—и слезы показались на глазахъ Августѣйшаго Вождя. Въ тоже время впередъ были вызваны и нижніе чины, отличившіеся 13-го іюня. Государь Великій Князь благодарилъ ихъ и поздравилъ кавалерами, но орденовъ не раздавалъ, такъ какъ у Него ихъ не было съ собою. Послѣ этого, Главно-

командующій изволилъ посѣтить палатку, гдѣ находились раненые—генералъ-маіоръ Комаровъ и полковникъ Ридигеръ. Обнявъ командира полка, Его Высочество сказалъ ему: «Я не могу безъ слезъ вспомнить о твоихъ молодцахъ, да и теперь плачу!» Тутъ же, въ палаткѣ, подали Его Высочеству походный завтракъ, на который приглашены были: генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, генералъ-лейтенантъ Гейманъ и начальникъ штаба арміи генералъ-лейтенантъ Паковъ. Въ полдень, Главнокомандующій уѣхалъ съ бивака, еще разъ поблагодаривъ всѣхъ.

Вскорѣ отрядъ выступилъ въ Мацра. На пути, какъ электрическая искра, въ войскахъ пробѣжала недобрая вѣсть, передававшаяся шопотомъ, что мы снимаемъ осаду Карса. Новость эта всѣхъ сильно опечалила. Прійдя въ Мацра въ шесть часовъ вечера, отрядъ довольно долго стоялъ въ ожиданіи указанія бивачнаго мѣста, которое еще не было выбрано. Около семи часовъ, начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ Духовской, показалъ мѣсто позади 39-й пѣхотной дивизіи, вблизи Карсъ-чая, гдѣ полки 2-й бригады стали лицомъ другъ къ другу и перпендикулярно къ рѣкѣ. Первая же бригада расположилась тыломъ къ Карсъ-чаю, параллельно его теченію. Многіе офицеры тотчасъ же отправились въ штабъ за провизіей. Тамъ они нашли отлично устроенный базаръ, походные рестораны и вообще, многія условія комфорта. Командиръ полка, заболѣвъ отъ раны, остановился въ главной квартирѣ и просилъ, чтобы, вмѣсто него, командованіе полкомъ поручили бы другому лицу. Съ прибытіемъ въ лагерь у Мацра, полкъ вошелъ снова въ составъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, блокировавшихъ Карсъ.

24-го іюня, гренадерамъ данъ былъ отдыхъ. По многимъ признакамъ, казалось, что мы готовились къ продолжительной стоянкѣ въ Мацра. Такъ напримѣръ, приказомъ по полку, предписывалось правильно разбить палатки, вырыть отхожія мѣста, закопать всѣ нечистоты, а маркитантамъ устроить ямы для убоя скота. Кромѣ того, велѣно было приступить немедленно къ починкѣ мундирной одежды и обуви нижнихъ чиновъ, пришедшихъ въ большую неисправность. Въ распоряженіи по полицейской части отряда, прика-

зано было назначить отъ полка двухъ унтеръ-офицеровъ на недѣльный срокъ. Несмотря, однако, на всѣ эти распоряженія, въ продолжительность стоянки никто не вѣрилъ.

Съ 25-го іюня, служба началась снова: 1-я бригада назначена была ночью прикрывать осадныя батареи. 1-й и 2-й баталіоны тифлисцевъ ходили въ Халифъ-оглы, чтобы обезопасить путь слѣдованія транспортовъ, отправляемыхъ изъ Мацра. 3-й баталіонъ конвоировалъ транспортъ, слѣдовавшій изъ Кюрюкъ-Дара. Первые два баталіона, расположившись на позиціи, со взводомъ артилеріи, простояли до вечера, подъ сильнымъ дождемъ; къ вечеру они вернулись въ лагерь.

26-го іюня, согласно просьбѣ командира полка, расчитывавшаго излечить свою рану не выѣзжая изъ отряда, назначенъ командующимъ полкомъ, по наружной части, состоящій по армейской пѣхотѣ полковникъ Романовичъ. Вмѣстѣ съ нимъ прикомандированъ былъ къ полку помощникъ командира учебной роты подполковникъ 75-го пѣхотнаго севастопольскаго полка Линевичъ, принявшій 1-й баталіонъ, вмѣсто раненаго полковника Александера, продолжавшаго леченіе раны въ г. Тифлисѣ. До назначенія полковника Романовича, всѣ распоряженія по полку дѣлались полковникомъ Ридигеромъ. Въ строю же за него командовалъ полкомъ подполковникъ Юрисъ-Меликовъ. Полковникъ Романовичъ оказался старымъ кавказцемъ, пережившимъ многія превратности судьбы и служившимъ даже на островѣ Сахалинѣ.

Въ девять часовъ утра, священникъ отецъ Тополевъ служилъ панихиду по убіеннымъ подъ Зивиномъ. Затѣмъ, послѣдовалъ молебенъ, при которомъ о. Тополевъ сказалъ солдатамъ краткую рѣчь. Изъ нея мы узнали, что наши раненые, попавшіе въ плѣнъ, призрѣны турками, а убитые похоронены. Извѣстіе это было ложное—въ чемъ мы убѣдились при вторичномъ движеніи за Соганлугъ: мы видѣли тогда почернѣвшія кости павшихъ, валявшіяся на зивинскомъ полѣ; турки и не думали ихъ зарывать. Христіанское дѣло это исполнено было дербентцами. Послѣ молебствія, полковникъ Романовичъ фактически вступилъ въ командованіе полкомъ, т. е. обошелъ ряды солдатъ и познакомился съ офицерами; на всѣхъ

онъ произвелъ отличное впечатлѣніе своимъ ласковымъ обращеніемъ и добрыми словами, съ которыми обращался ко многимъ. Вечеромъ въ лагерѣ играла музыка, и раздавались пѣсни.

26-го числа, утромъ, грузинскій полкъ ушелъ въ Заимъ; весь тифлисскій полкъ выступилъ на ночь—прикрывать осадныя батареи, хотя уже офиціально было извѣстно, что блокада Карса снимается, такъ какъ еще съ прошлой ночи войска начали дѣятельно заниматься уборкой осадныхъ орудій съ батарей, которыя замѣнили нашими девятифунтовками. Всю осадную артилерію, а равно артилерійскіе парки и инженерное депо, отправили въ Александрополь; заготовленныя для штурма лѣстницы приказано было принять въ роты и употребить для варки пищи.

Погода сдѣлалась отвратительною: пошелъ дождь; грязь все увеличивалась. Въ сумерки, три баталіона тифлисцевъ отправились въ траншеи. Ночь была безлунная, да и проводниковъ намъ не дали. Полкъ долго бродилъ, а 4-й баталіонъ заблудился и только къ разсвѣту попалъ на назначенное мѣсто. Въ траншеяхъ приходилось валяться въ грязи; люди сильно зябли и провели ночь безъ сна.

27-го іюня, турки стрѣляли днемъ изъ Карса по нашимъ траншеямъ, но дѣло обошлось безъ урона. 3-й баталіонъ прибылъ изъ Кюрюкъ-Дара утромъ и сталъ въ своемъ лагерѣ. Позднимъ вечеромъ вернулись въ лагерь изъ траншей и три остальные баталіона. Люди были сильно утомлены, но ихъ хорошо накормили. Дивизіонный штабъ и эриванскій полкъ перебрались въ этотъ день въ Заимъ.

28-го іюня, въ девять часовъ утра, 2-я бригада кавказской гренадерской дивизіи тоже выступила въ сел. Заимъ, съ 4-ю, 5-ю и 6-ю батареями, составляя резервъ 39-й пѣхотной дивизіи. Три баталіона тифлисскаго полка находились въ главныхъ силахъ, а 1-й баталіонъ находился въ арріергардѣ. Охотники прикрывали свои полки и батареи и слѣдовали съ правой стороны. Обозу приказано было выступить въ четыре часа утра и идти кратчайшимъ путемъ въ Заимъ, гдѣ и ожидать, не распрягая лошадей, прибытія полковъ 2-й бригады, у лагеря эриванскаго полка. Обѣдъ раздали нижнимъ чинамъ въ четыре часа утра; въ пять—полкъ

уже двигался. Въ Занмъ онъ прибылъ спустя четыре часа. 39-я дивизія, съ соотвѣтственнымъ числомъ артилеріи, заняла боевую позицію впереди Занма, составивъ авангардъ. За ней стояла 1-я бригада кавказской гренадерской дивизіи, на правомъ берегу Карсъ-чая, а 2-я бригада той же дивизіи — на лѣвомъ берегу. На избранномъ мѣстѣ намъ обѣщали устроить продолжительную стоянку, о чемъ и было объявлено въ приказѣ по полку на 29-е іюня, которымъ предписывалось принять всѣ мѣры къ сохраненію въ лагерѣ надлежащей чистоты и опрятности. Эриванцы праздновали, 29-го іюня, свой полковой праздникъ. Пригласили къ себѣ всѣхъ нашихъ штабъ-офицеровъ.

Съ утра, 30-го іюня, потребованы были всѣ жалонеры къ ставкѣ генерала Геймана, такъ какъ рѣшили перейти на новую позицію, по причинамъ санитарнымъ и по недостатку у Занма подножнаго корма. Около девяти часовъ началось выступленіе. Второй бригадѣ гренадеръ приказано было идти по лѣвому берегу Карсъ-чая до тѣхъ поръ, пока ее не остановятъ. На пятой верстѣ ее, дѣйствительно, остановили. Между тѣмъ, находившіеся впереди обозы прошли въ Паргетъ и ихъ впослѣдствіи пришлось вернуть обратно, пославъ для этого нарочныхъ. Послѣ довольно продолжительной остановки, генералъ-маіоръ Духовской указалъ бивакъ въ двухъ верстахъ отъ прежней стоянки, у селенія Энги-кей, такъ что отрядъ вынужденъ былъ идти назадъ. Погода стояла знойная, и день вышелъ очень трудный, потому что люди, кромѣ сухарей, ничего не ѣли. Первая же бригада оставалась на прежнемъ мѣстѣ. Третій баталіонъ тифлисскаго полка, съ двумя орудіями и полусотней казаковъ волгскаго полка, подъ общимъ начальствомъ маіора Улановича, съ ранняго утра выдвинулся на позицію къ сел. Хаджи-Вали — прикрывать передвиженіе отряда. Прійдя къ упомянутому селенію, баталіонъ расположился въ боевомъ порядкѣ на позиціи. Маіоръ Улановичъ выслалъ во всѣ стороны казачьи разъѣзды, велѣвъ дать знать, когда окончится переходъ отряда, чтобы, согласно приказанію, присоединить къ нему свой баталіонъ. Казаки проѣзжали отрядъ, и 3-й баталіонъ, послѣ девяти часовъ, снялся съ позиціи.

Достигнувъ деревни, брошенной жителями, маіоръ Улановичъ

далъ баталіону привалъ. Тутъ наступили сумерки. Не зная, гдѣ новый лагерь, а равно, куда должно слѣдовать, 3-й баталіонъ пошелъ наудачу, безъ дороги. Вскорѣ совсѣмъ стемнѣло. Баталіонъ шелъ ощупью и окончательно потерялъ дорогу. Между тѣмъ, маіору Улановичу не было извѣстно, куда должны были передвинуться войска. Вдали, въ четырехъ пунктахъ, мелькали бивачные огни. Конечно, можно было идти по направленію огней, но люди и лошади до того устали, что командиръ баталіона рѣшился заночевать въ полѣ, хотя оставаться ночью, въ неизвѣстной мѣстности, тоже было весьма рискованно, тѣмъ болѣе, что о расположеніи непріятеля не имѣлось никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Вслѣдствіе этого, маіоръ Улановичъ собралъ офицеровъ и предложилъ желающимъ найти дорогу въ Паргетъ. Вызвался поручикъ Магаловъ и, съ четырмя казаками, поѣхалъ прямо на огни. Черезъ полтора часа офицеръ этотъ возвратился и объявилъ, что онъ добрался до селенія Паргетъ, гдѣ стояли аванпосты владикавказскаго полка, а отряда въ деревнѣ не оказалось. Поневолѣ пришлось ночевать среди поля.

Утромъ, по указанію казаковъ, маіоръ Улановичъ присоединился къ полку и тотчасъ отправился съ докладомъ къ генералъ-маіору Духовскому.

1-го іюля, около полудня, всѣ главныя силы дѣйствующаго корпуса собрались у селенія Энги-кей, занявъ боевую позицію. У Занма оставлены были только бакинцы, съ батареей. Большая часть войскъ расположилась на лѣвомъ берегу Карсъ-чая: кавалерія впереди, тыломъ къ рѣчкѣ; перпендикулярно къ ней—дивизія гренадеръ, а остальныя части на правомъ берегу рѣки. Въ этотъ же день, послѣ тщательной рекогносцировки, наша кавалерія, наконецъ, открыла позицію турецкой арміи, занимавшей высоты у развалинъ башни Орлока и у селенія Визинъ-кей.

2-го іюля, войска имѣли дневку. Въ этотъ же день командующій корпусомъ разрѣшилъ послать въ Александрополь отъ каждой роты по два унтеръ-офицера и по два рядовыхъ—для доставленія оттуда нижнимъ чинамъ необходимыхъ вещей: бѣлья, сапоговъ и прочая. Генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе пробилъ усиленную

кавалерійскую рекогносцировку и ею вынудилъ турокъ развернуть свои силы. Ихъ насчитывали приблизительно отъ пятидесяти до семидесяти табуровъ. Позиція непріятеля оказалась хорошо укрѣпленною.

3-го іюля, отрядъ выступилъ въ восемь часовъ утра; 2-я бригада съ обозомъ, а 1-я въ арріергардѣ. Голова колонны пришла въ Паргетъ въ шесть часовъ пополудни, а хвостъ стянулся къ семи часамъ. 39-я пѣхотная дивизія направлена была прямо въ Кюрюкъ-Дара. 4-го іюля, въ пять часовъ утра, послали колонну въ укрѣпленный лагерь Кюрюкъ-Дара—за провіантомъ и спиртомъ. Провіантъ предписано было принимать по 14-е іюля, а спиртъ на весь іюль мѣсяцъ. Съ этой же колонной отправлены были въ Александрополь всѣ лишнія тяжести, и такая мѣра была очень необходима, потому что въ полку, напримѣръ, накопилось послѣ Зивина до трехсотъ ружей и столько же ранцевъ. Желающимъ пріобрѣсти покупкою соль—предложено обращаться въ интендантскій складъ, съ платою за пудъ по 57 копѣекъ. Въ семь часовъ утра, отправлены фуражиры. Одиночныя фуражировки строго воспрещены. На сторожевую службу выходили ночью попрежнему двѣ роты.

5-го іюля, войска дневали; на другой же день отобѣдали въ шесть часовъ утра, а мясо взяли съ собою. По пробитіи «сбора», приказали выходить передъ середину полка всѣмъ жалонерамъ, и подъ командою штабсъ-капитана Жаноловича слѣдовать въ селеніе Кюрюкъ-Дара, гдѣ будетъ указано мѣсто лагернаго расположенія начальникомъ корпуснаго штаба. Обозы отправлены въ Кюрюкъ-Дара подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ мингрельскаго полка. Отъ Паргета до Кюрюкъ-Дара всего восемь верстъ, и отрядъ въ полдень былъ уже на мѣстѣ. Лагерь вытянули отъ Кюрюкъ-Дара до Караяла и Ташъ-Кадыкляра. 2-я бригада кавказской гренадерской дивизіи стала лѣвѣе Кюрюкъ-Дара, флангомъ къ Караялу; за нею—2-я бригада 39-й пѣхотной дивизіи; правѣе, около Палдырмана, расположилась 1-я бригада кавказскихъ гренадеръ и корпусный штабъ со всѣми своими учрежденіями. Караялъ—тактическій ключъ нашей позиціи, вовсе не былъ занятъ войсками. 1-я бригада 39-й

пѣхотной дивизіи и вся кавалерія, подъ начальствомъ князя Чавчавадзе, стали около Баинъ-Кадыклара; составивъ авангардный лагерь.

6-го іюля, вечеромъ, получилось извѣстіе, что въ подвижномъ лазаретѣ умеръ отъ раны поручикъ Чоглоковъ. Бѣдняга не вынесъ страшной операціи, состоявшей въ вылущеніи колѣнной чашечки. Тѣло его затѣмъ было отвезено въ Александрополь для предапія землѣ на «холмѣ чести».

7-го іюля, всѣ поражены были неожиданнымъ сюрпризомъ: прямо передъ нашей позиціей, на аладжинскихъ высотахъ, показались длинныя нити бѣлыхъ точекъ. Многимъ казалось, что это видѣется непостаявшій снѣгъ, но дальнозоркіе солдаты митомъ разрѣшили недоразумѣніе, утвердительно объявивъ, что на горахъ стоятъ турецкія палатки. И такъ, Мухтаръ, съ своей арміей, пожаловалъ къ намъ въ сосѣди. Вслѣдствіе его появленія, командующій корпусомъ произвелъ кавалерійскую рекогносцировку, обнаружившую большія силы турокъ и крѣпкія позиціи, приводившіяся энергично въ оборонительное положеніе.

Подъ прикрытіемъ баталіона мингрельцевъ, полки косили сѣно около селенія Сейджанъ; косцы были вооружены. Аванпостная служба не облегчилась. 8-го іюня, въ высокочтимый тифлисцами день казанской Божіей Матери, былъ полковой праздникъ. Никому и въ голову не приходило, чтобы, въ виду позицій Мухтара, устроить праздникъ съ тою пышностью, какъ бывало въ Тифлисѣ, въ Лагодехахъ или на Карабулахѣ. Приходилось ограничиться скромной, походной обстановкой. Лишь бы всѣ сыты были и веселы — рѣшило большинство, и съ этой цѣлью еще изъ Паргета командировали штабсъ-капитана Абелова въ Александрополь, за нашей полковой посудой, за покупкой необходимыхъ припасовъ и хорошаго вина. Въ день праздника, съ утра, распорядители разбили два лазаретныхъ намета, сколотили столы и скамьи, раскинули нѣсколько солдатскихъ палатокъ, въ нихъ устроили столы изъ фургонныхъ боковъ,—и незатѣйливыя столовыя были готовы къ десяти часамъ, для пріема гостей. Къ одиннадцати, полкъ выстроился покоемъ передъ серединой своего лагеря.

Когда собрались начальствующія лица, начали служить моле-

бонъ. Послѣ окропленія нижнихъ чиновъ святою водою, командующій корпусомъ, взявъ чарку въ руки, провозгласилъ послѣдовательно тосты: за здравіе Государя Императора, Шефа полка, Главнокомандующаго кавказскою арміею, генералъ-лейтенанта Геймана и начальника дивизіи. Вслѣдъ за этимъ, генералъ-лейтенантъ Девель, старый кавказецъ, начальникъ 39-й пѣхотной дивизіи, въ свою очередь, поднялъ чару и обратился къ нижнимъ чинамъ съ краткимъ словомъ такого рода: «здоровье ваше, ребята! Желаю вамъ мощную силу, чтобы поганому турку задать взбучку»! Единодушный крикъ «ура» раздался въ отвѣтъ на пожеланія кавказскаго ветерана. Потомъ, командующій корпусомъ выпилъ за здоровье командира полка, желая ему поскорѣе выздоровѣть, такъ какъ онъ ходилъ еще на костыляхъ. Наконецъ, генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ былъ предложенъ тостъ за здоровье молодцовъ солдатъ. Послѣ этого, гости направились въ холщевую столовую.

Приглашенныхъ было не менѣе шестидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ весь генералитетъ и штабъ-офицеры гренадерскихъ полковъ, а также и три корреспондента, изъ которыхъ одинъ англичанинъ. Командующій корпусомъ, войдя въ палатку, гдѣ стояла закуска, налилъ стаканъ вина и направился въ большой наметъ. Тутъ онъ сказалъ офицерамъ нѣсколько ласковыхъ словъ, благодаря за славную службу, выпилъ за ихъ здоровье и, ссылаясь на то, что ему предстоитъ бездна работы, оставилъ лагерь тифлисскаго полка. Гости и хозяева немедленно усѣлись за столъ и начали закусывать. Обѣда, однако, долго не подавали: задержали пироги, которые не были еще готовы—по весьма уважительной причинѣ, а именно потому, что парадъ совершился часомъ ранѣе, чѣмъ опредѣлено было накапунѣ.

Послѣ долгихъ минутъ ожиданія, появились, наконецъ, кулебяки, испеченныя въ интендантскихъ пекарняхъ. Когда онѣ были съѣдены, то, несмотря на духоту, всѣ стали веселы и говорливы. Тосты слѣдовали одни за другими; говорили много и спичей. Пальма первенства въ данномъ случаѣ принадлежала безспорно генералу Девелю, съумѣвшему въ краткихъ, энергичныхъ выраженіяхъ передать

чуть ли не полувѣковую, блистательную исторію тифлисскаго полка, которой генералъ самъ былъ свидѣтелемъ. Дружный взрывъ восторженныхъ криковъ отблагодарилъ почтеннаго ветерана. Словомъ, веселились всѣ безъ стѣсненія, беззаботно, точно пиръ происходилъ не въ виду грозной рати турокъ, а въ мирномъ уголкѣ нашего обширнаго отечества. Во время обѣда читались полученныя телеграммы, которыхъ было семь: отъ генералъ-маіоровъ Зедергольма и Крапченко, генералъ-маіора князя Чавчавадзе (изъ авангарднаго лагеря), отъ сѣверцевъ и нижегородцевъ, изъ Александрополя — отъ раненыхъ товарищей и отъ раненыхъ грузинцевъ; послѣдняя была подписана полковникомъ Ушаковымъ. Разумѣется, за виновниковъ телеграммъ немедленно предлагались громкіе, задушевные тосты—въ особенности, за раненыхъ товарищей: за нихъ выпили съ особенною торжественностью. Въ свою очередь, командиромъ полка отправлено нѣсколько телеграмъ: Его Высочеству, Шефу и кабардинскому полку, сформированному въ 1726-мъ году, вмѣстѣ съ куринскимъ полкомъ, теперешнимъ тифлисскимъ. Августѣйшій Шефъ отвѣтилъ сочувственно, чрезвычайно лестно отзываясь о подвигахъ полка. Отъ кабардинцевъ же полученъ былъ отвѣтъ на другой день. Передъ вечеромъ пріѣхали къ намъ въ гости: генералъ-маіоръ Духовской и генералъ французской службы графъ де-Курси. Всѣхъ генераловъ, не исключая и графа де-Курси, качали на рукахъ. Послѣднему досталось ужъ черезчуръ, такъ что офицерамъ пришлось, наконецъ, остановить солдатъ. Послѣ этого, графъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью на своемъ родномъ языкѣ, которая была выслушана со вниманіемъ и въ глубочайшей тишинѣ, хотя, разумѣется, немногіе ее поняли. Одинъ изъ находившихся тутъ же офицеровъ перевелъ ея содержаніе. Смыслъ былъ тотъ, что генералъ много видѣлъ армій, любитъ и обожаетъ французскихъ солдатъ; но передъ русскимъ безропотнымъ, богатырски-храбрымъ солдатомъ благоговѣетъ и, въ знакъ уваженія, снимаетъ шапку и кланяется ему.

Веселая пирушка продолжалась и при огняхъ. Великолѣпная ночь, южная луна, съ своимъ мягкимъ, серебристымъ отливомъ, оригинальная обстановка праздника, совершаемаго въ виду непріятеля, все это, вмѣстѣ взятое, составляло вполнѣ солидный поводъ

для безхлопотнаго веселья. Около десяти часовъ, всѣ гости разъѣхались, и усталые хозяева разошлись по своимъ палаткамъ. По почину полковника графа Граббе, во время обѣда сдѣланы были пожертвованія въ пользу раненыхъ нижнихъ чиновъ тифлисскаго полка, и собрано 235-ть рублей. Деньги эти были розданы, 4-го іюля, полковникомъ Ридигеромъ, по три рубля на каждаго раненаго.

Послѣ снятія осады Карса и съ занятіемъ исторической кюрюкъ-дарінской равнины, военныя операціи наши приняли характеръ оборонительный. У подножія Карайла войска нашли, наконецъ, спокойный отдыхъ въ продолженіи всего іюля мѣсяца. Лагерь дѣйствующаго корпуса занималъ большое протяженіе, раскинувшись отъ Палдырвана до Башъ-Кадыкляра. У Башъ-Кадыкляра онъ стоялъ къ непріятелю ближе всѣхъ, владѣя однимъ изъ важныхъ передовыхъ пунктовъ—горою Кизилъ-тапа. Окрестности селеній Кюрюкъ-Дара и Палдырвана снабжены щедро рѣчною и ключевою водою. Вся же мѣстность впередь лагеря хотя и желтѣла полями спѣлаго ячменя и зеленѣла полосами недозрѣлой пшеницы, но вплоть до селенія Суботана и горы большіе Ягны была совершенно безводна и безлѣсна. Гигіеническія условія лагерной стоянки были бы хороши, но высокая лѣтняя температура, отсутствіе прохлады, а равно и тѣни, дѣлали ее довольно тягостной.

Тифлисскій полкъ расположился сзади селенія Кюрюкъ-Дара: лагерь 1-го и 2-го баталіоновъ примыкалъ къ оврагу позади Кюрюкъ-Дара, а 3-й и 4-й баталіоны стояли нѣсколько впереди, вблизи кладбища, составляя какъ бы передовой лагерь. Эта близость къ селенію дала возможность даже устроить бани въ сакляхъ. Изъ Александрополя привезли бѣлье, сапожный товаръ—и началась общая и дѣятельная починка обуви, а также и приведеніе въ порядокъ одежды. Словомъ, полкъ исподоволь обшивался, принимая опрятный, чистоплотный видъ мирнаго времени; прорѣхи и дыри быстро исчезали. Вскорѣ и убыль нижнихъ чиновъ была пополнена новобранцами, прибывшими 11-го іюля изъ запаснаго баталіона, въ числѣ 266-ти человѣкъ. Что же касается до командира полка, то

онъ еще 28-го іюня вступилъ вновь въ командованіе имъ.

Между тѣмъ, въ ожиданіи подкрѣпленій, начальствующія лица энергически занимались изученіемъ турецкихъ позицій, производя частыя рекогносцировки. Одна изъ болѣе выдающихся произошла 16-го іюля. Въ этотъ день, съ ранняго утра, командующій корпусомъ предпринялъ осмотръ турецкихъ позицій по направленію къ горѣ большіе Ягны. Въ составъ отряда вошли: 1-я бригада кавказской гренадерской дивизіи, пять полковъ кавалеріи и три батареи, въ томъ числѣ одна конная. Второй бригадѣ приказали быть наготовѣ и двинуться по первому требованію. Люди заранѣе пообѣдали, и мы ждали развязки дѣла. Около полудня, вдали послышалась ружейная перестрѣлка и орудійная канонада. Вскорѣ и полку приказано было подняться; затѣмъ, 2-я бригада выступила на выстрѣлы. Пройдя верстъ пятнадцать, она остановилась и перестроилась въ боевой порядокъ. Тифлисскій полкъ послали въ первую линію, куда выѣхали также и батареи. Составивъ ружья, люди легли въ густой травѣ и хлѣбахъ, безпечно разглядывая турецкія позиціи.

День былъ очень знойный; въ раскаленномъ воздухѣ роились стаи комаровъ. Потъ лилъ ручьями. Нагрѣтая почва жгла, точно истопленная печь. Кругомъ—пустыня, наводящая уныніе: на протяженіи десятковъ верстъ не видно было ни одного деревца, ни признака освѣжающей водяной струи. Влѣво бѣлѣлъ турецкій лагерь, правильными рядами разбитый на высотахъ Аладжи; подъ горою двигались массы непріятельской пѣхоты. Перестрѣлка около большихъ Ягны продолжалась: то вяло, то живѣе слышенъ былъ ружейный огонь; иногда раздавался грохотъ орудія или трескъ лопнувшей гранаты. Солдаты разошлись отыскивать воду и набирали въ лужайкахъ и выемкахъ камней какую-то вонючую жидкость, шоколаднаго цвѣта, которую, конечно, имъ пить не позволяли.

Въ томительномъ ожиданіи прошелъ часъ, другой, третій. Стрѣльба около горы не унималась. Наконецъ, раздалась команда: «въ ружье»! Всѣ вскочили на ноги. «Въ ружье, въ ружье»! повторяютъ сотни хриплыхъ отъ жажды голосовъ. Бригада двинулась. Въ головѣ колонны ѣхалъ командиръ бригады генералъ-маіоръ Ве-

дергольмъ. Пріятно было видѣть этого сѣдаго генерала рядомъ съ его юнымъ сыномъ, состоявшимъ при отцѣ ординарцемъ. Молодой человѣкъ былъ изъ пажескаго корпуса и до этого времени состоялъ для порученій при командирѣ полка, у котораго неразъ, среди серьезныхъ опасностей, имѣлъ случай изучить начальныя основанія боевой науки. Прошли версты двѣ или три; трескотня ружей стала отчетливѣе, орудія стрѣляли чаще. Видимо, наши отступали, и турки наступали на нихъ. Конечно, мы не сомнѣвались, что попадемъ въ дѣло. Вдругъ, прискакалъ адъютантъ командующаго корпусомъ и привезъ приказаніе, чтобы вторая бригада отошла въ лагерь. Нечего дѣлать, повернули назадъ и къ закату солнца прибыли на мѣсто, изнемогая отъ жажды и зноя, покрытые до неузнаваемости слоями пыли. Поздно вечеромъ вернулась и вся первая бригада.

Цѣль рекогносцировки была достигнута; командующій корпусомъ осмотрѣлъ вполнѣ непріятельскія позиціи и приказалъ ихъ нанести на планъ. На этомъ пока завершились боевыя дѣянія кавказскихъ гренадеръ въ іюлѣ мѣсяцѣ; наступило бездѣйствіе, чувствительное, въ особенности, вначалѣ. Спустя нѣкоторое время, стали производить полковыя и бригадныя ученья съ артиллеріею. Обыкновенно, выводили части въ три или четыре часа утра, маневрировали въ виду турокъ, и къ тремъ часамъ пополудни возвращались восвояси. Прогулки эти предпринимались часто съ санитарною цѣлью и для того, чтобы нижніе чины не отвыкали отъ походной жизни. Вообще же, весь іюль отличался полнѣйшимъ однообразіемъ, не говоря уже объ отсутствіи боевыхъ предпріятій. Дни проходили вяло, скучно, тоскливо. Въ теченіи всего мѣсяца стояла засуха, воздухъ раскалялся сильно, и часто ни малѣйшій вѣтерокъ не освѣжалъ неподвижной атмосферы. Войскамъ приходилось цѣлые дни проводить въ палаткахъ, гдѣ духота и миріады мухъ не давали покоя и возможности забыться днемъ хоть на минуту. Тягостны были эти дни; но за то, прелестны свѣтлыя южныя ночи. Лишь только солнце закатывалось, лагерь мгновенно оживалъ, преображался: на линейкахъ раздавались пѣсни, происходила пляска, слышались остроты и веселыя рѣчи, исполненныя хорошихъ надеждъ. Вообще, духъ войскъ былъ прекрасный, настроеніе крѣпкое.

Благодаря подвозамъ изъ Александрополя, пища была отличная, щи варили часто. А всѣмъ хорошо извѣстно, что коль скоро нашъ солдатъ сытъ, одѣтъ и обутъ—онъ незамѣнимъ, потому что въ высшей степени терпѣливъ и выносливъ. Послѣ хорошаго содержанія, для него еще долгое время бываютъ нипочемъ всѣ невзгоды. Прислушиваясь часто къ разнымъ солдатскимъ толкамъ, можно было составить себѣ понятіе и объ ихъ духовномъ направленіи, и въ этомъ случаѣ каждому наблюдателю пришлось прійти къ заключенію, что подъ грубою сѣрою шинелью много могучей, геройской силы, и достаточно лишь искры, чтобы прорваться ей наружу—на страхъ врагу, на славу Государя и на защиту родины.

Грозный турецкій лагерь служилъ предметомъ неистощимыхъ мѣткихъ шутокъ, а имя Мухтара сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ, такъ что многія живыя существа даже вовсе и неподобающе получили эту кличку. Никто не унывалъ и не думалъ о предстоящихъ трудахъ и опасностяхъ, вполнѣ вѣря, что рано или поздно мы разгромимъ и Мухтара, и его армію, и, пожалуй, если представится надобность, то и всю турецкую имперію. Всѣ сознавали, что мы собираемся съ силами, ждемъ подкрѣпленій, еще въ дополненіе къ прибывшей тогда 40-й пѣхотной дивизіи, и что скоро наступитъ рѣшительный часъ. А съ какимъ нетерпѣніемъ ждали этого часа!... Однако, застой въ военныхъ предпріятіяхъ родилъ скуку, которую нельзя было разнообразить даже чтеніемъ—по крайнѣй мѣрѣ газетъ и книгъ.

Къ концу мѣсяца, полкъ во всѣхъ отношеніяхъ приведенъ былъ въ полную исправность.

Къ 20-му іюля, прибыли прикомандированные къ полку офицеры лейбъ-гвардіи измайловскаго полка: штабсъ-капитаны Кушелевъ и Левитскій, поручики Меркозинъ и Зноско-Боровскій. Гвардейцы исполняли службу прекрасно, сроднились вскорѣ съ нашей семьей и этимъ заслужили всеобщее уваженіе и симпатію товарищей по оружію. Штабсъ-капитанъ Кушелевъ и поручикъ Зноско-Боровскій 16-го іюля участвовали въ рекогносцировкѣ, въ качествѣ ординарцевъ при командующемъ кавказскою гренадерскою дивизіею, и находились подъ выстрѣлами. Всѣ четыре гвардейца назначены

были командующими ротами. Офицеровъ же, прикомандированныхъ къ полку, было шестнадцать человѣкъ (64).

Вообще, послѣ зивинскаго боя въ рядахъ офицеровъ тифлисскаго полка замѣчалась большая пестрота. Служба въ іюлѣ не была тяжела: по ночамъ на аванпосты выходило по обыкновенію двѣ роты, оцѣплявшія лагерное расположеніе полка. Поочереди, отъ полковъ гренадерской дивизіи высылались на цѣлыя сутки двѣ роты, со взводомъ артилеріи, для охраненія горы Караялъ. Кромѣ того, предпринимались фуражировки, подъ прикрытіемъ баталіоновъ или ротъ. Охотники же наши, состоя въ вѣдѣніи полковника графа Граббе, выходили на поиски чуть не каждую ночь. Турки сидѣли за своими окопами и тоже выжидали. Изрѣдка только ихъ муширъ развлекалъ насъ какими нибудь затѣями: то стягивалъ арбы въ свой лагерь, то выдавалъ войскамъ двойные раціоны и сверхкомплектные патроны, будто готовясь къ нападенію, и т. д. Сообразно этому, у насъ принимались предосторожности. Однако, турки всетаки не рѣшались состязаться съ нами въ открытомъ полѣ.

Насталъ августъ. Первые пять дней его прошли спокойно; служба не измѣнялась. Вечеромъ, 5-го августа, предписано было полку приготовиться къ выступленію, взявъ воду въ бочкахъ и по фунту мяса въ карманъ. Ночью, принесли диспозицію и литографированное распредѣленіе войскъ. Согласно этой диспозиціи, авангардный лагерь долженъ былъ перейти на новое мѣсто, впереди сел. Кюльверанъ, и занять лѣвый флангъ своего расположенія особою колонною на пространствѣ между селеніями Тайналыхъ, Джала и Арасъ-оглы. Съ новыхъ позицій колонна генерала Девеля обязывалась высылать передовыя дежурныя части, съ артилеріей, и тѣмъ не дозволять непріятелю безнаказанно пользоваться укрѣпленіями у Суботана и Хаджи-Вали, а также на Инахъ-тепеси. Для отвлеченія же вниманія и силъ противника отъ отряда генерала Девеля, опредѣлено произвести демонстраціи между селеніемъ Суботаномъ и горою большіе Ягны колонной генералъ-лейтенанта Геймана, а правѣе ея, т. е. сѣвернѣе горы большіе Ягны—колонной полковника Комарова, бывшаго впослѣдствіи губернаторомъ батумской области.

Изъ диспозиціи видно было, что главная, активная задача возлагалась на генерала Девеля; колонны же генерала Гейманна и полковника Комарова не должны были ввязываться въ бой. Кромѣ письменныхъ распоряженій, присылались еще словесныя приказанія относительно того, брать ли съ собою патронные ящики, или не брать. Рѣшено было—взять. Кромѣ того, словесно же назначенъ и часъ выступленія—три и три четверти часа утра.

6-го августа, въ назначенное время, полки 2-й бригады собрались передъ лагеремъ мингрельскаго полка, построившись въ резервный порядокъ. Жалонеровъ не выставили, и темнота замедлила сборъ войскъ. Прибылъ генералъ Гейманъ—что-то сумрачный. Онъ приказалъ строиться по тифлисскому полку. Собрались и двинулись въ полнѣйшемъ порядкѣ по нескончаемой равнинѣ. Разсвѣтъ засталъ отрядъ вблизи деревни Суботанъ (см. планъ № 4-й), гдѣ онъ былъ остановленъ. Послѣ получасоваго отдыха, 2-я бригада кавказской гренадерской дивизіи развернулась въ боевой порядокъ, а 1-я бригада направилась правѣе, къ горѣ большіе Ягны.

Какъ только непріятель замѣтилъ наше движеніе, съ Авліара грянулъ сигнальный выстрѣлъ; однако, движенія въ верхнихъ лагеряхъ турокъ не замѣчалось, и не дѣлалось никакихъ приготовленій для отраженія наступающихъ. Была глубокая тишина, и замѣчалось полное безлюдье на аладжинскихъ высотахъ, точно лагерь былъ брошенъ. Войска наши подвигались безъ задержки, въ порядкѣ, указанномъ генераломъ Гейманомъ. Тифлисскій полкъ слѣдовалъ такимъ образомъ: стрѣлковая рота шла цѣпью, обходя Суботанъ справа; правѣе ея—3-я стрѣлковая рота; за ними густой цѣпью—10-я, 12-я, 7-я и 9-я роты; поддержкой имъ служили 11-я и 8-я роты, развернутыя и разомкнутыя. Въ резервѣ находились 1-й и 2-й баталіоны, построенные поротно, въ двѣ линіи; между ними ѣхали 4-я и 5-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады. Лѣвѣе тифлисцевъ, точно въ такомъ же порядкѣ, наступали мингрельцы.

Приблизясь къ деревнѣ Суботанъ, наступавшія войска были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ батарей и траншей, расположенныхъ позади оврага, пересѣкающаго деревню. Наши цѣпи отвѣча-

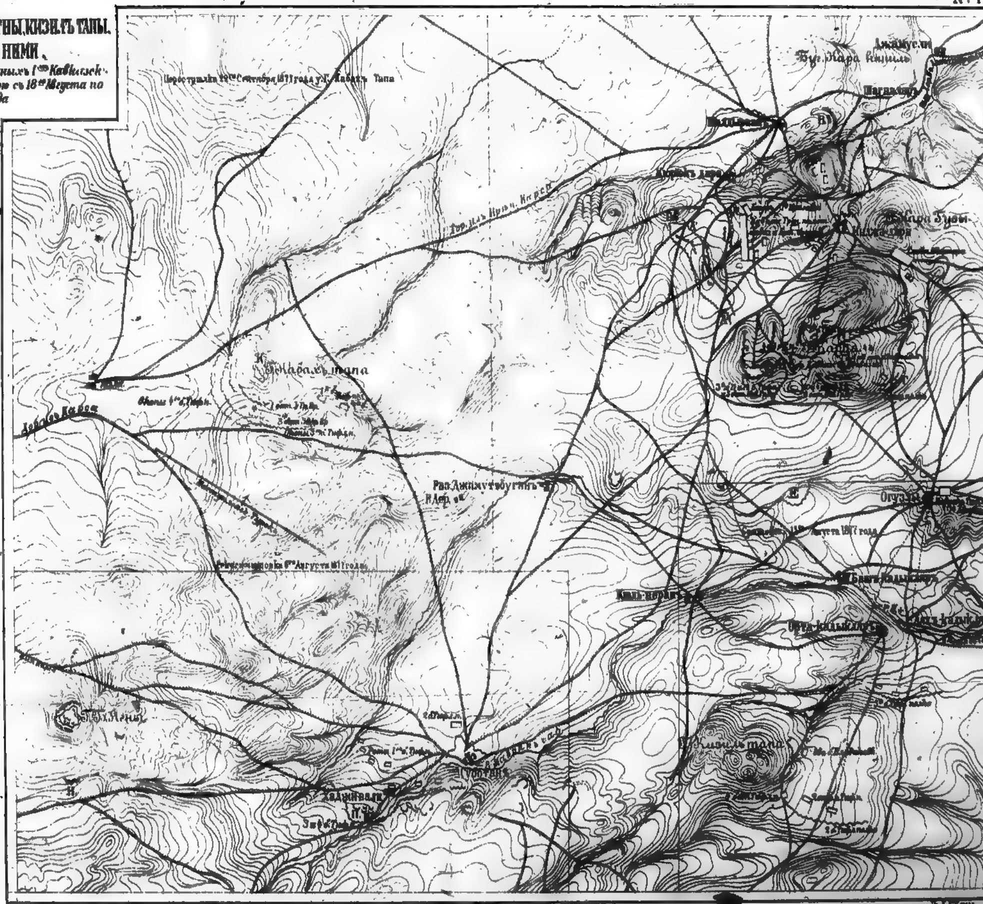
ПЛАНЪ
ВЫСОТЪ: КАРАЯЛА, БОЛЬШОЙ ЯГНЫ, КИЗИЛЪ ТАПЫ. И МѢСТНОСТИ МЕЖДУ НИМИ,

съ показаніемъ укрѣпленій возведенныхъ 1-мъ Кавказск. саперным батальономъ и пѣхотою съ 18-го Августа по 1-е Октября 1877-го года

[illegible]

ОБЪЯСНЕНІЕ

А. А' [illegible] укрѣпленія праваго фланга [illegible] позиціи.
Б. [illegible] редутъ на [illegible] орудія.
В. [illegible] редутъ на 2 роты и 4 орудія.
Г. Г' Укрѣпленія на горѣ Караялѣ.
Д. Батарея на 4 орудія съ [illegible] 20-21 Сентября.
Е. Укрѣпленіе на горѣ [illegible] 20-21 Сентября, [illegible] батареи.
Ж. Редутъ на батальонъ и 4 орудія построенный въ ночь съ 30 Сентября на 1 Октября.
З. Батарея на 2-24 фунтовыхъ [illegible] орудія построенная въ ночь съ 30 Сентября на 1 Октября для дѣйствія противъ Аладжи.
И. Батарея на [illegible] орудія построенная въ ту же ночь для дѣйствія противъ Аладжи.



ли, и вскорѣ пальба гремѣла по всей линіи. Турки, однако, не дождались атаки и, по мѣрѣ приближенія нашихъ цѣпей, благоразумно поспѣшили удалиться. Земляная батарея, находившаяся позади Суботана, занята была спѣшенными баши-бузуками. Замѣтя это, командиръ 4-й батареи полковникъ Балакуцкій снялся съ передковъ и пустилъ во внутрь укрѣпленія рядъ гранатъ. Тутъ намъ представилось, поистинѣ, комическое зрѣлище: охваченные паникой, баши-бузуки стремглавъ бросились на лошадей и, сломя голову, въ страшномъ безпорядкѣ, улепетывали восвояси. Бѣгство ихъ напоминало заячью травлю, и поневолѣ возбуждало въ рядахъ войскъ веселый хохотъ. Еще удачнѣе дѣйствовала 4-я батарея противъ баши-бузуковъ, струнировавшихся въ кучи вблизи сел. Хаджи-Вали. Двѣ гранаты легли и разорвались среди скопища, разлетѣвшагося въ разныя стороны. Новый взрывъ хохота сопровождалъ и этотъ побѣгъ турокъ. Между тѣмъ, вторая бригада продолжала движеніе. Цѣпи поддерживали рѣдкую перестрѣлку, пули проносились мимо сомкнутыхъ частей. Турки всюду отступали, давъ намъ возможность занять высоты за Суботаномъ.

Впереди селенія Хаджи-Вали находилось укрѣпленіе, и непріятель изъ него сильно обстрѣливалъ наступавшихъ; поэтому, во избѣжаніе потерь, командиръ полка, съ разрѣшенія генерала Федерголыма, рѣшилъ занять деревню. Съ этою цѣлью, къ укрѣпленію двинута была 7-я рота, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Кушелева, тотчасъ же выбившая непріятеля. Хаджи-Вали заняли 7-я и 9-я роты, цѣпи же 8-й и 4-й стрѣлковыхъ ротъ придвинулись впередъ, по оврагу, по направленію къ деревнѣ Буланахъ. Одновременно съ нами, наступали черезъ Суботанъ мингрельцы, такъ что всѣ укрѣпленія внизу Аладжи вскорѣ очищены были турками.

Видя смѣлое движеніе тифлисцевъ, не входившее, однако, въ планъ дѣйствій, генералъ Гейманъ, полусердясь, сказалъ: «безспорно, храбрость прекрасное качество; но зачѣмъ же Ридигеръ зарывается впередъ, когда ему не приказано». Командиръ полка, вмѣстѣ съ бригаднымъ, находились въ это время въ сел. Хаджи-Вали, съ ротами 1-й линіи. Генералъ Гейманъ отправилъ ординарцевъ, съ

приказаніемъ—остановить выдвинувшіяся части. Несмотря на это, тифлисцы не остановились до тѣхъ поръ, пока не заняли Хаджи-Вали. Это было вызвано тактической необходимостью, принесшей въ концу дѣла большую пользу. 2-му баталіону генералъ Гейманъ лично приказалъ остановиться; 1-й же баталіонъ находился тогда позади 3-го.

Жители деревни, турки, встрѣтили солдатъ радушно и подносили, въ видѣ пешкеша, кислое молоко, увѣряя, что они нейтральные и нисколько не поддерживаютъ своихъ.

Такимъ образомъ, въ центрѣ бой скоро затихъ вовсе, перестрѣлка смолкла, и войска частью лежали, частью стояли въ совершенномъ бездѣйствіи. На правомъ же флангѣ, около горы большіе Ягны, гремѣла канонада и ружейная пальба; казалось, въ этомъ пунктѣ дѣло загорѣлось серьезное. О дѣйствіяхъ у Инахъ-тепеси мы судили по орудійнымъ выстрѣламъ, долетавшимъ до насъ, и около полудня генералъ Девель донесъ командующему корпусомъ, что, по тщательной рекогносцировкѣ, Инахъ-тепеси безъ большаго урона взять нельзя—да безполезно было бы для насъ и овладѣніе этою высотою.

Между тѣмъ, генералу Гейману и его штабу подали чай и закуску, поставленную на коврѣ. Сидя на стулѣ, генералъ разсматривалъ въ бинокль турецкія позиціи, изрѣдка перекидываясь замѣчаніями съ командующимъ кавказскою гренадерскою дивизіею, генералъ-маіоромъ Соловьевымъ. Въ турецкомъ же лагерѣ попрежнему царствовала тишина и безмолвіе. Позиціи казались опустѣлыми и давно оставленными. Въ то время, когда мы заняли Хаджи-Вали, турки сняли часть лагеря. Глядя на пустые непріятельскіе окопы, всѣ лица, окружавшія генерала Геймана, считали настоящій моментъ весьма удобнымъ для завладѣнія лагеремъ, о немъ вслухъ и высказывали. Но генералъ Гейманъ видимо не придавалъ цѣны разговорамъ, потому что ввѣренная ему колонна должна была демонстрировать, не ввязываясь въ дѣло, и лишь отвлекать силы непріятеля отъ Инахъ-тепеси.

До полудня, войска не двигались. Въ это время полковникъ Комаровъ овладѣлъ горою большіе Ягны и завязалъ съ турками

рѣшительное дѣло. Противъ полковника Комарова съ Авліара и изъ Визинъ-кея двигались быстро, на нашихъ глазахъ, густыя массы турецкой пѣхоты, и выѣхало до 16-ти орудій. Вскорѣ на аладжинскихъ высотахъ показались также турецкія войска и артилерія, спѣшившія на помощь своему лѣвому флангу. Но всѣ спускавшіяся съ Аладжи непріятельскія колонны, видя деревню Хаджи-Вали занятою 3-мъ и 4-мъ баталіонами, останавливались и открыли усиленную перестрѣлку, не рискуя сдѣлать фланговаго движенія, такъ какъ сами онѣ могли быть охвачены тоже съ фланга. Между тѣмъ, бой на нашемъ правомъ флангѣ разгорался. Полковнику Комарову, согласно диспозиціи, помощи не подавали, и начальникъ правой колонны вынужденъ былъ отступить. Турки настойчиво преслѣдовали отступавшихъ и, несмотря на стройность и совершавшееся въ чрезвычайномъ порядкѣ отступленіе, владикавказцы и севастопольцы терпѣли большой уронъ. Въ строю находилось три баталіона севастопольцевъ, два владикавказцевъ и полторы батареи. Къ несчастью, пѣхота вооружена была ружьями Крынка, съ короткими прицѣлами на 600 шаговъ.

Одновременно съ отступленіемъ отряда полковника Комарова, генералъ Гейманъ приказалъ отступить и всей своей линіи, а самъ поѣхалъ къ колоннѣ полковника Комарова. Весь бой у горы большіе Цгны виденъ былъ, какъ на ладони, и надо отдать полную справедливость владикавказцамъ и севастопольцамъ въ томъ, что они дрались мужественно и неустрашимо. Только въ концѣ боя колоннѣ полковника Комарова послано было въ помощь по одному баталіону эриванцевъ и грузинцевъ, съ двумя батареями.

Согласно полученному приказанію, полки второй бригады тоже стали отходить назадъ. Чтобы поддержать отступленіе полковника Комарова, командиръ тифлисскаго полка не выводилъ 3-го и 4-го баталіоновъ изъ Хаджи-Вали до тѣхъ поръ, пока колонна полковника Комарова не очутилась уступомъ за правымъ флангомъ тифлисскихъ баталіоновъ, занимавшихъ это селеніе. Тогда только полковникъ Ридигеръ сдѣлалъ распоряженіе объ общемъ отступленіи, и 3-й и 4-й баталіоны отходили постепенно за Суботанъ и правѣе. Такимъ образомъ, тифлисскимъ полкомъ принесена была

посильная помощь. Хотя генералъ Гейманъ сначала его обвинялъ въ томъ, что онъ зарвался, но, съ занятіемъ Хаджи-Вали, большая часть турецкихъ силъ, направлявшихся противъ колонны полковника Комарова съ аладжинскихъ высотъ, была все же задержана тифлисцами. За Суботапомъ, 2-я бригада получила приказаніе—свернуться въ колонны изъ середины, и стала въ резервномъ порядкѣ. Затѣмъ, послѣдовало общее отступленіе всей боевой линіи. Турки, не имѣвшіе, повидимому, артилеріи, выдвинули дальнобойныя орудія и стали поражать насъ съ громаднаго разстоянія безвреднымъ артилерійскимъ огнемъ. Наши же орудія не наносили вреда непріятелю, потому что снаряды не долетали. Поэтому, 4-я и 5-я батареи стрѣляли по турецкой артилеріи, дѣйствовавшей противъ колонны Комарова; 6-я батарея кавказской гренадерской артилерійской бригады занимала укрѣпленіе, брошенное баши-бузуками. Наши четырехфунтовки не хватали даже до полуторы, почему полковникъ Санджановъ просилъ, чтобы его замѣнили—что и исполнено было 5-ю батареею.

Полки 2-й бригады кавказской гренадерской дивизіи около часа оставались подъ выстрѣлами, ничего не предпринимая. Турецкіе снаряды нетолько ложились вблизи колоннъ, но даже врѣзывались въ середину ихъ. Только Богъ хранилъ насъ отъ потерь, напримѣръ: одна граната упала между 4-й ротой и хорными музыкантами, не причинивъ никакого вреда; другой снарядъ влетѣлъ въ колонну мингрельцевъ, но тоже никого не задѣлъ. Благодаря личной распорядительности полковника Комарова, ему удалось, наконецъ, выйти изъ сферы огня, хотя и съ потерею трехсоть человѣкъ. Турки, какъ оказалось, стрѣляли разрывными пулями, о чемъ даже имѣлось въ виду составить у насъ протоколъ.

Послѣ боя, войска отступили въ Кюрюкъ-Дара, куда и прибыли въ семь часовъ вечера. Тутъ 6-я рота отпраздновала свой ротный праздникъ. Во время рекогносцировки, тифлисскій полкъ израсходовалъ 9,930 ружейныхъ патроновъ.

Авангардный лагерь остался на прежней позиціи.

Послѣ описаннаго событія, жизнь снова потекла мирно. Кавалерійскіе набѣги и поиски охотниковъ продолжались; на сторо-

жовую службу выходило по двѣ роты. Караялъ попрежнему былъ занятъ слабо. Однако, по всѣмъ признакамъ видно было, что старшіе начальники ожидали рѣшительныхъ дѣйствій со стороны турокъ. Это также усматривалось и изъ приказа по дивизіи, 9-го августа, въ которомъ начальники частей и дежурные по отряду предупреждались: «въ предстоящіе семь сутокъ усилить вниманіе, чтобы сторожевые цѣпи и команды охотниковъ, высылаемыя на ночь, бдительно слѣдили за всѣмъ, происходящимъ впереди ихъ, со стороны непріятеля, въ особенности на разсвѣтѣ; въ случаѣ тревоги, войскамъ дивизіи строиться побригадно, передъ серединой бригадныхъ лагерей, сдѣлавъ расчетъ съ вечера». Это распоряженіе вполнѣ подтверждаетъ, что, при численномъ перевѣсѣ арміи Мухтаръ-паши, мы съ часа на часъ должны были ожидать нападенія. Само собою разумѣется, войска горѣли нетерпѣливымъ желаніемъ встрѣтиться съ турками въ открытомъ полѣ, а насчетъ лагеря были совершенно покойны, такъ какъ кюрюкъ-дарпскій лагерь, за исключеніемъ Караяла, еще съ іюля мѣсяца былъ нѣсколько укрѣпленъ земляными траншеями и батареями.

Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ, положеніе непріятельской арміи на аладжинскихъ высотахъ становилось очень тягостнымъ. Турки зябли и начинали заболѣвать. Мухтаръ-пашѣ оставалось одно изъ двухъ: или выбрать новыя позиціи, или же запереться въ Карсѣ. Во всякомъ случаѣ, предвидѣлась зимняя кампанія, и мы стали, съ своей стороны, готовиться къ ней. Для освидѣтельствованія и сортировки полушубковъ, назначены были отъ всѣхъ полковъ кавказской гренадерской дивизіи коммисіи, уѣхавшія въ Александрополь 8-го августа. Коммисіи имѣли спеціальное порученіе— пересмотрѣть всѣ полушубки, отобрать годные и сложить особо. Предсѣдателямъ приказано было—составить подробныя вѣдомости о числѣ овчинъ, потребныхъ для ремонта старыхъ полушубковъ (65).

Несмотря на то, что не было никакихъ движеній и изнурительныхъ занятій, процентъ заболѣвающихъ сильно возросталъ. Въ полку ежедневно приходило въ околотокъ отъ ста до ста двадцати пяти человѣкъ, страдавшихъ поносомъ и лихорадками. Въ госпиталяхъ считалось около трехсотъ человѣкъ, включая въ то число

и раненыхъ. Словомъ, въ началѣ августа положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ было тягостное и въ тоже время неопредѣленное. Въ ожиданіи прибытія 1-й гренадерской дивизіи изъ Москвы, мы хотя и превышали турокъ численностью артилеріи и кавалеріи, но за то, непріятель превосходилъ насъ количествомъ пѣхоты, оборонявшей сильныя укрѣпленія, противъ которыхъ намъ пока оперировать было рискованно. Понятно, рано или поздно должна была произойти развязка; но когда именно, и кто первый выйдетъ изъ выжидательнаго положенія—предугадать было трудно.

11-го августа, выступилъ изъ авангарднаго лагеря, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Девеля, отрядъ, состоявшій изъ елисаветпольскаго и абхазскаго пѣхотныхъ полковъ, двухъ ротъ саперъ, волгскаго коннаго полка и полуторы батареи. Войска эти отправлены были на усиленіе эриванскаго отряда. 12-го августа происходила перестановка войскъ. Къ намъ въ лагерь пришли кутаисскій и гурійскій полки. Въ авангардный же лагерь отправлены были два баталіона владикавказцевъ. Полковникъ Романовичъ назначенъ былъ комендантомъ авангарднаго лагеря. Слѣдовательно, въ авангардномъ лагерѣ находилось: пять баталіоновъ пѣхоты и вся кавалерія. Инженеръ-полковнику Бульмерингу поручено было укрѣпить гору Кизилъ-тапа.

Вечеромъ, на аладжинскихъ высотахъ горѣло множество огней—чего прежде не замѣчалось. Солдаты вывели заключеніе, что турки справляютъ праздникъ.

ГЛАВА VIII.

Кизилъ-тапинскій бой 13-го августа. Занятіе части потеряннаго пункта на горѣ Кизилъ-таша кавказцами, и прибытіе къ нимъ на помощь тифлисскаго полка. Исходъ и результаты сраженія. Отступленіе. Тифлисскій полкъ въ деревнѣ Огулы. Возвращеніе полка въ лагерь при селеніи Кюрюкъ-Дара. Вступленіе на Каралъ и приведеніе его въ оборонительное положеніе. Характеристика новыхъ служебныхъ обязанностей. Тягостные августовскіе и сентябрьскіе дни до начала наступательныхъ дѣйствій.

Съ 12-го на 13-е августа, около трехъ часовъ пополуночи, со стороны авангарднаго лагеря послышалась сильная ружейная и затѣмъ, спустя нѣкоторое время, орудійная пальба. Въ то время 3-й баталіонъ тифлисцевъ стоялъ въ переднемъ лагерѣ на линейкахъ, такъ какъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ 4-й и 5-й ротами, отправиться на фуражировку. Маіоръ Улановичъ, услышавъ пальбу, тотчасъ же послалъ къ командиру полка узнать—что дѣлать; баталіону приказано было остаться; 4-я и 5-я роты тоже были выстроены въ своемъ лагерѣ. Дежурныя и сторожевыя части придали сначала отдаленной перестрѣлкѣ весьма мало значенія, думая, что это наша кавалерія, по обыкновенію, тревожитъ турецкій лагерь. Но стрѣльба не унималась; напротивъ, все больше и больше она разгоралась. Когда же послышались частые раскаты орудійныхъ выстрѣловъ, тогда только всѣ сообразили, что происходитъ что-то серьезное. Бить въ лагерѣ тревогу строго воспрещалось, поэтому нижніе чины, не ожидая ея, начали одѣваться по собственному почину; офицеры проснулись, и вскорѣ весь полкъ былъ на ногахъ. Деньщики сѣдлали лошадей, обозные приводили въ порядокъ сбрую, санитары готовили носилки и перевязочный матеріалъ. Солдаты же группами стояли на линейкахъ, безполезно напрягая зрѣніе по направленію выстрѣловъ. Вдали ничего не было видно, такъ какъ Каралъ загородилъ собою картину ночнаго боя. Такимъ образомъ, никто не зналъ, въ чемъ дѣло, и недоумѣніе было всеобщее.

Наконецъ, изъ дивизіоннаго штаба пріѣхалъ конный обозный рядовой и привезъ приказаніе полку—строиться. Баталіоны выстрои-

лись впереди лагеря 3-го и 4-го баталіоновъ и стояли довольно долго, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій. Мингрельцы тоже находились подъ ружьемъ, и тоже не трогались съ мѣста.

Глубокую тишину лунной ночи нарушала все болѣе и болѣе усиливавшаяся канонада. Войска не знали, кто атакуетъ, и кто обороняется; на кюрюкъ-дарпнской равнинѣ и около Суботана не замѣчалось никакого движенія, аванпосты донесеній не дѣлали. Слѣдовательно, надо было полагать, что турки бросились на одинъ изъ пунктовъ авангарднаго лагеря, такъ какъ выстрѣлы неслись отъ Баш-Кадыкляра. Вскорѣ пріѣхалъ командующій дивизіею генералъ-маіоръ Соловьевъ и, не зная истиннаго положенія дѣлъ, остановился въ раздумьи. Черезъ нѣсколько времени прошла мимо насъ колонна пѣхоты, которую генералъ-маіоръ Комаровъ велъ на выстрѣлы; она состояла изъ двухъ баталіоновъ стрѣлковъ и трехъ баталіоновъ севастопольцевъ. Послѣ получасоваго ожиданія, пріѣхалъ, наконецъ, генералъ-лейтенантъ Гейманъ, но и онъ сейчасъ же удалился, не сдѣлавъ никакихъ опредѣленныхъ распоряженій. Тогда командующій дивизіею повелъ 2-ю бригаду гренадеръ, подобно Комарову, тоже на выстрѣлы. Было четыре часа утра.

Обогнувъ Караялъ, мы увидѣли отчетливо Кизилъ-тапу, опоясанную огненною линіею и окутанную густыми клубами дыма. Ружейная пальба отчасти напоминала Зивинъ, а орудійная—Ардаганъ. На горѣ видимо происходилъ ожесточенный бой (см. планъ № 4-й). По мѣрѣ приближенія къ горѣ, при свѣтѣ зарождавшагося дня, показались наши батареи, обстрѣливавшія Кизилъ-тапу.

Колонна генералъ-маіора Комарова поспѣшно направлялась къ горѣ. Тогда только мы убѣдились, что турки завладѣли самымъ важнымъ пунктомъ нашей позиціи, и намъ, вѣроятно, прикажутъ возвратить потерянное. Со стороны Суботана показались массы турецкой пѣхоты. Противъ нихъ направлены были мингрельцы, для дѣйствій правѣе генерала Комарова, перемѣнившаго фронтъ по направленію къ Суботану. Такимъ образомъ, тифлисскій полкъ оставался въ резервѣ и стоялъ внѣ выстрѣловъ.

Въ началѣ шестаго часа генералъ Гейманъ прислалъ приказаніе—двинуть шесть ротъ тифлисскаго полка и 4-ю батарею кавказ-

ской гренадерской артилерійской бригады на усиленіе лѣваго фланга. Для этой цѣли, командиръ полка назначилъ второй баталіонъ, третью линейную и первую стрѣлковую роты (рота Его Высочества и вторая занимали Караялъ), поручивъ начальство надъ ними батарейному командиру подполковнику Калакуцкому. Самъ же полковникъ Ридигеръ, съ 3-мъ и 4-мъ баталіонами, остался на мѣстѣ.

Отдѣлившіяся шесть ротъ не успѣли отойти даже нѣсколько сотъ шаговъ, какъ пріѣхалъ генералъ Гейманъ и приказалъ полковнику Ридигеру, съ остальными баталіонами и 6-й батареей кавказской гренадерской артилерійской бригады, слѣдовать на лѣвый флангъ и поступить тамъ въ распоряженіе начальника его, генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, такъ какъ начальникъ кавалеріи, генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе, выбылъ изъ лагеря, будучи раненъ пулею въ голову. Около Башъ-Кадыклара командиръ полка остановилъ баталіоны и батарею въ оврагѣ, чтобы укрыть ихъ отъ выстрѣловъ, и самъ отправился къ генералъ-маіору Лорисъ-Меликову, находившемуся на правомъ флангѣ командуемой имъ линіи. Генералъ приказалъ командиру полка оставаться пока на занятомъ мѣстѣ. Колонна же подполковника Калакуцкаго, пройдя вблизи Башъ-Кадыклара глубокій оврагъ, очутилась подъ выстрѣлами.

Между тѣмъ, совсѣмъ разсвѣло. На Кизилъ-танѣ бой продолжался; по всему полю видѣлись ряды носилокъ, и плелись раненые имеретинцы; достаточно было и труповъ. Шесть ротъ тифлисцевъ, завернувъ лѣвымъ плечомъ, перестроились въ боевой порядокъ и, имѣя въ цѣпи 2-ю стрѣлковую роту, наступали прямо на Кизилъ-тапу, или, лучше сказать—на лѣвые восточные ея скаты. Во время наступленія, убылъ изъ строя командиръ 3-й линейной роты капитанъ князь Макаевъ, раненый въ ногу и оставившій немедленно строй. Лѣвѣе втораго баталіона снялась съ передковъ 4-я батарея, имѣя въ прикрытіи двѣ роты перваго баталіона и охотничью команду. За этими частями, въ густыхъ колоннахъ, маневрировала наша кавалерія, стройно, не суетясь, точно на ученьи.

Черезъ нѣсколько минутъ, къ командиру 2-го баталіона прискакалъ офицеръ, прося смѣнить казачью цѣпь, разстрѣлявшую всѣ

свои патроны. Подполковникъ Лорисъ-Меликовъ отправилъ на смѣну казаковъ шестую роту, подъ командою капитана Борковскаго. Разсыпавъ три взвода, командиръ 6-й роты повелъ ихъ цѣпью впереди батареи, которая стрѣляла черезъ головы людей, проходившихъ передъ нею не далѣе ста пятидесяти шаговъ. Пройдя батарею, рота повернула во фронтъ и приблизилась къ казакамъ. Спѣшенные казаки, по недостатку патроновъ, находились въ критическомъ положеніи и съ восторгомъ привѣтствовали появленіе тифлисцевъ. По всей линіи пронесся веселый крикъ: «пѣхота пришла съ берданками; убирай раненыхъ—и маршъ назадъ»! Казаки начали отходить, турки же участили огонь и подвинулись ближе. Тогда цѣпь 6-й роты приняла непріятеля бѣглымъ ружейнымъ огнемъ, и двѣ турецкія колонны повернули немедленно назадъ, неся ружья вольно и продолжая отстрѣливаться. Цѣпь 6-й роты, не имѣя закрытій, легла на равнинѣ, продолжая перестрѣлку (66). Кизилъ-тапа имѣетъ протяженіе не менѣе версты и состоитъ изъ соединенныхъ возвышенностей, въ родѣ террасъ, изъ которыхъ западная командуетъ среднею, а эта послѣдняя—восточною. У подножія горы мѣстность вообще волнистая, и кое-гдѣ пересѣчена значительными оврагами. Кизилъ-тапа служила какъ бы передовымъ пунктомъ башъ-кадыклярскаго авангарднаго лагеря; съ пріобрѣтеніемъ ея, Мухтаръ-паша получалъ господство надъ прилегающею къ горамъ равниною до Маврякъ-чая и могъ спустить сюда свои войска съ Аладжи. При наступившихъ наверху холодахъ, это было для него крайне нелишнее. Онъ сознавалъ все важное для него значеніе горы и послалъ для овладѣнія ею отборныя части, что доказывалось ихъ превосходнымъ обмундированіемъ: валявшіеся тамъ и сямъ трупы были въ чистыхъ курткахъ, въ новыхъ сапогахъ, и солдаты вооружены преимущественно ружьями Пибоди.

Лѣвѣе 6-й роты, составившей лѣвый флангъ нашего расположенія, двигались массы кавалеріи, а остальныя три роты 2-го баталіона наступали прямо на гору. Уже съ разстоянія полуторы версты онѣ начали нести потери; дойдя до восточной части Кизилъ-тапы, роты эти соединились съ владикавказцами и поступили въ распоряженіе полковника Романовича. Послѣдній, снявъ шапку,

радостно привѣтствовалъ тифлисцевъ и, обратясь къ штабсъ-капитану Гаврилову, сказалъ: «вотъ вамъ на первый разъ: сбейте турокъ съ этой высоты».

По приказанію командира 2-й стрѣлковой роты, стрѣлки, не смыкаясь, бросились въ штыки. Впереди цѣпи тифлисцевъ бѣжалъ владикавказскаго полка фельдфебель Мясниковъ. Турки не дрогнули, видимо желая принять атаку; но дружный ударъ заставилъ ихъ тотчасъ же повернуть кругомъ. Тутъ рядовой Романъ Лиморенко закололъ турецкаго офицера, хотя и самъ получилъ штыковую рану. Стрѣлки били навыборъ бѣжавшихъ турокъ и, между прочимъ, застрѣлили нѣсколько верблюдовъ и эшаковъ. Опасаясь растратить скоро всѣ патроны, штабсъ-капитанъ Гавриловъ приказалъ стрѣлять рѣже, но нижніе чины просили позволенія не стѣсняться, и въ цѣпи раздавались восклицанія: «когда же стрѣлять, ваше благородіе, какъ не теперь: вѣдь турки въ двадцати шагахъ!» Гавриловъ уступилъ. Учащенный огонь, дѣйствительно, производилъ у непріятеля потерю весьма значительную. Когда же всѣ патроны были разстрѣляны, штабсъ-капитанъ Гавриловъ, по приказанію полковника Романовича, отвелъ 2-ю стрѣлковую роту нѣсколько назадъ, и въ цѣпь была выслана рота владикавказцевъ.

По прибытіи 4-й и 5-й ротъ на позицію, полковникъ Романовичъ велѣлъ поручику Рейбургу взять полуроту 3-й роты и идти на лѣвый флангъ владикавказцевъ, чтобы помочь имъ отразить атаку турецкой кавалеріи. Но это оказалось лишнимъ, такъ какъ владикавказцы управились сами. Вскорѣ полковникъ Романовичъ получилъ приказаніе усилить лѣвый флангъ позиціи, для чего и были направлены 4-я и 5-я роты. Разомкнувшись на дистанцію руки, роты эти пошли полуоборотомъ влѣво отъ предгорья. Ихъ встрѣтилъ огонь, направленный съ верхнихъ ярусовъ Кизилъ-тапы. Пройдя влѣво версты полторы, роты были остановлены, и 4-я рота, съ поручикомъ Снѣжковымъ во главѣ, какъ шедшая впереди, вошла въ линію казачьей цѣпи, 5-я же стала за ней, въ резервѣ, шагахъ въ шестидесяти. Казачья цѣпь была та самая, часть которой смѣнила 6-я рота, но только послѣдняя находилась шаговъ на шестьсотъ лѣвѣе и была совершенно изолирована. Для поддержанія

связи съ остальными ротами баталіона, командиръ 6-й роты выставилъ въ промежуткѣ наблюдательный постъ. Во время движенія 4-й и 5-й ротъ у предгорья, замѣтно было, что, послѣ учащенной стрѣльбы, турки бѣжали въ безпорядкѣ. Это произошло какъ разъ послѣ атаки нашей 2-й стрѣлковой роты. Противъ 4-й и 5-й ротъ, въ разстояніи отъ нихъ полутораста шаговъ, была довольно значительная турецкая цѣпь, но роты сбили ее учащеннымъ огнемъ, и она вскорѣ отошла назадъ и влѣво. 4-я, 5-я и 6-я роты оставались на занятыхъ мѣстахъ до общаго отступленія, все время ведя перестрѣлку. 6-я рота, разстрѣлявъ патроны, была смѣнена въ концѣ сраженія 3-ю ротою, подъ командою поручика Кретковскаго, и охотниками, подъ командою подпоручика Невѣровскаго.

Въ это время произошло нѣсколько интересныхъ случаевъ: около знамени, позади 5-й роты, собралось нѣсколько человѣкъ унтеръ-офицеровъ; вдругъ, въ середину кружка влетѣла граната. Группа разсыпалась, а знаменщикъ припалъ къ землѣ и схватился рукою за голову. Всѣ думали, что онъ убитъ, но оказалось, что осколокъ только оцарапалъ слегка ему ухо, и больше никто не пострадалъ. Пять или шесть офицеровъ стояли вокругъ командовавшаго 5-ю ротою лейбъ-гвардіи измайловскаго полка штабсъ-капитана Левитскаго и весело разговаривали. Въ это время просвистѣло нѣсколько пуль. Левитскій схватился за ногу и поймалъ рукою еще теплую пулю, причинившую ему легкій ушибъ, но оставившую на ногѣ значительный синякъ. Вскорѣ послѣ того, штабсъ-капитанъ Левитскій былъ контуженъ камнемъ въ голову. Около полудня, на Кизилъ-тапѣ удачнымъ выстрѣломъ взорвало зарядный турецкій ящикъ; по нашей боевой линіи пронеслось «ура».

Полковникъ Ридигеръ, получивъ необходимыя распоряженія отъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, вернулся къ своимъ баталіонамъ. Спустя нѣкоторое время, пріѣхалъ состоявшій для порученій при начальникѣ корпуснаго штаба маіоръ Терентьевъ и привезъ приказаніе—послать еще одинъ баталіонъ, съ батареей, на усиленіе лѣваго фланга. Войска лѣваго фланга занимали довольно большое протяженіе, а приказаніе не выясняло, какую именно оконечность боевой линіи нужно усилить. Но колебаться было неког-

да: полковникъ Ридигеръ, сознавая, что главная цѣль боя заключалась въ отнятіи обратно у турокъ Кизилъ-тапы, и видя что на крайней ея террассѣ происходитъ ожесточенная схватка, рѣшилъ идти прямо на гору.

Оставивъ 3-й баталіонъ въ резервѣ, командиръ полка, съ 4-мъ баталіономъ и 6-й батареей, пошелъ на соединеніе съ своими шестью ротами. Пороховой дымъ и пересѣченная мѣстность мѣшали различать полки: пришлось оріентироваться прямо на Кизилъ-тапу. 6-й батареѣ предстояло смѣнить терскую батарею полковника Прозоркевича, выпустившую всѣ снаряды,—и она немедленно удалилась. Вскорѣ наступавшій 4-й баталіонъ былъ замѣченъ и засыпанъ картечными гранатами, а также разрывными пулями. Къ счастью, уронъ оказался невеликъ: выбыло изъ строя человѣкъ девятнадцать.

На пути, тифлисцы встрѣтили начальника штаба авангарднаго лагеря полковника Маламу. Онъ вполнѣ одобрилъ планъ наступленія прямо на Кизилъ-тапу, объяснивъ, что оконечность горы занята владикавказцами и отчасти тифлисцами, и что невдалекѣ расположены двѣ роты перваго баталіона нашего же полка, прикрывающія 4-ю батарею кавказской гренадерской артилерійской бригады. Когда баталіонъ проходилъ мимо полковника князя Эристова, начальника участка боевой линіи, то князь также нашелъ планъ наступленія на гору вполнѣ цѣлесообразнымъ. Пройдя еще немного, 4-й баталіонъ приблизился къ подошвѣ Кизилъ-тапы. Роты шли быстро, стройно, точно на ученьи—что чрезвычайно восхищало полковника Романовича, привязавшагося къ полку во время короткаго и недавняго имъ командованія. Не менѣе своего начальника обрадовались владикавказцы, завидя гренадеръ, вооруженныхъ берданками, потому что вся 38-я дивизія имѣла въ то время ружья съ короткими прицѣлами на 600 шаговъ.

По прибытіи 4-го баталіона, находившаяся на горѣ цѣпь тотчасъ была смѣнена 12-ю и 4-ю стрѣлковою ротами; владикавказцы, находившіеся съ утра въ огнѣ, отошли въ резервъ за бугоръ, къ стоявшимъ тамъ 10-й и 11-й ротамъ. Командиръ 12-й роты капитанъ Афанасьевъ быстро пристрѣлялся по главной непріятельской позиціи.

Между тѣмъ, полковникъ Романовичъ разсказывалъ, что занятый имъ уступъ взятъ штурмомъ владикавказцами, турки отброшены штыками, и что въ свалкѣ участвовала 2-я стрѣлковая рота съ штабсъ-капитаномъ Гавриловымъ. Послѣдняя, дѣйствительно, къ описываемое время, находилась на горѣ, а 4-я рота спустилась незадолго до этого внизъ. На отбитомъ у непріятеля уступѣ валялось множество турецкихъ труповъ: видимо, схватка происходила жестокая.

Когда прибылъ полковникъ Ридигеръ, полковникъ Романовичъ сдалъ ему командованіе на Кизилъ-тапѣ. Обсудивъ вдвоемъ положеніе дѣла, полковникъ Ридигеръ рѣшился овладѣть послѣднимъ уступомъ Кизилъ-тапы, съ котораго турки начали уже сносить артилерію. Для этого, онъ отправилъ штабсъ-капитана Жонгаловича къ генералъ-маіору Лорисъ-Меликову, съ просьбою—прислать 3-й баталіонъ тифлисцевъ и хотя бы взводъ артилеріи. Орудія предполагалось втащить на рукахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что планъ атаки на Кизилъ-тапу могъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Съ прибытіемъ 3-го баталіона тифлисцевъ, мы были бы достаточно сильны. Тогда 4-й баталіонъ тифлисскаго полка, со второй стрѣлковой ротой, и два баталіона владикавказцевъ, поддержанные 3-мъ баталіономъ тифлисцевъ, ударили бы прямо съ фронта; три роты втораго и двѣ роты перваго баталіоновъ тифлисскаго полка могли бы дѣйствовать съ лѣваго фланга. . . .

И въ то самое время, когда все уже было соображено, обдумано, и оставалось только начать рѣшительныя дѣйствія, на гору прискакалъ начальникъ штаба 2-й кавказской кавалерійской дивизіи полковникъ Бутурлинъ. Освѣдомясь, кто старшій, онъ передалъ полковнику Ридигеру приказаніе—отступить.

— «Какъ это отступить?» вскричали въ одинъ голосъ полковники Ридигеръ и Романовичъ. Напротивъ, мы рѣшились наступать.

Полковникъ Бутурлинъ заявилъ, что онъ привезъ категорическое приказаніе—отступить.

Такимъ образомъ, въ самый интересный и важный періодъ боя, когда сами обстоятельства сложились въ нашу пользу, войска вынуждены были очистить добытыя съ большими жертвами позиціи.

Нечего дѣлать: хотя и съ грустью, но пришлось исполнить приказаніе. Вестави, полковникъ Ридигеръ не торопился распоряженіемъ объ отступленіи, надѣясь получить съ штабсъ-капитаномъ Жонгаловичемъ болѣе утѣшительныя извѣстія. Для выигрыша времени, онъ приказалъ заняться уборкой убитыхъ и раненыхъ тифлисцевъ и владикавказцевъ. Къ счастью, для уборки пригодились двѣ сотни спѣшенныхъ казаковъ, кѣмъ-то присланныхъ на поле сраженія. Начальнику сотенъ приказано было поднять раненыхъ, отступить имѣстѣ съ ними къ коноводамъ и затѣмъ, доставить на перевязочный пунктъ.

Когда казаки, исполнивъ порученіе, подошли къ коноводамъ, снова пріѣхалъ маіоръ Терентьевъ, все съ тѣмъ же грустнымъ и неотвязчивымъ приказаніемъ—отступить. Тутъ ужъ нечего было медлить и сомнѣваться. Первыми спустились съ горы владикавказцы, подъ командою полковника Романовича. За ними перекатными цѣпями отступили тифлисцы. Послѣдними отходили цѣпью 10-я и 12-я роты,—первая, подъ командою лейбъ-гвардіи поручика Меркозина, а вторая—подъ начальствомъ капитана Афанасьева, находившагося за цѣпью. Непріятель преслѣдовалъ отступавшіе четвертый баталіонъ тифлисцевъ и части владикавказцевъ безъ особаго увлеченія. При отступленіи былъ въ обоихъ полкахъ раненъ одинъ только владикавказецъ; второй же баталіонъ двигался подъ сильнымъ орудійнымъ огнемъ. Роты втораго баталіона шли медленно, часто останавливались, выказывая тѣмъ готовность броситься въ штыки, еслибы непріятель вздумалъ приблизиться. 4-я и 5-я роты прошли сквозь цѣпь 3-го баталіона, разсыпаннаго маіоромъ Улановичемъ по откосамъ высохшихъ водопроводныхъ каналъ. Слѣдовательно, третій баталіонъ очутился впереди, прикрывая линію отступавшихъ и сдерживая ружейнымъ огнемъ спускавшихся съ горъ башни-бузуковъ.

На дорогѣ встрѣтился съ командиромъ полка штабсъ-капитанъ Жонгаловичъ и привезъ войскамъ разрѣшеніе остаться на Кивилъ-танѣ. Но увы, было уже поздно: полкъ находился тогда почти въ верстѣ отъ горы, сплошь усѣянной непріятелемъ. Брать же снова съ наличными силами—оказывалось немыслимымъ, и отступленіе

продолжалось. Вскорѣ всѣ роты тифлисскаго полка стянулись въ оврагъ, впереди Башъ-Кадыкляра, имѣя правѣе владикавказцевъ и имеретинцевъ. На линіи цѣпи находилась батарея полковника Мусхелова. Турки, видимо довольные нежданнымъ успѣхомъ, ограничивались лишь орудійной канонадой (67).

Расположивъ полкъ на позиціи, Ридигеръ поѣхалъ съ докладомъ къ генералъ-маіору Лорисъ-Меликову. Генералъ выразилъ сожалѣніе, что не могъ взять на себя отвѣтственности—позволить войскамъ держаться на Кизилъ-тапѣ, такъ какъ прислано было нѣсколько настойчивыхъ приказаній относительно отступленія, и только на основаніи послѣдняго приказанія онъ разрѣшилъ войскамъ остаться на горѣ. Вслѣдствіе этого, штабсъ-капитану Жонгаловичу сказано было, что если еще не поздно, то войска могутъ оставаться на горѣ; но Жонгаловичъ засталъ части уже отступавшими. Получись разрѣшеніе нѣсколькими минутами раньше—и дѣло навѣрно приняло бы иной оборотъ.

Вскорѣ пріѣхалъ изъ колонны генерала Девеля адъютантъ, бакинскаго полка штабсъ-капитанъ Мистровъ, съ сообщеніемъ, что генералъ стоитъ на флангѣ турокъ и проситъ, чтобы ему прислали батарею, для поддержанія наступленія. Хотя колонна генерала Девеля назначена была на усиленіе эриванскаго отряда, но въ началѣ боя ее вернули по телеграфу, и она получила приказаніе принять участіе въ битвѣ. Генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ сейчасъ же послалъ полковника Маламу, чтобы направить къ генералу Девелю 4-ю батарею кавказской гренадерской артилерійской бригады, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ перваго баталіона тифлисцевъ, дивизіона сѣверцевъ и тифлисской дворянской конной дружины. Это было около трехъ часовъ пополудни. Слѣдовательно, судя по ходу военныхъ событій, въ случаѣ успѣшнаго наступленія колонны генерала Девеля, намъ предстояло снова штурмовать Кизилъ-тапу—что было бы сопряжено съ большимъ урономъ.

Войска, между тѣмъ, бездѣйствовали и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ лежали безцѣльно подъ орудійнымъ огнемъ. Люди, конечно, ничего не ѣли. Къ счастью, въ деревнѣ Башъ-Кадыкларѣ нашлась чистая и холодная вода. Большинство офицеровъ

тоже голодало. Какой-то духанщикъ изъ бывшаго лагеря, не имѣя перевозочныхъ средствъ, предложилъ офицерамъ втораго баталіона ящикъ съ [redacted]тками, въ которомъ нашлась даже бутылка шампанскаго. Это было какъ нельзя болѣе кстати, и духанщикъ не заставилъ себя долго просить, а шампанское было выпито изъ какой-то, попавшейся подъ руку, солдатской деревянной чашки; закуской служили яблоки и хлѣбъ.

Послѣ пяти часовъ пополудни было получено извѣстіе, что генералъ Девель отступилъ къ Китачу. Тогда, разумѣется, всѣ поняли, что сраженіе завершено и продолжаться въ этотъ день не будетъ. Затѣмъ, приказано было тифлисцамъ отдѣлиться отъ дивизіи и вступить въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Шатилова, назначеннаго начальникомъ башъ-кадыклярскаго лагеря, вмѣсто раненаго генералъ-маіора князя Чавчавадзе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, войска отодвинулись въ деревню Огуалы, такъ какъ Башъ-Кадыкляръ обстрѣливался уже турками съ Кизилъ-таша. Отступленіе шло очень медленно, вслѣдствіе чего мы прибыли въ Огуалы лишь около полуночи и долго стояли подъ ружьемъ, пока для насъ пріискивали мѣсто. Наконецъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Шатиловъ указалъ для бивака ту самую позицію, на которой мы стояли. Баталіоны составили ружья, и сами расположились на мягкомъ самшѣ, въ большомъ количествѣ разбросанномъ на улицахъ и около домовъ. 3-й баталіонъ былъ оставленъ впереди Огуалы, какъ резервъ аванпостовъ, выставленныхъ отъ казаковъ.

Въ этотъ день уронъ полка состоялъ изъ 1-го офицера и 7-ми нижнихъ чиновъ убитыхъ, 1-го офицера и 79-ти нижнихъ чиновъ раненыхъ и 2-хъ офицеровъ и 3-хъ нижнихъ чиновъ контуженныхъ, а всего 93-хъ человѣкъ. Наибольшій процентъ потери выпалъ на долю втораго баталіона, изъ котораго выбыло 57 человѣкъ, а 4-я рота потеряла 24 человѣка. Второй баталіонъ несъ потери даже во время отступленія и, между прочимъ, 5-я рота лишилась прикомандированнаго къ полку подпоручика навагинскаго полка Итагаева, смертельно раненаго пулею въ горло. Итагаевъ жилъ всего нѣсколько минутъ, видимо силясь что-то сказать; но ему это не удалось, и онъ вскорѣ скончался (*).

13-го августа выпущено патроновъ: ружейныхъ 12,358 и револьверныхъ 186. Въ сраженіи полкъ имѣлъ въ строю 2,575 человѣкъ. Какъ видно изъ офиціальнаго рапорта командующаго дѣйствующимъ корпусомъ Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему, Кизилъ-тапа захвачена была посредствомъ обмана. Съ 12-го на 13-е, гору занималъ 3-й баталіонъ 157-го пѣхотнаго имеретинскаго полка. Турецкіе черкесы, одѣтые точно также, какъ и наши милиціонеры, имѣя на крупахъ лошадей пѣхотинцевъ, подъѣхали къ нашимъ аванпостамъ, крича по-русски: «не стрѣлайте, это свои». Затѣмъ, мгновенно бросились въ шашки и, несмотря на сопротивленіе имеретинцевъ, овладѣли Кизилъ-тапою при помощи другихъ войскъ, слѣдовавшихъ по ихъ пятамъ.

И такъ, ровно черезъ два мѣсяца послѣ зивинскаго сраженія Мухтаръ напомнилъ намъ 13-е іюня, и самъ достигъ цѣли: спустилъ свою армію съ холодныхъ высотъ Аладжи и запилъ окрестности деревни Суботана.

Утомленные боемъ, солдаты крѣпко спали. Ночь была теплая, хотя и слегка вѣтряная. Укрыться было нечѣмъ, и съ ранняго утра, 14-го августа, всѣ были на ногахъ. Ожидали наступленія турокъ, но они объ этомъ и не думали, а съ усердіемъ продолжали окапываться. Рядъ вновь воздвигнутыхъ укрѣпленій рельефно рисовался на горизонтѣ; Кизилъ-тапа превратилась за ночь въ грозное укрѣпленіе, которымъ безнаказанно, безъ громадныхъ жертвъ, завладѣть уже было нельзя. Вообще, турки мастерски укрѣпляются и всякую, безъ различія, мѣстность, способны немедленно привести въ сильно оборонительное положеніе.

Тифлисскому полку съ утра приказано было перейти на бивакъ, на высоты передъ деревней Огулы, гдѣ войска генералъ-лейтенанта Шатилова расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ—имеретинскій полкъ; затѣмъ, два баталіона владикавказскаго полка и на лѣвомъ флангѣ—тифлисцы. Между частями были разставлены батареи. Кавалерія расположилась за пѣхотой, правѣе деревни. Генералъ Шатиловъ началъ всѣ лагерные служебные наряды съ тифлисцевъ—что для полка было нѣсколько

тяжело послѣ усиленныхъ трудовъ. О передвиженіи полка въ Кюрюкъ-Дара ничего не было извѣстно, между тѣмъ люди были безъ пищи. Командиръ полка послалъ нарочныхъ въ Кюрюкъ-Дара, съ приказаніемъ—сварить тамъ пищу и привезти ее въ закрытыхъ котлахъ. Наши кухни оставались въ кюрюкъ-дарінскомъ лагерѣ, равно какъ и весь полковой и офицерскій обозы. Благодаря упомянутому распоряженію, тифлисцы имѣли горячій обѣдъ. Многимъ офицерамъ тоже принесли обѣдать, большинство же ихъ нашло ѣду въ походномъ ресторанѣ.

Яркое солнце жгло довольно сильно. Офицеры, за неимѣніемъ палатокъ, приказали снять верхушки съ нѣсколькихъ случившихся при полку фургоновъ и размѣстились съ удобствомъ во вновь устроенныхъ шалашахъ. Третій баталіонъ оставался на позиціи впереди Огузлы до полудня, а затѣмъ былъ смѣненъ 4-мъ баталіономъ. На разсвѣтѣ, нижніе чины 3-го баталіона замѣтили башибузуковъ, прокрадывавшихся въ Башъ-Кадыкляръ. Въ это время двѣ роты имеретинцевъ направились, съ фургонами, за оставленными въ Башъ-Кадыкляръ вещами. Какъ только эти роты вошли въ деревню—изъ сакль раздались выстрѣлы, и башибузуки кинулись на нашихъ солдатъ. Послѣдніе, застигнутые врасплохъ, начали отступать, потому что конницы было много. Тогда маіоръ Улановичъ выслалъ бѣгомъ 9-ю роту, съ поручикомъ Станкевичемъ, и полуроту 8-й роты, съ поручикомъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Зноско-Боровскимъ. Роты подбѣжали вовремя, и отбили натискъ башибузуковъ, удалившихся къ Кизилъ-тапѣ. Исполнивъ свое дѣло, 8-я и 9-я роты присоединились къ баталіону, а имеретинцы вошли въ Башъ-Кадыкляръ.

По слухамъ, Его Императорское Высочество Главнокомандующій арміею долженъ былъ прибыть въ тотъ день въ лагерь, къ двумъ часамъ пополудни. Къ ставкѣ Великаго Князя, заблаговременно приготовленной, приказали собраться всѣмъ начальникамъ частей и баталіоннымъ командирамъ. Въ почетный караулъ назначили 7-ю роту нашего полка, со знаменемъ, подъ командою командующаго ротою лейбъ-гвардіи измайловскаго полка штабсъ-капитана Кушелева. Въ три часа получено извѣстіе,

что Главнокомандующій въ лагерь не будетъ. Собравшіеся начальники разошлись по мѣстамъ, а караулъ отпустили.

Относительно полка ничего положительнаго не было извѣстно, такъ какъ на 14-е число не послѣдовало никакихъ приказаній. Думали, однако, что полкъ не останется въ Огуалы, на томъ основаніи, что находившіяся на Караялѣ роты къ намъ не присоединились, и не дѣлалось никакихъ распоряженій насчетъ продовольствія людей. 15-го августа, опять ожидали пріѣзда Главнокомандующаго, но Его Высочество вновь не прибылъ. Части провели день на бивакѣ, подъ открытымъ небомъ. Къ вечеру, поднялся сильный вѣтеръ, и пошелъ дождь. Генералъ Шатиловъ потребовалъ отъ нашего полка два баталіона, для занятія деревни Байрахтаръ. Требованіе это было наложено въ запискѣ слѣдующаго содержанія:

«Экстренно. Командиру тифлисскаго гренадерскаго полка. По приказанію командира дѣйствующаго корпуса, съ полученіемъ сего, имѣете направить два баталіона вѣреннаго вамъ полка въ Байрахтаръ налегкахъ, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Генералъ-лейтенантъ Шатиловъ. 1½ пополудни, 15-го августа, 1877-го года».

Такъ какъ баталіонамъ не назначили проводниковъ, то командиръ полка послалъ за ними въ штабъ, откуда вскорѣ была получена записка такого рода:

«Полковнику Ридигеру, командиру тифлисскаго полка. Начальникъ штаба полковникъ Малама приказалъ мнѣ довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія, что проводниковъ ни одного нѣтъ. Слѣдуетъ идти на Учъ-тапу; первая по пути деревня Байрахтаръ. Штабсъ-капитанъ Шатиловъ. 15-го августа, 3 часа. Сел. Огуалы».

Не получивъ проводниковъ, командиръ полка поставленъ былъ въ необходимость нанять ихъ на свой счетъ, чтобы избавить баталіоны отъ безполезныхъ блужданій. Въ Байрахтаръ отправлены были 3-й и 4-й баталіоны, подъ командою маіора Улановича. Подъ вечеръ, командиръ корпуса производилъ рекогносцировку и посѣтилъ бивакъ. Въ это время офицеры наши были поражены грустнымъ извѣстіемъ: маіоръ Григорій Гавриловичъ Суликовъ, пользовавшійся отъ раны въ александропольскомъ военномъ госпиталѣ, 14-го авгу-

ста скончался. Утрата эта для полка была незамѣнима. Мало того, что Суликовъ былъ хорошій баталіонный командиръ для военнаго времени, онъ еще зарекомендовалъ себя выдающимся боевымъ человѣкомъ, какъ по храбрости, такъ и по распорядительности. Это былъ уже шестой товарищъ, котораго мы потеряли послѣ Зивина. Въ сумерки получилось приказаніе, чтобы тифлисскій полкъ прибылъ въ лагерь при Кюрюкъ-Дара. Выступивъ безъ замедленія, полкъ, къ десяти часамъ ночи, явился въ Кюрюкъ-Дара и расположился въ лагерѣ, разбитомъ на старомъ мѣстѣ. По прибытіи, полковникъ Ридигеръ пошелъ явиться къ начальнику дивизіи и засталъ у него генерала Геймана. Василій Александровичъ, увидѣвъ входящаго Ридигера, встрѣтилъ его словами: «экіе молодцы, какъ скоро пришли. Надо дать знать корпусному командиру, а то онъ безпокоится». Видимо, опасались, что лагерь у Кюрюкъ-Дара былъ недостаточно силенъ на случай атаки турокъ.

16-го августа, съ утра, стало извѣстно, что Главнокомандующій лично вступилъ въ командованіе дѣйствующими войсками. Съ Его Высочествомъ прибыли: генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, генералъ-лейтенанты Обручевъ и Павловъ. Вечеромъ, послѣдовало распоряженіе о занятіи Караяла тифлисскимъ и мингрельскимъ полками.

17-го августа, утромъ, полкъ занялъ эту гору. Для указанія ему мѣста прибылъ генеральнаго штаба капитанъ Чарковскій, который, впрочемъ, сдѣлалъ распоряженіе въ общихъ чертахъ. Такъ какъ этого было недостаточно, то полковникъ Ридигеръ расположилъ полкъ по своему усмотрѣнію, и генералъ Геймана вполнѣ это одобрилъ и оставилъ безъ измѣненія. Тотчасъ приступлено было къ укрѣпленію горы. Работа производилась вдвойнѣ, такъ какъ каменныя батареи и траншеи приходилось передѣлывать и перестроивать на земляныя. Предполагалось гору Караялъ обнести сплошною линіею укрѣпленій; слѣдовательно, работы предстояло много. 18-го августа, весь день работали пятьсотъ человѣкъ, укрѣпленій настроили множество.

Командиръ полка разставилъ баталіоны въ такомъ порядкѣ, что каждая рота расположилась за тѣмъ участкомъ траншеи, кото-

рый ей приходилось оборонять. Распредѣленіе участковъ и мѣры охраненія ихъ были указаны въ особомъ приказѣ по полку (69).

Такимъ образомъ, охраненіе Караяла было организовано строго и весьма раціонально. Въ каждомъ участкѣ были дежурные офицеры и фельдфебеля. Днемъ, на командующихъ высотахъ выставлялись наблюдательные посты, подъ начальствомъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ, обязанныхъ доносить о малѣйшемъ движеніи противника. Ночью, части, составлявшія резервъ, спали въ аммуниціи, внѣ палатокъ. Если же къ этому прибавить очередные караулы къ ставкѣ Главнокомандующаго и корпусной квартирѣ, затѣмъ, часовыхъ у знаменъ, ординарцевъ, вѣстовыхъ, дневальныхъ, ходившихъ по ночамъ съ ружьями, то и выйдетъ на повѣрку, что въ палаткахъ спало весьма немного нижнихъ чиновъ.

Разумѣется, всѣ указанія, поименованныя въ приказѣ, исполнялись педантически-точно. Еженочно, командиръ полка объѣзжалъ аванпосты и повѣрялъ секреты; тоже дѣлали и начальники участковъ. Въ продолженіи ночи полковникъ Ридигеръ находился обыкновенно при третьемъ баталіонѣ, гдѣ имѣлъ палатку. Около нея былъ устроенъ походный телеграфъ и обсерваторія, снабженная прекраснымъ телескопомъ. При такихъ мѣрахъ, конечно, не могло произойти ни оплошности, ни путаницы: каждый зналъ свое мѣсто, зналъ, что ему дѣлать въ случаѣ внезапной тревоги.

Однако, подобная тягостная служба не могла не вліять на здоровье солдатъ. Не имѣя полушубковъ, они сильно зябли, въ особенности, на аванпостахъ, и наживали всякія болѣзни, которыя, впрочемъ, не миновали и офицеровъ. Къ этому присоединилось еще новое горе: вблизи полка не было воды. Инженеры пробовали вырыть колодцы, да такъ и не вырыли, и нижнимъ чинамъ приходилось ходить за водою версты за четыре; полкъ же могъ доставлять воду только для варки пищи. Каждый день ея привозили на роту по четыре бочки, и только остатки раздавали людямъ. Кромѣ того, ротнымъ командирамъ строжайше было предписано—имѣть постоянно въ запасѣ бочку воды на роту. Значитъ, одну бочку вовсе нельзя было трогать. Стирка бѣлья встрѣчала тоже большія затрудненія: людей посылали командами—полоскать бѣлье въ хо-

лодной водѣ. Бани не было вовсе. Словомъ, какъ этотъ карайльскій лагерь, такъ и бывшій когалинскій, достаточно-таки повліяли на силы людей и подготовили хорошую почву для послѣдующихъ болѣзней, опустошившихъ полкъ. Къ 18-му августа, въ полку произошла маленькая перемѣна: подполковникъ Лорисъ-Меликовъ и капитанъ князь Макаевъ отправлены въ госпиталь; командованіе вторымъ баталіономъ поручено капитану Борковскому, который, вслѣдствіе этого, сдалъ 6-ю роту поручику Печковскому, а 3-ю роту, Макаева, принялъ поручикъ Кретковскій. Въ тотъ же день Главнокомандующій изволилъ объѣзжать всю гору и войска и благодарилъ ихъ за кизилъ-тапинское сраженіе. Вечеромъ, Его Высочество раздавалъ и навѣшивалъ нижнимъ чинамъ кресты: въ полкъ, за 6-е августа выданъ былъ одинъ крестъ, а за 13-е—тридцать четыре: сверхъ того, приказано было представить за 6-е августа шесть, а за 13-е еще пятьдесять шесть человѣкъ. О представленіи къ наградамъ офицеровъ также сдѣлано было распоряженіе.

19-го августа, вечеромъ, полковникъ Ридигеръ представилъ Его Императорскому Высочеству, въ главной квартирѣ, фельдфебеля Игната Скибу, раненаго подъ Зивиномъ въ грудь навылетъ и къ 12-му августа уже выписавшагося изъ госпиталя. Врачи назначили его въ неспособные—о чемъ и состоялся приказъ по полку. Но когда началось дѣло 13-го августа, Скиба не выдержалъ и отправился въ бой впереди всѣхъ. Кромѣ Скибы, явилось изъ госпиталя ещё двѣнадцать нижнихъ чиновъ, и хотя имъ назначили отдыхъ, но большинство изъ нихъ, по собственной волѣ, участвовало въ сраженіи 13-го августа. Въ числѣ ихъ обращаетъ на себя вниманіе рядовой Никита Куценко. Ему дано было три дня отдыха. Несмотря на это, онъ пристроился къ ротѣ, участвовалъ въ бою на Кизилъ-танѣ и получилъ сквозную рану пулею въ правую ступню. Куценко за это награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени.

При представленіи Скибы, Его Высочество обнялъ его, расцѣловалъ и сразу навѣсилъ ему два креста: за Зивинъ 3-й, а за Кизилъ-тапу—2-й степени. Затѣмъ, Главнокомандующій послалъ его на свою кухню—обѣдать. Въ это время въ полку было уже

три золотыхъ креста. Они пожалованы были, черезъ степень, за Зивинъ, фельдфебелямъ: 11-й роты—Малиновскому и 12-й—Походенкѣ. О награжденіи ихъ управлявшій Сулимовъ послалъ лично Главнокомандующаго.

Возвратившись изъ главной квартиры, полковникъ Ридигеръ получилъ телеграмму и записку. Записка была отъ начальника штаба дивизіи слѣдующаго содержанія: «получено извѣстіе, что войска непріятеля наступаютъ на отрядъ генерала Девеля. Командующій корпусомъ приказалъ людямъ быть готовыми, но оставаться на мѣстѣ; артилеріи же имѣть лошадей обмундштученныхъ какъ можно скорѣе. Маіору Кабенину сейчасъ сообщу». Телеграмма же отъ генерала Геймана такого рода: «Кюрюкъ-Дара, 19-го августа, 10-ть часовъ, 35-ть минутъ пополудни. Тифлисскій полкъ, полковнику Ридигеру. У генерала Девели была сейчасъ стычка на аванпостахъ. Въ случаѣ тревоги, у него будутъ пущены три ракеты; мы ихъ, пожалуй, не увидимъ, поэтому прикажите смотрѣть, и чемъ дайте знать». Словомъ, предосторожности принимались со всею предусмотрительностью, тогда какъ теперь Караялъ былъ въ совершенной безопасности: на немъ стоялъ полкъ и двѣ батареи, у подножія же—мингрельцы, тоже съ артилеріей; а не болѣе всего недѣли назадъ—мы не думали даже о самоокапываніи и занимали Караялъ лишь двумя ротами.

20-го августа, мы, наконецъ, прочитали слѣдующій приказъ Главнокомандующаго: «прибывъ сего числа къ главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса, Я принимаю на Себя непосредственное руководство военными дѣйствіями и направленіе военныхъ предпріятій войскъ, этотъ корпусъ составляющихъ,—оставляя на обязанности командующаго корпусомъ, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, всѣ распоряженія по выполненію Моихъ указаній». Того же числа предписано было уменьшить дачу сухарей съ двухъ до одного и трехъ четвертей фунта, такъ какъ, при двухъ-фунтовой мясной порціи, люди не съѣдали всѣхъ сухарей. Интенданту арміи приказано представить Главнокомандующему соображенія о порядкѣ и размѣрѣ денежной или иной замѣны войскамъ, убавляемой имъ четверти фунта сухарей. Въ приказѣ же по главнымъ силамъ дѣй-

ствующаго корпуса объявлено было: «общій вагенбургъ съ провіантомъ и другими складами переводить изъ Кюрюкъ-Дара въ селеніе Пирвали, на Карсъ-чай. Сообщеніе обоихъ отрядовъ съ Александрополемъ будетъ установлено черезъ это селеніе». Въ теченіи дня безостановочно производились усиленныя саперныя работы. Вечеромъ, командиръ полка опять получилъ телеграмму отъ генерала Геймана, изъ Кюрюкъ-Дара, такого содержанія: «вся непріятельская кавалерія сосредоточена между большими и малыми Ягны; вѣроятно, къ утру нападутъ на правый или лѣвый флангъ первой гренадерской бригады. Будьте осторожны. Сообщите Эдергольму». Ночью, однако, турки не потревожили никого. Въ этомъ родѣ прошли и остальные дни августа, не ознаменовавшись ничѣмъ особеннымъ.

Съ двадцать третьяго числа, начали пріѣзжать молодые офицеры, выпущенные изъ московскаго юнкерскаго училища и произведенные Высочайшимъ приказомъ отъ 16-го іюля изъ портупей-юнкеровъ въ прапорщики. Они прибывали разновременно, и были распредѣляемы поротно; но, вслѣдствіе убыли во время сраженій, ихъ приходилось переводить изъ одной роты въ другую,— такъ, что нѣтъ и необходимости именовать здѣсь тѣ роты, въ которыя они первоначально были зачислены (70).

26-го августа, по случаю дня священнаго коронованія Его Величества, въ Бозѣ почившаго Государя Императора, въ девять часовъ утра, состоялся церковный парадъ и молебствіе—въ дивизіонной походной церкви кавказской гренадерской дивизіи. Во время провозглашенія многолѣтія, была произведена пальба изъ орудій. Въ пять часовъ пополудни, потребованы были въ главную квартиру офицеры, представленные къ наградамъ за 13-е іюня и 13-е августа. Они собрались къ ставкѣ Главнокомандующаго, находившейся у подножія горы Кара-гуаз, гдѣ помѣщался и корпусный штабъ. Его Императорское Высочество изволилъ лично раздавать награды, благосклонно обращаясь ко многимъ офицерамъ съ вопросами (71).

30-го августа, по случаю тезоименитства Его Императорскаго Величества, днемъ отслужено было молебствіе, и со-

стоялся церковный парадъ.

Перваго сентября, съ разсвѣтомъ, съ Кизилъ-тапы и Инахъ-тепеси раздались пушечные выстрѣлы. Въ туманѣ, съ трудомъ различались массы войскъ, двигавшіяся около развалинъ города Ани, на которыя направлены были выстрѣлы. Впослѣдствіи оказалось, что генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ производилъ рекогносцировку праваго фланга турецкихъ позицій. Но и безъ рекогносцировки видно было съ Карапа, что турки отлично поняли значеніе Инахъ-тепеси и Кизилъ-тапы, и вслѣдствіе этого превратили ихъ въ сильныя укрѣпленія. Съ нашей стороны противовѣсомъ правому флангу непріятельской позиціи служила гора Учъ-тапа, приведенная также въ оборонительное положеніе, занятая батареей и довольно значительною частью пѣхоты. Лѣвый флангъ турецкой позиціи защищаемъ былъ двумя горами—большими и малыми Ягны, покрытыми траншеями; въ особенности, послѣдняя была хорошо приспособлена къ оборонѣ. Если прибавить къ нимъ, безчисленныя укрѣпленія Аладжи, а въ центрѣ гору Авліаръ, затѣмъ—Визинъ-кей и на лѣвомъ флангѣ—Карсъ, то прійдется убѣдиться, что турки владѣли такими позиціями, которыя не всякая война можетъ предоставить воюющимъ сторонамъ.

Стрѣльба, на которую мы отвѣчали съ Учъ-тапы, продолжалась не особенно долго; около девяти часовъ водворилась тишина.

2-го сентября, было объявлено объ отправленіи прикомандированныхъ гвардейскихъ офицеровъ къ своимъ частямъ. Имъ предписывалось сдать роты, на законномъ основаніи, слѣдующимъ лицамъ: 5-ю—поручику грузинскаго полка Турабойскому, 7-ю—штабсъ-капитану тенгинскаго полка Маіорову, 9-ю и 10-ю—поручикамъ мингрельскаго полка Магалову и Туласву. Вечеромъ, генералъ Гейманъ сообщилъ командиру полка телеграммою, что турки усилили аванпосты и подвели къ нимъ пѣхоту. Хотя это сообщалось изъ предосторожности, но мы и безъ того были очень осторожны.

3-го сентября, приказомъ по полку, гвардейскіе офицеры исключены изъ списковъ. Тифлисцы провожали ихъ съ грустью, потому что свыклись съ ними и сдружились; они оставили по себѣ

самое пріятное воспоминаніе.

4-го сентября, турецкіе высшіе начальники производили рекогносцировку нашихъ позицій. Со стороны Суботана выѣхали непріятельскія кавалерійскія части и завязали съ нашими аванпостами перестрѣлку. Генералъ Гейманъ немедленно прибылъ на обсерваціонный пунктъ. Между тѣмъ, резервы нашихъ передовыхъ постовъ развернулись, и казаки, повидимому, хотѣли броситься въ атаку, но генералъ Гейманъ велѣлъ начальнику кавалеріи генералъ-маіору князю Щербатову—остановить стремленіе казаковъ. Да и кстати, потому что турецкая кавалерія, послѣ непродолжительной перестрѣлки, отступила въ свой лагерь.

Наконецъ, начала постепенно прибывать изъ Россіи первая гренадерская дивизія, и кавказскіе гренадеры, соотвѣтственно нумерамъ полковъ, рѣшили встрѣтить своихъ гостей. Тифлисцамъ предстояло встрѣчать перновцевъ. Съ утра, 5-го сентября, послѣ ранняго обѣда, всѣ ротные котлы свезены были къ подножію Карайла, и кашевары немедля приступили къ стряпнѣ. Нижнимъ чинамъ перновскаго полка рѣшено было предложить чарку водки, щи съ капустой, фунтъ мяса и гречневую кашу. Для встрѣчи офицеровъ, въ мѣстѣ расположенія третьяго баталіона разбиты были палаточные навѣсы, и устроены изъ дерна столы и скамейки. Сервировано было на сто сорокъ человѣкъ. Закуски и вино доставлены были заблаговременно изъ Александрополя. Въ сумерки, начали собираться гости. Среди нихъ были генералы: Гейманъ, Соловьевъ и Денъ. Перновскихъ офицеровъ привезли на Карайлъ въ нашихъ полковыхъ фургонахъ, а нижнихъ чиновъ привели, безъ ружей. Офицерскій обѣдъ, состоявшій изъ пяти блюдъ, начался около семи часовъ вечера и продолжался до полуночи.

6-го сентября, прибылъ генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ, назначенный Высочайшимъ приказомъ, въ 28-й день іюля, командиромъ 2-й бригады. Въ это время всѣ заботы старшихъ начальниковъ были направлены къ обезпеченію войскъ на зимнее время. Между прочимъ, предписано было ротнымъ командирамъ пріобрѣсти на ротныя средства для нижнихъ чиновъ теплыя шерстяныя портянки. Командующій корпусомъ предложилъ частямъ чрезвычай-

по важную мѣру, а именно: треть наличныхъ полушубковъ считать негодною и взамѣнъ ея получить деньги. По расчету, на этотъ предметъ полку причиталось болѣе шести тысячъ рублей. На совѣщаніи у корпуснаго интенданта генералъ-маіора Бобохова, цѣна полушубка опредѣлена въ пять рублей восемьдесятъ копѣекъ, а цѣна топлива—восемьдесятъ пять рублей за трехполѣнную сажень дровъ.

11-го сентября, командиръ полка, находясь на обсерваціонномъ пунктѣ, получилъ телеграмму отъ генерала Геймана о томъ, не замѣтно ли какого нибудь движенія со стороны турокъ. Но турки сидѣли въ своихъ окопахъ смирно, и объ этомъ было донесено генералу. 12-го сентября, почью, заложена была батарея противъ Кизилъ-тапы. Работы производились подъ руководствомъ генерала Геймана. Въ числѣ частей, ихъ прикрывавшихъ, былъ и 1-й баталіонъ тифлисцевъ. Непріятель только утромъ замѣтилъ наши новыя сооруженія и открылъ по нимъ огонь. Къ вечеру, прибылъ послѣдній эшелонъ 1-й гренадерской дивизіи. Такимъ образомъ, главныя силы дѣйствующаго корпуса возрасли до того размѣра, при которомъ онѣ значительно превышали силы непріятеля.

14-го сентября, почью, заложены были наши еще новыя батареи—подъ прикрытіемъ втораго баталіона тифлисцевъ и баталіона мингрельцевъ. Хотя было совершенно свѣтло и тихо, но непріятель не тревожилъ работъ. Около двухъ часовъ пополуночи, второй баталіонъ вернулся въ лагерь. Въ теченіи трехъ послѣдующихъ безтревожныхъ дней, въ войскахъ носился слухъ, что въ главной квартирѣ происходили совѣщанія относительно наступательныхъ дѣйствій. Новость эта передавалась съ особенною радостью, потому что бездѣйствіе, тяжелая служба и, въ особенности, недостатокъ воды, сильно всѣхъ истомили. Притомъ, фуражъ истощился, и лошадей кормить было нечѣмъ; за всѣми жизненными припасами приходилось ѣздить въ Александрополь, а тамъ скупщики-кулаки страшно набивали цѣны: въ городѣ пудъ сѣна стоилъ пятьдесятъ копѣекъ, пудъ ячменя—рубль двадцать копѣекъ.

Вечеромъ, 18-го сентября, генералъ Геймана телеграммою сообщилъ, для свѣдѣнія, что «съ западной и восточной сторонъ Ки-

зилъ-тапы нашими командами охотниковъ будутъ произведены тревоги непріятельскаго лагеря». Для тифлисцевъ это предупрежденіе и его результаты были безслѣдны.

ГЛАВА IX.

Выступленіе съ Карайза. Сраженіе 20-го сентября у горы малые Ягны. Неудачный для насъ исходъ его и потери полка. Трудная ночь. Приведеніе въ оборонительное положеніе горы Кабахъ-тапа. Артилерійское дѣло 22-го сентября. Передвиженіе полка къ Суботану. Сраженіе 1-го октября на горѣ большіе Ягны и у ея подножія. (Прилагается планъ № 5-й).

Слухи о совѣщаніяхъ, происходившихъ въ главной квартирѣ, не были вымышлены, хотя результаты совѣщаній содержались втайнѣ. Еслибы даже не было и этихъ слуховъ, то, по ходу обстоятельствъ, слѣдовало судить, что вскорѣ будутъ предприняты рѣшительныя дѣйствія. Однако, навѣрное объ этомъ никто не зналъ: даже для начальниковъ отдѣльныхъ частей, какъ напримѣръ—командировъ полковъ, все совершавшееся было секретомъ. Они думали, предугадывали, но обстоятельно ничего не знали, что можно видѣть изъ слѣдующаго приказа по полку на 19-е сентября, предусматривавшаго, но не рѣшавшаго вопросъ дня:

«Въ виду могущаго быть выступленія полка налегкахъ, предписываю, гг. ротнымъ командирамъ непремѣнно завтра же озаботиться о томъ, чтобы каждый нижній чинъ имѣлъ въ готовности, вмѣстѣ съ четырехдневнымъ запасомъ сухарей, и соль—не менѣе какъ на пять дней, и небольшое количество чаю, сахару, крупъ и сала. Предметы эти, особенно соль и чай, необходимо имѣть потому, что движеніе можетъ быть предпринято безъ ротныхъ котловъ, и слѣдовательно, прійдется, въ теченіи двухъ-трехъ дней, быть безъ горячей пищи. Тѣ изъ упомянутыхъ продуктовъ, которыхъ почему либо нѣтъ въ ротахъ налицо, предписываю немедленно пріобрѣсти покупкою». Послѣднее распоряженіе исполнено было ротами въ

тотъ же день, т. е. 19-го сентября. Приказъ этотъ далъ поводъ думать, что отрядъ выступитъ на ночь; однако, никакой диспозиціи не присылали. Въ десять часовъ утра, командиръ полка отправилъ въ штабъ жалованнаго офицера штабсъ-капитана Жонгаловича—за полученіемъ приказаній. Начальникъ штаба генерала Геймана, полковникъ Радзишевскій, передалъ черезъ Жонгаловича, что частнымъ начальникамъ будетъ скоро разослана письменная диспозиція. Не получивъ диспозиціи до двѣнадцати часовъ, полковникъ Ридигеръ самъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія на случай движенія полка. Онъ велѣлъ пораньше роздать ужинъ, разобрать сухари, запастись вареннымъ мясомъ, приготовить бочки съ водою—по двѣ на баталіонъ, прицѣпить къ поясамъ шанцевый инструментъ, снести и уложить ранцы въ одно мѣсто. Лагеря же снимать не приказано.

Часа въ четыре пополудни, получены были, наконецъ, краткія свѣдѣнія о выступленіи, тотчасъ же объявленныя въ приказѣ по полку (72). Но все же никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій не сообщили. Тогда командиръ полка снова послалъ въ отрядную квартиру штабсъ-капитана Жонгаловича, и на этотъ разъ послѣдній привезъ словесное приказаніе отъ генералъ-маіора графа Граббе, чтобы полку прибыть въ шесть часовъ вечера къ лагерю перновцевъ, гдѣ и ожидать приказаній.

Въ указанное время, полкъ двинулся по назначенію; но такъ какъ идти было далеко, то онъ прибылъ къ лагерю перновцевъ только въ семь съ половиною часовъ. Полкъ здѣсь остановился и составилъ ружья, такъ какъ прочія войска колонны генерала графа Граббе не были еще готовы къ выступленію. Нижніе чины расположились отдыхать, а офицеры собрались въ отдѣльныя группы и тихо стали напѣвать разныя пѣсни. Больше другихъ изощрялся поручикъ Снѣжковъ, на другой день убитый наповалъ. Легко можетъ быть, что своею, такъ сказать, лебединою пѣснью онъ хотѣлъ заглушить какое-то мрачное предчувствіе, которое, дѣйствительно, овладѣло имъ еще наканунѣ, 18-го сентября.

Полкъ простоялъ на мѣстѣ до девяти часовъ; затѣмъ, отрядъ тронулся. Тифлисцы шли позади перновцевъ, въ колоннахъ изъ середины рядами; между полками слѣдовала артилерія. Ночь была

темная, но мракъ не мѣшалъ движенію колоннъ, совершившихъ ночной переходъ весьма успѣшно. Въ три часа утра полкъ прибылъ къ горѣ Кабахъ-тапа, гдѣ данъ былъ большой привалъ. Колонна графа Граббе состояла изъ перновскаго и тифлисскаго гренадерскихъ полковъ, небольшой части кавалеріи и двадцати четырехъ орудій. Послѣ привала, войска тронулись и на разсвѣтѣ подошли къ горѣ малые Ягны, гдѣ стоялъ уже отрядъ генерала Комарова, долженствовавшій дѣйствовать съ нами, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Роопа.

Вскорѣ турецкія батареи открыли по насъ огонь. Наша артилерія, выѣхавъ на позицію, не замедлила отвѣтомъ; тифлисцы составляли резервъ и вторую линію; начало дѣйствій принадлежало перновскому гренадерскому полку. Войдя въ сферу выстрѣловъ, тифлисцы немедленно перестроились поротно въ двѣ линіи; перновцы сдѣлали тоже и приготовились къ атакѣ малыхъ Ягны, выславъ впередъ густыя цѣпи стрѣлковъ. Баталіоны нашего полка расположились вблизи другъ друга—за исключеніемъ 10-й и 11-й ротъ, оставленныхъ для прикрытія перевязочнаго пункта—и стояли на мѣстѣ около получаса. При полку находился генералъ Роопъ. Вскорѣ впереди насъ закипѣла сильная перестрѣлка, и дѣло стало съ перваго же шага настолько серьезнымъ, что вызвало необходимость послать нашъ первый баталіонъ на поддержку перновцевъ, подошедшихъ къ горѣ довольно близко. Одновременно съ этимъ, закипѣлъ тоже сильный бой и правѣе малыхъ Ягны, гдѣ баталіоны генерала Комарова, смѣшавшись съ перновцами, наткнулись на большія силы турокъ. Обстоятельство это вынудило генерала Комарова просить помощи. Генералъ Роопъ приказалъ полковнику Ридигеру направить туда одинъ баталіонъ; но, при этомъ, обратясь къ посланному, добавилъ: «скажите генералу Комарову, что буду очень скупъ на свой резервъ».

Полковникъ Ридигеръ приказалъ идти третьему баталіону, и маіоръ Улановичъ повелъ его по направленію выстрѣловъ. За нѣсколько мгновеній до начала движенія третьяго баталіона, 4-я и 5-я роты, построенныя поротно въ двѣ линіи, вслѣдствіе дурно понятаго приказанія, выдвинулись чрезвычайно быстро впередъ и

очутились совершенно неожиданно въ виду турокъ, въ крайне рискованномъ положеніи. Командовавшій вторымъ баталіономъ, находясь при ротахъ второй линіи и видя, что передніе роты слишкомъ увлеклись, вынужденъ былъ по необходимости поддержать смѣлое наступленіе ротъ, и для этого двинулъ вторую линію. Такимъ образомъ, весь второй баталіонъ перешелъ въ наступленіе.

Во время движенія третьяго баталіона, къ маіору Улановичу подъѣхалъ графъ Граббе и приказалъ поспѣшить, такъ какъ непріятель обходитъ нашъ правый флангъ. Третій же баталіонъ уже находился подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Видя, что баталіонъ слишкомъ растянулся, маіоръ Улановичъ началъ стягивать роты, пріостановясь за возвышенностью, вблизи 4-й и 5-й ротъ втораго баталіона, бывшихъ впереди, за гребнемъ. Поручики Снѣжковъ и Гаушъ сообщили, что передъ ними видны массы турокъ. Маіоръ Улановичъ, въѣхавъ на бугоръ, сразу обнаружилъ расположеніе непріятеля: турки занимали командующую высоту, имѣя въ первой линіи четыре развернутыхъ части и между ними четыре орудія; во второй же линіи у нихъ было нѣсколько сомкнутыхъ колоннъ, а въ третьей стояла кавалерія. Маіоръ Улановичъ сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе для атаки горы. Шести ротамъ: 4-й, 5-й, 7-й, 9-й, 3-й стрѣлковой и 12-й приказано наступать съ фронта, 8-й же ротѣ — ударить во флангъ слѣва. При этихъ ротахъ находилась полковая охотничья команда. Роты мгновенно бросились на бугоръ и очутились лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Турки, повидимому, готовились встрѣтить атаку. Они держали «на руку», махали ружьями и кричали «алла!» Но атака всѣми ротами была произведена дружно, стремительно, молодецки. Однако, часть турокъ, не взирая на нее, тоже бросилась впередъ и, тутъ же наткнулась на горсть людей, подъ командою подпоручика Акинфіева, зарвавшихся впередъ. Акинфіевъ, конечно, поплатился бы дорого; но въ этотъ моментъ другая горсть молодцовъ, подъ начальствомъ удалаго фельдфебеля Скибы, внезапно ударила наступавшимъ туркамъ во флангъ. Одна только 8-я рота, подъ начальствомъ поручика Станкевича, не приняла участія въ атакѣ, увлекшись турецкимъ резервомъ и наступая прямо на него. Отъ этого, фронтъ ея слишкомъ растянулся. Видя

это, маіоръ Улановичъ поскакалъ на лѣвый флангъ, чтобы приблизить 8-ю роту къ общей линіи, и въ это время подъ нимъ была убита лошадь.

Наступленіе всѣхъ ротъ было такъ стремительно, что непріятельскія войска, находившіяся у подножія малыхъ Ягны, начали отступать; передніе же линіи буквально побѣжали. Это еще больше подзадорило нашихъ солдатъ, и ихъ рѣшительно нельзя было остановить: турки валились десятками; ихъ били не только пулями, но штыками и прикладами. Тутъ отчасти повторилась ардаганская бойня. Погоня за бѣжавшими продолжалась болѣе полуверсты, и только энергическія распоряженія начальниковъ остановили разгорячившихся солдатъ, всетаки продолжавшихъ стрѣльбу. Но, къ удивленію, вдругъ турки опомнились: устроились, собрались въ колонны и перешли къ наступленію. Сознавая серьезность данной минуты и видя растянутое положеніе ротъ, маіоръ Улановичъ приказалъ капитану Афанасьеву, сидѣвшему на лошади, поскорѣе собирать людей къ центру, т. е. къ занятой возвышенности. Капитанъ Афанасьевъ обскакалъ всю линію, смыкая роты. Тѣмъ временемъ, атакующихъ турокъ отбили залпами поручики Снѣжковъ и Магаловъ, съ своими 4-й и 9-й ротами. Послѣ этого, непріятель снова разсыпался и открылъ бѣглый огонь. Вотъ тутъ-то именно и былъ убитъ пулею наповалъ поручикъ Снѣжковъ.

Командиръ полка, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Комаровымъ, слѣдилъ съ бугра за лихой атакой семи ротъ тифлисцевъ. Генералъ Комаровъ очень безпокоился, чтобы роты не зашли слишкомъ далеко и не наткнулись бы на карскій гарнизонъ. Вслѣдствіе этого, къ маіору Улановичу поспѣшно направили штабсъ-капитана Жонгаловича, съ приказаніемъ—немедленно отступить.

Одновременно съ описанными дѣйствіями семи ротъ и охотниковъ, 6-я и 2-я стрѣлковыя роты спѣшили къ нимъ на помощь. Вслѣдствіе волнистой мѣстности, роты эти немного отстали. Взойдя же на возвышенность, откуда видна была штыковая свалка и бѣгство турокъ, 6-я и 2-я стрѣлковыя роты прибавили шагъ и быстро приблизились къ цѣпи шаговъ на шестьсотъ. Въ это время раздался крикъ «стой!» повторенный многими голосами; роты останови-

лись. Черезъ нѣсколько мгновеній, къ командующему баталіономъ подскакалъ графъ Граббе и съ неудовольствіемъ спросилъ, кто ему позволилъ атаковать. Капитанъ Борковскій отвѣчалъ, что обстоятельства боя вынудили предпринять атаку. Тогда графъ строго приказалъ оставаться на мѣстѣ и ни на шагъ не двигаться впередъ. «Ваше назначеніе, добавилъ онъ, оберегать правый флангъ нашего расположенія отъ карской вылазки. Прошу стоять на мѣстѣ, и если васъ атакуютъ, соберу все, что у меня найдется подъ рукою, и пришлю вамъ на помощь. Эти же роты я сейчасъ верну назадъ». Графъ еще разъ настоятельно повторилъ приказаніе—оставаться на мѣстѣ; затѣмъ, послалъ ординарца къ маіору Улановичу, а самъ поскакалъ налѣво.

Въ разгарѣ боя никто не предполагалъ, что блистательная атака семи ротъ и охотниковъ направлена была именно противъ карской вылазки. Это обнаружилось лишь тогда, когда карскій гарнизонъ сталъ отступать къ крѣпости, куда вскорѣ и скрылся. Непріятель оставилъ на позиціи только четыре орудія, подъ прикрытіемъ башi-бузуковъ. Одновременно съ пѣхотой, правѣе дѣйствовала наша кавалерія. Турки пробовали было открыть по атакующимъ огонь съ Карадага, но снаряды дальнобойныхъ орудій не долетали шаговъ на 300—500.

Получивъ приказаніе, переданное штабсъ-капитаномъ Жонгаловичемъ о томъ, чтобы отступить, маіоръ Улановичъ сталъ отводить роты уступами. Люди, по дорогѣ, забирали своихъ убитыхъ и раненыхъ. Поле сраженія буквально усѣяно было турецкими трупами. Мѣстами приходилось шагать черезъ кучи тѣлъ. Блестящая атака маіора Улановича парализовала дѣйствія карскаго гарнизона, понесшаго громадныя потери и не принимавшаго больше участія въ бою. Отважный подвигъ семи ротъ и охотниковъ заслуживаетъ особаго уваженія. Между тѣмъ, чтобы принять на себя отступающихъ, приказано было разсыпаться всей 6-й ротѣ. Вскорѣ отступающіе достигли цѣпи, устроились за нею и улеглись. Второй баталіонъ расположился вблизи цѣпи, а третій нѣсколько сзади его. Башi-бузуки же не замедлили усѣять все поле, завязавъ перестрѣлку съ 6-й ротой. Въ такомъ положеніи два баталіона оставались

вплоть до отступленія. Многіе нижніе чины относили своихъ раненыхъ товарищей на перевязочный пунктъ и, къ чести ихъ сказать, всѣ вернулись назадъ, на свои мѣста.

Когда первый баталіонъ, будучи въ началѣ сраженія введенъ въ боевую линію, подходилъ къ резервамъ перновскаго полка, то къ командующему баталіономъ, капитану Гагемейстеру, подъѣхалъ графъ Граббе и, указывая рукою пунктъ атаки—фасъ, обращенный къ Карсу—приказалъ держаться за резервами перновскаго полка какъ можно ближе. Первый баталіонъ былъ тотчасъ развернутъ и, имѣя въ передней линіи 3-ю линейную и 1-ю стрѣлковую роты, подошелъ къ линіи перновскаго полка, остановился и открылъ огонь. Тутъ, къ капитану Гагемейстеру подъѣхалъ командиръ перновскаго полка, полковникъ Бѣлинскій, и предупредивъ, что скоро начнется атака, просилъ поддержать ее. Дѣйствительно, перновцы двинулись впередъ; но ихъ встрѣтили такимъ адскимъ огнемъ, что они, равно какъ и первый баталіонъ тифлисцевъ, вынуждены были залечь за скалистымъ бугромъ. Вообще, дѣйствія нашего лѣваго фланга были нерѣшительныя и не принесли пользы, хотя убыль оказалась значительною.

Было время, когда генералу Комарову, распоряжавшемуся всѣмъ, казалось, что турки отступаютъ и даже свозятъ орудія съ горы. Подумать же это можно было потому, что непріятельскій огонь сильно ослабѣлъ, и на малыхъ Ягны происходила суета. Тогда генералъ Комаровъ выдвинулъ впередъ двѣ батареи, которыя—и въ особенности, батарея полковника Мусхелова—вынеслись впередъ, остановились не дальше четырехсотъ саженей отъ непріятельской позиціи и засыпали гору снарядами. Почти одновременно съ налетомъ батарей, позади горы послышались крики «ура». Это были грузинцы, которые, въ свою очередь, штурмовали малые Ягны съ противуположной стороны, но мы ихъ, конечно, видѣть не могли. Капитанъ Гагемейстеръ, предполагая, что начинается общая атака, повелъ баталіонъ впередъ и, подойдя къ горѣ шаговъ на полтораста, вынужденъ былъ остановиться, потому что остальныя войска лежали на своихъ мѣстахъ. Вслѣдъ за этимъ, князь Эристовъ, командиръ полтавскаго полка, бросился съ полусотней въ атаку на

турецкій лагерь, расположенный по скату горы. За казаками кинулся также генералъ-маіоръ Арцу Чермоевъ, съ дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ. Атака эта была исполнена съ замѣчательной неустрашимостью: наша кавалерія мигомъ ворвалась въ непріятельскій лагерь; но и турки не зѣвали и встрѣтили ее страшнымъ огнемъ. Минута эта могла быть рѣшительною: турки видимо колебались, тѣмъ болѣе, что на малые Ягны уже сыпались снаряды съ другой стороны, т. е. съ батарей, оставшихся свободными послѣ взятія большихъ Ягны. Къ несчастію, у насъ не было ни одной сомкнутой части, кромѣ 10-й и 11-й ротъ тифлисцевъ, охранявшихъ перевязочный пунктъ.

Съ той минуты, когда 1-й баталіонъ подошелъ такъ близко къ горѣ, перновцы стали передвигаться вправо, куда послѣдовала также 3-я рота тифлисскаго полка. Остальныя роты 1-го баталіона капитанъ Гагемейстеръ отодвинулъ назадъ, чтобы избѣжать безполезнаго урона и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрыть артилерію, дѣйствовавшую такъ блестяще по малымъ Ягны. Первый баталіонъ расположился за надежными закрытіями и въ такомъ положеніи оставался до конца сраженія.

Во второй линіи у насъ находилась только одна 4-я стрѣлковая рота. Впослѣдствіи, къ ней присоединили 12-ю роту капитана Афанасьева и охотниковъ. Часамъ къ двумъ, 4-я стрѣлковая и 12-я роты подвинуты были къ артилерійской позиціи. Но вскорѣ 4-ю стрѣлковую роту пришлось послать для прикрытія праваго фланга 3-й батареи 39-й артилерійской бригады, полковника Мусхелова, вынесшейся впередъ для поддержанія кавалерійской атаки Эристова и Чермоева. Командиръ 4-й стрѣлковой роты штабсъ-капитанъ Сагиновъ разсыпалъ свою роту правѣе артилеріи и такимъ образомъ ему пришлось подставить свой флангъ подъ непріятельскіе выстрѣлы, потому что правѣе стрѣлковой роты вблизи никого не было. Позиція 2-го и 3-го баталіоновъ находилась сзади 4-й стрѣлковой роты и гораздо правѣе. Для усиленія 4-й стрѣлковой роты вытребована была изъ резерва 10-я рота, но поручикъ Туласъ не успѣлъ принять участія въ бою, значительно опоздавъ.

Въ два часа, штабсъ-капитанъ Сагиновъ былъ раненъ въ пра-

вую ногу, но строя не оставилъ. Около трехъ часовъ пополудни, ясно было, что штурмъ горы не состоится. По всей боевой линіи гремѣла безполезная ружейная перестрѣлка и артилерійская канонада. Около четырехъ часовъ, на нашемъ правомъ флангѣ случился довольно интересный эпизодъ: баши-бузуки, перестрѣливаясь съ 6-й ротой, незамѣтно стали прокрадываться лощиной къ намъ въ тылъ. За вторымъ и третьимъ баталіонами, но только гораздо лѣвѣе, у подножія бугра, стояли наши патронные фургоны. Вотъ этотъ пунктъ и послужилъ приманкой для турецкой кавалеріи. Находившійся при обозѣ офицеръ по вооруженію, поручикъ Никитинъ, вовремя замѣтилъ движеніе турокъ и, собравъ людей, пришедшихъ за полученіемъ патроновъ, отбилъ ихъ. Впрочемъ, еслибы Никитинъ и не предусмотрѣлъ наступленія баши-бузуковъ, то имъ всетаки не удалось бы принести обозу какой либо вредъ, такъ какъ ихъ замѣтили командующій 2-мъ баталіономъ и командиръ батареи полковникъ Калакуцкій, не замедлившій пустить въ непрошеныхъ гостей двѣ или три гранаты.

Около пяти часовъ, командиръ полка получилъ приказаніе отъ генералъ-маіора графа Граббе—вывести изъ боя правый флангъ; самъ же графъ поѣхалъ для этой же надобности на лѣвый флангъ. Подъѣхавъ къ 3-му и 2-му баталіонамъ, полковникъ Ридигеръ сдѣлалъ распоряженіе относительно отступленія. Баталіоны эти, не сворачиваясь въ колонны, повернули кругомъ, затѣмъ, пройдя нѣкоторое разстояніе, зашли лѣвымъ плечомъ и вскорѣ выбрались изъ сферы выстрѣловъ, построились въ колонны изъ середины и составили ружья въ козлы.

Не такъ счастливо отступили 12-я и 4-я стрѣлковая роты, потому что, по приказанію командира полка, онѣ безпрестанно останавливались для прикрытія артилеріи, отступавшей вмѣстѣ съ ними. Во время отступленія, командиръ 4-й стрѣлковой роты штабсъ-капитанъ Сагиновъ былъ снова раненъ въ лѣвую ногу. Онъ упалъ и уже не могъ идти безъ посторонней помощи. Увидѣвъ прапорщика Декабрилевича, штабсъ-капитанъ Сагиновъ сдалъ ему командованіе ротой. Охотники, подъ командою подпоручика Невѣровскаго, 12-я рота капитана Афанасьева и правѣе ея 4-я стрѣлковая рота

отступали рядомъ, прикрывая артилерію. Первый баталіонъ, съ батареею, оставался на позиціи до сумерокъ. Хотя командиръ полка посылалъ ему нѣсколько приказаній объ отступленіи, но онъ, не будучи въ состояніи, при наступившихъ сумеркахъ, быстро собраться, потому что смѣшался съ перновцами и пятигорцами, которые, подобно ему, имѣли бѣлые околыши, значительно запоздалъ. Эти одноцвѣтные околыши даже и днемъ, во время сраженія, затрудняли всѣхъ въ распознаваніи полковъ; въ особенности, различить было трудно тифлисцевъ и перновцевъ, у которыхъ были одни и тѣ же желтые погоны. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда капитанъ Гагемейстеръ собралъ, наконецъ, баталіонъ. Не зная, гдѣ полкъ, онъ пошелъ наудачу, по направленію одной изъ свѣтившихся группъ огня. Подойдя къ предвзятому мѣсту, онъ увидѣлъ, что этотъ огонь происходилъ отъ горѣвшей травы; тогда онъ направился къ другимъ огнямъ—и тутъ только присоединился къ полку. Это было въ одиннадцать часовъ ночи.

Люди ничего не ѣли и не пили; всю ночь постукивали котелки, потому что жажда томила,—однако, нигдѣ не слышно было ни упрека, ни жалобъ. Въ этой безропотности вполнѣ сказался покорный и послушный русскій солдатъ.

Бой подъ горою малые Ягны выхватилъ изъ рядовъ полка порядочное-таки число жертвъ. Убито: одинъ офицеръ и двадцать пять нижнихъ чиновъ; ранено: четырнадцать офицеровъ и двѣсти сорокъ пять нижнихъ чиновъ (72). Общая же потеря была громадная: убито 9 и ранено 60 офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито 1,000 и ранено 2,000 человѣкъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, насчитывали тогда участники сраженія. Въ сравненіи съ нашими потерями, результаты дня были ничтожны и ограничились лишь взятіемъ штурмомъ большихъ Ягны. Атака же противъ Суботапа, гдѣ дѣйствовалъ генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ съ мингрельцами, и обходъ генерала Шелковникова, съ нѣсколькими баталіонами, праваго фланга турокъ оказались безуспѣшными. Ночью, генералъ-маіоръ Комаровъ ушелъ съ своей колонной въ Паргетъ; часть нашей артилеріи отправилась на Карапхъ.

Въ сраженіи полкъ выпустилъ 52,656 ружейныхъ и 246

револьверныхъ патроновъ. Составъ полка въ день сраженія былъ 2,587 человѣкъ. За это дѣло розданы были кресты—по пяти въ каждую роту; 10-я и 11-я и охотничья команда получили по три креста.

Ночью, войска праваго фланга были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: на Кабахъ-тапѣ—тифлисцы, перновцы, 3-я батарея 39-й артилерійской бригады и нѣсколько сотенъ казаковъ. Большіе Ягны занималъ отрядъ генерала Геймана, палатка котораго виднѣлась у подножія горы.

Холодная ночь съ 20-го на 21-е сентября, проведенная нижними чинами на сырой землѣ, безъ палатокъ, лишила ихъ сна и покоя; начальниковъ же, задолго до разсвѣта, поднялъ на ноги пріѣздъ командующаго корпусомъ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ прибылъ вмѣстѣ съ генералами Обручевымъ и Роопомъ. При зажженной свѣчѣ, которую принесъ имъ командиръ полка, они разложили карту на барабанѣ и о чемъ-то совѣщались съ особенною серьезностью. По окончаніи бесѣды, командующій корпусомъ лично приказалъ полковнику Ридигеру—двинуть на разсвѣтѣ свой полкъ на ту сторону Кабахъ-тапы, лицомъ къ турецкому лагерю, и немедленно окопаться. Такимъ образомъ, восходящее солнце застало всѣхъ на ногахъ.

Между тѣмъ, воды все же не было; ее приходилось возить изъ Паргета, почти за восемь верстъ.

Въ шестомъ часу утра, 21-го сентября, полкъ двинулся съ бивака. Обойдя гору слѣва, въ виду турецкихъ позицій, онъ вытянулся въ промежуткѣ между большими Ягны и Авліаромъ и тотчасъ приступилъ къ работамъ. Правѣе тифлисцевъ прошелъ изъ Паргета генералъ-маіоръ Комаровъ, съ своимъ отрядомъ, который тоже началъ окапываться.

Вскорѣ на полковыхъ и подъемныхъ лошадяхъ, еле передвигавшихъ ноги, привезли въ бочкахъ воду съ Караяла и изъ Паргета.

Пока все это происходило въ раіонѣ нашего расположенія, на лѣвомъ флангѣ, у Кизилъ-тапы и Учь-тацы, въ десять часовъ утра опять загорѣлся бой. Около часа пополудни, пріѣхалъ генералъ Обручевъ и, приблизившись къ командиру полка, сообщилъ ему, что

надо выбрать другую позицію, чтобы этимъ вопервыхъ, отвлечь часть турокъ отъ отряда генерала Лазарева, атаковаинаго на лѣвомъ флангѣ, у дер. Огузлы, и вовторыхъ, уменьшить промежутокъ въ боевой линіи между нами, у Кабахъ-тапы, и войсками, расположенными у Караяла. По поводу этого, генералъ Обручевъ и полковникъ Ридигеръ поѣхали вновь отъ Кабахъ-тапы и вскорѣ нашли удобную позицію—фронтомъ къ Суботану и Хаджи-Вали, на которую генералъ Обручевъ велѣлъ перевести полкъ и сейчасъ же окопаться. Мѣста для окоповъ указаны были командиромъ полка, а укрѣпленія офицеры разбили сами. Нижніе чины работали весь день и большую часть ночи—безъ помощи саперъ, и въ теченіи этого времени устроили стрѣлковые ложементы и углубленную батарею на восемь орудій.

Въ сумерки, на лѣвомъ флангѣ бой утихъ. На правомъ же флангѣ всю ночь происходило отступленіе съ большихъ Ягны за Кабахъ-тапу. Для обозначенія дороги между этими горами выставлена была шпалерами кавалерійская цѣпь. Ее разставилъ генеральнаго штаба поручикъ Зборовскій. Генералъ Обручевъ всю ночь провелъ на Кабахъ-тапѣ, пропуская проходившія войска. Во время этого передвиженія, къ намъ прибыли двѣ батареи: 1-я батарея 1-й гренадерской артилерійской бригады—полковника Писарева, и 4-я батарея 39-й артилерійской бригады—полковника Барановича. На разсвѣтѣ, первая изъ нихъ стала въ устроенной нами углубленной батареѣ, а вторая—правѣе ея, на скатѣ.

Всю ночь войска были настороже и почти не спали, ожидая нападенія непріятеля. Уже другой день люди были безъ горячей пищи, на однихъ сухаряхъ, и почти безъ воды, такъ какъ подвозъ ея на полковыхъ лошадяхъ происходилъ очень медленно. Ближайшая вода была въ Паргетѣ, отъ насъ въ восьми верстахъ, и потомъ на Караялѣ, въ двѣнадцати верстахъ. Едва ли каждому солдату доставалось больше двухъ стакановъ воды въ день. А днемъ, между тѣмъ, было жарко. До какой степени жажда томила всѣхъ, и въ тоже время капля воды считалась драгоцѣнною, видно изъ того, что когда на утро привезли воду, то солдаты, несмотря на всю покорность своей долѣ, брали ее положительно съ боя, и трудно было при раздачѣ установить какой нибудь порядокъ.

Устроенные нами ложементы заняты были 3-мъ и 4-мъ баталіонами; 1-й же и 2-й баталіоны стали въ резервѣ, расположившись въ лощинѣ, параллельной непріятельскому фронту.

Наступило хорошее, ясное утро; погода была отличная. Передъ нами стояла турецкая пѣхота, съ артилеріею, и разъѣзжали башн-бузуки. По нимъ изъ цѣпи было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но наши пули не долетали. Увидя это, маіоръ Улановичъ приказалъ цѣлиться черезъ верхній обрѣзъ прицѣла и верхнее кольцо. Тогда выстрѣлы оказались дѣйствительнѣе. Батареи также завязали дѣло съ башн-бузуками, и они видимо поколебались; но за то, турецкая артилерія стала отвѣчать энергично и засыпала насъ снарядами. 1-й и 2-й баталіоны, съ мѣста развернувшись поротно, отошли въ болѣе безопасное мѣсто и тамъ залегли. Непріятельскія же орудія били на громадное разстояніе, и снаряды перелетали даже Кабахъ-тапу. До какой степени былъ силенъ этотъ огонь, можно судить изъ того, что въ каждыя пять минутъ выпускаемо было отъ двадцати трехъ до двадцати восьми гранатъ. А такъ какъ бой длился съ полудня до четырехъ съ половиною часовъ вечера, то, слѣдовательно, въ общей сложности мы получили около 1,200 снарядовъ. Вскорѣ цѣпь и резервы 4-го баталіона, вслѣдствіе дурно понятаго приказанія, бросили ложементы и стали отступать. Командиръ полка послалъ штабсъ-капитана Жонгаловича, съ приказаніемъ—возвратить отступавшія части въ окопы. Штабсъ-капитанъ Жонгаловичъ, проскакавъ подъ выстрѣлами двухъ нашихъ батарей, возвратилъ роты 4-го баталіона на прежнее мѣсто.

Около трехъ часовъ, турки разсыпали цѣпь и сдѣлали видъ, будто переходятъ въ наступленіе. Цѣпь эта подошла къ нашимъ ложементамъ шаговъ на шестьсотъ и залегла въ балкѣ; непріятельскіе же резервы остались далеко сзади. Тутъ батареи наши приняли турокъ такимъ мѣткимъ огнемъ, что они въ безпорядкѣ бросились назадъ. Не безъ смѣха приходилось наблюдать, какъ они долго выбирали направленіе, по которому бы имъ безопаснѣе бѣжать. А тѣмъ временемъ, наша артилерія и стрѣлки зорко слѣдили за ними, и лишь только тамъ или сямъ показывалась турецкая цѣпь—туда же сейчасъ и направляли учащенный огонь. Перепробовавъ такимъ обра-

зомъ всѣ выходы, турки вдругъ выскочили изъ прикрывавшей ихъ балки и пустились вразсыпную, не разбирая, куда глаза глядятъ.

Противъ нашего праваго фланга непріятель тоже производилъ демонстраціи, все подвигаясь впередъ. Противъ него дѣйствовалъ тифлисскій полкъ и нѣсколько ротъ севастопольскаго полка; позади же мы никого не видѣли. Послѣ четырехъ часовъ пополудни, орудійная и ружейная стрѣльба замѣтно ослабѣли. Во время боя, къ отряду генерала Геймана, стоявшему за Кабахъ-тапою, пріѣхалъ Главнокомандующій, осмотрѣлъ полки и повернулъ на Карапалъ, гдѣ главная квартира находилась все на прежнемъ мѣстѣ. Къ пяти часамъ бой прекратился. Турки отошли немного назадъ, а мы остались на занятыхъ позиціяхъ.

Командиръ полка предполагалъ баталіоны 1-й линіи смѣнить баталіонами второй линіи, но маіоръ Улановичъ испросилъ разрѣшеніе его баталіону остаться на томъ же мѣстѣ. Послѣ этого, и 4-й баталіонъ былъ оставленъ въ первой линіи. Первые же два баталіона къ вечеру спустились въ свою лощину.

Несмотря на количество выпущенныхъ снарядовъ и градъ пуль, сыпавшихся на ложементы, потери наши были ничтожны. Это нужно отнести, съ одной стороны, къ предохраненію, которое принесли окопы, а съ другой—къ распорядительности начальниковъ, порядку и спокойствію войскъ во время боя. Послѣдніе два баталіона полка потеряли одного убитаго и пять раненыхъ нижнихъ чиновъ. Изъ нихъ, два человѣка задѣты осколками снарядовъ. Первый и второй баталіоны урона не имѣли: гранаты не долетали или перелетали черезъ нихъ, и только всего одна граната разорвалась вблизи 4-й роты, но не причинила вреда. 3-й и 4-й баталіоны истратили 13,464 ружейныхъ патрона. Полкъ былъ въ составѣ 2,461 человѣка. У артилеристовъ убитъ одинъ нижній чинъ.

Опять люди третій день оставались безъ горячей пищи; хорошо еще, что была вода, подвозившаяся въ бочкахъ даже во время боя.

Ночь прошла спокойно, хотя всѣ были настороже. Рано утромъ, на Кабахъ-тапу пріѣхалъ командующій корпусомъ, собралъ

всѣхъ начальниковъ и отдалъ приказанія относительно размѣщенія на занятыхъ позиціяхъ. Нашей бригадѣ приказали стоять лагеремъ на Кабахъ-тапѣ, укрѣпивъ ее сколь возможно. Къ колоннѣ нашей придали двѣ роты саперъ, 1-й стрѣлковый баталіонъ, 2-ю и 4-ю батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады. Генералъ Комаровъ отступилъ къ Паргету и расположился тамъ лагеремъ. Начальникомъ позиціи на Кабахъ-тапѣ назначенъ былъ командиръ нашей бригады генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ. Нѣсколько верстъ лѣвѣе насъ, впереди Карапла, стояла 1-я бригада кавказскихъ гренадеръ: общее начальство надъ этими войсками возложено было на генерала Геймана. 1-я гренадерская дивизія расположилась между Карапломъ и Палдыраномъ. Отрядъ генерала Лазарева остался на прежнемъ мѣстѣ, лѣвѣе первой кавказской гренадерской бригады. Кавалерію распредѣлили по отрядамъ.

Всѣ тяжести полка были перевезены съ Карапла на Кабахъ-тапу, не исключая и палатокъ. Это было сдѣлать не трудно, но очень трудно было возить воду изъ Кюрюкъ-Дара и Паргета. Вечеромъ, покормили, наконецъ, людей горячею пищею. Лагерь разбили такимъ образомъ, чтобы всѣмъ было близко къ назначеннымъ для обороны участкамъ. 1-й баталіонъ сталъ впереди для обороны лѣваго фланга, 2-й и 3-й баталіоны поставлены за Кабахъ-тапой и лѣвѣе ея. На обязанность ихъ возложили, въ случаѣ наступленія турокъ, быстро подняться на гору. Самую гору заняла 4-я батарея кавказской гренадерской артилерійской бригады. Правѣе горы сталъ 1-й стрѣлковый баталіонъ и мингрельцы, съ 2-й батареей той же бригады. На ночь высланы были на аванпосты по три роты изъ полка. Началась опять трудная служба, такъ какъ въ тоже время не переставали возводить укрѣпленія. Для разбивки ихъ прибылъ генералъ Герберъ. 24-го сентября, съ утра, работа закипѣла. По расположенію укрѣпленій, правый флангъ нашъ сдѣлался очень силенъ; но еслибы турки атаковали лѣвый, т. е. промежутокъ отъ шести до семи верстъ, находившійся между нами и 1-й бригадой, то было бы весьма опасно, тѣмъ болѣе, что аванпосты наши не сходились, а между нами оставался интервалъ, охраняемый весьма слабо. Въ этотъ же день къ намъ прислали военно-походный телеграфъ.

25-го сентября, часовъ въ девять утра, потребовали отъ насъ экстренно списки нижнимъ чинамъ, представляемымъ къ георгіевскимъ крестамъ. Работа была очень сложная: надо было присудить кресты правильно и въ особенности, не забыть раненыхъ. Дѣло-это вышло тѣмъ болѣе хлопотливымъ, что приказано было, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ представляемыхъ привести къ четыремъ часамъ на Караялъ, гдѣ Главнокомандующій желалъ лично раздавать награды. Отъ полка представлено было 79-ть человѣкъ, изъ числа которыхъ сорокъ нижнихъ чиновъ было ранено въ послѣднихъ двухъ сраженіяхъ.

26-го сентября, работы продолжались. Вечеромъ, видно было какое-то особенное оживленіе въ турецкомъ лагерѣ, гдѣ горѣло много огней. Казалось, что тамъ предпринималось что-то серьезное. Многіе дѣлали предположеніе, что турки или перемѣняютъ лагерь, или отступаютъ. Догадки эти имѣли видъ вѣроятія, потому что видны были огни на аладжинскихъ высотахъ такъ высоко, какъ прежде ихъ никогда не случалось видѣть.

27-го сентября, съ ранняго утра, нельзя было разсмотрѣть, что случилось въ турецкомъ лагерѣ, хотя и казалось, что будто Кизилъ-тапа очищена, и непріятель поднялся выше, на Аладжу. Недолго мы оставались въ недоумѣніи, потому что вскорѣ на линіи Суботанъ-Хаджи-Вали загорѣлся бой. Слышна была сильная орудійная и ружейная пальба. Всѣ войска, кромѣ насъ, были двинуты впередъ, такъ какъ турки, дѣйствительно, очистили большіе Ягны, Кизилъ-тапу, Суботанъ и Хаджи-Вали. Весь бой выдержала 1-я бригада нашей дивизіи, которая заняла турецкіе окопы, пройдя Суботанъ, и стала на ружейный выстрѣлъ отъ турокъ. Около Хаджи-Вали расположилась кавалерія. Часа въ четыре пополудни, отъ насъ потребовали къ Суботану мингрельцевъ. Большіе Ягны заняли наши двѣ роты. Не безъ радости смотрѣли мы на все это. Ясно было видно, что непріятель находится въ затруднительномъ положеніи. Войска сознавали, что насталъ, наконецъ, рѣшительный часъ.

28-го сентября, мы ждали передвиженій, но никакихъ приказаній не приходило. Однако, приказали отправить всѣ лишнія тяжести къ Караялу, не исключая и палатокъ. Оставлены были

только ротныя кухни, по одному офицерскому фургону, лазаретныя кареты и патронные фургоны. Ранцы тоже остались на людяхъ. Рано утромъ получено приказаніе—передвинуть насъ и 3-й баталіонъ пятигорцевъ къ большимъ Ягны. Наше мѣсто у Кабахъ-тапы заняли перновцы, подъ начальствомъ графа Граббе. Генералъ Комаровъ, съ своимъ отрядомъ, выступилъ въ Ардаганъ.

На своей новой позиціи мы стали бивакомъ, но недолго на ней простояли. За большими Ягны началась перестрѣлка. Оренбургскіе казаки прилетѣли къ намъ съ самыми зловѣщими извѣстіями. По ихъ словамъ, турки, наступая большими массами, уже поднимались на большіе Ягны. Вскорѣ мы увидѣли, что къ Ягны направлена была почти вся наша кавалерія, а затѣмъ, и намъ приказали двинуться на поддержку ея. Генералъ фонъ-Шакъ повелъ насъ впередъ, но остановилъ внѣ выстрѣловъ съ большихъ Ягны до разъясненія дѣла, что и не замедлило случиться: оказалось, что турки отправляли какія-то тяжести въ Карсъ, прикрывая ихъ пѣхотой, которая, изъ предосторожности, выслала къ сторонѣ нашихъ аванпостовъ боковую цѣпь. Цѣпь эта только прикрывала транспортъ отъ нечаяннаго нападенія и двигалась параллельно транспорту. Завидя казачьи аванпосты, цѣпь завязала съ ними перестрѣлку; казаки же приняли это за наступленіе турокъ. Когда все объяснилось, кавалерія пошла домой, а мы отправились на свой бивакъ, который, благодаря наступавшей уже темнотѣ, съ большимъ трудомъ отыскали. Не успѣли мы снова расположиться на отдыхъ, какъ пришло новое приказаніе—идти тифлисскому полку на соединеніе съ остальными полками кавказской гренадерской дивизіи у Суботана. Пятигорцамъ же велѣно идти на Кабахъ-тапу, гдѣ смѣнить оставшійся тамъ нашъ 2-й баталіонъ и прислать его вслѣдъ за нами къ Суботану. Когда мы выступили, ночь стояла темная; было уже девять часовъ вечера. Не имѣя проводниковъ, не легко было добраться по назначенію,—однако, мы смѣло пошли впередъ. Съ нами двигалась 2-я батарея 21-й артилерійской бригады, подполковника Химшіева. Ходу было отъ восьми до десяти верстъ; но мы, вѣроятно, прошли нѣсколько больше, благодаря темнотѣ и необходимости отыскивать дорогу, которую, между прочимъ, такъ и не

отыскали. Все время мы держались направленія на суботанскіе огни, которые, вслѣдствіе изгибовъ мѣстности, то появлялись, то исчезали. Послѣ полуночи добрались мы до бивака у Суботана и наткнулись прямо на мингрельцевъ. Около часа мы стояли на мѣстѣ, пока удалось найти въ темнотѣ палатку генерала Геймана и получить отъ него указанія, гдѣ стать. Велѣно было стать правѣе мингрельцевъ, именно тамъ, гдѣ насъ застало это приказаніе. Такимъ образомъ, наша бригада у самой деревни Суботанъ составила резервъ 1-й бригады нашей дивизіи, расположенной впереди насъ, лицомъ къ лицу съ турками. Усталые люди, ничего не ѣвшіе въ теченіи дня, несмотря на холодъ, заснули, какъ убитые; не позаботились даже развести огонь, для котораго можно было достать лѣсъ изъ брошеннаго турками Суботана. Тутъ только мы узнали объ обходномъ движеніи генерала Лазарева къ орловскимъ высотамъ. Это и заставило насъ съ часа на часъ ждать чего нибудь рѣшительнаго.

29-го сентября, утромъ, пришелъ пѣшкомъ на нашъ бивакъ генералъ Гейманъ и лично передалъ генералу фонъ-Шаку приказаніе—перейти съ бригадою, 5-й и 6-й батареями кавказской гренадерской артилерійской бригады и съ 3-й батареей 39-й бригады на позицію къ большимъ Ягны; однимъ баталіономъ тотчасъ же по приходѣ занять вершину Ягны, а для другаго баталіона и четырехъ орудій завтра же построить редутъ у подножія горы, къ сторонѣ Авліара. Кромѣ того, въ теченіи сутокъ держать въ резервѣ, поближе къ обоимъ баталіонамъ, еще одинъ баталіонъ. Всѣмъ названнымъ частямъ бригады приходилось быть подъ выстрѣлами съ Авліара, визинкейскихъ высотъ и малыхъ Ягны; остальныя же становились внѣ выстрѣловъ.

Передавъ это приказаніе, генералъ Гейманъ пожелалъ поздороваться съ полкомъ, котораго онъ не видѣлъ съ 18-го сентября. Приказано стать за ружьями; генералъ прошелъ вдоль фронта, чрезвычайно ласково привѣтствовалъ нижнихъ чиновъ, шутилъ съ ними и приказывалъ отдыхать. Уходя, онъ сказалъ передъ фронтомъ командиру полка: «просто, не налюбуешься на вашихъ тифлисцевъ! Какіе они всѣ красивые—даромъ, что ихъ больше всѣхъ

мотаютъ». Такое признаніе, высказанное во всеуслышаніе постояннымъ свидѣтелемъ тяжелыхъ трудовъ полка, было очень пріятно слышать.

Выступленіемъ къ Ягны насъ не торопили, такъ какъ туда надо было придти не позже сумерокъ. Въ виду этого, мы успѣли сварить людямъ горячую пищу и до разсвѣта ихъ накормили. Въ это же время отобраны были всѣ ранцы и отправлены въ Караялъ, къ прочимъ полковымъ тяжестямъ. Подвезли сухарей, которыми запаслись на нѣсколько дней. Благодаря близости брошеннаго турками Суботана, мы поживились дровами, саманомъ и даже ячменемъ—словомъ, разбогатѣли.

Передъ сумерками, мы перешли на новую позицію и стали вертахъ въ трехъ отъ больщихъ Ягны, впереди кавалерійскаго лагеря, расположеннаго на высотѣ селенія Хаджи-Вали. Одинъ баталіонъ мингрельцевъ тотчасъ же былъ отправленъ на вершину горы; всѣ остальныя войска расположились бивакомъ. Намъ всѣмъ казалось, что мы пришли не надолго, поэтому никто не разбивалъ палатки. Впрочемъ, оно и не мудрено: уже давно мы забыли объ удобствахъ и походномъ комфортѣ.

Утромъ, 30-го сентября, генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ, съ полковникомъ Зеземаномъ, производили рекогносцировку непріятельской позиціи по направленію къ Авліару и визинкейскимъ высотамъ, съ цѣлью выбрать у подножія б. Ягны мѣсто для редута, который предполагалось построить въ слѣдующую ночь. Рекогносцирующихъ прикрывали два баталіона мингрельцевъ, тифлисскій же полкъ оставался на бивакѣ. Наконецъ-то мы успѣли отдохнуть и вдоволь напиться воды, потому что за нею ходили недалеко, всего только къ Хаджи-Вали. Передъ вечеромъ, командиръ полка потребовалъ къ себѣ командующаго вторымъ баталіономъ капитана Борковскаго. Послѣдній засталъ полковника Ридигера въ разговорѣ съ маіоромъ Улановичемъ, который, получивъ приказанія о предстоящемъ въ этотъ день выступленіи, ушелъ. Обратясь къ капитану Борковскому, командиръ полка сказалъ, что ночью у горы б. Ягны саперы будутъ строить редутъ; въ прикрытіе же работъ назначается 2-й баталіонъ, почему людямъ необходимо пораньше

отужинать и приготовиться къ выступленію. Затѣмъ, командующему баталіономъ сдѣланы были подробныя указанія относительно часа выступленія, порядка слѣдованія и возвращенія обратно на бивакъ. По смыслу полученныхъ приказаній, баталіонъ обязанъ былъ, по окончаніи работъ, дождаться мингрельцевъ, и послѣ того уже присоединиться къ полку. Кромѣ словесныхъ распоряженій, обязанности 2-го и 3-го баталіоновъ опредѣлены были приказомъ по полку на 30-е сентября, въ которомъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: «завтра, на гору большіе Ягны назначается третій баталіонъ въ полномъ составѣ. Баталіону заранѣе поужинать и къ шести часамъ быть готовымъ къ выступленію. Людямъ имѣть въ манеркахъ воду и по фунту мяса въ карманѣ. На ночь, завтрашняго числа, для прикрытія саперныхъ работъ назначается второй баталіонъ, которому поужинать заранѣе и въ сумерки выступить на мѣсто работъ, по указанію сапернаго офицера».

Передъ сумерками, часовъ около шести, на бивакъ тифлисскаго полка пришли двѣ роты 1-го сапернаго баталіона, съ которыми второй баталіонъ и выступилъ по назначенію. Третій же баталіонъ выступилъ нѣсколько позже, около семи часовъ. Вскорѣ второй баталіонъ, имѣя впереди саперъ, подошелъ къ кавалерійскимъ аванпостамъ. Начальнику передовыхъ постовъ приказано было прикрыть пѣхоту, ставъ впереди горы б. Ягны. Дѣйствительно, казаки начали обгонять пѣхоту, подвигаясь впередъ. Несмотря на полнѣйшую темноту, саперы безъ затрудненія и замедленія отыскали мѣсто, предназначенное для постройки редута, и тотчасъ же принялись за дѣло. Капитанъ Борковскій выдвинулъ баталіонъ на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ, лично слѣдя за разстановкой сторожевой цѣпи, въ которую выслано было по взводу отъ каждой роты; на заставахъ роты имѣли по два взвода и по одному въ главномъ караулѣ. Передъ цѣпью заложены были секреты, и у подножія бугровъ выставлены наблюдательные посты. Цѣпь стала около работающихъ полукругомъ.

Когда поставлено было послѣднее правофланговое звено, въ сторонѣ Визинъ-кея послышался сдержанный говоръ и незначительный шумъ. Такъ какъ впереди предполагались казачьи аванпосты, то

это не могло внушить никакого опасенія. Однако, командующій 2-мъ баталіономъ всетаки послалъ два патруля—узнать причину шума и убѣдиться, есть ли впереди кавалерія. Послѣ получаса патрульные вернулись, донеся, что они наткнулись на кавалерійскій разъѣздъ.

Около одиннадцати часовъ пріѣхалъ полковникъ Зеземанъ и, осмотрѣвъ аванпосты, нашелъ ихъ разставленными совершенно правильно. Потомъ, онъ лично провѣрилъ разбивку укрѣпленія. Къ двумъ часамъ пополуночи редутъ былъ готовъ. Саперы сейчасъ же ушли, а тифлисцы, по приказанію полковника Зеземана, заняли редутъ, такъ какъ баталіонъ мингрельцевъ еще не прибылъ. Весь второй баталіонъ вошелъ въ укрѣпленіе; на всѣхъ углахъ его выставлены были наблюдательные посты. Расположившись въ укрѣпленіи, люди понемногу стали засыпать. Командующій баталіономъ не спалъ: повременамъ онъ посылалъ патрули и повѣрялъ посты. Кругомъ тишина была полная; не слышалось ни малѣйшаго подозрительнаго шороха. Зная, что впереди есть кавалерія, второй баталіонъ могъ считать себя внѣ всякой опасности.

По прошествіи двухъ часовъ, глубокой уже ночью, постовые доложили, что со стороны нашего бивака слышно явственно движеніе. По указанному направленію посланы были тотчасъ же патрули. Имъ поручено пробраться ползкомъ и узнать, въ чемъ дѣло. Вскорѣ патрульные вернулись съ донесеніемъ, что къ намъ идетъ смѣна. Тогда сейчасъ тифлисцы очистили редутъ и черезъ нѣсколько минутъ сдали его третьему баталіону мингрельцевъ, прибывшему съ дивизіономъ 5-й батареи, подъ командою маіора Рейтера.

Второй баталіонъ тифлисцевъ собирался въ колонну изъ середины, выстраиваясь на площадкѣ позади редута. Капитанъ Борковскій, передавъ маіору Рейтеру сдачу, и видя, что весь баталіонъ вышелъ изъ укрѣпленія, приказалъ повѣрить расчетъ, потребовалъ лошадь и уже хотѣлъ садиться, чтобы вести баталіонъ на бивакъ— какъ вдругъ, съ той стороны большихъ Ягны, которая была не видна баталіону, стоявшему у подошвы, послышалась ружейная пальба, доносившаяся довольно отчетливо. Такъ какъ всѣ были увѣрены, что впереди есть казачьи посты, то предположили, что наши каза-

ки схватились съ турецкими разъѣздами. Однако, стрѣльба все усиливалась: съ горы ясно послышались залпы и бѣглый ружейный огонь. Всѣ недоумѣвали, что это могло бы значить. Очевидно, дѣло разгоралось серьезное. Чтобы выяснить его, капитанъ Борковскій послалъ немедля по два надежныхъ человѣка отъ каждой роты — узнать, что дѣлается впереди. Маіоръ Рейтеръ направилъ бинокль на гору и, несмотря на темноту, при блескѣ выстрѣловъ замѣтилъ красныя непріятельскія фески. Немедля ни минуты, Рейтеръ приказалъ открыть огонь и выкатилъ изъ редута два орудія. Второму же баталіону тифлисцевъ, спустившемуся въ лощину, не было видно, что дѣлается на горѣ.

Въ это время къ командующему 2-мъ баталіономъ подошелъ баталіонный адъютантъ мингрельскаго полка, прапорщикъ Руденко, и передалъ просьбу маіора Рейтера, чтобы тифлисцы остались. Капитанъ Борковскій отвѣтилъ, что до разъясненія обстоятельствъ баталіонъ не уйдетъ, и, въ случаѣ надобности, поддержитъ мингрельцевъ.

Вскорѣ, изъ числа людей, посланныхъ на развѣдку, явился 6-й роты унтеръ-офицеръ Виньковскій и сообщилъ, что массы турокъ атакуютъ большіе Ягны. Тутъ ужъ не было сомнѣнія, что атакованъ 3-й баталіонъ тифлисцевъ, и случилось это слѣдующимъ образомъ: третій баталіонъ выступилъ изъ лагеря въ семь часовъ и, не встрѣтивъ нигдѣ кавалерійской цѣпи, пришелъ на большіе Ягны часовъ въ десять. Тамъ онъ смѣнилъ баталіонъ мингрельцевъ — маіора Джандіерова, находившійся на Ягны съ утра. Турки въ теченіе дня обстрѣливали гору съ Авліара, Визинъ-кея и малыхъ Ягны — вѣроятно, съ цѣлью опредѣлить точное разстояніе. Третій баталіонъ расположился въ слѣдующемъ порядкѣ: въ траншеяхъ залегли полуроты отъ всего баталіона, 7-я — лицомъ къ малымъ Ягны, 8-я и 9-я — противъ Визинъ-кея, 3-я стрѣлковая — фронтомъ къ Авліару, соединивъ свой флангъ съ сосѣдней ротой. Такимъ образомъ, гору окружили почти сплошнымъ вѣнцомъ цѣпей. Резервныя полуроты собраны были въ лощинѣ, въ центрѣ вершины горы. Когда ушли мингрельцы, маіоръ Улановичъ осмотрѣлъ траншеи и ложементы, построенныя турками, и тогда уже расположилъ людей

въ вышеуказанномъ порядкѣ. Разстановка производилась подъ личнымъ наблюденіемъ командира баталіона, приказавшаго отъ всѣхъ ротъ выслать внизъ по два поста. Каждый постъ состоялъ изъ четырехъ рядовыхъ и одного расторопнаго унтеръ-офицера.

Около одиннадцати часовъ, маіоръ Улановичъ обошелъ траншеи, повѣряя бдительность нижнихъ линовъ; они заявили ему, что у подошвы горы замѣтны конные разъѣзды. Повѣрка людей обнаружила, что многіе изъ нихъ, отъ утомленія, уже спали, поэтому, маіоръ Улановичъ рѣшилъ—каждый часъ замѣнять передніе части резервами. Всю ночь онъ не спалъ, принимая всѣ предосторожности на случай какого нибудь нечаяннаго обстоятельства. Передъ разсвѣтомъ, когда происходила смѣна, и выходившіе изъ траншей люди стали собираться на мѣстахъ, указанныхъ резервамъ, секретъ 9-й роты, стоявшій противъ Авліара, замѣтилъ движеніе колонны. Начальникъ секрета, унтеръ-офицеръ Переудинъ, прибѣжалъ къ поручику Магалову съ донесеніемъ. Магаловъ сейчасъ же послалъ унтеръ-офицера Бѣлова дать знать объ этомъ баталіонному командиру. Бѣлову велѣно было доложить, что, въ случаѣ надобности, поручикъ Магаловъ откроетъ огонь, не ожидая разрѣшенія. Секреты окликнули двигавшіяся колонны. На окликъ «кто идетъ»—раздался отвѣтъ: «урусъ казакъ». Тогда секреты быстро отошли въ траншеи.

Движеніе непріятеля замѣчено было и другими ротами, о чемъ донесъ маіору Улановичу также и унтеръ-офицеръ Костюкъ. Находившійся въ эту минуту возлѣ траншеи, командиръ баталіона приказалъ Костюку, чтобы роты открыли огонь. Въ это время ясно обнаружилось приближеніе колонны, и турокъ снова окликнули. Въ отвѣтъ снова послышалось: «урусъ казакъ». Тогда поручикъ Магаловъ сдѣлалъ залпъ, и затѣмъ, всѣ сосѣднія роты открыли огонь. Маіоръ Улановичъ, потребовавъ лошадь, подъѣхалъ къ траншеямъ и увидѣлъ громадную сплошную массу ружейнаго огня: турки стрѣляли на ходу. Только сидя верхомъ, можно было видѣть, что всѣ скаты горы и подошва ея заняты непріятелемъ. Турки лѣзли смѣло, дерзко, и передніе уже находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ укрѣпленій.

Маіоръ Улановичъ тотчасъ же сообразилъ всю опасность положенія баталіона и двинулъ всѣ резервы въ траншеи. Благодаря

этому распоряженію, огонь нашъ до того усилился, что непріятель дрогнулъ и подался назадъ. Но черезъ нѣсколько минутъ послышались турецкіе сигналы, и непріятельскія колонны бросились еще дружнѣе и настойчивѣе—на штурмъ. Въ данный моментъ, къ атакованному пункту стянуты были уже всѣ роты 3-го баталіона, отражавшія турокъ губительнымъ огнемъ. Несмотря на это, непріятель чуть не прорвался въ промежутокъ между 9-й и 3-й стрѣлковой ротами, гдѣ мелкія траншеи не были заняты людьми. Видя неизбѣжную катастрофу, маіоръ Улановичъ приказалъ прапорщику Джорджадзе—скорѣе занять со взводомъ опасное мѣсто. Прапорщикъ Джорджадзе достойно исполнилъ рискованное порученіе: мигомъ вскочилъ съ людьми въ траншеи и далъ дружный залпъ по непріятелю, который снова началъ отходить назадъ.

Геройски отбитые два штурма ослабили энергію и духъ атакующихъ; тѣмъ не менѣе, положеніе третьяго баталіона все больше осложнялось. Со стороны малыхъ Ягны показались новыя колонны, которыя, вмѣстѣ съ визинкейскими, тоже полѣзли на штурмъ. Улановичъ поскакалъ на свой правый флангъ, гдѣ успѣли отбить и третій штурмъ. Такимъ образомъ, баталіону удалось отстоять гору, отбивъ атаку за атакой. Къ счастью, въ это время дивизіонъ нашей артилеріи и мингрельцы открыли изъ редута огонь.

Что же касается до втораго баталіона, то дѣятельность его была слѣдующая: когда Биньковскій доложилъ капитану Борковскому о томъ, что видѣлъ, то командующій баталіономъ, сознавая всю важность своевременной помощи, которую онъ можетъ доставить Улановичу, рѣшилъ—ударить туркамъ во флангъ. Сочувственнымъ отголоскомъ на эту мысль служила просьба поручиковъ Буткевича и Гаупа—выслать по полуротѣ въ цѣпь. Капитанъ Борковскій вполнѣ одобрилъ такое желаніе, но приказалъ взять не полуроты, а цѣлыя роты. Поручику Буткевичу онъ велѣлъ продвинуться какъ можно выше на гору, а поручику Гаупу—не терять связи съ редутомъ и 4-й ротой. Согласно такому распоряженію, промежутокъ между вершиной горы и редутомъ должны были занять роты 2-го баталіона, очутившись на флангѣ непріятеля.

4-я и 5-я роты двинулись быстро, частымъ шагомъ, и прой-

дя немного, начали разсыпаться. Вотъ въ эту-то минуту маіоръ Рейтеръ открылъ огонь изъ редута. А на горѣ пальба и залпы не прекращались; слышалась команда и крики. Вскорѣ сталъ доноситься голосъ маіора Улановича и его энергическія распоряженія. Тутъ сдѣлалось ясно, что третій баталіонъ находился въ серьезной опасности и отбивался насколько было силъ. Но эти силы могли и истощиться, потому что непріятель валилъ цѣлыми массами; въ такомъ положеніи, всякая помощь, дѣйствительно, была божьимъ даромъ.

Развѣло. Бездѣйствовавшія доселѣ батареи Авліара сразу осыпали снарядами редутъ и гору; съ малыхъ Ягны тоже открыли огонь по третьему баталіону. Вдругъ, въ рядахъ оставшихся двухъ ротъ втораго баталіона послышался крикъ, что справа показались башн-бузуки. Чтобы отразить ихъ, капитанъ Борковскій послалъ полуроту стрѣлковъ, подъ командою подпоручика Климова, приказавъ ему лечь за скалою, лѣвѣе редута, и поодиночкѣ не стрѣлять, а подпустить башн-бузуковъ какъ можно ближе и тогда уже встрѣтить ихъ дружными залпами. Въ упомянутую минуту, 6-я и 2-я стрѣлковыя роты находились въ балкѣ, позади и правѣе редута, укрытыя отъ выстрѣловъ; 4-я же и 5-я роты вступили въ бой довольно скоро, содѣйствуя отбитію третьяго штурма.

Огонь цѣпи втораго баталіона привелъ непріятеля въ совершенное недоумѣніе. Турки оторопѣли: возведенный ночью редутъ, появленіе нашихъ орудій и лишняго баталіона было для нихъ нежданнымъ сюрпризомъ. Непріятельская пѣхота нѣсколько времени оставалась въ нерѣшимости; затѣмъ, атаковавшія гору колонны, повернувъ лѣвымъ плечомъ впередъ, всей массой ринулись на цѣпь и редутъ.

Но тутъ тифлисцы и мингрельцы встрѣтили атакующихъ такимъ упорнымъ, бѣглымъ огнемъ, что они сразу смѣшались и снова остановились; цѣпь ихъ залегла на бугрѣ, въ сторонѣ редута, шагахъ въ трехстахъ впереди, а колонны спустились къ подошвѣ. Съ обѣихъ сторонъ закипѣла жаркая перестрѣлка. Появленіе на флангѣ туровъ втораго баталіона совершенно измѣнило характеръ боя. Вмѣсто возобновленія атакъ, турки вынуждены были принять

оборонительное положеніе. Гора большіе Ягны была уже внѣ опасности.

Не прошло и четверти часа послѣ того, какъ 4-я и 5-я роты вступили въ дѣло, къ капитану Борковскому стали прибѣгать изъ цѣпи посланные, прося патроновъ. Къ сожалѣнію, желанія ихъ нельзя было исполнить: запасныхъ патроновъ не было. Чтобы уяснить себѣ положеніе 2-го баталіона, командующій имъ пошелъ осмотрѣть цѣпь. Глазамъ его представилось цѣлое море фесокъ, краснѣвшихъ подобно маковому полю. Всѣ эти фески лежали за закрытіями и учащали огонь, видимо готовясь къ новой атакѣ. Предположеніе это было вполнѣ основательное, потому что непріятелю безпрерывно подвозили на вьюкахъ патроны, и, кромѣ того, его артилерія все продолжала громить баталіоны, стоявшіе у подножія горы, съ трехъ сторонъ: изъ Авліара, Визинъ-кея и малыхъ Ягны. Приказавъ людямъ стрѣлять толково и рѣдко, капитанъ Борковскій направился къ резерву, но не успѣлъ отойти отъ цѣпи шаговъ двадцать, какъ къ нему подошли поручики Гаушъ и Буткевичъ, прося прислать патроновъ, которые совсѣмъ истощались. Что было дѣлать! Командующій баталіономъ велѣлъ капитану Кегамову, съ послѣдней полуротой стрѣлковъ, усилить цѣпь, стрѣлять какъ можно рѣже и беречь патроны до послѣдней крайности, помня, что въ резервѣ остается только лишь одна 6-я рота.

Появленіе въ цѣпи свѣжей полуроты капитана Кегамова окончательно сбило турокъ съ толку относительно истинной числительности нашей. Они, очевидно, предполагали насъ гораздо сильнѣе, чѣмъ мы были въ дѣйствительности. Впослѣдствіи плѣнные говорили, что, по ихъ соображенію, Ягны были защищаемы не менѣе какъ двадцатью баталіонами русскихъ войскъ. Чтобы не допустить непріятеля перейти въ наступленіе, надо было во что бы ни стало держать его въ этомъ заблужденіи. Послѣдней же цѣли можно было достигнуть не иначе, какъ только поддерживая усиленный огонь. Поэтому, капитанъ Борковскій не пытался уже останавливать частой стрѣльбы. Минутъ двадцать гремѣла въ цѣпи оживленная пальба; затѣмъ, опять стали прибѣгать за патронами. Тогда командующій баталіономъ рѣшился на крайнюю мѣру: онъ прика-

залъ взводнымъ командирамъ отобрать у людей 6-й роты по тридцати патроновъ и отправить ихъ въ цѣпь. Но скоро и этотъ ресурсъ истощился; опять послѣдовало требованіе патроновъ.

Положеніе становилось критическимъ. Турки ежеминутно могли опомниться и атаковать насъ; помощь не подходила, а оренбургскіе казаки стояли далеко позади. Впрочемъ, что касается до редута, то онъ всегда могъ себя отстоять, и маіоръ Улановичъ могъ бы всегда ударить непріятелю во флангъ. Но дѣло въ томъ, что и 3-й баталіонъ не стрѣлялъ; значитъ, и у него не было патроновъ. При этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, вся тяжесть атаки, которую съ минуты на минуту слѣдовало ожидать со стороны турокъ, должна была обрушиться на 2-й баталіонъ. Вообще, куда ни повернн—положеніе баталіона становилось отчаяннымъ, и единственное спасеніе пока было въ патронахъ, чтобы сильнымъ огнемъ маскировать нашу малочисленность и избѣгнуть гибельныхъ для баталіона послѣдствій. Среди этихъ крайнихъ минутъ, прапорщикъ Всесвятскій вызвался поѣхать за патронами въ лагерь. Предложеніе его нельзя было не принять; ему дана была фейерверкерская лошадь, и онъ поскакалъ.

Едва уѣхалъ Всесвятскій, изъ лагеря вернулся конный фурштатъ, посланный капитаномъ Борковскимъ еще задолго до начала сраженія, къ командиру полка, съ извѣстіемъ, что на смѣну еще мингрельцы не прибыли, Фурштатъ этотъ привезъ записку, въ которой полковникъ Ридигеръ предписывалъ 2-му баталіону держаться до послѣдней крайности, предупреждалъ, что везутъ патроны, идетъ на помощь 4-й баталіонъ, а вслѣдъ затѣмъ прибудутъ мингрельцы и 1-й баталіонъ тифлисцевъ.

Минутъ черезъ пять, дѣйствительно, прискакалъ адъютантъ 4-го баталіона, прапорщикъ Дужкевичъ, и, объявивъ о прибытіи баталіона, спросилъ, по приказанію маіора Мальцева, нужно ли принять участіе въ бою. Капитанъ Борковскій отвѣтилъ, что 4-му баталіону слѣдуетъ поддерживать оборону лѣвѣе редута. Съ этой минуты начался второй періодъ битвы. Прибылъ генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ и распросилъ подробно у капитана Борковскаго о ходѣ дѣла. Во время разговора, подошелъ маіоръ Рейтеръ и просилъ

позволенія сбить турокъ съ бугра. Выслушавъ также и его и одобривъ всѣ сдѣланныя досель распоряженія, генералъ приказалъ капитану Боркомскому взять 6-ю роту и атаковать всѣмъ баталіономъ бугоръ. 6-я рота немедленно двинута впередъ. Послѣ этого, самостоятельныя дѣйствія каждаго изъ баталіонныхъ командировъ окончились, и командиръ бригады сталъ лично руководить боемъ. Когда 6-я рота вошла въ линію цѣпи, командующій баталіономъ остановилъ ее для того, чтобы предварить ротныхъ командировъ объ атакѣ и сомкнуть людей остальныхъ ротъ. Вслѣдъ за 6-й ротой вступила также въ цѣпь полурота 4-й стрѣлковой роты, подъ командою подпоручика Невѣровскаго, который подвинулъ свою часть нѣсколько впередъ. Остановка продолжалась всего минуть пять; затѣмъ, по цѣпи пронеслась команда офицеровъ «впередъ», грянуло «ура» — и всѣ быстро бросились на непріятеля. Ударъ былъ до того рѣшителенъ и неожиданъ, что турки безпорядочной толпой отхлынули назадъ. Третій баталіонъ привѣтствовалъ съ горы радостными криками удаль своихъ сотоварищей. Атаку поддержали съ лѣвой стороны мингрельцы, высланные изъ редута. Въ три-четыре минуты скалистый бугоръ былъ совершенно очищенъ отъ непріятеля, спѣшившаго укрыться въ траншеяхъ, выстроенныхъ имъ передъ двадцатымъ числомъ сентября у подножія горы. Роты гнали его по пятамъ, напутствуя выстрѣлами, а кое-гдѣ штыками и прикладами.

Едва турки заняли траншеи, и еще невполнѣ укрылись въ нихъ и въ балкѣ, какъ слѣва показался 4-й баталіонъ и съ тою же стремительностью поддержалъ атаку 2-го баталіона и мингрельцевъ. При этомъ второмъ ударѣ, мѣстами происходила также штыковая свалка. Наконецъ, непріятель оставилъ и балку, и траншеи, и толпами побѣжалъ къ Вишинъ-кею, преслѣдуемый огнемъ дивизіона 5-й батареи. Турки до того растерялись, что даже и артилерія ихъ прекратила пальбу съ Авліара и Вишинъ-кея. Ихъ начальники, съ трудомъ—и то уже вдали отъ насъ—успѣли собрать разстроенныя части и кое-какъ привести ихъ въ порядокъ, прикрывъ свое поспѣшное отступленіе цѣпью баши-бузуковъ.

Будь у насъ кавалерія—непріятель не ушелъ бы безнаказанно. До какой степени первая атака бугра была исполнена блистатель-

но—видно изъ словъ генералъ-маіора фонъ-Шака, сказанныхъ капитану Горковскому:

— Еслибы я не видѣлъ собственными глазами случившагося, то никакимъ разсказамъ не повѣрилъ бы. Даже на маневрахъ рѣдко можно видѣть что нибудь подобное.

При этомъ, командиръ бригады тепло и душевно благодарилъ командующаго 2-мъ баталіономъ, поручивъ ему беречь бугоръ. Предосторожность эта не была лишнею, такъ какъ къ туркамъ могли подойти подкрѣпленія, и снова возникло бы серьезное дѣло. Но непріятель не думалъ возобновлять его и поспѣшно удалялся къ своимъ визинкейскимъ позиціямъ.

Между тѣмъ, притихшія на время авліарскія и визинкейскія батареи снова открыли огонь. Артилерія же, расположенная на малыхъ Ягны, ни на минуту не умолкала; баши-бузуки продолжали стрѣльбу изъ магазинокъ. Спустя нѣкоторое время, показались солдаты втораго баталіона, захватившіе у непріятеля катеровъ и лошадей, навьюченныхъ патронами. Всего, въ числѣ трофей и побѣдной добычи втораго баталіона насчитывалось: 29-ть скорострѣльныхъ ружей, 32 жестяныхъ патронныхъ ящика, 2 жалонерныхъ значка, 4 катера и 5 лошадей. Кромѣ того, взято въ плѣнъ семь раненыхъ турокъ, которые отправлены на перевязочный пунктъ. Восемдесять шесть непріятельскихъ труповъ валялось на мѣстѣ первой атаки. Тѣла были разбросаны также на скатахъ горы и въ балкѣ, но тамъ ихъ не считали. Громадное число патроновъ валялось по всему полю. Каждый турецкій солдатъ имѣлъ при себѣ не менѣе 200 патроновъ; патронами этими, кромѣ укупоренныхъ въ ящикахъ, нагрузили доверху иолковой фургонъ.

Сраженіе 1-го октября было случайное и непредвидѣнное. Для полноты описанія необходимо взглянуть на то, что дѣлалось на биваке ночью, а также и насколько оказался серьезнымъ возгорѣвшійся бой.

Ночь съ 30-го сентября на 1-е октября близилась къ концу, но начальствующія лица въ лагерѣ за Ягны не были покойны. Обстановка, въ которой находилась колонна генералъ-маіора фонъ-Шака, предвѣщала, что каждую минуту можетъ вспыхнуть сраженіе.

Командиръ тифлисскаго полка, имѣя два баталіона на самыхъ опасныхъ передовыхъ пунктахъ, почти всю ночь провелъ на линейкѣ лагеря. Въ особенности его безпокоило то, что 2-й баталіонъ долго не возвращался, между тѣмъ, какъ работа редута была уже окончена, потому что видно было издали, какъ саперы, возводившіе укрѣпленіе, прошли назадъ въ свой лагерь. Изъ этого слѣдовало, что произошло какое нибудь недоразумѣніе или затрудненіе. Въ пять часовъ утра, лагерь началъ подниматься, такъ какъ 4-му баталіону предстояло въ шесть часовъ идти въ резервъ частей, находившихся на передовыхъ позиціяхъ. Лишь только люди 4-го баталіона стали обѣдать, какъ вдругъ, за большими Ягны раздалась ружейная пальба, которая быстро усиливалась и превратилась, наконецъ, въ неумолкаемую трескотню. Тутъ уже можно было думать вполнѣ безошибочно, что 3-й баталіонъ атакованъ, такъ какъ на аванпостахъ такой перестрѣлки не могло быть. Хотя о судьбѣ его нечего было особенно безпокоиться, потому что, какъ усматривалось изъ дѣла, 2-й баталіонъ еще находился у Ягны, и мингрельскій тоже долженъ быть тамъ, но, тѣмъ не менѣе, командиръ полка, съ разрѣшенія командира бригады, тотчасъ приказалъ четвертому баталіону слѣдовать на выстрѣлы бѣгомъ.

Съ первыми выстрѣлами, отправлены были 3-му баталіону и патроны—на вьюкахъ, равно и патронные фургоны 2-му баталіону. Сверхъ того, команда охотниковъ, подъ начальствомъ прапорщика Никитина, тоже послана на помощь 3-му баталіону. Командиръ бригады фонъ-Шакъ приказалъ полковнику Ридигеру собрать остальныя войска, находившіяся въ лагерѣ, а именно: 1-й баталіонъ тифлисскаго полка, 1-й, 2-й и 4-й баталіоны мингрельскаго полка, четыре орудія 5-й батареи, всю 6-ю батарею кавказской гренадерской артилерійской бригады и 3-ю батарею 39-й артилерійской бригады и вывести ихъ немедленно на мѣсто боя. Самъ же генералъ поскакалъ впередъ.

Пока полковникъ Ридигеръ строилъ войска, пріѣхалъ въ лагерь генералъ-маіоръ князь Щербатовъ, съ дивизіономъ тверскаго полка драгунъ, и предложилъ отвезти, съ помощью драгунъ, патроны къ мѣсту боя. Полковникъ Ридигеръ доложилъ ему, что на-

добности въ этомъ уже нѣтъ, такъ какъ всѣ части снабжены патронами. Послѣ этого, князь Щербатовъ отправился съ тѣмъ же предложеніемъ въ мингрельскій полкъ. Всѣ части войскъ, бывшія въ лагерѣ, подошли къ мѣсту боя тогда, когда турки уже отступали. Полковникъ Ридигеръ остановилъ войска внѣ выстрѣла, и самъ явился на поле битвы, чтобы принять начальство надъ частями своего полка.

Чтобы представить себѣ, какъ быстро разгорѣлось все дѣло, вслѣдствіе стремительнаго удара въ штыки 2-го и 4-го баталіоновъ, и какъ оно, между тѣмъ, въ началѣ казалось серьезнымъ, нужно прибавить, что какъ только прибылъ генералъ фонъ-Шакъ и ознакомился съ нашимъ положеніемъ, онъ тотчасъ же послалъ полковнику Ридигеру записку слѣдующаго содержанія: «дѣло розыгрывается серьезное. Турки наступаютъ большими силами. Сообщите Гейману». Командиръ полка записку эту послалъ въ подлинникѣ генералъ-лейтенанту Гейману, съ баталіоннымъ адъютантомъ подпоручикомъ Мясниковымъ, приписавъ въ ней просьбу—прислать немедленно артилерійскій паркъ съ патронами, въ которыхъ можетъ обнаружиться скоро недостатокъ, и лазаретныя линейки для перевозки раненыхъ. Подпоручику Мясникову было поручено, сверхъ того, на словахъ доложить генералу Гейману обо всемъ, что дѣлается, и о мѣрахъ, принятыхъ для противодѣйствія туркамъ. Вмѣстѣ съ этимъ, полковникъ Ридигеръ ускорилъ движеніе своей колонны; но она, находясь еще въ верстѣ отъ поля сраженія, увидѣла, что турки бѣгутъ. Когда они были уже въ безопасности, съ Авліара, вишникейскихъ высотъ и малыхъ Ягны открытъ былъ перекрестный артилерійскій огонь изъ дальнобойныхъ орудій. Огонь этотъ, по случаю отдаленности, не причинялъ нашимъ никакого вреда; однако, 2-й и 4-й баталіоны оставались на позиціи до четырехъ часовъ пополудни, пока убѣдились, что турки рѣшительно отказались отъ всякихъ замысловъ возобновить атаку.

Какъ только бой сталъ утихать, занялись уборкой своихъ убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ подобрали около двухъ десятковъ и раненыхъ турокъ, включая семерыхъ, о которыхъ сказано выше; между ними нашлись и офицеры. Одинъ изъ нихъ,

капитанъ, разсказывалъ намъ, что онъ командовалъ таборомъ охотниковъ, и что такихъ таборовъ было два; командиръ другаго табора убитъ; что всѣхъ таборовъ было въ дѣлѣ десять, и что они пришли недавно отъ Ардагана. Дѣйствительно, непріятельскіе трупы доказывали, что для атаки б. Ягны высланы были свѣжія войска. Турецкіе солдаты были хорошо одѣты и даже имѣли ранцы съ полной укладкой, которая очень понравилась нашимъ, сильно во всемъ нуждавшимся, солдатамъ, потому что доставила имъ бѣлье и кой-какія мелочи, въ родѣ табаку, мыла и т. п.

Около четырехъ часовъ пополудни, генералъ фонъ-Шакъ приказалъ полковнику Ридигеру—собрать баталіоны, находившіеся въ боевой линіи, и присоединить ихъ къ резерву. Это движеніе исполнено безъ потерь; но мы отошли не въ прежній нашъ лагерь, а стали бивакомъ недалекѣ редута, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ располагался во время сраженія резервъ—значитъ, подъ выстрѣлами турокъ. Сосчитавъ свои потери, мы убѣдились, что онѣ сравнительно невелики: офицеры всѣ были цѣлы; нижнихъ чиновъ убито четыре и ранено шестьдесятъ. Въ числѣ убитыхъ былъ рядовой 10-й роты Фисенко, тотъ самый, за котораго подъ Ардаганомъ перекололи цѣлую кучу турокъ. У подножія б. Ягны мы нашли нѣсколько труповъ нашихъ солдатъ, убитыхъ 20-го сентября. Турки ихъ выкопали изъ земли, обезобразили и бросили раздѣтыми. Мы ихъ подобрали и похоронили по-христіански—благо, что при полку случился священникъ Тополевъ.

Передъ сумерками, на бивакъ пріѣхалъ начальникъ штаба кавказской арміи генералъ-лейтенантъ Павловъ—для осмотра поля сраженія и полученія отъ генерала фонъ-Шака точныхъ свѣдѣній о ходѣ боя. Оба генерала до наступленія темноты объѣхали все поле сраженія.

И такъ, день Покрова пресвятой Богородицы сдѣлался знаменитымъ для тифлисскаго полка: второй, третій и четвертый баталіоны покрыли себя новою славою. Оставшись безъ пищи и воды въ продолженіи десяти часовъ, подъ сильнымъ ружейнымъ и перекрестнымъ артилерійскимъ огнемъ, всѣ чины полка выказали безграничное самоотверженіе и непоколебимую стойкость. Нужны были

нечеловѣческія усилія, много хладнокровія и распорядительности, чтобы отбить три такихъ штурма, которые предприняли десять турецкихъ таборовъ. Только люди, опытные въ бояхъ, могли совершить подобный подвигъ, и въ числѣ этихъ людей, безспорно, маіоръ Улановичъ стяжалъ себѣ славу наихрабрѣйшаго штабъ-офицера.

Первая атака втораго баталіона, поддержанная частью минрельцевъ, исполнена, по признанію генерала фонъ-Шака, блистательно. Вторая, при содѣйствіи 1-го баталіона, была безукоризненна и вполнѣ молодецкая. Дѣйствія одного дивизіона 5-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, а потомъ, послѣ второй атаки, и другаго, довершили окончательное разстройство турокъ.

При передачѣ въ память потомству свѣдѣній о заслугахъ частей войскъ и отдѣльныхъ лицъ, нельзя не сказать два слова и объ унтеръ-офицерѣ Виньковскомъ, безстрашной развѣдкѣ котораго и своевременному докладу 2-й баталіонъ обязанъ тѣмъ, что успѣлъ принять надлежащія мѣры къ обдуманной и расчитанной встрѣчѣ непріятеля: Іосифъ Виньковскій, уроженецъ Радомской губерніи, кавалеръ знака отличія 4-й степени, за Зивинъ, былъ бравый солдатъ, молодецъ—въ полномъ смыслѣ слова. Въ бою съ непріятелемъ, онъ всегда былъ впереди: часто были даваемы ему серьезныя порученія, которыя онъ исполнялъ съ самоотверженіемъ и точностью. Къ сожалѣнію, этотъ полезный унтеръ-офицеръ умеръ впослѣдствіи отъ тифа.

Въ общемъ ходѣ военныхъ операцій подъ Карсомъ, сраженіе 1-го октября имѣло громадное значеніе.

Гора большіе Ягны—чрезвычайно важный стратегическій пунктъ. Находясь такъ близко отъ Зивинъ-кея и Авліара и будучи удержана за нами баталіонами тифлисцевъ, она съ этой минуты предоставила намъ возможность парализовать дѣйствія и значеніе малыхъ Ягны и наносить безпрепятственные удары Авліару. Этимъ воспользовались 3-го октября, при разгромленіи лѣваго фланга непріятельской позиціи. Турки вполнѣ сознавали это значеніе большихъ Ягны—что утверждалъ и Омеръ-паша, увѣряя, что, еслибы они перваго октября завладѣли большими Ягны, то побѣда 3-го

октября досталась бы намъ значительно дороже и труднѣе. По его словамъ, турки оставили этотъ пунктъ по ошибкѣ и вновь рѣшились имъ овладѣть вслѣдствіе его настоянія у Мухтаръ-паши. Послѣ такого заявленія нашего противника, весьма понятною становится та услуга, которую тифлисцы оказали 1-го октября нашему оружію. Битва эта служила преддверіемъ сраженія 3-го октября. Посланные для атаки горы десять таборовъ отборной турецкой пѣхоты, потерпѣвъ пораженіе, безъ сомнѣнія, нѣсколько обезкуражили и остальныя войска.

Начальникъ штаба кавказской арміи, генералъ-лейтенантъ Павловъ, телеграммой, отправленной съ Караяла на имя военнаго министра, доносилъ слѣдующее:

«1-го октября, съ разсвѣтомъ, турки спустились съ горы малыхъ Ягны и визинкейскихъ высотъ, внезапно атаковали возведенный впереди большихъ Ягны редутъ. Несмотря на сосредоточенный артилерійскій огонь, направленный ими на этотъ пунктъ, и неоднократно повторенныя атаки, баталіонъ, защищавшій редутъ, и подоспѣвшіе три баталіона мингрельскаго и тифлисскаго полковъ, блистательно отбили всѣ попытки одиннадцати непріятельскихъ баталіоновъ и обратили ихъ въ бѣгство, захвативъ въ плѣнъ трехъ офицеровъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ до ста тѣлъ. Потеря наша убитыми и ранеными не превышаетъ ста человѣкъ. Дѣло было поистинѣ молодецкое». Какъ видно, въ офиціальную телеграмму, писанную почти въ минуту боя, вкралась ошибка: атакованъ былъ сначала не редутъ, а вершина б. Ягны, занимаемая 3-мъ баталіономъ тифлисцевъ. На помощь же мингрельскому баталіону, атакованному впослѣдствіи въ редутѣ, подошелъ 2-й баталіонъ тифлисцевъ, случайно оставленный на полѣ битвы, отразившій атаку и выбившій турокъ штыками изъ за закрытій. А въ концѣ сраженія принялъ участіе и 4-й баталіонъ тифлисцевъ.

«Поистинѣ молодецкое дѣло» это, къ сожалѣнію, померкло въ сонмѣ блестящихъ новыхъ побѣдъ; но, тѣмъ не менѣе, оно заслуживаетъ почетнѣйшей страницы въ исторіи тифлисскаго полка. Въ полкъ назначено было по три креста на каждую роту. Маіоръ Улановичъ удостоенъ ордена св. Георгія 4-й степени; остальные

№ 5

ПЛАНЪ
ВЫСОТЪ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ ЯГНЫ И МѢСТНОСТИ МЕЖДУ НИМИ

Масштабъ въ дюймѣ 500 саж.

саж. 500 400 300 200 100 0 1 2

ИЗЪЯСНЕНІЕ

1. Редутъ на баталіонъ и 4 орудія построенный въ ночь съ 30го Сентября на 1е Октября
3. Ложементы для 8ми орудій и траншеи для двухъ ротъ пѣхоты возведенныя 20го Сентября

Сраженіе 20го Сентября 1877 года

1го Тифл. п.

Г. Мал. Ягны

Турецкія Укрѣпленія

2 и 3 дат. Тиф. полка

12 рота и Охотники

4 стр. Тиф. п.

Р. Д. Гуртели

Мѣсто рукопашной схватки съ Карскимъ Гарнизономъ

Дор. изъ Карса

Карскій Гарнизонъ

Сраженіе 1го Октября 1877 года

Р. Яйля

Р. Яйля

Р. Яйля

Г. Бол. Ягны

5 сат. Тифл. полка

1го Тифл. п.

Минеральная полка

Атака 4 сат. Тифл. п.

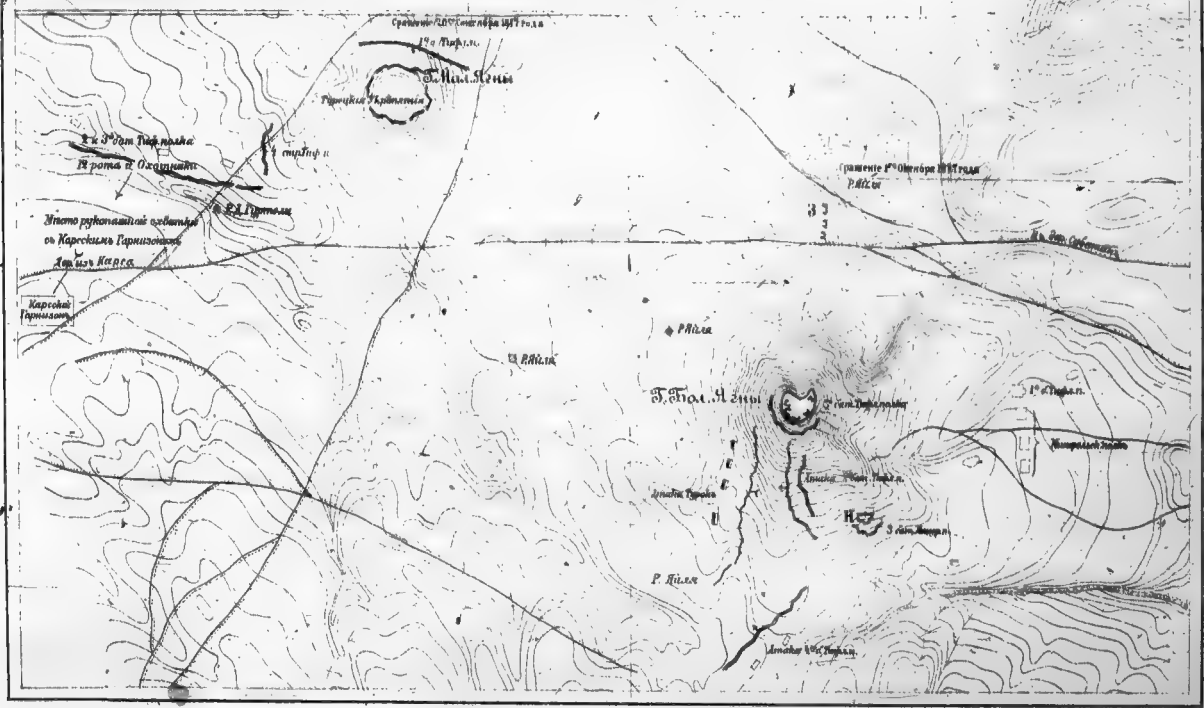
Атака Турокъ

3 сат. Минер. п.

Р. Яйля

Атака 4го Тифл. п.

Гр. Шевка



офицеры тифлисскаго полка наградъ не получили, и были включены въ общее представленіе за третье октября.

ГЛАВА X.

Разгромъ арміи Мухтаръ-паши. Капитуляція. Форсированный маршъ отряда генералъ-лейтенанта Геймана къ селенію большая Тикма. Второе движеніе за Соганлугъ. Перестрѣлка у Зивина. На братской могилѣ. Погоня за Измаилъ-пашею. Авангардное кавалерійское дѣло у города Гасанъ-Кала. Соединеніе отрядовъ соганлугскаго и эриванскаго. Стоянка въ виду непріятеля, расположеннаго на Деве-Бойну.

Послѣ сраженія перваго октября, событія идутъ быстро, и наступаетъ развязка дѣйствій. Старшіе начальники съ утра до ночи были на ногахъ. Въ войскахъ дѣйствующаго корпуса замѣчается особенное оживленіе и настроеніе прекрасное: всѣ ожидаютъ лишь одного приказанія—впередъ. Вездѣ дѣятельно предпринимались мѣры къ обложенію турецкихъ позицій и нанесенію имъ возможнаго вреда. Около Хаджи-Вали построена батарея на два двадцати-четырехфунтовыя дальнобойныя орудія, скрѣпленныя кольцами. Батарею эту соорудили еще въ ночь съ 30-го сентября на 1-е октября, но орудіямъ въ дѣлѣ 1-го октября участвовать не пришлось. Онѣ начали дѣйствовать только вечеромъ 1-го октября, посылая всю ночь, черезъ каждую четверть часа, одинъ снарядъ на Аладжу, а другой на Авліаръ. Артилеристы очень скоро и хорошо пристрѣлялись: снаряды наши разрывались внутри турецкихъ укрѣпленій. Около Кизилъ-тапы, вблизи Кюльверана, была также устроена дальнобойная батарея.

2-го октября, весь день гремѣла артилерійская канонада. Подъ вечеръ, слышны были выстрѣлы за Аладжой: это—генералъ Лазаревъ продолжалъ обходить турокъ. Носились слухи, что орлокскія высоты заняты нашими войсками. Дѣйствительно, это такъ и было. Колонна генералъ-лейтенанта Лазарева выступила въ обходъ

въ ночь на 28-е сентября. Въ составъ ея входило 23½ баталіона пѣхоты, при 78 орудіяхъ и 28 сотняхъ и эскадронахъ. 1-го октября, генералъ Лазаревъ дневалъ въ Дигорѣ, а 2-го утромъ произвелъ рекогносцировку къ сторонѣ Базарджика и Хаджи-Халиля. Убѣдясь, что позиціи надъ Базарджикомъ сильно укрѣплены, генералъ Лазаревъ рѣшился атаковать ихъ, чтобы открыть себѣ путь къ Визинъ-кею. Атака удалась блистательно, и съ занятіемъ орлокскихъ позицій мы прочно утвердились въ тылу турокъ. Въ день 2-го октября Мухтаръ-паша лично управлялъ дѣйствіями своихъ войскъ.

На случай экстреннаго выступленія, въ колоннѣ генерала фонъ-Шака сдѣланы были слѣдующія распоряженія: идти налегкахъ, взять только воду въ бочкахъ и патроны. Весь остальной обозъ долженъ составить общій вагенбургъ около Суботана. Первый баталіонъ тифлисцевъ занималъ редуту, а четвертый, въ сумерки отправился сторожить большіе Ягны. Туда посылали также саперную роту—для устройства батареи на четыре девяти-фунтовыя чугунныя осадныя орудія.

Вечеромъ, санитарная рота отправилась убирать тѣла убитыхъ турокъ, оставшихся послѣ сраженія 1-го октября. Для раненыхъ, которые могли оказаться между убитыми, при ротѣ находились одноколки отъ «Краснаго креста». Предусмотрительность эта пригодилась: вскорѣ привезли двухъ раненыхъ, пролежавшихъ на полѣ битвы болѣе сутокъ безъ помощи. Одинъ изъ нихъ былъ фельдфебель. Солдаты наши принялись тотчасъ же добродушно за ними ухаживать и прежде всего накормили горячимъ супомъ и напоили чаемъ.

2-го октября, въ два съ половиною часа ночи, Главнокомандующій получилъ донесеніе о блистательномъ исходѣ дѣла на орлокскихъ высотахъ. Признавъ эту минуту удобною для нанесенія окончательнаго удара турецкой арміи, Его Высочество изволилъ отдать приказаніе о совокупной атакѣ. Во исполненіе этого, командующимъ корпусомъ сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія.

3-го октября, около пяти часовъ утра, полковника Ридигера потребовалъ командиръ бригады и прочиталъ телеграмму, прибли-

зительно слѣдующаго содержанія: «вторая бригада атакуетъ Авліаръ съ правой стороны; слѣва поведутъ атаку эриванцы и саперы; грузинцы дѣйствуютъ съ ростовцами на Буланахъ; прочія войска атакуютъ владикавказскія позиціи съ фронта, а Лазаревъ—съ тыла». Словомъ, общее наступленіе. Въ это время, общее расположеніе нашихъ войскъ противъ турецкихъ позицій было слѣдующее: отрядъ генерала Гейманна, въ составѣ 24-хъ баталіоновъ, 104 орудій, 8 эскадроновъ и сотенъ, занималъ позиціи на горѣ большіе Ягны и у подножія (2-я бригада генерала фонъ-Шака). Возлѣ Хаджи-Вали—1-я бригада генерала Авинова и у Суботана частный резервъ, подъ начальствомъ генерала Соловьева. Впереди Кизилъ-тапы, для дѣйствія противъ Ишахъ-тепеси, расположился генералъ-маіоръ Кузьминскій, съ 8-ю баталіонами пѣхоты, 24-мя орудіями и 24-мя сотнями, охранявшими лѣвый флангъ нашей линіи. Отрядъ генералъ-маіора Дена, въ составѣ 6½ баталіоновъ, 8-ми эскадроновъ и сотенъ и 40 орудій, стоялъ впереди Кюльверана, составляя общій резервъ.

По прочтеніи телеграммы, генералъ фонъ-Шакъ приказалъ тифлисскому полку быть готовымъ къ выступленію къ шести часамъ утра. Несмотря на то, что оставалось уже немного времени, полкъ выстроился къ назначенному сроку, и нижніе чины успѣли поѣсть горячей пищи, которая всѣ эти дни, изъ предусмотрительности, изготовлялась къ разсвѣту. 1-й баталіонъ вернулся изъ редута и не успѣлъ отдохнуть, какъ его подхватили снова. Въ шесть съ половиною часовъ, вторая бригада кавказскихъ гренадеръ тронулась съ бивака, имѣя въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Ридигера, охотничьи команды обоихъ полковъ, первый и третій баталіоны тифлисцевъ, 3-ю батарею 39-й артилерійской бригады и дивизіонъ 5-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады. Другой дивизіонъ 5-й батареи находился въ редутѣ съ баталіономъ мингрельцевъ; 4-й же баталіонъ тифлисскаго полка занималъ большіе Ягны. Остальныя части бригады составляли главныя силы, подъ начальствомъ генерала фонъ-Шака. Графъ Граббе, съ 3-мя баталіонами, 8-ю орудіями и 3-мя сотнями, занималъ холмы Кабахъ-тапа и охранялъ нашъ правый флангъ, въ связи съ кавалеріею генералъ-маіора Витгенштейна. Кубанскій, владикавказскій

кавачьи полки и 4 сотни ейскаго выдвинуты на Карьчай, къ Енгикею. Начальству надъ поименованными тремя отрядами вѣрено было генералъ-лейтенанту Розену. Полковнику Ридигеру приказано наступать на Авліаръ правѣе редута; выдвинувшись же на высоту укрѣпленія, остановиться и ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

Какъ только турки замѣтили движеніе авангарда, немедленно открыли по немъ ружейный огонь съ Авліара, такъ что въ этотъ день первые выстрѣлы направлены были въ тифлисцевъ. Дойдя до редута, полковникъ Ридигеръ перестроилъ авангардъ въ боевой порядокъ поротно: первый баталіонъ сталъ правѣе, а третій лѣвѣе редута; линію баталіоновъ прикрывала цѣпь охотниковъ второй бригады кавказскихъ гренадеръ, соединившаяся вмѣстѣ. Выстрѣлы турокъ вреда не приносили. Полковникъ Ридигеръ долженъ былъ выждать наступленія генерала Соловьева и тогда тоже, вмѣстѣ съ эриванцами, предпринять атаку Авліара. Колонна генерала Соловьева, выдвинувъ нѣсколько батарей лѣвѣе насъ, двигалась на Авліаръ, но огня не открывала.

Прибывъ къ авангарду, генералъ фонъ-Шакъ приказалъ полковнику Ридигеру занять охотничьей цѣпью впереди лежавшій оврагъ, а батареѣ полковника Мусхелова и дивизіону 5-й батареи—выѣхать на позицію и открыть по Авліару огонь. Охотники смѣло пошли впередъ, а 3-я батарея, лихо вынесшись на позицію, спилась съ передковъ и начала громить Авліаръ. Такъ какъ цѣпь наша оказалась слишкомъ рѣдкой, то командиръ полка усилилъ ее 1-й стрѣлковой ротой, приказавъ поручику Пирадову слѣдовать по выжженному полю. Первая стрѣлковая рота вошла въ промежутокъ цѣпи охотниковъ.

Между тѣмъ, батарея полковника Мусхелова мѣняла позицію за позиціей, приближаясь быстро къ горѣ и увлекая 1-ю стрѣлковую роту, не оставлявшую орудій. Командиръ полка послалъ поручику Пирадову приказаніе—оставаться на мѣстѣ; тоже самое было приказано и батареѣ. Дивизіонъ 5-й батареи также подвигался впередъ, рядомъ съ 3-й батареей 39-й артилерійской бригады. Наконецъ, когда обозначилось точно направленіе эриванцевъ, а артиле-

рія генерала Соловьева открыла огонь, тогда полковникъ Ридигеръ, съ своимъ авангардомъ, перешелъ снова въ наступленіе. Такимъ образомъ, прикрытые цѣпью охотниковъ и стрѣлковъ, тифлисцы наступали, не открывая огня, и въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ Авліара остановились.

Вслѣдъ затѣмъ, приняли эриванцы и, сомкнувшись съ тифлисцами, полукругомъ оцѣпили гору. Артилерія группировалась вокругъ горы, между пѣхотою, и въ десять часовъ шестьдесять четыре орудія разстрѣливали Авліаръ. Встрѣченная перекрестнымъ огнемъ дальнобойныхъ орудій съ Аладжи, Авліара и Визинъ-кея, наша артилерія, руководимая генералъ-маіоромъ Губскимъ, ловко мѣняла позиціи, и къ полудню приблизилась къ горѣ, на вѣрный выстрѣлъ картечной гранаты. Дальнобойная артилерія изъ Хаджи-Вали тоже не прекращала огня. Вершина Авліара вскорѣ покрылась густыми облаками дыма, отъ ежесекундно лопавшихся гранатъ. Это была чудовищная канонада. Къ чести защитниковъ горы нужно сказать, что они не терялись и, несмотря на гибельный огонь, бойко и хладнокровно отстрѣливались изъ трехъ своихъ орудій и орудій горнаго взвода.

Резервы второй бригады расположились у редута. Впрочемъ, второй баталіонъ тифлисцевъ пошелъ на поддержку своихъ, но генералъ фонъ-Шакъ остановилъ его, категорически объявивъ командующему баталіономъ, чтобы безъ приказанія ни на шагъ не двигаться впередъ. Охотники второй бригады, неожиданно натолкнувшись на турецкія колонны, имѣвшія цѣпь и орудія, остановились; съ обѣихъ сторонъ закипѣла жаркая перестрѣлка.

Между тѣмъ, изъ визинкейскихъ и орлокскихъ траншей вышли массы непріятельскихъ колоннъ, спѣшившихъ выручку Авліара, угрожая правому флангу тифлисцевъ со стороны Визинъкея. Впрочемъ, съ этой стороны у насъ находилась казачья цѣпь. Около десяти часовъ утра, къ генералу фонъ-Шаку подъѣхалъ полковникъ Радзишевскій и словесно доложилъ, что произошла перемѣна диспозиціи. Вслѣдствіе этого, генералъ фонъ-Шакъ сейчасъ же послалъ командиру тифлисскаго полка слѣдующую записку: «въ диспозиціи послѣдовало измѣненіе. Вы, съ двумя своими баталіона-

ми, займете позицію на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находитесь, такъ, чтобы ваши полторы батареи могли бы обстрѣливать и Авліаръ, и визинкейскую дорогу. Для васъ въ резервѣ одинъ баталіонъ вашего полка (2-й баталіонъ) у редута. Перейти въ наступленіе вы должны только по особому приказанію».

Содержаніе записки надо было понимать въ томъ смыслѣ, что тифлисцы штурмовать не будутъ, и новая задача полка состоитъ въ охраненіи праваго фланга войскъ со стороны Визинъ-кея. Вслѣдствіе этого, полковникъ Ридигеръ, видя наступленіе турокъ изъ за Авліара, озаботился прикрыть свой флангъ. Для этого онъ поѣхалъ къ первому баталіону и приказалъ 1-й и 2-й ротамъ круто загнуть правые фланги назадъ.

Едва успѣли это исполнить, какъ показался 3-й баталіонъ, шедшій рядами. Генералъ Гейманъ лично направилъ его въ указанное мѣсто, возложивъ отвѣтственность на командира, маіора Улановича, за цѣлость всего праваго фланга. Такимъ образомъ, баталіоны подались вправо и, перемѣнивъ направленіе, стали лицомъ къ Орлоку, и одна только 3-я рота осталась на прежнемъ мѣстѣ— противъ Авліара.

Между тѣмъ, турки все продолжали наступленіе. Черезъ полчаса, генералъ фонъ-Шакъ прислалъ полковнику Ридигеру другую записку: «на вашъ правый флангъ идутъ сильныя колонны; отсюда кажется, что слѣдуетъ правый флангъ загнуть назадъ, но вы лучше можете судить, что дѣлать; я васъ только предупреждаю».

Такимъ образомъ, сами обстоятельства указывали полковнику Ридигеру на необходимость дѣйствовать противъ Орлока и противъ непріятельскихъ колоннъ, показавшихся отъ Визинъ-кея. Съ этой цѣлью, 9-я рота разсыпалась въ цѣпь, а два орудія батареи полковника Мусхелова выѣхали на позицію. Ружейный огонь цѣпи и мѣткіе выстрѣлы орудій остановили наступленіе турокъ, которые убрались въ траншеи. Въ это время, лѣвѣе насъ и лѣвѣе нашихъ охотниковъ 1-й баталіонъ эриванскаго полка быстро шелъ навстрѣчу туркамъ, наступавшимъ изъ за Авліара и Орлока. Баталіонъ этотъ зашелъ уже слишкомъ далеко и нарвался на семь таборовъ непріятельской пѣхоты, старавшихся окружить его со всѣхъ сторонъ.

Положеніе было критическое. Во время разгара этого боя, котораго, за пороховымъ дымомъ и изгибами мѣстности, намъ отчетливо видно не было, къ полковнику Ридигеру подошелъ полковой адъютантъ эриванскаго полка поручикъ Савичъ, прося помощи. Не имѣя ничего свободнаго подъ рукою, такъ какъ съ двумя баталіонами приходилось удерживать массы турокъ, пытавшихся наступать съ двухъ сторонъ, командиръ полка могъ выдѣлить только одну роту. 9-я рота, подъ командою поручика Магалова, быстро двинулась впередъ и, открывъ ружейный огонь, поддержала эриванцевъ. Гораздо правѣе и впереди 9-й роты находились охотники второй бригады, принимавшіе тоже участіе въ отраженіи непріятельской атаки.

Эриванцы держались стойко, хотя несли большія потери; они могли бы пострадать еще болѣе, еслибы не подоспѣлъ на помощь 1-й стрѣлковый Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіонъ. Стрѣлки спѣшили бѣгомъ навыручку своихъ сотоварищей и дружно, вмѣстѣ съ эриванцами, кинулись на непріятеля; за ними подошелъ 1-й саперный баталіонъ. Непріятель былъ отброшенъ и спрятался въ траншеяхъ. Два орудія батареи полковника Мусхелова, выскакавъ впередъ, засыпали снарядами траншеи, соединявшія Аладжу съ Орлокомъ. Видя, что турки суетятся, поручику Рейбургу, назначенному наканунѣ начальникомъ охотничьей команды, пришла счастливая мысль закричать «ура». Охотники кинулись впередъ, и турки, не ожидая атаки, бѣгомъ очистили траншеи; часть ихъ бросилась на Аладжу, а другая на Орлокъ. Послѣдствіемъ удали охотниковъ 2-й бригады было то, что между Орлокомъ и Аладжой образовался промежутокъ, и будь у насъ тутъ резервы— мы могли бы воспользоваться имъ, чтобы тогда же разрѣзать турецкую армію. Описанный фактъ не подлежитъ сомнѣнію, хотя онъ не былъ замѣченъ войсками, преслѣдовавшими въ бою другія цѣли.

Наступилъ первый часъ. Около Аладжи и дальше, влѣво, гремѣла канонада; турецкія батареи ни на минуту не умолкали; грохотъ орудій разносился далеко по горамъ; облака дыма носились

въ воздухѣ; защитники Авліара стрѣляли вяло, явно истощивъ снаряды. Генералъ Гейманъ призналъ эту минуту удобною для штурма Авліара. И вотъ, по его приказанію, колонны пошли на приступъ. На горѣ зачастила бойкая ружейная дробь. 1-му и 3-му баталіонамъ тифлисцевъ, стоявшимъ перпендикулярно къ Авліару и на одной съ нимъ высотѣ, отлично видно было движеніе штурмующихъ колоннъ.

Былъ моментъ, когда обѣ стороны почти прекратили стрѣльбу, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за исходомъ штурма. Вдругъ, на горѣ послышалось русское «ура», и показались наши знамена. Громкій, потрясающій, радостный крикъ внезапно огласилъ все поле. Всѣ сняли шапки, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Минута была прекрасная, торжественная. Войска ясно сознавали значеніе Авліара, перешедшаго въ наши руки. 3-я рота тифлисскаго полка, смѣнившись съ эриванцами, приняла участіе въ штурмѣ Авліара. Ею командовалъ мингрельскаго полка поручикъ Тулаевъ, а младшимъ офицеромъ былъ прапорщикъ Егоровъ. Онъ захватилъ красивый зеленый турецкій жалонерный значекъ, который былъ поднесенъ генералу Гейману. Турки въ сильномъ безпорядкѣ очищали гору, оставивъ на ней свои три орудія, множество оружія и запасовъ.

Послѣ паденія Авліара, весь интересъ боя на нашемъ правомъ флангѣ сосредоточился у Визинъ-кея и Орлока.

Выполнившая свою задачу у Авліара, артилерія направилась къ визинкейскимъ высотамъ, и первою выѣхала на позицію батарея полковника Мусхелова. Всѣ свободныя войска тоже перешли въ наступленіе, усиленныя изъ общаго резерва несвижцами и баталіономъ перновцевъ. Полковникъ Ридигеръ, сообразуясь съ общимъ наступленіемъ, двинулъ тоже 1-й и 3-й баталіоны къ Визинъ-кею. Замѣтя движеніе тифлисцевъ, генералъ фонъ-Шакъ приказалъ второму баталіону того же полка идти впередъ, занять удобное мѣсто и оберегать фронтъ нашего расположенія со стороны малыхъ Ягны. Баталіонъ безъ выстрѣла занялъ позицію, и едва успѣлъ прилечь, какъ послышались громкія и радостныя восклицанія солдатъ; на западныхъ же холмахъ визинкейскихъ высотъ раздавалось наше

«ура». На всѣхъ горахъ, кромѣ центра визинкейскихъ позицій, непріятель явно суетился, бѣжалъ. На одной высотѣ съ новой силой пронеслось «ура». Это—показались наши нижегородскіе драгуны изъ тыльнаго отряда генерала Лазарева, которые прорвались черезъ непріятельскія траншеи, отбили четыре орудія и взяли турецкое полковое знамя

И такъ, армія Мухтаръ-паши была разрѣзана; войска генераловъ Гейманна и Лазарева соединились. Непріятель бѣжалъ къ визинкейскимъ высотамъ; съ этой стороны предвидѣлось упорное сопротивленіе. Что же касается до малыхъ Ягны, то они хранили глубокое молчаніе,—будто все вымерло тамъ. Въ минуту встрѣчи войскъ генераловъ Лазарева и Гейманна, къ нимъ прибылъ корпусный командиръ. Увидѣвъ, что центръ непріятельской позиціи прорванъ, но Аладжа, Визинъ-кей и малые Ягны еще держатся, корпусный командиръ приказалъ генералу Гейману—частью войскъ наступать на Визинъ-кей, а другою частью занять промежутокъ между визинкейскими высотами и Тихъ-тепеси. Генералу Лазареву приказано занять базарджикскія высоты и всѣ дороги, чтобы перерѣзать путь отступленія непріятелю. Кавалерія князя Щербатова направилась окружить малые Ягны. Вскорѣ турки, атакованные дербентцами, стали очищать Визинъ-кей и побѣжали къ Карсу, а вслѣдъ затѣмъ, гарнизонъ малыхъ Ягны снялся съ позиціи и тоже началъ суетливо отступать. Солдаты втораго баталіона, видя за собою нашу кавалерію, кричали: «кавалерію сюда»!

Вечерѣло. Бой утихъ, и только еще кое-гдѣ на Аладжѣ раздавались выстрѣлы. Вскорѣ наступили сумерки. Всѣ три первые баталіона тифлисцевъ соединились и стали бивакомъ, лицомъ къ Визинъ-кею; 4-й остался попрежнему на вершинѣ большихъ Ягны. Три баталіона мингрельцевъ оставлены за большими Ягны, а одинъ въ редутѣ.

Охотники наши тоже участвовали въ овладѣніи визинкейскими высотами. Вернувшись, они принесли намъ радостныя вѣсти, что турки, въ страшномъ разстройствѣ, бѣжали въ Карсъ. По разсказамъ очевидцевъ, вся дорога къ крѣпости покрыта была бѣжавшими. Изъ этого заключили, что несомнѣнно побѣда осталась за нами, но

какіе добыты результаты—никому не было еще въ точности извѣстно.

Составивъ ружья, солдаты въ темнотѣ занялись розыскомъ воды, расчитывая напиться чаю, такъ какъ въ топливѣ, состоявшемъ изъ сухой, высокой степной травы, недостатка не было. Къ этому времени, въ полку сдѣлалось уже обыкновеніемъ, чтобы солдатъ при всякомъ движеніи имѣлъ небольшой запасъ чаю и сахару. Офицеры, имѣвшіе воду, также хлопотали поскорѣе разогрѣть чайники.

Когда, такимъ образомъ, полкъ располагался на отдыхъ, вдругъ, около десяти часовъ ночи, ординарецъ генерала Геймана привезъ приказаніе—выступить на визинкейскія высоты, взамѣнъ эриванцевъ, которые идутъ на Аладжу оцѣпить сдавшихся турокъ. Въ полночь полкъ прибылъ на мѣсто и выдвинулъ аванпосты въ бывшія турецкія траншеи. Несмотря на непроглядный мракъ, аванпосты 3-го баталіона, какъ оказалось съ разсвѣтомъ дня, стали довольно удачно. Кое какъ, въ темнотѣ, солдаты улеглись. Ѣды не было, воды—тоже ни капли, бивакировать пришлось на скалистой почвѣ, а между тѣмъ, дулъ холодный вѣтеръ. Поневолѣ старые кавказцы жалѣли о прежнихъ папахахъ, защищавшихъ отъ простуды и замѣнявшихъ въ походѣ подушки.

Размѣстивъ людей, командиръ полка объявилъ о полной побѣдѣ, одержанной нами, и о взятіи въ плѣнъ части турецкой арміи, съ семью пашами во главѣ. Вблизи нашего полка горѣлъ громадный костеръ. Это была временная ставка Главнокомандующаго. Его Высочество въ этотъ вечеръ изволилъ отправить Государю Императору слѣдующую телеграмму:

«Счастливъ, что могу поздравить Ваше Величество съ блестящею побѣдою. Сегодня армія Мухтаръ-паши разбита наголову и отрѣзана отъ Карса. Число взятыхъ орудій и плѣнныхъ еще не могу опредѣлить. Всѣ войска вели себя геройски. О потеряхъ и трофеяхъ донесу дополнительно».

На другой день, утромъ, 4-го октября, всѣ поднялись раньше обыкновеннаго, потому что холодъ не далъ спать. Обозы наши и кухни находились въ Суботанѣ. Солдаты не имѣли горячей пищи, но на Орлокѣ нашлась вода, въ которой они могли размочить сухари. Днемъ стали выясняться результаты побѣды: армія Мухтаръ-паши

фактически не существовали больше. Въ Анатоліи оставались лишь гарнизонъ Карса и корпусъ Измаилъ-паши.

4-го октября, послѣ полудня, отправлена была новая телеграмма такого рода: «общій ходъ дѣйствій 2-го и 3-го октября былъ слѣдующій: обходная колонна генерала Лазарева, занявъ 2-го октября орловскія высоты, сбила турецкія войска и отбросила ихъ къ Карсу и Визинъ-кею. Такъ какъ движеніемъ этимъ часть непріятельской арміи была уже обойдена: то на 3-е число была назначена общая атака расположенія Мухтаръ-паши. Ключъ его съ фронта составляла гора Авліаръ. Въ шесть часовъ утра, войска наши начали общее наступленіе. Подготовивъ атаку Авліара замѣчательно мѣткимъ огнемъ артилеріи, генералъ Гейманъ, съ эриванскимъ, грузинскимъ и пятигорскимъ полками и стрѣлковымъ баталіономъ, къ полудню блистательно штурмовалъ Авліаръ и овладѣлъ имъ. Съ занятіемъ этого пункта, армія Мухтаръ-паши была разрѣзана, часть ея, обратившаяся къ Карсу, встрѣченная во флангъ войсками генерала Лазарева и преслѣдуемая войсками генерала Геймана, была къ пяти часамъ совершенно разбита и разсѣяна, потерявъ множество убитыхъ, нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и четыре орудія. Одновременно съ этимъ, оставшіяся на правомъ флангѣ турецкія войска, въ составѣ трехъ дивизій, были отброшены съ своихъ аладжинскихъ позицій; окруженныя со всѣхъ сторонъ и понеся громадныя потери, къ восьми часамъ вечера вынуждены были сдаться. Много плѣнныхъ, съ семью пашами, 32-мя орудіями и огромнымъ количествомъ военнаго имущества. Мухтаръ-паша бѣжалъ въ Карсъ. Потери сравнительно невелики».

Его Императорское Высочество прибылъ къ войскамъ, благодарилъ ихъ за молодецкую службу и поздравлялъ съ побѣдой. Подойдя къ тифлисскому полку, Главнокомандующій обнялъ командира полка и поздравилъ съ орденомъ св. Георгія, только-что пожалованнымъ ему за Зивинъ; затѣмъ, изволилъ поздороваться съ людьми, которые весело отвѣтили на этотъ привѣтъ своимъ обычнымъ «ура». Вскорѣ въ главную квартиру привели плѣнныхъ пашей и солдатъ. Послѣдніе имѣли видъ истомленный, изнуренный и, очевидно, страдали отъ голода. Конвоировали ихъ

эриванцы, екатеринославцы и перновцы. Число ихъ было слѣдующее: семь нашей, 250 офицеровъ и болѣе пяти тысячъ нижнихъ чиновъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединили другихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ разныхъ мѣстахъ, такъ что всѣхъ вообще оказалось около семи тысячъ человѣкъ. Орудія, боевые припасы и оружіе турки, согласно капитуляціи, оставили на указанныхъ имъ мѣстахъ (74).

Несмотря на капитуляцію, трофеи наши приведены были въ извѣстность лишь черезъ нѣсколько дней. Потери корпуса были слѣдующія: убито—7-мь оберъ-офицеровъ и 223 нижнихъ чина; ранено и контужено—49 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,162 нижнихъ чина. Тифлисскій полкъ потерялъ убитыми трехъ нижнихъ чиновъ, ранеными прапорщика Никитина и 21 нижняго чина (75). Патроновъ выпущено 10,010. Въ дѣлѣ былъ полкъ въ составѣ 2,420 человѣкъ.

Въ этотъ же день, приказано было немедленно послать за обозомъ въ Суботанъ и за тяжестями на Караялъ. Начальникъ отряда объявилъ, что кавказскіе гренадеры выступятъ за Соганлугъ, наперерѣзъ движенію Измаилъ-паши, поспѣшно отступавшаго къ Эрзеруму. Войска, во время стоянки на позиціи, ожидали обозовъ, которые прибыли далеко за полдень. О караяльскихъ же тяжестяхъ ничего не было извѣстно; между тѣмъ, тамъ было въ ранцахъ все солдатское имущество. Оно было крайне необходимо, потому что солдаты обносились страшно: никто изъ нихъ—да и многіе изъ офицеровъ—со дня выступленія не мѣняли бѣлья. На нѣкоторыхъ нижнихъ чинахъ, вмѣсто сорочекъ, висѣли какія-то лохмотья.

Около пяти часовъ вечера, полки кавказскихъ гренадеръ вытянулись параллельно ставкѣ Главнокомандующаго, гдѣ Его Императорское Высочество, объѣзжая войска, вновь удостоилъ ихъ благодарности. Непосредственно же затѣмъ, послѣдовалъ приказъ Государя Великаго Князя слѣдующаго содержанія:

«Войска дѣйствующаго корпуса! Сегодня вы одержали побѣду, васъ достойную: разбитая армія, тысячи плѣнныхъ, десятки орудій,

Сегодня вы сослужили новую службу Царю и Россіи. Благодарю всѣхъ начальниковъ и офицеровъ, свято исполнившихъ свой долгъ; вамъ же солдаты, гордость русскаго имени, вамъ Царское «ура» прогремитъ отъ одного конца Россіи до другаго».

Послѣ объѣзда войскъ Главнокомандующимъ, около шести часовъ пополудни, отрядъ генерала Геймана выступилъ въ походъ. Полки гренадерской дивизіи шли по порядку нумеровъ, имѣя въ интервалахъ семь батарей. Кромѣ того, въ колоннѣ находились 1-й стрѣлковый и 1-й саперный баталіоны и пятигорцы; у селенія большая Тикма должны были догнать насъ мингрельцы и елисаветпольцы. Болѣе ста повозокъ тянулось въ хвостѣ колонны. Войска проходили мимо Главнокомандующаго съ музыкой и пѣснями. Въ Визинъ-кеѣ на минуту остановились; затѣмъ, безъ привала, безъ остановокъ, шли всю ночь. Это былъ замѣчательно трудный переходъ. Первый разъ во время этой кампаніи пришлось видѣть людей и лошадей, двигавшихся въ полудремотѣ. Весь нашъ путь былъ усѣянъ группами отсталыхъ, отдыхавшихъ и спавшихъ солдатъ, потому что двое сутокъ они не смыкали глазъ и не ѣли горячей пищи. Привала не давали, и движеніе отряда лишь изрѣдка задерживала артилерія, преодолѣвавшая мѣстами тѣ или другія препятствія. При каждой остановкѣ всѣ ложились, и большая часть моментально засыпала; приходилось употреблять большія усилія, чтобы расшевелить спящихъ.

Тѣхъ отсталыхъ, которые уже не могли идти, усаживали въ лазаретныя кареты и свободныя повозки—благо, что обозъ былъ подъ рукою, такъ какъ полкъ слѣдовалъ въ хвостѣ колонны.

Отрядъ растянулся верстъ на десять въ длину. Не будь турки такъ ошеломлены своею послѣднею неудачею, они, при небольшомъ числѣ кавалеріи, надѣлали бы намъ много хлопотъ, тѣмъ болѣе, что мы не соблюдали никакихъ предосторожностей. Въ одномъ мѣстѣ отрядъ сбился съ дороги и очутился на орудійный выстрѣлъ отъ Карса. Къ счастью, турки прозѣвали насъ; мы же вовремя спохватились и свернули лѣвѣе крѣпости.

Слѣды пораженія турецкой арміи виднѣлись на каждомъ шагу. Вся дорога была покрыта наломанными арбами, деревянными ящи-

ками съ артилерійскими снарядами и патронами, аммуниціей, разлымъ тряпьемъ и даже оружіемъ. Конечно, солдаты разбивали и разбирали ящики на топливо, а патроны раскидывали по полю. Около полуночи, завязалась въ сторонѣ Карса перестрѣлка, но она вскорѣ замолкла. Вспоминая этотъ ночной переходъ и людей, валившихся по дорогѣ, удивляемся теперь, что всѣ остались цѣлы и не искалѣчены. Это обстоятельство слѣдуетъ отнести развѣ только къ тому, что ночь была свѣтлая, лунная.

Съ разсвѣтомъ, 5-го октября, послѣ тридцати-пятиверстнаго перехода, мы достигли селенія большая Тикма. Тутъ, приказали остановиться и разбить лагерь. Цѣль движенія, наконецъ, объяснилась: отрядъ генерала Геймана прервалъ путь сообщенія Карса съ Соганлугомъ. Мѣсто для бивака выбрано было порядочное, сухое, на бугрѣ, и вблизи Карсъ-чая. Едва начали располагаться, внезапно прискакалъ генеральнаго штаба полковникъ Семеновъ и привезъ приказаніе—немедленно выслать охотничью команду, чтобы перехватить непріятельскій транспортъ, шедшій изъ Бегли-Ахмета въ Карсъ.

Несмотря на усталость, охотники живо пріободрились и, съ поручикомъ Рейбургомъ во главѣ, побѣжали впередъ, стараясь обогнать охотниковъ грузинскаго полка, высланныхъ немного раньше. Турецкій транспортъ перехватили. Сначала казалось, что онъ слѣдовалъ безъ прикрытія. Но лишь только охотники приблизились къ нему на выстрѣлъ, изъ за арбъ засвистѣли пули, и съ обѣихъ сторонъ завязалась перестрѣлка. Вскорѣ прикрытіе бѣжало, и весь непріятельскій обозъ, старавшійся во время перестрѣлки уйти, достался охотникамъ тифлисскаго полка, преслѣдовавшимъ его до Бегли-Ахмета. Все это дѣло прекрасно было видно съ бивака, и весь отрядъ выражалъ свое сочувствіе криками одобренія, радостными возгласами и хохотомъ. Транспортъ доставленъ былъ поручикомъ Рейбургомъ генералу Гейману. Послѣдній возвратилъ погонщикамъ арбы, а все, что въ нихъ было, подарилъ охотникамъ тифлисскаго полка. Нашимъ молодцамъ достался грузъ изъ сорока пяти арбъ, проданный жителямъ за триста рублей. Деньги эти раздѣлили поровну между семидесятью человѣками охотничьей команды. Кромѣ этого веселаго эпизода, оживившаго бивакъ, ничего пока болѣе не

случилось. Хотя въ десяти верстахъ рисовался грозный Шорахъ, но офицеры и солдаты позволили себѣ чуть ли не въ первый разъ послѣ 19-го сентября, раздѣться и насладиться безмятежнымъ отдыхомъ—давно уже необходимымъ.

Все утро стягивались отсталые. Въ нашемъ полку ихъ было немного. Въ полдень прошелъ дождь, но потомъ погода прояснилась. Ночью подошли мингрельцы, съ 5-й батареей, и 4-й баталіонъ тифлисцевъ, подъ общимъ начальствомъ генерала фонъ-Шака. Противъ этой колонны турки пытались сдѣлать вылазку и открыли изъ укрѣпленій огонь, но вреда ей не принесли. Съ колонной прибылъ и полковой обозъ, но не весь: все главное осталось на Караялѣ, и даже не захватили съ собою денежнаго ящика. Къ счастью, привезли палатки. Съ этого дня начали варить пищу два раза, и положеніе войскъ сразу улучшилось.

5-го октября, всѣ думали, что выступимъ къ Соганлугу, но остановка вышла изъ за провіанта. Второй бригадѣ, съ пятью батареями, приказано было перейти на новую позицію къ селенію Ардосту, на то мѣсто, гдѣ стояли гренадеры во время первой соганлугской экспедиціи. Согласно приказанію, въ пять часовъ пополудни полкъ выстроился у переправы, но мингрельцевъ и артилеріи еще не было. Пріѣхалъ генералъ Геймань, и самъ повелъ тифлисцевъ, а генералу фонъ-Шаку поручилъ перевести остальныхъ. Командиръ полка, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ проходившій этою дорогою, замѣтилъ сразу, что идемъ неправильно, и просилъ позволенія у генерала Геймана взять проводниковъ въ Тикмѣ—въ чемъ генералъ отказалъ, такъ какъ до Ардоста было очень близко. Съ полкомъ, между прочимъ, слѣдовалъ обозъ и дивизіонный лазаретъ.

Вскорѣ наступили сумерки. Полкъ сбился съ дороги, а генералъ Геймань, ѣхавшій впереди, съ этимъ долго не соглашался. Послѣ двухъ часовъ хода, дорога совершенно изъ подъ ногъ исчезла, и мы были остановлены недоступною мѣстностью; генералъ Геймань поѣхалъ впередъ съ нѣсколькими казаками—отыскивать дорогу. Вскорѣ пріѣхалъ къ полку его адъютантъ и передалъ приказаніе—отправить обозъ, подъ прикрытіемъ баталіона, назадъ; полку же и 1-му саперному баталіону—идти налѣво и напрямикъ. Приказаніе,

конечно, было исполнено; но, послѣ получасоваго хода, мы въ темнотѣ наткнулись на такую мѣстность, что идти впередъ было почти невозможно. Посовѣтовавшись съ командиромъ сапернаго баталіона, полковникъ Ридигеръ рѣшился и съ остальными баталіонами вернуться на старую дорогу. Повернувъ назадъ, мы, къ счастью, скоро встрѣтили нѣсколькихъ жителей, ѣхавшихъ верхомъ, завербовали ихъ къ себѣ въ проводники и, съ ихъ помощью, въ два часа ночи, добрались въ Ардостъ, гдѣ мингрельцы, съ артилеріей, давно уже разбили свой лагерь. Обозъ нашъ, съ первымъ баталіономъ, прибылъ раньше и поставилъ намъ палатки. Аванпостовъ въ эту ночь не выставляли, а выдвинули только наблюдательные посты.

7-го октября, стояли на мѣстѣ, потому что провіанта не было и его должно было хватить только на два дня. Бывшій у насъ запасъ провизіи истощился; въ духанахъ почти ничего не нашли; офицеры страшно бѣдствовали. Лошади тоже голодали. Реквизицій и фуражировокъ не было; напротивъ, онѣ воспрещались, и это запрещеніе было выражено въ слѣдующемъ приказѣ по полку: «предупреждаю, что покупка фуража въ окрестныхъ деревняхъ строго воспрещается, такъ какъ фуражъ будетъ собираться всей дивизіей и продаваться въ части при отрядномъ штабѣ». Дѣйствительно, въ Тикмѣ образовался базаръ.

8-го октября, получился приказъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Согласно указаніямъ Главнокомандующаго, образованъ, подъ начальствомъ генерала Геймана, отрядъ, назначеніемъ котораго было: «очищеніе отъ непріятеля страны между Карсомъ и Соганлугомъ и совмѣстныя съ генераломъ Тергукасовымъ дѣйствія противъ арміи Измаилъ-паши, преимущественно угрожая пути отступленія сей арміи къ Эрзеруму, для чего генералу Гейману выдвинуть авангардъ къ Кагызману, слѣдовать съ остальными войсками къ Сарыкамышу, очищая страну отъ непріятельскихъ отрядовъ и партій». Первая бригада кавказскихъ гренадеръ, съ 32-мя орудіями и шестью сотнями, должна была составлять резервъ отряда генерала Геймана. Всего, подъ начальствомъ генерала Геймана, включая авангардъ генерала Цитовича, состояло 20 баталіоновъ пѣхоты, 19 эскадроновъ и сотенъ, съ 66-ю полевыми орудіями. Всѣ же остальныя войска,

не вошедшія въ составъ согаплугской колонны, предназначались для блокады Карса.

Утромъ, на берегу рѣки разбили палатки, согрѣли воду и устроили бани. Затѣмъ, началось омовеніе и очищеніе. Службы не было, даже аванпостной. Ограничивались лишь выставленіемъ нѣсколькихъ пикетовъ. Приказано было представить къ наградамъ двадцать четыре офицера; наградные списки должно было приготовить къ девятому числу. Въ каждую роту назначено было по десяти знаковъ отличія военнаго ордена; всего, выдано сто шестьдесятъ крестовъ и три серебряныя медали, съ надписью «за храбрость», на георгіевской лентѣ. Прапорщика Краснопѣвцева отправили въ Александрополь, съ командой изъ двухъ рядовыхъ отъ каждой роты и по одному унтеръ-офицеру изъ баталіона—для пріемки и доставки полушубковъ.

9-го октября, объявлены были нижеслѣдующія справочныя цѣны, утвержденныя командующимъ корпусомъ: самаръ ячменя 10 рублей, куль самана 10 копѣекъ, пудъ сѣна 20 копѣекъ, баранъ 1 рубль, 50 копѣекъ, гусь 50 копѣекъ, курица 20 копѣекъ, 10 яицъ 10 копѣекъ, пудъ лавашей пшеничныхъ 1-рубль, 50 копѣекъ, ячменныхъ 80 копѣекъ. Платить лишнія цѣны—воспрещалось строго.

Нижнихъ чиновъ, представленныхъ къ знаку отличія военнаго ордена, собрали къ десяти часамъ въ Тикму, къ ставкѣ Главнокомандующаго. Его Императорское Высочество поздравилъ ихъ съ наградами, поблагодарилъ за службу, но крестовъ не далъ, такъ какъ ихъ налицо не было. Его Высочество приказалъ полковнику Ридигеру явиться вечеромъ за полученіемъ ордена св. Георгія, пожалованнаго ему за Зивинъ.

Въ восемь часовъ утра происходила фуражировка, съ платою за нее жителямъ наличными деньгами. Ее прикрывала 1-я стрѣлковая рота. Отъ каждаго баталіона выслано было по одному фургону и, кромѣ того, пять фургоновъ отъ полка. Послѣ каждаго боя, а въ особенности послѣ 3-го октября, духанщики, торговцы и другія подобныя лица производили закупку оружія, отбитаго у турокъ. Противъ этого зла частные начальники принимали строгія

мѣры, но, какъ видно, оно практиковалось втайнѣ. Это вынудило указать иныя мѣры, въ особомъ приказѣ по согаплугскому отряду(76). Вслѣдствіе этого приказа, командиръ полка предписывалъ баталіоннымъ командирамъ собрать отбитое у непріятеля оружіе и сдать его, но таковаго въ полку не оказалось.

Тутъ мы получили окончательное извѣстіе, что за Согаплугъ выступаютъ снова гренадеры; затѣмъ елисаветпольцы и 1-й кавказскій саперный баталіонъ, съ шестью батареями гренадерской артилерійской и 2-й батареей 21-й артилерійской бригадъ, и съ тринадцатью доброконными сотнями кавалеріи. Батареи согаплугскаго отряда приведены въ шести-орудійный составъ, но съ полнымъ числомъ ящиковъ; остальныя два орудія, безъ ящиковъ, перевезены въ б. Тикму; лошадей отъ этихъ орудій артилеристы обязаны были взять съ собою, чтобы усилить, въ случаѣ надобности, запряжку. Войскамъ, пришявшимъ провіантъ по 10-е число, приказано было принять изъ транспорта еще на пять дней и растянуть его на восемь, т. е. съ 10-го по 18-е число, считая послѣднимъ днемъ довольствія 17-е октября. Взамѣнъ убавленнаго провіанта—давать по два фунта мяса на человѣка, съ тѣмъ, что, по желанію войскъ, за три лишніе дня будутъ выдаваться отряднымъ интендантствомъ деньги, по стоймости сухарей. Принято также по двѣ чары спирта на человѣка. Выступающимъ войскамъ приказано—всѣ лишнія тяжести оставить въ селеніи большая Тикма. Изъ числа палатокъ, взято по пяти солдатскихъ и по одной офицерской на роту. Словомъ, изъ приведенныхъ распоряженій видно было, что планъ второй согаплугской экспедиціи рѣшенъ окончательно.

Выступленіе отряда назначено было 10-го октября, въ двѣнадцать часовъ; поэтому командиръ поспѣшилъ въ главную квартиру, за полученіемъ крестовъ. Нижніе чины пообѣдали въ восемь часовъ и взяли въ карманъ по фунту мяса. Въ полдень, войска двинулись по знакомой дорогѣ. Отрядъ раздѣлили на двѣ колонны: наша вторая бригада шла по нижней дорогѣ на деревню Катаплы, а 1-я бригада направилась по верхней дорогѣ, черезъ Бекни-Ахметъ. Авангардъ состоялъ изъ охотниковъ тифлисскаго полка и сапернаго баталіона; потомъ, слѣдовалъ тифлисскій полкъ, по старшинству

нумеровъ, за нимъ—4-я, 5-я и 6-я батареи, 3-й баталіонъ мингрельскаго полка и всѣ обозы; въ хвостѣ шли остальные баталіоны мингрельцевъ и сотня оренбургскихъ казаковъ.

Командиръ полка догналъ полкъ на дорогѣ, съ георгіевскимъ крестомъ на груди. При встрѣчѣ его, всѣ баталіоны брали на плечо и привѣтствовали дружнымъ «ура». Полковникъ Ридигеръ привезъ съ собою четыре золотыхъ креста, которые тутъ же имъ были и выданы. Въ этотъ день переходъ былъ не труденъ, и еще засвѣтло мы достигли осетинскаго аула Джаули, гдѣ соединились съ первой бригадой. Генералъ Гейманъ ѣхалъ отдѣльно, съ своей свитой; онъ сбился съ дороги и, благодаря только бивачнымъ огнямъ нашего лагеря, отыскалъ свою колонну. Ночью войска были предупреждены, что на другой день предстоитъ большой переходъ, почему слѣдовало отобѣдать въ пять часовъ и имѣть по фунту мяса съ собою.

11-го октября, въ шесть съ половиною часовъ утра, отрядъ снялся съ позиціи. На морозномъ, холодномъ воздухѣ всѣ чувствовали себя бодрыми. Порядокъ движенія былъ слѣдующій: авангардъ, подъ командою полковника Зеземана: двѣ сотни оренбургскаго казачьяго полка, 1-й саперный баталіонъ и 1-я батарея кавказской гренадерской артилерійской бригады. Главныя силы, въ полуверстѣ за авангардомъ, подъ начальствомъ генерала Соловьева: два баталіона эриванскаго полка, 2-я батарея и остальные два баталіона эриванскаго полка, 3-я батарея, два баталіона грузинскаго полка, 4-я батарея, остальные два баталіона грузинскаго полка, 5-я батарея, первый и второй баталіоны тифлисскаго полка, 2-я батарея 21-й артилерійской бригады, 3-й и 4-й баталіоны тифлисскаго полка.

Вторая колонна, съ обозомъ, подъ начальствомъ генерала фонъ-Шака: 1-й баталіонъ мингрельскаго полка, обозъ начальника отряднаго штаба, патронные ящики, кухни, подвижной дивизіонный лазаретъ, весь остальной обозъ по старшинству полковъ и 2-й баталіонъ мингрельскаго полка, съ полубатареей 6-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады.

Арріергардъ: 3-й и 4-й баталіоны мингрельскаго полка, съ дивизіономъ 6-й батареи, и сотня 1-го горско-моздокскаго казачьяго полка.

Въ семь часовъ, вся колонна была уже въ движеніи, и въ полдень прибыла къ Сарыкамышу, гдѣ данъ былъ большой привалъ. Тутъ приказано было принять провіантъ, по пяти пудовъ на роту, и довольствовать людей этимъ количествомъ сухарей двое сутокъ; значитъ, приходилось на каждаго человѣка по одному фунту въ день. Привалъ былъ очень продолжительный, такъ что многіе успѣли выспаться. Въ три часа пополудни, наконецъ, тронулись. Когда стало темнѣть, войска достигли перваго подъема; отсюда артилерія и обозы затормазили движеніе. Ночь сначала была лунная, но вскорѣ весь Соганлугъ заволокло тучами, и сталъ накрапывать дождикъ. Мы двигались очень медленно, дѣлая не болѣе версты въ часъ, такъ какъ на нашу долю выпало подымать не только бывшую при насъ артилерію, но и обозъ. Люди выбились изъ силъ, вытаскивая орудія и фургоны. Во время каждой остановки, солдаты разбирали бревна, заготовленныя турками, или валежникъ, раскладывали огромнѣйшіе костры и, раздѣвшись, выжаривали свое бѣлье и платье. Въ этомъ родѣ движеніе полка происходило всю ночь; первая же бригада, шедшая налегкахъ, пришла на бивакъ гораздо раньше второй.

Наконецъ, въ седьмомъ часу утра, 12-го октября, полкъ, послѣ двадцати четырехъ часовъ похода, добрался до развалинъ деревни, не доходя урочища Мелидюза, гдѣ приказано было стать бивакомъ. Такъ какъ мингрельцы пришли еще позже насъ, съ остальнымъ обозомъ, то 2-й бригадѣ предполагалось дать въ этотъ день отдыхъ. Бивакъ былъ бы недурной, но подножнаго корма не оказалось, а такъ какъ забота о довольствіи обозныхъ лошадей лежала на отвѣтственности полковыхъ и батарейныхъ командировъ, то положеніе ихъ было весьма трудное. Всѣ лошади до того изнурились, что едва передвигали ноги, а имъ предстоялъ впереди еще трудный подъемъ на Соганлугъ.

Такъ какъ цѣль второй соганлугской экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы перерѣзать путь отступленія Исмаилъ-пашѣ, тѣснимому генераломъ Тергукасовымъ и быстро отходившему къ Эрзеруму, то всякое замедленіе и проволочка могли повліять вредно на весь ходъ нашихъ операцій. Вѣроятно, въ виду этихъ сооб-

ражений, а, можетъ быть, и потому, чтобы своевременно захватить и занять зивинскую позицію, генералъ Гейманъ рѣшилъ, несмотря на утомленіе войскъ, передвинуть хотя часть отряда впередъ.

Въ два часа пополудни, выступила вся кавалерія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, которому приказано было занять Зивинъ. Вслѣдъ засимъ, пошла 1-я бригада и 1-й баталіонъ тифлисцевъ, который, такимъ образомъ, ошибся въ своемъ расчетѣ насчетъ отдыха. 1-й бригадѣ приказано было дойти до Мелидюза, бывшаго въ семи верстахъ отъ развалинъ деревни, а 1-му баталіону тифлисцевъ идти съ кавалеріей до Зивина и, по занятіи его, тамъ остаться до прихода прочихъ частей отряда. Первый баталіонъ пообѣдалъ недоваренным супомъ, а сырую говядину взялъ съ собою, чтобы доварить ее въ Зивинѣ. Остальные баталіоны второй бригады оставлены были дневать у развалинъ деревни. Весь день шелъ дождь. Сырой туманъ ползалъ по вершинамъ, грязь была ужасная. Къ счастью, мы стояли въ сосновомъ лѣсу, и дровъ было сколько угодно. Это дало возможность развести гигантскіе костры, которые горѣли днемъ и ночью; люди отдохнули и обогрѣлись.

Во время выступленія 1-й бригады, въ сторонѣ Зивина слышны были орудійные и ружейные выстрѣлы. Всѣ думали, что на другой день, 18-го роковаго числа, ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ неудавшагося сраженія, будетъ опять дѣло; но, къ счастью, этого не случилось, хотя Зивинъ занятъ былъ непріятелемъ, и наша кавалерія, потерявъ двадцать человѣкъ убитыми и ранеными, отступила. Поздно вечеромъ, 12-го октября, отрядъ усилился прибытіемъ елисаветпольцевъ, съ артилерійскимъ транспортомъ, вступившихъ на бивакъ съ пѣснями и музыкой, несмотря на страшную темноту, дождь и грязь.

13-го октября, пообѣдавъ въ девять часовъ утра, 2-я бригада, послѣ труднаго перехода, въ полдень достигла мелидюзскаго плато, гдѣ находились могилы павшихъ въ бою тифлисцевъ. По свѣдѣніямъ, трупы нашихъ убитыхъ офицеровъ—Афанасьева, Родевича и Шрадера, были вырыты турками, обобраны и брошены на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ, но ихъ похоронилъ снова

на свой счетъ кореспондентъ газеты «Times», англичанинъ Норманъ. По приходѣ на бивакъ, нѣкоторые офицеры захотѣли убѣдиться въ справедливости этихъ слуховъ и отправились на могилу товарищей. Сильно осунувшіяся насыпи свидѣтельствовали, что могилы были потревожены и, конечно, не безъ того, чтобы и трупы не были поруганы. Офицеры помолились за души усопшихъ и послали рабочихъ поправить могилы. Мѣсто, гдѣ похоронены наши товарищи, находится на русской землѣ, и тамъ бы слѣдовало поставить памятникъ.

Верстахъ въ пяти отъ Мелидюза, оказался брошенный аулъ съ богатыми запасами фуража. Въ немъ позволено было произвести фуражировку. Немедленно туда направили фургоны, вернувшіеся съ сѣномъ и саманомъ. Многіе солдаты раздобыли себѣ даже подстилку на ночь. Фуражировка эта окончилась, однако, несовсѣмъ благополучно: въ аулѣ вспыхнулъ пожаръ, поглотившій часть запасовъ сѣна, въ которомъ такъ настоятельно нуждались войска.

Вечеромъ, приказано было выслать пріемщиковъ за полученіемъ сухарей, ожидавшихся ночью, но такъ какъ транспортъ опоздалъ, то пріемщики просидѣли около ставки генерала Геймана всю ночь, и только утромъ началась раздача сухарей. Вслѣдствіе приведеннаго обстоятельства, обозы всѣхъ полковъ не были готовы къ выступленію. Для прикрытія сухарнаго транспорта и полковыхъ повозокъ, нагруженныхъ сухарями, оставленъ былъ грузинскій полкъ, которому, по окончаніи раздачи сухарей, приказано догнать отрядъ.

14-го октября, въ восемь съ половиною часовъ, войска выступили съ ночлега. Вторая бригада, съ сапернымъ баталіономъ, пошла прямо на Зивинъ, почти по той самой дорогѣ, по которой мы слѣдовали 13-го іюня. Лѣвѣе, подъ прикрытіемъ эриванцевъ, двигался весь обозъ, за исключеніемъ сухарныхъ повозокъ, оставшихся при грузинскомъ полку. Позади всѣхъ шли елисаветпольцы съ парками. Такимъ образомъ, для атаки Зивина оставалось девять баталіоновъ.

Подойдя къ тѣмъ высотамъ, съ которыхъ четыре мѣсяца тому назадъ были отданы приказанія для атаки турокъ, вся ко-

лонна остановилась, въ ожиданіи результатовъ рекогносцировки, производившейся казаками. Такъ какъ она обнаружила, что укрѣпленныя позиціи брошены непріятелемъ, то, послѣ короткаго отдыха, войска продолжали быстрое движеніе впередъ, обходя Зивинъ по лѣвой дорогѣ и направляясь на Хоросанъ. Правѣе насъ сурово высылись историческія высоты, попрежнему чернѣвшія линіями траншей и батарей.

Съ каждымъ шагомъ мѣстность за Зивиномъ становилась пересѣченнѣе и обрывистѣе. Наконецъ, отрядъ наткнулся на непроходимыя кручи и овраги, по которымъ наша кавалерія дѣлала 13-го іюня неудавшійся обходъ. Остановокъ была бездна. Артилерія двигалась медленно, такъ какъ вскорѣ стали ломаться оглобли у зарядныхъ ящиковъ и приходилось приниматься за починку. Вслѣдствіе этого, колонна страшно растянулась; когда же наступили сумерки и потомъ ночь, то движеніе стало еще труднѣе. Чтобы хоть нѣсколько оживить это скучнѣйшее, тяжелое движеніе, при каждой остановкѣ полка играла музыка.

Около двѣнадцати часовъ ночи, мы, наконецъ, увидѣли передъ собою бивачные огни мингрельцевъ, ставшихъ уже на мѣсто. Однако, какъ ни близко казались ряды этихъ костровъ, конецъ нашего движенія былъ еще далекъ. Передъ нами оказался почти отвѣсный спускъ съ Соганлуга, гораздо длиннѣе версты. Артилеріи приходилось преодолѣвать неимовѣрныя затрудненія. Трудно даже вѣрится, какъ она спустилась съ этой кручи въ темную ночь. Не обошлось, конечно, безъ поломокъ и безъ помощи пѣхоты. Въ часъ ночи, голова колонны, а въ два часа и хвостъ, переправясь черезъ Хапы-чай, стали бивакомъ за мингрельскимъ полкомъ, у минеральнаго источника Чермукъ, развели огни изъ колючки и сухой травы, сварили чай—у кого онъ былъ—и улеглись, безъ ужина, спать. О приготовленіи пищи и думать было нельзя, потому что котлы остались далеко позади, съ эриванскимъ полкомъ, встрѣтившимъ тоже почти неотразимыя препятствія. На бивакѣ собралась только 2-я бригада.

Такъ какъ командиръ полка, по приходѣ на бивакъ, не могъ получить точныхъ приказаній относительно выступленія, потому что

неизвѣстно было, когда соберутся всѣ части отряда, то приказалъ — безъ особаго распоряженія не будить людей, а самъ провелъ всю ночь безъ сна, у костра, въ ожиданіи окончательнаго приказанія.

Въ пять часовъ пріѣхалъ бригадный адъютантъ поручикъ князь Андроникovъ и привезъ извѣстіе, что выступленіе назначено въ шесть часовъ утра. Изъ полковаго обоза прибыли ночью только ротныя кухни, но такъ поздно, что обѣда варить было некогда. Остальной обозъ спускался съ неимовѣрными трудностями съ отвѣснаго спуска. Командиръ полка поднялъ людей за двадцать минутъ до шести часовъ, и ровно въ шесть, полкъ, съ музыкою, двинулся во главѣ колонны.

Поднявшись на высоты, войска попали на хорошую, ровную дорогу и шли съ музыкой и пѣснями безъ затрудненій. Не взирая на тяжолый прошлый переходъ, солдаты имѣли веселый, бодрый видъ. Французскій генералъ графъ де-Курси ѣхалъ впереди полка, любовался нашими солдатами, ихъ ходкостью и увѣрялъ, что если дѣло такъ пойдетъ и далѣе, то вскорѣ будемъ въ Эрзерумѣ. Въ десятомъ часу, войска спустились въ плодоносныя равнины, орошенныя Араксомъ, и съ подобающей торжественностью вступили въ мѣстечко Хоросанъ. Населеніе добродушно встрѣтило русскихъ, высыпавъ на плоскія крыши и балконы. Пройдя Хоросанъ, 2-я бригада разбила лагерь на полянѣ, впереди деревни, выровнявъ палатки стройно и въ порядкѣ, точно въ мирное время. Обозы тоже вскорѣ подтянулись, а съ ними прибыли постепенно эриванцы, грузинцы и елисаветпольцы.

15-го октября, около трехъ часовъ пополудни, весь отрядъ собрался у Хоросана. Тотчасъ же принялись готовить пищу, столь необходимую для нижнихъ чиновъ, которые въ продолженіи сорока часовъ были только на фунтовой порціи сухарей. Чтобы устранить въ деревнѣ безпорядки, неминуемые при большомъ скопленіи полуголодныхъ войскъ, выставлены были караулы; въ самомъ Хоросанѣ и вблизи его стояли посты.

Вечеромъ, въ этотъ же день, присоединился къ намъ авангардъ эриванскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Келбали-хана Нахичеванскаго. Ханъ разсказывалъ, что Исмаилъ-паша

бѣжитъ поспѣшно, оставляя по дорогѣ все, что его стѣсняетъ. Тутъ же войска узнали, что Исмаилъ-паша, съ остатками своей арміи, незадолго передъ нами переправился черезъ Араксъ у Кепри-кея. По поводу этого извѣстія, 15-го числа, съ вечера, выдвинули въ Хорамъ кавалерію.

Въ Хоросанѣ предполагалась дневка. Однако, въ ночь съ 15-го на 16-е число, получено было приказаніе, чтобы вторая бригада гренадеръ выступила утромъ, въ шесть часовъ, 16-го октября, въ Хорамъ, на поддержку кавалеріи, долженствовавшей въ этотъ день произвести рекогносцировку Кепри-кея, который, какъ говорили, былъ сильно укрѣпленъ и занятъ турками.

Тифлисскій полкъ выступилъ въ головѣ колонны, налегкахъ, подъ начальствомъ своего командира, и прибылъ въ Хорамъ къ девяти часамъ утра. Лишь только полкъ остановился на бивакѣ, начальникъ кавалеріи генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ выступилъ, со всею кавалеріею, къ Кепри-кею, для рекогносцировки, сдавъ начальству надъ лагеремъ, до прибытія старшихъ начальниковъ, полковнику Ридигеру. Около десяти часовъ утра, прибыли въ Хорамъ мингрельцы. Обозъ не опоздалъ, а потому немедля поставили палатки и заварили обѣдъ. Мѣсто для бивака выбрано было хорошее. Впереди его имѣлась надежная боевая позиція, которую приказали укрѣпить. Генералъ Гейманъ, вскорѣ тоже прибывшій, лично разставилъ войска на бивакѣ. Въ сосѣднія деревни отправлены были фуражиры, подъ командою офицеровъ.

Генералъ Гейманъ вошелъ въ палатку командира 2-й бригады генералъ-маіора фонъ-Шака, гдѣ собрались и прочіе начальники, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе результата рекогносцировки. Къ тремъ часамъ, генералъ Гейманъ получилъ записку слѣдующаго содержанія, прочитанную вслухъ: «турки сняли свой лагерь и поспѣшно отступаютъ къ Гасанъ-Кала; зажгли свои запасы. Я принялъ мѣры къ утушенію пожара и къ преслѣдованію непріятеля. Генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ».

Прочитавъ записку, генералъ Гейманъ торопливо закричалъ: «въ ружье»! Мигомъ котлы были опрокинуты, палатки сняты, и черезъ нѣсколько минутъ полкъ былъ готовъ къ выступленію. Тиф-

лисцы быстро двинулись вслѣдъ за кавалеріей, оставшейся при отрядѣ, которая пошла на рысяхъ по дорогѣ къ Кепри-кею. Генералъ Гейманъ сказалъ нѣсколько ободрительныхъ словъ солдатамъ—въ виду ночнаго форсированнаго марша. Они радостно выразили своему начальнику полную готовность на всѣ его требованія и, забывъ усталость предшествовавшихъ дней, чуть не въ припрыжку спѣшили за кавалеріей.

Генералъ Гейманъ поскакалъ съ своимъ штабомъ вслѣдъ за кавалеріей. Отрядъ шелъ форсированнымъ маршемъ; обозы были въ хвостѣ. Отъ каждаго полка назначено по одному офицеру, которому вмѣнено въ обязанность—собирать отсталыхъ въ команды и изъ нихъ составлять прикрытіе обозовъ. Въ темнотѣ, мы добрались до Кепри-кея, дѣлая не менѣе шести верстъ въ часъ.

Кепри-кей хотя и имѣлъ укрѣпленія, но непріятель отдалъ его намъ безъ боя и, видимо, отступилъ въ порядкѣ, потому что ничего не было брошено. По приходѣ нашемъ въ деревню, пожара больше не было. За деревней намъ дали двухчасовой привалъ. Здѣсь, одни кое-что себѣ варили, а большая часть заснула мертвецкимъ сномъ.

Отъ Хоросана до Хорама восемнадцать верстъ, а отъ послѣдней деревни до Кепри-кея пятнадцать. Слѣдовательно, въ этотъ день, до полуночи, сдѣланъ былъ переходъ въ тридцать три версты.

Около одиннадцати часовъ, мы выступили снова. Ночь была сырая, темная и необыкновенно холодная. Кромѣ того, на каждомъ шагу попадались оросительныя канавы и рѣчки; ихъ надо было переходить въ бродъ и топтаться въ грязи. Люди вымочили обувь и шли уже не такъ бодро, какъ въ началѣ вечера. Проводниковъ не имѣлось, и колонна, въ темнотѣ, за Кепри-кеемъ сбилась съ дороги. Пошли, разумѣется, наугадъ. Пройдя немного, мы увидѣли бивачные огни и наткнулись на бивакъ конно-иррегулярнаго закатальскаго полка, слѣдовавшаго изъ эриванскаго отряда и тоже не знавшаго, куда ему идти.

Вдали, между тѣмъ, уже слышалась ружейная перестрѣлка и пушечные выстрѣлы; повременамъ, воздухъ прорѣзывали огненныя полосы ракетъ. Мы прибавили шагъ и пошли на выстрѣлы; зака-

тальцы двинулись тоже съ нами. Перестрѣлка длилась, однако, не болѣе часа; затѣмъ, все стихло. Оказалось, что кавалерія наша имѣла дѣло съ арріергардомъ Измаилъ-паши. Турки поспѣшно очистили Гасанъ-Кала и бѣжали, оставивъ много труповъ и неубраный лагерь. На разсвѣтѣ стали показываться бѣлыя стѣны старинной крѣпости, торчавшей на черныхъ отвѣсныхъ скалахъ. То было укрѣпленіе и городъ Гасанъ-Кала—будущій пріемникъ и разсадникъ эпидеміи, могила нашихъ собратовъ.

Когда подошли къ городу—было вполнѣ свѣтло. Вскорѣ яркое солнце выглянуло изъ за тучъ. Тифлисскій полкъ остановили правѣе города, на огородахъ, засѣянныхъ рѣпой, оказавшейся очень пригодною для утоленія голода, такъ какъ нѣкоторые солдаты около сутокъ ничего не ѣли. Остановивъ полкъ, генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ поѣхалъ съ полковникомъ Ридигеромъ въ городъ, чтобы узнать дальнѣйшія распоряженія. Черезъ нѣсколько времени, къ генералу явились проводники—для указанія войскамъ дороги мимо города, такъ какъ въ городѣ была страшная грязь. Проводники, однако, какъ оказалось, обходной дороги не знали, и отряду пришлось взбираться, съ артилеріей и частью обоза, на крутую скалу. Одну версту мы шли болѣе трехъ часовъ. Выбравшись за городъ, отрядъ сталъ бивакомъ впереди кладбища. Кругомъ виднѣлись слѣды брошеннаго лагеря: кучи соломы, сѣна, палатокъ, мѣшки съ мукою и даже отличный шанцевый инструментъ. Все это валялось въ безпорядкѣ, разбросанное на довольно большомъ пространствѣ. Солдаты рвали турецкія палатки и дѣлали изъ нихъ портянки, такъ какъ у многихъ ихъ вовсе не было. На шанцевыхъ лопаткахъ стали жарить лепешки и галушки, приготовляя ихъ изъ разбросанной муки. Многіе до того были голодны, что, набравъ въ горсть муки и окунувъ ее въ воду, ѣли съ жадностью это сырое, отвратительное и вредное мѣсиво. Да, голодали всѣ поголовно въ продолженіи тридцати часовъ—и офицеры, и солдаты: съ нами вѣдь не было ни маркитанта, ни обозовъ. Мы были вполнѣ увѣрены, что въ этотъ день вступимъ въ бой, а потому и не предвидѣли возможности имѣть горячую пищу. Подобныя соображенія послужили поводомъ къ тому, что часть людей старалась запастись мукой, равно щепками, расчитывая вече-

ромъ сварить себѣ тюрю или надѣлать галушекъ.

Недолго пришлось намъ отдыхать. Вскорѣ, отъ генерала Лорисъ-Меликова, преслѣдовавшаго турокъ, получена была записка, что непріятель тѣснитъ нашу кавалерію, наступая всѣми силами отъ Куруджука, а потому—необходима поддержка пѣхоты. Бригада наша, въ резервномъ порядкѣ, двинулась немедленно впередъ. Усталые люди едва передвигали ноги; бригада сильно растянулась. Войска шли по полямъ, перерѣзанцымъ безчисленными оросительными канавами. По дорогѣ лежали кучи брошеннаго турецкаго добра: разряженные снаряды, множество патронныхъ ящиковъ, изломанныя колеса, разорванные вьюки. Мѣстами, попадались трупы, падаль лошадей и верблюдовъ.

Пройдя двадцать верстъ, бригада остановилась, не доходя селенія Куруджукъ, и отдыхала часа два. Впереди виднѣлась наша кавалерія. Еще засвѣтло, пріѣхалъ генералъ Гейманъ и приказалъ пѣхотѣ—дойдя до кавалеріи, стать впереди ея лагеремъ въ одну линію, чтобы отрядъ казался многочисленнѣе. Вся тревога относительно наступленія турокъ оказалась фальшивою: непріятель радъ былъ, повидимому, что дешево отдѣлался, и, не думая ни о какихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, убрался поскорѣе въ свои деве-бойнскіе окопы.

Лагерное мѣсто пришлось на топкомъ полѣ. Посреди бивака протекала искусственная рѣчка съ мутной водой. Передъ фронтомъ высились вершины хребта Деве-Бойну, а за нимъ лежалъ завѣтный Эрзерумъ. Ночью, пришли эриванцы; вслѣдъ затѣмъ, стянулись остальные полки.

И такъ, войска пробыли въ походѣ тридцать пять часовъ, сдѣлавъ переходъ въ шестьдесять верстъ.

ГЛАВА XI.

Лагерь у селенія Куруджукъ. Приказъ по отряду. Дороговизна и недостатокъ продовольствія и фуража. Рекогносцировка укрѣпленныхъ позицій на Деве-Бойну. Сраженіе 23-го октября. Разгромъ турецкой арміи. Потери полка. Неудавшійся штурмъ Эрзерума. Новыя потери.

18-го октября, войскамъ данъ былъ полный отдыхъ. Фуража не было, топлива—тоже. Однако, послѣднему горю немного помогали непріятельскіе телеграфные столбы, разобранные на дрова. Сухари приняты были по 24-е число. Недостатокъ провіанта угрожалъ неисчислимыми бѣдствіями, а тутъ подходилъ эриванскій отрядъ: надо было чѣмъ нибудь кормить и его. Офицеры и солдаты, не имѣя вещей, страшно обносились. Нѣкоторые офицеры купили въ Гасанъ-Кала ситецъ, сами сшили себѣ бѣлье, а старое, до крайности загрязненное, сожгли.

Дороговизна увеличивалась: бутылка дрянной водки стоила два рубля, бутылка вина—тоже самое, фунтъ сахару тоже два рубля, фунтъ чаю пять рублей, фунтъ табаку два рубля, сотня папиросъ—тоже, фунтъ махорки одинъ рубль, двадцать копѣекъ. Кромѣ говядины, въ полковомъ духанѣ ничего не было. Такса на всѣ припасы существовала произвольная, хищническая; почтъ и сообщеній съ тыломъ не существовало. Вообще, положеніе отряда было невыносимое. Несмотря на все это, солдаты отдыхали, мылись, занимались починкою своихъ лохмотьевъ и сапоговъ. Отъ полка выслана была въ Гасанъ-Кала команда для погребенія турокъ, убитыхъ во время атаки города драгунами; собрано и зарыто было въ городѣ до сорока труповъ.

Генералъ Гейманъ, сознавая всѣ тягости отряда и желая поддержать и ободрить войска, издалъ слѣдующій приказъ:

«Войска соганлугскаго отряда! Въ теченіе семи съ половиною дней, несмотря на непогоды и горныя дороги, вы прошли столько пространство въ 174 версты, но успѣли настигнуть непріятеля, который въ страхѣ отъ васъ бѣжалъ. Всѣ, отъ старшаго до младшаго, перенесли громадные труды, возможные только для войскъ, испытанныхъ въ бояхъ. Искренно благодарю всѣхъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-

офицеровъ за ихъ неутомимое содѣйствіе такому важному дѣлу, какъ занятіе всей непріятельской страны. Въ особенности, выражаю мою душевную признательность начальнику кавалеріи генералъ-маіору Лорисъ-Меликову и генералъ-маіору Келбали-хану Нахичеванскому— за неутомимое преслѣдованіе непріятеля въ ночь съ 16-го на 17-е октября. Душевное спасибо молодцамъ нижнимъ чинамъ за ихъ баснословные труды, въ особенности, нижегородцевъ, сѣверцевъ и 2-го горско-моздокскаго полка, которые, несмотря на усталость, лихо разбили турокъ. Теперь, боевые товарищи, мы поистинѣ завоевали себѣ спокойныя зимнія квартиры въ сердцѣ Анатоліи, и смѣю надѣяться, что запертый нами въ крѣпости непріятель не посмѣетъ насъ потревожить. Приказъ этотъ прочитать передъ ротами, эскадронами и батареями».

Съ 19-го по 23-е октября, всѣмъ войскамъ, находившимся у Куруджука, данъ былъ отдыхъ. Въ теченіе этого времени, постепенно подходилъ эриванскій отрядъ, и къ 22-му октября онъ весь былъ въ сборѣ. Всѣ эти дни похожи были одинъ на другой. Погода мѣнялась постоянно. Большею частью, шелъ дождь, иногда только проглядывало солнце. Когда не мочило сверху—солдаты поднимали палатки, сушили одежду и выгребали лопатами грязь.

Отрядъ нуждался во всемъ. Въ окрестныхъ деревняхъ разрѣшено было производить фуражировки, которыя, однако, оканчивались весьма незавидными пріобрѣтеніями. Правда, офицеры усердно ревизовали аулы, но вообще, привозили лишь немного самана, ячменя, дровъ, масла, яицъ и прочая; сѣна же вовсе не находили: жители старались все спрятать. Пытались было устроить базаръ при отрядной квартирѣ, и даже объявили таксу, но населеніе отнеслось безучастно къ этой затѣѣ, и базаръ оставался пустъ. Не взирая на отсутствіе подвоза, войскамъ все-таки варили два раза въ день горячую пищу.

Служба въ эти дни была не тяжела: для оцѣпленія лагернаго мѣста выставляли днемъ и ночью нарныхъ часовыхъ; въ нарядъ выходила одна рота отъ каждаго полка. По вечерамъ, согласно приказу по отряду, играла музыка, пускали сигнальную ракету, и раздавался заревой выстрѣлъ. Нижнихъ чиновъ, для переклички, вы-

строивали впереди палатокъ. Послѣ зари, торжественно раздавались звуки гимна, который повторялся тысячами голосовъ. Все это дѣлалось въ виду турецкой арміи, въ виду грознаго хребта Деве-Бойну, ежедневно покрывавшагося на глазахъ нашихъ новыми окопами, батареями и бѣлѣвшими лагерями. На этихъ высотахъ должна была рѣшиться судьба соединенныхъ армій Мухтара и Измаила пашей, и должны были выразиться результаты нашихъ зимнихъ предпріятій.

20-го октября, генералъ Гейманъ дѣлалъ парадный объѣздъ лагеря, начиная съ лѣваго фланга. Въ приказѣ по полку подтверждено было, чтобы во время этого объѣзда руководствоваться во всемъ правилами устава полевой службы. Въ девять съ половиною часовъ утра, нижніе чины стояли на линейкахъ группами, въ однихъ мундирахъ; офицеры—въ сюртукахъ, фуражкахъ и при оружіи. Погода была сѣрая; дулъ холодный вѣтеръ. Генералъ Гейманъ прибылъ къ полку въ десять часовъ. Подъѣхавъ къ офицерамъ, собраннымъ на лѣвомъ флангѣ, онъ, въ энергическихъ выраженіяхъ, благодарилъ ихъ за службу и просилъ употребить всѣ мѣры, чтобы поддержать внутренній порядокъ въ войскахъ, такъ какъ бывали случаи, хотя и единичные, захвата нижними чинами, во время фуражировокъ, собственности жителей. Весьма вѣскимъ оправданіемъ въ этомъ случаѣ должно служить, однако, то, что забирались исключительно предметы, необходимые для ѣды, такъ какъ уже тогда люди голодали, вслѣдствіе недостатка сухарей и дурной пищи, для доброкачественности которой многаго негдѣ было достать. Для утоленія голода, каждый солдатъ старался достать для себя муки. Кто имѣлъ деньги—покупалъ ее, а для неимѣющихъ, являлось искушеніе—промышлять даромъ. Изъ муки дѣлались галушки или лепешки на говяжьемъ салѣ, и вмѣсто сковороды служилъ турецкій шанцевый инструментъ, захваченный въ большомъ числѣ въ брошенномъ лагерѣ у Гасанъ-Кала. Нижнимъ чинамъ генералъ Гейманъ объявилъ свое задушевное спасибо и сказалъ, что остается лишь взять Эрзерумъ, до котораго только пятнадцать верстъ, и тамъ—перезимовать. Въ отрядѣ, между тѣмъ, всѣ эти дни носился слухъ, что въ Эрзерумѣ бунтъ, и жители требуютъ сдачи крѣпости.

21-го октября, генералъ Гейманъ, послѣ военнаго совѣта съ генералами и тѣми начальниками частей, которымъ предназначались колонны въ предстоящемъ сраженіи, производилъ рекогносцировку укрѣпленныхъ турецкихъ позицій сосклоновъ горы Карга-Базаръ. Рекогносцировка выяснила слѣдующее: хребетъ Деве-Бойну, занимаемый непріятелемъ, раздѣлялся большою эрзерумскою дорогою на двѣ части (см. планъ № 6-й). Въ центрѣ этихъ двухъ половинъ, между правымъ и лѣвымъ флангами непріятельской позиціи, для прикрытія большой дороги, обстрѣливаемой съ двухъ сторонъ, находился незначительный непріятельскій лагерь, густо сгруппированный и прикрытый траншеями и одною батареею. Правый флангъ непріятельскаго расположенія представлялъ собою три большіе холма, усиленные батареями и траншеями; на этихъ холмахъ была расположена только часть непріятельскаго лагеря; главный же лагерь находился за холмами, въ лощинѣ, и такъ какъ холмы эти связаны сѣдловиной, то лагерь съ фронта былъ невидѣнъ. Позиція праваго фланга была довольно сильна и почти недоступна для фронтальной атаки, и ее можно было обойти лишь съ праваго фланга, у подножія горы Полатъ-Текенъ, но путь этотъ былъ укрѣпленъ небольшими батареями и траншеями, съ разбросанными при нихъ прикрытіями, и, сверхъ того, преграждался большимъ, глубокимъ, съ крутыми боками, ущельемъ, идущимъ почти отъ снѣговой горы Полатъ-Текенъ къ деревнямъ Гюлли и Тополахъ. Лѣвый флангъ позиціи представлялъ собою ровную возвышенность Узунъ-Ахметъ, весьма трудно доступную съ фронта, но легко атакуемую съ ея лѣваго фланга, со стороны оврага, идущаго черезъ Деве-Бойну. Сѣверозападнѣе этого оврага находится высота Чобанъ-Дагъ, имѣющая скалистый гребень по фронту позиціи, и впереди гребня выдается небольшой холмъ, спускающійся террасою къ сторонѣ деревни нижніе Туи. Высота эта тоже была занята турками, въ числѣ отъ трехъ до четырехъ батальоновъ, съ горными и полевыми орудіями. Съ послѣднихъ скатовъ этой высоты, а равно и съ гребня высоты Узунъ-Ахметъ, обстрѣливался поперечнымъ огнемъ вышеупомянутый оврагъ, идущій черезъ Деве-Бойну. Высота Чобанъ-Дагъ, ограниченная со стороны фронта позиціи скалистымъ гребнемъ, не давала возможности занимавшимъ ее

СРАЖЕНИЕ ПРИ ДЕВЕ-БОЙНУ

№ 6.

турецкимъ войскамъ перейти въ наступленіе, а потому, дѣйствія этихъ войскъ могли ограничиваться только одною перестрѣлкою; находящійся же у подошвы Чобанъ-Дага холмъ представлялъ полную возможность бывшимъ тамъ турецкимъ войскамъ перейти въ наступленіе.

Такимъ образомъ, съ занятіемъ верхняго плато высоты Узунъ-Ахмета, перевалъ эрзерумской дороги, на которомъ былъ центръ непріятельской позиціи, находился подъ ближайшимъ ружейнымъ огнемъ съ Узунъ-Ахмета, а правый флангъ непріятеля не имѣлъ другого отступленія, кромѣ трудныхъ тропинокъ, ведущихъ черезъ Полатъ-Текенъ. Позиція эта была занята непріятелемъ, въ составѣ до шестидесяти баталіоновъ пѣхоты, двухъ полковъ кавалеріи и около пятидесяти орудій: въ числѣ послѣднихъ было восемь крѣпостныхъ шести-дюймовыхъ и около шести горныхъ; остальныя же полевыя.

На основаніи сдѣланнаго подробнаго осмотра, составлена была диспозиція на 23-е октября. Ее прислали наканунѣ, поздними вечеромъ. Она занимала два листа и составлена была осмотрительно, осторожно. Въ полку ее тотчасъ сообщили во всѣ баталіоны и роты (77).

23-го октября, въ шесть часовъ утра, тифлисскій полкъ былъ готовъ къ выступленію. Пріѣхалъ сначала генералъ фонъ-Шакъ, потомъ—командующій дивизіею генералъ-маіоръ Соловьевъ. Послѣдній, поздоровавшись съ людьми, объявилъ, что отъ предстоящаго дѣла зависитъ участь нашей зимней стоянки.

— Намъ надо завоевать зимнія квартиры, добавилъ генералъ.

Солдаты сочувственно отнеслись къ словамъ начальника, отлично понимая, что пока существуетъ турецкая армія—намъ не знать покоя.

Тифлисскій полкъ назначался въ передовую линію. Послѣ объѣзда полка генераломъ Соловьевымъ, войска немедля тронулись. Впереди слѣдовали три сотни эриванскаго казачьяго полка, освѣщая мѣстность; за ними—1-й и 2-й баталіоны, имѣя въ серединѣ двѣ роты саперъ и батарею 19-й артилерійской бригады полковника Парчевскаго, въ шесть орудій, съ усиленною запряжкою; вторую

линію составляли 2-й и 4-й баталіоны. За тифлисцами, въ общемъ резервѣ, шли мингрельцы—тоже въ двѣ линіи. Колоннѣ генералъ-маіора фонъ-Шака были даны проводники, которые вели отлично. Генералъ выдалъ имъ десять рублей, а въ началѣ сраженія отправилъ ихъ восвояси.

Отъ лагеря до сел. Карамелеть мѣстность была совершенно ровная, и мы двигались безъ затрудненій. Пройдя съ версту за Караделеть, мы услышали первый орудійный выстрѣлъ, направленный въ отрядъ генералъ-маіора Авинова. Было около восьми часовъ. Колоннѣ генералъ-маіора фонъ-Шака приказано было остановиться. Генералъ выжидалъ развитія сраженія, разсматривая въ бинокль непріятельскія позиціи. Оказалось, что передъ дер. Тополахъ находились укрѣпленія, занятыя непріятелемъ; поэтому, генералъ фонъ-Шакъ послалъ къ генералу Гейману—просить разрѣшенія о томъ, чтобы отступить нѣсколько отъ указаній диспозиціи. Во время боя, генералъ Гейманъ прислалъ позволеніе не придерживаться въ деталяхъ диспозиціи, но главную ея цѣль, т. е. демонстрированіе, велѣно исполнять неуклонно.

Къ счастью, съ утра небо прояснилось, туманъ разсѣялся, и сдѣлалось ясно и довольно тепло.

Когда въ центрѣ выстрѣлы участились, 2-я бригада снова перешла въ наступленіе, направляемая лично генераломъ фонъ-Шакомъ. Спустя немного, мы попали подъ огонь дальнобойныхъ турецкихъ орудій, стрѣлявшихъ тоже изъ центра, а потому, командиръ полка приказалъ переднимъ баталіонамъ перестроиться въ боевой порядокъ. Баталіоны развернулись поротно въ двѣ линіи: полкъ взялъ прямое направленіе на сел. Гюлли; 1-й и 2-й баталіоны, съ батареей и съ саперами, шли нижнею дорогою, по равнинѣ, а 3-й и 4-й баталіоны поднялись на хребетъ влѣво и слѣдовали по откосу, держась общаго направленія.

Генералъ фонъ-Шакъ направилъ 1-й баталіонъ и батарею на сел. Гюлли. Первый баталіонъ занялъ позицію лѣвѣе селенія, имѣя въ цѣпи охотниковъ, съ поручикомъ Рейбургомъ, и 2-ю роту, подъ командою поручика Кучевскаго. Ротамъ пришлось расположиться на гребнемъ, въ одну линію; батарея выѣхала на позицію. Третій ба-

таліонъ, по приказанію командира полка, выслалъ цѣпь, занялъ бѣгомъ позицію лѣвѣе сел. Гюлли, надъ глубокимъ оврагомъ, предупредивъ турокъ, которые, увидя движеніе 3-го баталіона, хотѣли раньше его занять ту же позицію. Вблизи 3-го баталіона наступали три сотни 1-го волгскаго казачьяго полка, полковника Воробьева.

Второй баталіонъ получилъ категорическое приказаніе отъ генерала фонъ-Шака, черезъ бригаднаго адъютанта поручика Андроникова—оставаться возлѣ мельницы. Наступленіе нашей колонны, повидимому, было принято за настоящую атаку, такъ какъ замѣтно было на правомъ флангѣ турокъ большое передвиженіе войскъ и, сверхъ того, они направили на насъ огонь изъ всѣхъ, имѣвшихся у нихъ подъ руками, орудій. Въ рядахъ нашихъ начались потери: особенно сталъ терпѣть волгскій полкъ, представлявшій болѣе обширную цѣль и очутившійся на линіи нашей цѣпи. Командиръ этого полка былъ контуженъ въ голову. Вскорѣ казаковъ передвинули на лѣвый флангъ—для охраненія его.

4-й баталіонъ, выдвинувшись на линію 3-го баталіона, составилъ лѣвый флангъ нашей позиціи и расположился поротно, имѣя 4-ю стрѣлковую роту въ цѣпи, а остальныя—въ одну линію въ резервѣ. Желая занять наиболѣе удобную позицію, командующій 4-ю стрѣлковою ротою подпоручикъ Невѣровскій перешелъ скалистый оврагъ, бывшій впереди его фронта, и занялъ высоты, фланкирующія турецкія траншеи. Хотя движеніе 4-й стрѣлковой роты и было нѣсколько смѣлое, но занятая ею позиція оказалась настолько выгодной, что оставлять ее было нельзя, а потому полковникъ Ридигеръ приказалъ, для поддержки 4-й стрѣлковой роты, переправиться черезъ оврагъ сначала 10-й ротѣ, а затѣмъ—и двумъ остальнымъ ротамъ. Роты 4-го баталіона быстро переправились черезъ оврагъ, направляемыя своими ротными командирами—капитанами Афанасьевымъ, Баграмовымъ, штабсъ-капитаномъ Абеловымъ и подпоручикомъ Невѣровскимъ, круто выдвинули лѣвое плечо впередъ, заняли командующія высоты и стали относительно турокъ въ такое фланговое положеніе, что нашимъ стрѣлкамъ видна была турецкая позиція съ тыла.

Въ началѣ боя, правый флангъ турецкой позиціи былъ занятъ

весьма слабо, вѣроятно, въ томъ расчетѣ, что атака на этотъ пунктъ была неудобоисполнима и трудна. По непріятельскимъ выстрѣламъ можно было безошибочно заключить, что на правомъ флангѣ турки имѣли первоначально четыре орудія, табора два-три пѣхоты и около сотни кавалеріи. Энергическое наступленіе 1-го, 3-го и 4-го баталіоновъ, а равно и поспѣшное занятіе полкомъ позиціи у Гюляли, придали бою совершенно иной характеръ.

Такъ какъ колонна генералъ-маіора Авинова ограничивалась противъ центра лишь артилерійской канонадой, а наши резервы и кавалерія не двигались, то турецкіе начальники, вѣроятно, обманулись, воображая, какъ уже выше сказано, что колонна генерала фонъ-Шака ведетъ дѣйствительное наступленіе, стараясь обойти правый флангъ ихъ позицій. Въ виду подобныхъ соображеній, турки, изъ своего центра и лѣваго фланга, старались отправить всѣ свободныя войска—для усиленія своего праваго фланга. Передвиженіе непріятельскихъ частей и батарей замѣчалось ясно и отчетливо, такъ какъ намъ видна была вся непріятельская позиція насквозь. Сначала непріятель двинулъ всю кавалерію: сотни, съ распущенными значками, неслись вскачь и, по прибытіи на мѣсто, немедленно спѣшивались, присоединяясь къ войскамъ, уже занимавшимъ боевыя позиціи, и открывая вмѣстѣ съ ними убійственную пальбу изъ магазинокъ.

Между тѣмъ, 4-й баталіонъ, войдя въ сферу выстрѣловъ, началъ стрѣлять по тремъ турецкимъ траншеямъ, ставя прицѣлы на 600—700 шаговъ. Огонь былъ настолько мѣткій, что принудилъ турокъ очистить траншеи и заставилъ ихъ укрыться въ оврагѣ. Тутъ былъ раненъ пулею въ ногу командиръ 11-й роты штабсъ-капитанъ Абеловъ. Въ это время значительная кавалерійская часть, слѣдуя оврагомъ, пыталась обойти лѣвый нашъ флангъ и бросилась на 12-ю роту. Командиръ роты капитанъ Афанасьевъ открылъ по кавалеріи залпы и затѣмъ, бросился на нее въ штыки. Партія всадниковъ отброшена была съ урономъ, и 12-я рота заколола шесть человѣкъ и три лошади. Капитанъ Афанасьевъ гналъ бѣгущаго непріятеля до слѣдующаго оврага. Тутъ, 12-я рота увидѣла двѣ турецкія пѣхотныя колонны, прикрытыя цѣпью и поднимав-

шійся на гребень, занятый 4-мъ баталіономъ. Капитанъ Афанасьевъ задержалъ нѣсколько непріятеля частымъ огнемъ, но, въ виду превосходныхъ силъ противника, 12-я рота отошла съ пальбой, немного назадъ. Когда двѣ турецкія колонны показались на хребтѣ—весь четвертый баталіонъ ринулся впередъ. Непріятель далъ тылъ, но не угомонился и, устроившись въ лощинѣ, снова ударилъ на 12-ю роту, лежавшую на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашемъ и занимавшую выдающееся положеніе. Турецкая пѣхота и кавалерія охватили 12-ю роту съ трехъ сторонъ. Положеніе было критическое, но капитанъ Афанасьевъ, въ свою очередь, не растерялся и, хладнокровно распоряжаясь, отбилъ атаку огнемъ. Понимая серьезность своего положенія, онъ озаботился прикрыть свой флангъ, и съ этой цѣлью послалъ влѣво, на командующую высоту, шесть человѣкъ надежныхъ рядовыхъ, подъ командою унтеръ-офицера. Предпринятая мѣра не дала возможности туркамъ заснакать четвертому баталіону въ тылъ, потому что наблюдательный постъ предупреждалъ стрѣльбою о движеніи турокъ.

Въ то самое время, когда тифлисцы смѣло занимали выгодныя позиціи, генералъ фонъ-Шакъ укрылъ мингрельскій полкъ и второй баталіонъ тифлисцевъ за возвышенностями, маскировавшими наши дѣйствія. Сильно пересѣченная мѣстность, изрытая оврагами, чрезвычайно благопріятствовала скрытному расположенію; поэтому, турки не могли знать числительности колонны генерала фонъ-Шака, предполагая ее, очевидно, гораздо сильнѣе, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Словомъ, непріятель съ первыхъ минутъ сраженія былъ введенъ въ полное заблужденіе.

Между тѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи боя, полковникъ Ридигеръ, находившійся при 3-мъ баталіонѣ, обратившемся тоже въ одну густую цѣпь, видѣлъ затруднительное положеніе 4-го баталіона, но послать подкрѣпленія ему не могъ, потому что подъ рукою ничего не имѣлось въ резервѣ. Думать же объ отводѣ баталіона назадъ—было невозможно, такъ какъ тогда турки, увидя нашу слабость, поняли бы, что мы только демонстрируемъ, и прекратили бы передвиженіе на свой правый флангъ резервомъ. Обстоятельство это указывало на необходимость придвинуть къ боевой линіи 2-й бата-

ліонъ, оставшійся въ резервѣ. Полковникъ Ридигеръ послалъ къ генералу фонъ-Шаку просьбу о высылкѣ къ нему втораго баталіона и батареи. Былъ уже часъ пополудни. Турки къ этому времени сгруппировали противъ тифлисцевъ до десяти таборовъ пѣхоты и шестнадцать орудій.

По прибытіи свѣжихъ таборовъ, турки каждый разъ переходили въ наступленіе. Прикрытые густою цѣпью стрѣлковъ, массы непріятельской пѣхоты сначала безъ выстрѣла, съ криками «алла», довольно стройно двигались въ атаку. Наша цѣпь, состоявшая изъ 3-го и 4-го баталіоновъ, полукругомъ охватившая правый флангъ непріятеля, хладнокровно встрѣчала его убійственнымъ огнемъ. Вслѣдствіе этого, по мѣрѣ сближенія съ нами, пылъ атакующихъ ослабѣвалъ: они быстро терялись. Прежде всего, турецкая цѣпь открывала пальбу на ходу; затѣмъ, отойдя шаговъ четыреста или пятьсотъ, цѣпь и резервы останавливались, стараясь укрѣпиться за мѣстными преградами. Въ концѣ концовъ, это имъ тоже не помогло и, не выдерживая нашего огня, вся масса атакующихъ превращалась въ безпорядочную толпу и бѣгомъ спускалась въ оврагъ, лежавшій впереди укрѣпленій. Устроившись тамъ, турки снова переходили въ наступленіе. Такимъ образомъ, непріятель нѣсколько разъ возобновлялъ атаку за атакой. Натиска непріятельской пѣхоты намъ бояться было нечего: позади, въ резервѣ, стоялъ 2-й баталіонъ тифлисцевъ и весь мингрельскій полкъ. Пока были у насъ патроны, турки ничего не могли сдѣлать. Въ началѣ боя снабженіе боевой линіи патронами производилось вполнѣ успѣшно; но вслѣдствіе пересѣченной мѣстности и дальняго расположенія патронныхъ фургоновъ, лошади вскорѣ изнурились; несмотря на то, что патроны на вьюкахъ доставлялись на тридцати двухъ лошадяхъ, подвозъ ихъ вскорѣ замедлился. Вьюкъ былъ простаго устройства: два связанныхъ между собою переметныхъ мѣшка, въ которые укладывались колодки съ патронами. Мѣшки перекидывались черезъ спину лошади, на нее садился фурштатъ и, гдѣ можно, вскачь подвозилъ патроны. Уже съ половины дня лошади окончательно выбились изъ силъ: при каждой остановкѣ онѣ ложились и ихъ съ большимъ трудомъ можно было поднять на ноги.

Между тѣмъ, въ центрѣ слышалась орудійная канонада; но что тамъ дѣлалось—никто не зналъ. О колоннѣ полковника князя Амираджиби—тоже не было слышно. Намъ казалось—и совершенно безошибочно—что пока вся суть боя сосредоточивалась на нашемъ флангѣ.

Послѣ полудня, прибылъ второй баталіонъ. 6-я и 2-я стрѣлковая роты направлены были въ общую съ 4-мъ баталіономъ цѣпь, 4-я и 5-я роты легли за бугромъ, шаговъ на триста позади 3-го баталіона. Приславъ второй баталіонъ, генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ и самъ прибылъ къ цѣпи 3-го баталіона, гдѣ находился полковникъ Ридигеръ съ командиромъ 3-го баталіона маіоромъ Улановичемъ. Генералъ фонъ-Шакъ переговорилъ съ командиромъ полка о ходѣ сраженія и, убѣдясь въ необходимости подкрѣпить лѣвый флангъ, уѣхалъ, обѣщая прислать баталіонъ мингрельцевъ.

Тѣмъ временемъ, турецкія атаки все были отбиваемы огнемъ цѣпи 2-го, 3-го и 4-го баталіоновъ, при содѣйствіи перваго баталіона, занимавшаго Гюлли. Турки пытались атаковать Гюлли, почему, командующій баталіономъ капитанъ Гагемейстеръ занялъ деревню тремя ротами, 2-я же рота осталась на выгодной прежней позиціи. Въ Гюлли стояли также двѣ роты саперъ, принявшія съ своей стороны мѣры къ отраженію непріятельскихъ атакъ. Капитанъ Гагемейстеръ выслалъ на окраину деревни цѣпь; тоже сдѣлали и саперы. Жители дер. Гюлли, несмотря на пули и гранаты, вынесли лаваши, молоко, сыръ и угощали офицеровъ и солдатъ.

Между тѣмъ, противъ 4-го баталіона, наиболѣе безпокоившаго непріятеля, цѣпи его все сгущались, выстрѣлы становились чаще, артилерія засыпала гранатами, и роты значительно рѣдѣли; мингрельцы же не подходили. Полковникъ Ридигеръ потребовалъ къ себѣ командующаго вторымъ баталіономъ, капитана Борковскаго, и приказалъ ему вести лично двѣ остальныя роты и занять ими оконечность бугра, гдѣ располагался 4-й баталіонъ. Капитанъ Борковскій сейчасъ повелъ 4-ю и 5-ю роты, и хотя непріятель усилилъ огонь, но это не задержало ротъ, которыя всетаки достигли бугра, занятаго 4-мъ баталіономъ, и даже безъ особеннаго урона. Двѣ полуроты разсыпаны были въ цѣпь, а двѣ остальныя оставлены въ

резервѣ, въ дождевыхъ промоинахъ, скрывавшихъ ихъ хорошо отъ выстрѣловъ. Командиры ротъ, поручики Буткевичъ и Гаунъ, лично разставляли цѣпь и руководили ея дѣйствіями. Со введеніемъ въ боевую линію этихъ ротъ, отъ полка образовалась почти сплошная цѣпь, имѣвшая видъ вогнутой дуги, охватывавшей непріятеля. Огонь выступившаго въ цѣпь полубаталіона нѣсколько задержалъ порывъ турокъ, но не надолго.

Наконецъ, въ четвертомъ часу прибылъ второй баталіонъ мингрельцевъ. Со вступленіемъ мингрельскаго полка въ боевую линію, въ колоннѣ генерала фонъ-Шака не оставалось болѣе ни одной свѣжей части, а потому въ резервъ къ нему былъ направленъ изъ колонны генерала Авинова 3-й баталіонъ грузинскаго полка, подъ командою капитана Рыльскаго, къ пяти часамъ вечера ставшій за селеніемъ Гюлли, въ резервѣ. Первой ротѣ этого баталіона, штабсъ-капитана Калиновскаго, полковникъ Ридигеръ приказалъ залечь за бугромъ около того мѣста, гдѣ находился самъ, чтобы имѣть сомкнутую часть подъ рукою, на случай атаки непріятельской кавалеріи, пытавшейся переправиться черезъ оврагъ, впереди дер. Гюлли, съ намѣреніемъ атаковать, повидимому, 1-й баталіонъ. Тремъ же остальнымъ ротамъ мингрельцевъ, подъ начальствомъ командующаго баталіономъ капитана Хандамирова, приказано было стать лѣвѣе и сзади 4-го баталіона тифлисцевъ, для принятія на себя 2-го и 4-го баталіоновъ, если они вынуждены будутъ отступить.

Послѣ часовой перестрѣлки, турки начали снова наступленіе всѣми силами противъ 2-го, 3-го и 4-го баталіоновъ. Это была по крайней мѣрѣ уже десятая атака. Взятый во флангъ и разстрѣлявъ до послѣдняго всѣ патроны, четвертый баталіонъ поставленъ былъ въ необходимость отойти за оврагъ—медленно, шагъ за шагомъ; 6-й и 2-й стрѣлковой ротамъ пришлось сдѣлать тоже самое. Оставаться съ двумя ротами (4-й и 5-й) на горѣ—было крайне рискованно, и потому капитанъ Борковскій началъ также отступать—участками. Турки, съ крикомъ «алла», настойчиво преслѣдовали отступавшіе баталіоны, подходя шаговъ на триста. Огонь непріятельской артилеріи, а въ особенности ружейный, съ каждымъ шагомъ становился чудовищнѣе. Никогда турки не насѣдали такъ смѣ-

ло. Имъ въ это время и въ голову не приходило, что за свою смѣлость они дорого поплатятся, такъ какъ мы, своей демонстраціей, все дальше и дальше отвлекали ихъ силы отъ настоящаго пункта атаки ихъ позиціи—Узунъ-Ахмета.

Офицеры втораго баталіона употребляли всѣ силы для задержанія непріятеля. Но задерживаемые участки цѣпи не могли оставаться на мѣстѣ ни одной минуты. Непріятель билъ прицѣльно, буквально засыпая отступавшихъ пулями. Турецкая стрѣльба была такая же, какъ и подъ Зивиномъ: массы свинца бороздили воздухъ. Затрудненіе при отступленіи увеличивалось еще тѣмъ, что ротамъ пришлось нести своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Наконецъ, 4-я и 5-я роты добрались до линіи третьяго баталіона, прекрасно поддержавшаго мѣткими выстрѣлами отступленіе двухъ баталіоновъ. При переходѣ оврага, ранили въ ногу 5-й роты прапорщика Фруктова. Вскорѣ отошелъ за оврагъ и 4-й баталіонъ, вступивъ въ общую линію полка. Послѣдней отступила 12-я рота, потерявъ въ теченіи боя сорокъ человѣкъ изъ ста нижнихъ чиновъ наличнаго состава. Капитанъ Афанасьевъ находился позади всѣхъ, рискуя попасть въ руки турокъ. Дѣло въ томъ, что офицеръ этотъ, безпокоясь за участь своихъ раненыхъ, лично присматривалъ, чтобы не оставить кого либо на полѣ сраженія. И дѣйствительно, мужество и хладнокровіе офицеровъ не дали возможности туркамъ поживиться ни единымъ нашимъ ружьемъ, а тѣмъ болѣе убитымъ или раненымъ.

Такъ какъ 1-й баталіонъ держался въ Гюлли прочно, дѣйствуя прекрасно, а 3-й баталіонъ не давалъ возможности перейти непріятелю оврага, поэтому полковникъ Ридигеръ озаботился устроить за отступающими 2-мъ и 4-мъ баталіонами вторую боевую линію. Для сказанной цѣли, тремъ ротамъ мингрельцевъ, подъ командою капитана Хандамирова, приказано было занять въ тылу четвертаго баталіона позицію, пропустивъ за себя упомянутый баталіонъ тифлисцевъ. Затѣмъ, полковникъ Ридигеръ лично выдвинулъ роту штабсъ-капитана Калиновскаго. Командующій вторымъ баталіономъ капитанъ Борковскій, лишь только успѣлъ расположить баталіонъ на позиціи, объѣзжая свою цѣпь верхомъ, какъ былъ

раненъ пулею въ правую руку около локтя. Передавъ командованіе баталіономъ капитану Кегамову, капитанъ Борковскій уѣхалъ на перевязочный пунктъ. Въ ту минуту, когда командиръ полка оставался около роты штабсъ-капитана Калиновскаго, съ лѣвой стороны возлѣ него разорвало гранату и осколками тяжело ранило его въ лѣвую сторону шеи. Осколки той же гранаты крѣпко контузили полковаго адъютанта штабсъ-капитана Васильева и убили подъ нимъ лошадь; затѣмъ, онѣ же снесли черепъ полковому штабъ-горнисту унтеръ-офицеру Шейкину, а также контузили полковаго барабанщика Костюка. Вслѣдствіе сильнаго кровотеченія, полковникъ Ридигеръ долженъ былъ отправиться на перевязочный пунктъ. Пославъ маіору Улановичу приказаніе—вступить въ командованіе полкомъ, онъ поѣхалъ доложить о случившемся генералу фонъ-Шаку. Генералъ находился вблизи, направляя лично остальные три баталіона мингрельцевъ въ боевую линію. Съ прибытіемъ мингрельцевъ, турки прекратили наступленіе.

Неумолкаемая пальба продолжалась съ обѣихъ сторонъ. Въ такомъ положеніи войска генерала фонъ-Шака оставались вплоть до вечера. Темнота прекратила, наконецъ, бой, и маіору Улановичу приказано собрать тифлисскій полкъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ 3-й баталіонъ. По случаю темноты, нѣкоторыя роты не въ состояніи были исполнить этого приказанія и заночевали на занятыхъ днемъ позиціяхъ. Отъ 3-го баталіона выставили сторожевые посты. Турки перестрѣливались съ аванпостами до десяти часовъ; затѣмъ, все стихло.

Никто не зналъ результатовъ боя. Между тѣмъ, деве-бойнскія позиціи были уже въ нашихъ рукахъ, и генералъ Гейманъ расположился въ палаткѣ Мухтаръ-паши. Ночью пошелъ дождь со снѣгомъ. Люди страшно зябли, а потому маіоръ Улановичъ мѣнялъ аванпосты черезъ каждые полтора часа. По справедливости слѣдуетъ сказать, что въ колоннѣ генерала фонъ-Шака вся тяжесть боя легла на тифлисскій полкъ, находившійся подъ огнемъ въ продолженіи десяти часовъ. Искусно веденная колонной генерала фонъ-Шака демонстрація, принятая турками за настоящую атаку, вынудила непріятеля ослабить свой центръ, и такимъ образомъ, счаст-

ливый исходъ сраженія 23-го октября обратила въ нашу пользу.

Тифлисскій полкъ потерялъ ранеными: командира полка полковника Ридигера, капитана Борковскаго, штабсъ-капитановъ: Васильева и Абелова, поручика нагагинскаго полка Подкользина (тяжело въ ступню), поручика Рейбурга, прапорщиковъ Фруктова и Погорѣлова и 148 нижнихъ чиновъ; убито десять нижнихъ чиновъ. Полкъ вышелъ въ сраженіе въ составѣ 2,174 человѣкъ. Хотя убитыхъ было мало, но за то, тяжело раненыхъ много. Большинство изъ нихъ умерло на другой день. Ружейныхъ патроновъ было разстрѣляно 208,300 штукъ.

Съ разсвѣтомъ, 24-го октября, войска узнали о полномъ пораженіи арміи Мухтара и Измаила пашей и о бѣгствѣ ихъ къ Эрзеруму. Отъ полка высланы были охотники, убѣдившіеся, что турецкія позиціи брошены. По приказанію генерала фонъ-Шака, маіоръ Улановичъ собралъ полкъ и перестроилъ его въ боевой порядокъ; 1-й и 3-й баталіоны составили первую линію. Въ такомъ строю полкъ занялъ позицію лѣвѣе центральнаго главнаго хребта, гдѣ остановился и расположился на отдыхъ.

Дождь лилъ все утро, и погода разъяснилась только около полудня. Въ третьемъ часу, приказано было полку спуститься внизъ и стать лагеремъ у подошвы горы. На этой позиціи полкъ оставался до 28-го числа. Въ вечернемъ приказѣ по соганлугскому отряду, отъ 24-го октября, генералъ Гейманъ выразилъ войскамъ признательность слѣдующимъ образомъ:

«Войска соганлугскаго и эриванскаго отрядовъ! Вы вчера совершили воинскій подвигъ и еще разъ доказали передъ цѣлымъ свѣтомъ, что вы непобѣдимы. Въ этомъ славномъ сраженіи, въ которомъ разсѣяна вся непріятельская армія и взята съ боя вся артилерія, вы, отъ старшаго генерала до послѣдняго солдата, составили себѣ вѣчную славу. Не мнѣ благодарить васъ, товарищи! Вамъ скажетъ спасибо Государь и Августѣйшій Главнокомандующій».

Впослѣдствіи, командующій корпусомъ, запискою на имя генерала Геймана, отъ 25-го октября, сообщилъ объ общемъ восторгѣ, съ которымъ принято было подъ Карсомъ извѣстіе о дове-бойи-

ской побѣдѣ. Михаилъ Тарiеловичъ писалъ:

«Отъ всей души поздравляю васъ и молодцовъ вашихъ богатырей съ новою, славною, блистательною побѣдою. Радостную вѣсть, сообщенную вкратцѣ въ запискѣ вашей, отъ десяти часовъ вечера, 23-го октября, № 15, съ деве-бойнской позиции доставилъ рано утромъ сегодня Азисъ-Ахматъ, за что получилъ отъ Великаго Князя тысячу рублей. Можете судить о впечатлѣнiи, произведенномъ этимъ извѣстiемъ на насъ всѣхъ, начиная съ Главнокомандующаго и кончая послѣднимъ солдатомъ: всѣ лагери огласились несмолкаемымъ «ура», и приказано всѣмъ отрядамъ произвести салютацiонную стрѣльбу. Его Высочество съ нетерпѣнiемъ ожидаетъ подробнаго донесенiя вашего о боѣ 23-го октября, но вкратцѣ телеграфировалъ уже Государю Императору. Государь Великiй Князь поручаетъ вамъ объявить всѣмъ войскамъ, сосредоточеннымъ за Соганлугомъ, полное задушевное спасибо. Не оставьте сдѣлать это и отъ моего имени».

Четыре дня войска соганлугскаго отряда отдыхали, занимались фуражировками, приведенiемъ въ порядокъ обуви и одежды. Людямъ ежедневно варили горячую пищу. Въ это время начались довольно сильные холода, но солдатъ и офицеровъ отчасти спасали палатки. 26-го октября, прибыли въ полкъ: полковникъ Александеръ—по излеченiи зивинской раны, поручикъ Дьячковъ—съ полковымъ денежнымъ ящикомъ, поручикъ князь Макаевъ и прапорщики Роговицкiй и Краснопѣвцевъ; послѣдniй съ полушубками. Полковникъ Александеръ назначенъ былъ командующимъ полкомъ по наружной части, такъ какъ полковникъ Ридигеръ, несмотря на тяжелую рану, находился при полку и дѣлалъ всѣ необходимыя распоряженiя.

Утромъ, 27-го октября, къ генералу Гейману собраны были, за полученiемъ приказанiй для штурма Эрзерума, всѣ генералы и тѣ начальники частей, которымъ предполагалось поручить штурмовыя колонны. Съ ними генералъ отправился на рекогносцировку фортовъ Эрзерума. Остановившись на командующихъ высотахъ, онъ указалъ каждому начальнику колонны то укрѣпленiе, которое онъ долженъ былъ атаковать. Послѣ подробнаго осмотра крѣпостныхъ

верковъ, начальники частей отправились на свои мѣста. Въ этотъ же день составлена была диспозиція штурма, подробно излагавшая обязанности каждой колонны (78).

Согласно этой диспозиціи, генералъ Гейманъ раздѣлилъ войска на четыре штурмовыя колонны, съ сильными кавалерійскимъ и пѣхотнымъ резервами. Требуемая диспозиціей строгая тишина при слѣдованіи колоннъ показывала, что весь успѣхъ дѣла зависѣлъ по преимуществу отъ осторожнаго и скрытнаго движенія.

Колонна генерала фонъ-Шака выступила изъ лагеря около десяти часовъ ночи. Она должна была слѣдовать по эрзерумской дорогѣ и, дойдя до спуска, остановиться, выжидая дѣйствій генерала Авинова. Въ головѣ колонны шли два баталіона мингрельцевъ, за ними двѣ батареи, затѣмъ, остальные баталіоны мингрельскаго же полка и, наконецъ, тифлисскій полкъ, имѣя между 3-мъ и 4-мъ баталіонами батарею. Чрезвычайно дурная дорога служила причиною весьма медленнаго движенія. Артилерія съ большимъ трудомъ взбиралась на подъемы: ее почти на каждомъ шагу приходилось втаскивать на рукахъ.

Наконецъ, колонна, за часъ до разсвѣта, послѣ большихъ затрудненій, достигла поста Хана и тутъ, для того, чтобы стянуться, была остановлена. Вскорѣ она опять двинулась, идя лѣвѣе и ниже форта Авлаіе. Когда она прошла узкое дефиле, тянувшееся на протяженіи полуверсты, тогда генералъ фонъ-Шакъ приказалъ полкамъ расположиться за возвышенностями, хорошо укрывавшими отъ выстрѣловъ.

Разсвѣтъ едва бѣлѣлъ. Полнѣйшая тишина царствовала вокругъ города. Такъ прошло довольно значительное время. Вдругъ, моментально, земля задрожала отъ грохота орудій. По всѣмъ направленіямъ завизжали гранаты. Почти всѣ форты открыли чудовищный огонь. Когда вполнѣ разсвѣло, полкъ ясно увидѣлъ отступавшихъ бакинцевъ и елисаветпольцевъ, спускавшихся съ противуположной стороны въ ущелье. Оказалось, что бакинцы, въ темнотѣ, ворвались въ фортъ Авлаіе, перекололи часть гарнизона и захватили болѣе 500 плѣнныхъ. По разсказамъ плѣнныхъ, появленіе бакинцевъ въ Авлаіе нанело страшную панику, и непріятель пустил-

ся бѣжать. При первыхъ лучахъ солнечнаго свѣта, турки, замѣтивъ изолированное положеніе бакинцевъ, выслали противъ нихъ сильныя колонны, такъ что бакинцы вынуждены были очистить фортъ Азизіе, успѣвъ, впрочемъ, увести съ собою и плѣнныхъ. Непріятель, изъ крѣпости, началъ стрѣлять по отступавшимъ, не зная того, что среди движущейся массы находятся защитники Азизіе.

Такъ какъ успѣхъ штурма зависѣлъ единственно лишь отъ скрытности движенія, а между тѣмъ, мы были открыты, да и вообще, колонны не нашли своихъ мѣстъ, то генералъ Гейманъ призналъ штурмъ неудавшимся и приказалъ войскамъ отступать. Въ этомъ смыслѣ и было передано приказаніе генералъ-маіору фонъ-Шаку, немедленно распорядившемуся отправить всѣ три батареи назадъ, за ущелье. Въ прикрытіе батарей посланъ былъ 4-й баталіонъ тифлисскаго полка, подъ командою маіора Мальцева. Генералъ фонъ-Шакъ приказалъ также отходить постепенно полкамъ своей бригады, стараясь прикрыть отступленіе бакинцевъ и елисаветпольцевъ. Правѣе эрзерумской дороги, на передовой позиціи, на скалистомъ бугрѣ, былъ расположенъ 2-й баталіонъ тифлисцевъ, подъ командою капитана Багрaмова, имѣя въ цѣпи 2-ю стрѣлковую роту. Остальные два баталіона тифлисцевъ стояли лѣвѣе; мингрельскій же полкъ составилъ вторую линію.

Турки сильно насѣдали на бакинцевъ и елисаветпольцевъ, поэтому, генералъ фонъ-Шакъ приказалъ тифлисскому полку стараться задержать непріятеля. Послѣ долгихъ усилій, бакинцамъ и елисаветпольцамъ удалось собраться позади тифлисцевъ. Тогда-то вся тяжесть боя обрушилась на вторую бригаду и по преимуществу на тифлисскій полкъ. Вскорѣ турки очутились на нашемъ лѣвомъ флангѣ, разстрѣливая насъ продольно, по фронту. Уронъ сталъ слишкомъ ощутителенъ; всѣ сознавали, что положеніе полка невыгодное. И вотъ, точно электрическая искра, пронесся крикъ «ура» и оживилъ всѣхъ. Мгновенно, какъ одинъ человѣкъ, полкъ бросился впередъ—и турки побѣжали. Воодушевленные успѣхомъ, солдаты погнали непріятеля за оврагъ, лежавшій впереди Топъ-дага; не успѣвшихъ бѣжать, закололи штыками и добили прикладами.

Форты Азизіе и Меджидіе открыли по тифлисцамъ сильный

огонь; въ это время одна граната лопнула около знаменщика 2-го баталіона, унтеръ-офицера Суворова, и осколки ея расщепили древко знамени.

Несмотря на сильную орудійную канонаду, полкъ продолжалъ бы преслѣдованіе турокъ, еслибы генералъ фонъ-Шакъ не приказалъ своевременно остановиться и отступить. Послѣ упомянутой замѣчательно энергической атаки, тифлисцы отошли за мингрельцевъ, вступившихъ въ боевую линію. Первымъ отодвинулся назадъ 3-й баталіонъ и, занявъ выгодную позицію, расположился въ одну линію, имѣя по полуротѣ въ цѣпи. Затѣмъ, прибыли остальные баталіоны. Тутъ полковникъ Александеръ, командовавшій полкомъ за болѣзнью полковника Ридигера, приказалъ составить ружья въ козлы и отдыхать. Изрѣдка, однако, пули долетали до насъ. И вотъ, одна шальная пуля тяжело ранила навагница, поручика Печковскаго, умершаго на третій день.

Вскорѣ мингрельцы стали тоже отступать, и чтобы прикрыть ихъ—полку приказано было занять позицію на возвышенности за постомъ Хана. Послѣ полудня, канонада замолкла, и бой былъ конченъ. Полкъ пришелъ въ лагерь около шести часовъ вечера. Войска твердо разсчитывали на удачный исходъ штурма, но нѣкоторыя колонны, не имѣя проводниковъ, сбились съ дороги, и расчеты не осуществились.

Въ этотъ день полкъ потерялъ убитыми девять нижнихъ чиновъ, ранеными—поручиковъ Магалова, Каліева, князя Макаева (Владиміра); прапорщиковъ Краснопѣвцева и Декабрилевича и 140 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Занеся на страницы предлежащей исторіи полка первыхъ убитыхъ подъ Ардаганомъ, помѣщаемъ имена послѣднихъ убитыхъ тифлисцевъ. Вотъ имъ списокъ: 3-й роты унтеръ-офицеръ Михаилъ Гавриловъ, 1-й стрѣлковой роты унтеръ-офицеръ Алексѣй Коронинъ, рядовые: Иванъ Мироненко, Федоръ Чургинъ; 2-й стрѣлковой роты Филиппъ Калашниковъ, 4-й роты унтеръ-офицеръ Кузьма Антоновъ, рядовой Илья Савичевъ; 9-й роты Федоръ Стоякъ, 12-й роты Никаноръ Додановъ. Въ сраженіи полкомъ выпущено 80,910 ружейныхъ и 420 револьверныхъ патроновъ. Полкъ былъ въ составѣ 2,137 человѣкъ.

Начальникъ штаба кавказской арміи донесъ военному министру о штурмѣ Эрзерума изъ Веранъ-Кала, 31-го октября, слѣдующей телеграммой:

«Въ ночь на 28-е октября, генералъ-лейтенантъ Геймань предпринялъ движеніе отъ Деве-Бойну до Эрзерума. По темнотѣ ночи, колонны сбились съ пути и не достигли назначенныхъ пунктовъ, но авангардъ одной колонны, состоявшій изъ баталіоновъ бакинскаго полка, ворвался въ укрѣпленіе Азизіе, овладѣлъ имъ и, переколовъ гарнизонъ, захватилъ въ плѣнъ девятнадцать офицеровъ и пятьсотъ сорокъ нижнихъ чиновъ. Съ разсвѣтомъ, въ виду наступленія значительныхъ силъ турокъ, бакинцы оставили это укрѣпленіе, уведя плѣнныхъ. Потеря наша состоитъ изъ тридцати двухъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ офицеровъ и шестисотъ нижнихъ чиновъ».

Съ послѣднимъ выстрѣломъ, раздавшимся подъ Эрзерумомъ, окончилась собственно боевая дѣятельность тифлисскаго гренадерскаго полка. Съ этого дня наступила жизнь, исполненная неимовѣрныхъ трудовъ и всевозможныхъ лишеній—жизнь какъ бы и тихая, негромкая, но все же доблестная не менѣе лучшихъ боевыхъ подвиговъ.

ГЛАВА XII.

Стоянка и служба полка на высотѣ Узунъ-Ахметъ. Лагерь у развалинъ деревни Узунъ-Ахметъ. Зимняя дислокація полка. Событія 1878-го года: блокада Эрзерума, тифозная эпидемія, сдача крѣпости. Выступленіе кавказской гренадерской дивизіи въ окрестности Александрополя.

«Твердо уповаю на Бога и вашу молодецкую храбрость, что твердыни Эрзерума падутъ къ ногамъ обожаемаго нами Государя, а слава о вашихъ побѣдахъ прогремитъ по всей нашей дорогой Россіи. И такъ, съ Богомъ, впередъ! Пусть назадъ идутъ только трусы,—а ихъ, кажется, у насъ нѣтъ».

Таковъ былъ приказъ по соганлугскому отряду отъ 29-го октября, № 15-й, въ которомъ генералъ Гейманъ выражалъ надежду на овладѣніе крѣпостью открытою силою. Если къ этому прибавить, что саперы приготовляли штурмовыя лѣстницы и возвели батарею противъ Топъ-Дага, а артилеристы приводили въ порядокъ отобранную у турокъ осадную артилерію, готовя къ ней заряды, то наглядно убѣдимся, что мысль о вторичномъ штурмѣ не покидала генерала Геймана. Войска также находились подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, съ нетерпѣніемъ ожидая повторенія атаки города и конца зимней экспедиціи. Впрочемъ, толковъ и разговоровъ на эту тему происходило много. Одни самоувѣренно говорили о штурмѣ, другіе о блокадѣ; общее же заключеніе сводилось къ тому, что войска разойдутся по зимнимъ квартирамъ.

Въ свою очередь, важное значеніе деве-бойнской позиціи сознавалось всѣми. Владѣя ею, мы угрожали туркамъ и могли держать ихъ въ постоянномъ невѣдѣніи и страхѣ насчетъ дальнѣйшихъ нашихъ операцій. Кромѣ того, Деве-Бойну, взятое съ большими жертвами, не могло быть оставлено, иначе турки, занявъ его, отрѣзали бы намъ прямой доступъ къ Эрзеруму. А потому, многіе съ грустью подумывали, что прійдется зимовать на высотѣ шести тысячъ слишкомъ футъ, на безводныхъ и безлѣсныхъ горахъ, среди сурового холода, глубокихъ снѣговъ и вьюгъ Анатоліи. По правдѣ сказать, войска готовы были рѣшиться еще нѣсколько разъ попытать счастья въ штурмѣ, лишь бы избавиться отъ предстоявшихъ зимнихъ лишеній. Таково было общее настроеніе.

Послѣ 28-го октября, кавказская гренадерская дивизія сосредоточилась у развалинъ деревни Узунъ-Ахметъ, т. е. у подножія Деве-Бойну. Уже и тогда всѣ горы покрыты были снѣгомъ, а холода съ каждымъ днемъ становились все чувствительнѣе.

31-го октября, генералъ Гейманъ производилъ объѣздъ лагеря. Благодаря всѣхъ за молодецкую службу, онъ сообщилъ телеграмму Государя Императора, полученную Августѣйшимъ Главнокомандующимъ, слѣдующаго содержанія:

«Благодарю Бога за вновь дарованную побѣду 23-го числа. Честь и слава нашимъ молодецкимъ войскамъ и достойнымъ ихъ

начальникамъ. Ты поймешь Мою и общую радость; буду ждать съ нетерпѣніемъ подробностей и дальнѣйшихъ извѣстій. Сегодня 27-мь лѣтъ, какъ Я удостоился получить георгіевскій крестъ въ рядахъ кавказскихъ войскъ. Передай Мое сердечное спасибо всѣмъ; сейчасъ иду къ молебну. Радуюсь успѣшнымъ дѣйствіямъ Меликова въ Дагестанѣ и Лазарева подъ Карсомъ. Кутаисскому полку Мое особое спасибо за молодецкое дѣло. Ты можешь гордиться славными войсками, находящимися подъ твоей командой. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь надъ нами».

Теплыя, задушевныя слова великаго, обожаемаго Монарха приняты были войсками въ высшей степени восторженно; чувство безпредѣльной преданности выразилось въ слезахъ, блестѣвшихъ на многихъ глазахъ. Встрѣчаемый всюду музыкою, генералъ Гейманъ, объѣзжая ряды своихъ боевыхъ сподвижниковъ, высказывалъ надежду, что «мы скоро порадуемъ Государя Императора новою побѣдою».

— Постараемся, ваше превосходительство! дружно гремѣло въ рядахъ.

Слова генерала еще болѣе укрѣпили въ войскахъ увѣренность въ неизбѣжности втораго штурма. Чего же больше могли и желать эти храбрые люди! Дѣйствительно, пройдя рядъ боевыхъ тревогъ и испытаній, перенеся всѣ невзгоды походной жизни, они въ данный періодъ времени до того закалились, что съ ними можно было рискнуть даже на что либо и маловозможное. Однимъ словомъ, объѣздъ генерала Геймана оживилъ войска, давъ имъ надежду на что-то лучшее, чѣмъ зимняя стоянка на горахъ. Но вотъ, вскорѣ послѣдовало распоряженіе объ укрѣпленіи Деве-Бойну. Для этой цѣли избрана была коммисія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Девеля, состоявшая изъ членовъ: генералъ-маіоровъ Соловьева и Земана, имѣвшая спеціальное назначеніе—опредѣлить, какую именно часть позиціи слѣдовало укрѣпить. Коммисія признала за горою Узунъ-Ахметъ, названною войсками «столовой горой», первенствующее значеніе. На ней приказано было возвести соотвѣтствующія укрѣпленія. На офиціальныхъ картахъ гора эта названа Деве-Бойну (см. планъ № 7-й).

Съ 1-го ноября, началась разбивка укрѣпленій и подвозъ необходимаго лѣса съ поста Хана, для чего назначено было восемь фургоновъ отъ полка. 2-го ноября, выслано было на работы отъ 1-го и 2-го баталіоновъ 167, а отъ 3-го—166 человѣкъ. Для присмотра за рабочими назначили по одному офицеру отъ каждаго баталіона. Работа на скалистомъ грунтѣ была очень трудна, приходилось работать приносною землею. Обратилось рабочихъ: саперъ 2,970 человѣкъ и пѣхотинцевъ 5,862 человѣка—всего, 8,832 человѣка. Для заготовленія въ полку на зиму топлива высылалось въ продолженіи многихъ дней по два фургона отъ баталіона, съ четверочной запряжкой, при извѣстномъ числѣ рядовыхъ, подъ начальствомъ офицера. На дрова роты разбирали сакли въ сосѣднемъ разоренномъ ауле. Кромѣ того, ежедневно производились фуражировки по окрестнымъ деревнямъ. Результаты этихъ фуражировокъ выходили вообще довольно жалкіе: жители все прятали, а громадная масса войскъ, и въ особенности лошадей, требовала не малыхъ запасовъ.

Приказомъ по полку на 13-е ноября, наконецъ, разрѣшили послать на Карсъ и въ Александрополь за вещами. Эта мѣра давно уже оказывалась настоятельной и безотлагательной, потому что нижніе чины обносились до крайности: шинели и мундиры еще кое-какъ держались, но за то, обувь и шаровары пришли въ полнѣйшую негодность. Сапоги безъ заплатъ составляли рѣдкость; большею частью, они были дырявые, съ отставшими подошвами, прикрѣпленными веревками, и грозили на каждомъ шагу полнымъ распаденіемъ. Счастливцами считались тѣ, которые могли положить на своихъ сапогахъ заплаты; но большей же части онѣ вовсе не держались, потому что товаръ прогнилъ. Вслѣдствіе того, приказомъ по полку, предписывалось ротнымъ командирамъ пріобрѣсти покупкою бычачьи кожи и изъ нихъ сдѣлать поршни. Въ началѣ ноября, уже половина полка ходила въ поршняхъ. Командующій полкомъ полковникъ Александеръ, письмомъ отъ 24-го ноября, доносилъ командиру полка, что каждая рота пріобрѣла на приготовленіе поршней отъ 107 до 127 кожъ. При этомъ, только треть полка имѣла сносные казенные шаровары, другая—щеголяла въ турецкихъ панталонахъ, а третья вовсе ихъ не

имѣла и ограничивалась лохмотьями, кое-гдѣ сведенными въ одно цѣлое посредствомъ остатковъ холста отъ турецкихъ палатокъ. Что же касается до бѣлья, то оно обратилось въ какую-то ветошь сомнительнаго цвѣта и запаха: послѣдній разъ солдаты мыли свое бѣлье, и сами помылись въ импровизованной въ палаткахъ банѣ на берегу Карсъ-чая, у Ардоста, 17-го октября. Счастье еще, что они имѣли полушубки, доставленные прапорщикомъ Краснопѣвцевымъ 26-го октября. Полушубки были привезены почти всѣ вполнѣ годные; часть изъ нихъ, забракованную коммиссіей, замѣнили новыми; другую же часть годныхъ исправили, составивъ изъ двухъ одинъ. Для этой операціи, еще въ сентябрѣ, былъ командированъ съ Карапа въ Александрополь штабсъ-капитанъ Скабичевскій, съ командой портныхъ. Скабичевскому отпущено было семь тысячъ рублей на покупку новыхъ овчинъ и на расходы по работѣ.

При такихъ-то условіяхъ, 9-го ноября, приказано было тифлисскому полку выступить на историческую «столовую гору», для чего предварительно выслали отъ каждой роты по десяти человѣкъ, съ лопатами, расчистить массы снѣга, уже оледенѣлаго отъ пятнадцати-градусныхъ морозовъ. Въ то время гора уже была опоясана рядомъ укрѣпленій, хотя неоконченныхъ, но представлявшихъ надежные шансы для упорной обороны (см. планъ № 7-й). «Столовая гора» составляла лѣвый флангъ бывшей турецкой позиціи. Она лежала правѣе карско-эрзерумской дороги, представляя на вершинѣ плато съ очень обрывистыми скалистыми спусками, окаймленными съ запада и сѣвера глубокими оврагами, доступными лишь въ немногихъ мѣстахъ. На краю горы, для обстрѣла подступовъ, обращенныхъ къ непріятелю, построены были ложементы для двадцати орудій. Ложементы праваго и лѣваго фланга связывала пѣхотная траншея. За нею помѣщалась на высотѣ другая траншея на одну роту—что доставляло центру двухъ-ярусную оборону. Редюитомъ этихъ укрѣпленій служилъ обширный редутъ, соединенный съ тыла съ бывшими турецкими окопами. Укрѣпленія расчитаны были на четыре баталіона пѣхоты и на двадцать орудій. Въ укрѣпленіяхъ стояли слѣдующія артилерійскія части: по шести девяти-фунтовыхъ орудій отъ 4-й и 6-й батарей кавказской гренадерской ар-

тилерійской бригады, два орудія 3-й батареи 39-й артилерійской бригады и четыре стальныя девяти-сантиметровыя турецкія пушки.

Резервомъ для полка, занимавшаго «столовую гору», служилъ мингрельскій полкъ (а въ первые дни, кромѣ того, и эриванскій) расположенный скрытно у развалинъ деревни Узунъ-Ахметъ. Впереди же горы, къ сторонѣ Эрзерума, около поста Хана, стояли кавалерійскіе сторожевые посты. Начальникомъ войскъ передовой линіи назначенъ былъ генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ. Остальныя войска соганлугскаго и эриванскаго отрядовъ, изъ коихъ часть послѣдняго была на правомъ берегу Аракса, отправлены на зимнія квартиры по деревнямъ, разбросаннымъ въ долинѣ, впереди и позади Гасанъ-Кала. По прибытіи на мѣсто, полкъ разбилъ лагерь внутри укрѣпленія, за исключеніемъ 4-го баталіона, занявшаго передовую позицію, вслѣдъ артилеріи. Задача, возлагавшаяся на полкъ, была указана въ инструкціи, изданной для опредѣленія служебныхъ обязанностей на позиціи Деве-Бойну (79). Изъ нея видно, что самая трудная служба доставалась баталіону, стоявшему на передовой позиціи, ротамъ, отправлявшимся ночью въ траншеи, и равно и охотничьей командѣ. Тутъ всегда приходилось быть настороже. Да и въ редутѣ всѣ почти люди за ночь успѣвали перебывать въ нарядахъ, но служба ихъ, сравнительно, была немного легче. Хотя вообще служба на передовой позиціи всегда весьма сложная и тяжелая, но для полка она являлась еще тягостнѣе и трудніе, потому что ему первому пришлось попытать ее; впослѣдствіи же, когда положеніе войскъ улучшилось, особенно съ прибытіемъ командующаго корпусомъ, послѣ 21-го ноября—служба эта стала сноснѣе.

Стоянки полка въ селеніи Когалы и на Карааялѣ казались сравнительно игрушкой. Тамъ мы были гораздо лучше обставлены: занимали позиціи лѣтомъ и осенью, не успѣли истрепать обувь и одежду, не чувствовали недостатка въ провіантѣ, имѣли сытную пищу, приправленную зеленью, и лишь одинъ недостатокъ былъ тотъ, что вода была далеко, но при сухой погодѣ и съ этимъ можно было мириться. На деве-бойнскихъ же высотахъ ничего подобнаго не было, за исключеніемъ развѣ воды—и то, въ видѣ снѣга. Дѣй-

ствительно, этого добра было ужъ чересчуръ много. И среди такой неприглядной, мрачной, скудной обстановки, какая была въ Узунъ-Ахметѣ, солдатамъ приходилось проявлять въ своей жалкой одежонкѣ, преодолѣвать всѣ суровыя условія, нести столь серьёзную службу. Если бы офицеры и солдаты имѣли казарменныя помѣщенія, прочную одежду и обувь, сытную горячую пищу, чай, сахаръ и спиртъ, то и тогда даже перенесеніе всѣхъ остальныхъ невзгодъ на этой стоянкѣ можно было бы причислить къ нѣкотораго рода подвигу. Но такъ какъ ничего подобнаго не было, и всѣ чины полка размѣщались въ палаткахъ, зарытыхъ въ снѣгу, нетрепанныхъ, мѣстами прожженныхъ, сквозившихъ вѣтромъ, то это было уже выше всякаго подвига и равнялось тяжелому, невыносимому испытанію, было карою—въ полномъ смыслѣ этого слова. У солдатъ не было даже подстилки, а если она кое-гдѣ и оказалась, то состояла изъ самана. Пища приготовлялась внизу, съ правой стороны горы, около рѣчки. Спускъ къ кухнямъ имѣлъ версты полторы, а подъемъ былъ страшно крутой. За пищей ходили внизъ и непремѣнно съ ружьями. Послѣ продолжительной и утомительной ходьбы, солдаты приносили замерзшую, оледенѣлую массу, которую приходилось разогрѣвать. Крупъ не было, соли—тоже. Вмѣсто крупъ, въ котлы клали немолотый ячмень, но его желудокъ не переваривалъ. Сухари отпускались въ весьма скромной пропорціи, а иногда ихъ и вовсе не было. Съ первыхъ чиселъ ноября начали уже отпускать провіантъ задними числомъ, такъ напримѣръ: 4-го ноября привезли провіантъ на первое, второе и третье числа, состоявшій изъ одного фунта муки, полутора фунта лавашей и шести фунтовъ пшеницы. Съ 1-го по 4-е число люди не имѣли никакого провіанта, а офицеры не имѣли хлѣба. Съ этого же времени начали отпускать вмѣсто провіанта часть немолотой пшеницы, изъ которой предполагалось варить кашу. Но, несмотря на долгую варку, каша не выходила, и люди съ голода ѣли даже недоваренную пшеницу. Насколько это было вредно—видно изъ того, что когда въ грузинскомъ полку умеръ скоропостижно фельдфебель и его вскрыли, то желудокъ его былъ наполненъ непереварившеюся пшеницею. Были дни, въ которые варили только одинъ бульонъ изъ говядины, безъ

крупъ и соли. Спиртъ, однако, отпускали по полчарѣ въ день на человѣка и пили его обыкновенно по вечерамъ. Офицеры въ этомъ случаѣ обставлены были не лучше солдатъ: частенько пробавлялись они тоже бульономъ, безъ всякихъ приправъ и безъ сухарей. Чай, свѣчи, табакъ и вино составляли предметы роскоши и рѣдкость. Для варки пищи и для самоваровъ употребляли снѣгъ, которымъ наполняли котлы и самовары, распускали и затѣмъ, приступали къ стряпнѣ.

Съ 20-го ноября, повалилъ густой снѣгъ, и хватили двадцатиградусные морозы. Пришлось расчищать отъ снѣга не только палатки, но и траншеи. Отъ стужи, люди по ночамъ не могли спать и, разведя въ палаткахъ костры, грѣли окоченѣвшіе члены. По ночамъ, занимая траншеи, солдаты обыкновенно бѣгали около нихъ, чтобы согрѣться. Въ виду подобныхъ холодовъ, послѣдовало распоряженіе—мѣнять людей на аванпостахъ каждые полтора часа.

Мятели и вьюги проносились безпрерывно. Часто, проснувшись, деньщики откапывали лопатками прежде себя, а потомъ своихъ офицеровъ. Тоже дѣлали и солдаты. Случаи отмороженія ногъ были не рѣдки, но, къ сожалѣнію, въ медицинскихъ отчетностяхъ они внесены въ общую рубрику наружныхъ болѣзней, и цифру ихъ даже приблизительно нельзя опредѣлить.

Всѣмъ этимъ, однако, не исчерпывается полная картина бѣдъ, которыя мы перенесли на Узунъ-Ахметѣ; но достаточно и этихъ фактовъ, чтобы очертить ее хотя бы наполовину. Да, стоянка на Узунъ-Ахметѣ останется навсегда лучшимъ памятникомъ доблести, терпѣнія и безропотной покорности долгу русскаго войска.

Нужно было имѣть громадную силу воли, много характера и выносливости, чтобы не унывать, не падать духомъ. Солдаты, ободряемые примѣромъ начальниковъ, съ величіемъ стоиковъ переносили всѣ эти отчаянныя лишенія и невѣроятные труды. Мало того, при свѣтлой, мало-мальски хорошей погодѣ, иногда раздавались въ палаткахъ не только пѣсни, но слышались остроты надъ бездольемъ, приправленныя надеждою на близкій исходъ горя.

Командиръ полка, думавшій сначала залечить свою рану не выѣзжая съ позиціи, оставался при полку до 8-го ноября. Но,

вслѣдствіе сильныхъ холодовъ и вообще болѣзненнаго состоянія, онъ переѣхалъ въ Гасанъ-Кала, откуда продолжалъ по возможности управлять полкомъ. Командованіе же по существу лежало на полковникѣ Александерѣ. Со 2-го же декабря, Александеръ окончательно вступилъ въ командованіе полкомъ, потому что полковникъ Ридигеръ уѣхалъ въ Тифлисъ—для медицинской операціи.

14-го ноября, пріѣзжалъ на Деве-Бойну флигель-адъютантъ полковникъ князь Лопухинъ-Демидовъ—благодарить войска отъ Имени Его Императорскаго Величества. Государь не забылъ своихъ преданныхъ слугъ, заброшенныхъ въ снѣгахъ Анатоліи, и царское спасибо радостно и цѣлебно повліяло на всѣхъ и каждаго.

Въ траншеяхъ, т. е. на передовой позиціи, баталіоны тифлисцевъ стояли поочереди. Первымъ началъ службу, 15-го ноября, 4-й баталіонъ; онъ былъ смѣненъ 3-мъ баталіономъ; 19-го ноября вступилъ 1-й баталіонъ, а 23-го—2-й баталіонъ, остававшійся тамъ до выступленія полка съ горы.

23-го ноября, посѣтилъ полкъ командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ и объявилъ войскамъ отъ имени Главнокомандующаго, что каждому солдату, перешедшему границу 12-го апрѣля, выдано будетъ по два рубля, а прибывшимъ позже—по одному рублю. Но, несмотря на заботливость и вниманіе старшихъ начальниковъ, дѣлавшихъ все для облегченія участи солдатъ, войска продолжали бѣдствовать. Правда, были при полкахъ маркитанты, но, вслѣдствіе затруднительнаго сообщенія съ Александрополемъ, духаны зачастую оставались пусты, и хозяева ихъ бѣдствовали также, какъ и мы.

Съ половины ноября, снѣжные заносы прекращали сообщеніе даже съ Гасанъ-Кала, отстоявшимъ такъ близко отъ передовыхъ позицій, на которыхъ положеніе войскъ съ каждымъ днемъ все ухудшалось. Мятели буквально погребали лагерь подъ сугробами снѣга. Часто, ночью, патрули не могли отыскать аванпостовъ, разводящіе—своихъ часовыхъ, а послѣдніе—лагеря и палатокъ. Слѣдовательно, офицерамъ надо было употреблять громадныя усилія, чтобы заставить бодрствовать коченѣвшихъ солдатъ. Полковникъ Алек-

сандеръ днемъ отдыхалъ, а ночью, не смыкая глазъ, безъ устали повѣрялъ аванпосты. Примѣру его слѣдовали многіе офицеры.

24-го ноября, прибыла въ полкъ изъ 15-го запаснаго баталіона партія новобранцевъ, состоявшая изъ двухсотъ одного человѣка, при четырехъ унтеръ-офицерахъ. По дорогѣ, изъ партіи оставлено было въ госпиталяхъ тридцать одинъ человѣкъ. Слѣдовательно, въ полкъ явилось лишь сто семьдесятъ человѣкъ. Унтеръ-офицеры и новобранцы разбиты были тотчасъ же поротно. Каждая рота получила отъ двѣнадцати до тринадцати человѣкъ. Приливъ новобранцевъ мало восполнилъ ряды полка, сильно порѣдѣвшіе послѣ сраженія на Деве-Бойну и при штурмѣ Эрзерума. Роты выводили тогда въ строй менѣе ста человѣкъ, включая въ то число и унтеръ-офицеровъ. Баталіоннымъ командирамъ предложено было уровнять въ ротахъ наличный составъ людей, опросить у новобранцевъ претензіи и осмотрѣть, есть ли у нихъ всѣ предметы снаряженія.

26-го ноября, кавалерскій праздникъ былъ устроенъ въ Гасанъ-Кала, и туда была направлена команда георгіевскихъ кавалеровъ—изъ каждаго баталіона по двадцати пяти солдатъ, имѣвшихъ знаки отличія. При командѣ находились знамена первыхъ трехъ баталіоновъ и хоръ полковой музыки. Четвертый же баталіонъ въ то время не имѣлъ еще георгіевскаго знамени. Людей этихъ удовлетворили провіантомъ по 28-е число, снарядили ихъ въ полушубки и шинели и приказали взять съ собою котелки и ложки. Команду велъ поручикъ Гогніевъ. Парадъ совершенъ былъ съ обычной торжественностью, въ присутствіи командующаго корпусомъ. Парадомъ командовалъ генералъ Гейманъ, своднымъ баталіономъ—генералъ-маіоръ Шелковниковъ, 1-й ротой—генералъ-маіоръ Духовской, остальными ротами командовали лица, имѣвшія также офицерскіе георгіевскіе кресты.

Наконецъ, 27-го числа, послѣдовало приказаніе—спуститься полку къ развалинамъ деревни Узунъ-Ахметъ; на его мѣсто стали мингрельцы. Сдача позиціи производилась строжайшая. Приказомъ по полку, офицеры обязывались передать и выяснить вновь заступавшимъ всѣ новыя служебныя обязанности, до мельчайшихъ по-

дробностей. Палаток не велѣно было снимать, и тифлисскій полкъ у Узунъ-Ахмета расположился въ кибиткахъ, оставленныхъ мингрельцами. Въ то время эпидемія еще не появлялась, хотя лихорадки, поносы, отмораживанія не заставили себя ждать.

У развалинъ Узунъ-Ахмета служба стала далеко сноснѣе. Обыкновенно, назначался дежурный баталіонъ, высылавшій пикеты и всѣ лагерные караулы. Ночью, на аванпосты выходило три роты отъ полка. На случай тревоги, 2-й баталіонъ, не ожидая приказанія, долженъ былъ идти на то мѣсто, гдѣ располагалась рота дежурнаго баталіона. 3-му баталіону предписывалось идти на гору и занимать позицію лѣвѣе мингрельцевъ, 1-му и 4-му баталіонамъ—оставаться въ резервѣ.

Хотя служба стала легче, но продовольственная часть попрежнему хромала. Снова нѣсколько дней люди сидѣли безъ провіанта, питаясь говяжьимъ бульономъ, безъ соли и крупъ. Въ виду могущихъ быть заносовъ и прекращенія сообщеній съ Гасанъ-Кала, приказомъ по соганлугскому отряду, предписывалось полкамъ, занимавшимъ передовыя позиціи, принять изъ продовольственнаго магазина четырехдневный запасъ сухарей, сохраняя его до первой необходимости въ цѣлости. Для расчистки же дорогъ приказано было обзавестись деревянными лопатами.

Еще въ концѣ октября, полку отведены были для стоянки квартиры, въ тылу Гасанъ-Кала. Полковому штабу назначалось селеніе Экабатъ, куда былъ отправленъ подпоручикъ Мисиковъ, съ полковыми тяжестями и лошадьми. Впослѣдствіи дислокацію измѣнили, и 12-го декабря, полкъ выступилъ въ слѣдующія деревни: 1-я и 3-я роты, полковой лазаретъ и околотокъ—въ селеніе Каравелетъ, гдѣ помѣстился и весь полковой штабъ; 2-я и 1-я стрѣлковая роты и весь 2-й баталіонъ—въ селеніе Ахджаларъ, 4-й баталіонъ—въ селеніе Ортузъ и 3-й баталіонъ—въ сел. Гюлли. Команда охотниковъ распущена была поротно. Въ занятыхъ селеніяхъ баталіонные командиры назначены были воинскими начальниками (въ Ахджаларѣ былъ капитанъ Гагемейстеръ) и имъ предоставлено было право—выставлять караулы по собственному ихъ усмотрѣнію. Они обязывались имѣть при себѣ неотлучно горнистовъ, а на

случай тревоги назначить для своихъ ротъ сборный пунктъ. По пушечному съ Деве-Бойну выстрѣлу, полку приказано собираться къ Каравелсту, кромѣ 3-го баталіона, которому прямо слѣдовать на гору.

При баталіонахъ устроены были околотки. Въ Каравелстѣ и Гюлли открыли отдѣленія полковаго духана. Для перевозки заболѣвавшихъ людей въ полковой околотокъ, въ распоряженіе 3-го и 4-го баталіоновъ назначено было по одному полковому фургону. Кромѣ того, въ Гюлли, для посылокъ, находился постоянно конный обозный рядовой.

На зимовкѣ, людей расположили по буйволятникамъ и саклямъ, въ которыхъ помѣщалось по полуротѣ или по взводу. Жалкія жилища старались повозможности очистить, просушить, провѣтрить, для чего устроили отдушины. Помѣщенія были вообще тѣсныя, сырыя, нездоровыя. Въ мѣстахъ, занимаемыхъ баталіонами, устроили ротныя кухни. Людямъ варили горячую пищу два раза въ день.

Служба на зимовкѣ казалась очень легкою сравнительно съ тою, которую уже перенесли; наряды были незначительные; кромѣ обыкновенныхъ карауловъ, выставляемыхъ къ казеннымъ вещевымъ запасамъ и знаменамъ, въ каждой деревнѣ наряжались наблюдательные посты, провѣряемые по ночамъ патрулями. По переходѣ полка на зимовку, особенное вниманіе обращено было на приведеніе одежды и обуви въ полнѣйшій порядокъ. Въ этомъ направленіи изданы были и приказы по полку и по бригадѣ. Согласно этимъ приказамъ, во всѣхъ ротахъ образованы были, по примѣру истекшаго года, ротныя швальни. Сукно и прочіе матеріалы, доставленные капитаномъ княземъ Русіевымъ изъ Александрополя въ началѣ декабря, постепенно и по мѣрѣ надобности получались изъ полковой закройни, находившейся въ Каравелетѣ. Мѣрки снимали съ людей командированный въ мѣста расположенія баталіоновъ полковой сноровщикъ, затѣмъ, скроивъ, выдавалъ ихъ прибывавшимъ каптенармусамъ. Строгое наблюденіе за успѣшнымъ ходомъ постройки возлагалось на отвѣтственность ротныхъ и баталіонныхъ командировъ. Обшивать начали тѣхъ людей, которые наиболѣе въ этомъ нуждались и были оборваннѣе другихъ. По истеченіи каж-

дой недѣли, баталіонные командиры представляли въ полкъ свѣдѣнія о ходѣ работъ.

Въ это время солдатскіе ранцы и вещи еще не прибыли, потому что поручикъ Маіоровъ, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, застрялъ въ Зивинѣ. Для поднятія тяжестей, въ Зивинъ посланы были, 10-го декабря, восемь полковыхъ и восемь ротныхъ фургоновъ; вслѣдъ затѣмъ, туда же отправлено, 21-го декабря, еще пятнадцать полковыхъ и семь ротныхъ фургоновъ изъ числа тѣхъ, которые прежде не ѣздили въ Зивинъ. Несвоевременная доставка вещей вредно вліяла на здоровье солдатъ, у которыхъ шинели и полушубки были истрепаны. Впрочемъ, въ концѣ декабря выдали нуждающимся отъ общества «Краснаго креста» 250 новыхъ полушубковъ. Главная бѣда была съ обувью, теплыми портянками и бѣльемъ. Способъ заворачиванія ногъ въ кожи практиковался постоянно. Между прочимъ, полковой маркитантъ Иванъ Гозаловъ пожертвовалъ нѣсколько сотъ кожъ безвозмездно. Изъ этого видно, что необходимость въ обуви была настоятельная. Поршни, однако, не удовлетворяли цѣли; они скоро рвались, ходить въ нихъ по скользкому снѣгу было неудобно, да и согрѣвали они ноги весьма слабо.

На обзаведеніе теплыми портянками и подстилкою, Его Императорское Высочество Главнокомандующій приказалъ отпустить войскамъ по одному рублю на человѣка. Кромѣ того, отъ казны выдана войскамъ тысяча войлоковъ на портянки. Ротамъ приказано было пріобрѣсти на свой счетъ бязь, для постройки бѣлья—у кого его не было. Словомъ, что можно было сдѣлать въ этомъ отношеніи—все дѣлалось скоро, энергично. Въ концѣ декабря, прибыли, наконецъ, ранцы и солдатскія вещи. Къ этому времени экипировка полка подвинулась значительно: многіе успѣли исправить, починить, заштопать. Оружейная мастерская тоже не дремала, приводя въ исправность оружіе.

Во время зимовки, продовольственная часть полка попрежнему страдала. Снова по нѣсколько дней, вслѣдствіе заносовъ, не было провіанта и соли. Думали отвратить это горе, выдавая войскамъ пшеницу, съ тѣмъ, чтобы онѣ сами мололи ее, и для этого отпущено было по четыре ручныя мельницы въ каждую роту; но эти-

ми мельницами нельзя было приготовить количества муки, необходимаго для продовольствія наличнаго состава людей. Правда, голодъ значительно уменьшился, потому что изъ муки солдаты пекли себѣ лепешки и галушки; все же, подобная мѣра далеко не достигала цѣли, хотя въ приказѣ по соганлугскому отряду, отъ 11-го января 1878-го года, № 5-й, было объявлено отъ лица командующаго корпусомъ, что при надлежащей заботливости начальниковъ частей, количество получаемой при ручномъ перемолѣ муки будетъ вполнѣ достаточно для довольствія войскъ хлѣбомъ. Въ вознагражденіе за ручной перемолъ казна платила по два рубля съ каждой четверти. Деньги эти приказано было требовать изъ интендантства по мѣрѣ надобности.

Помимо ручныхъ мельницъ для перемола пшеницы, тифлисскому полку указаны были еще три водяныя мельницы въ сел. Экабатъ, но, по случаю морозовъ, онѣ бездѣйствовали. Кромѣ того, Экабатъ отстоялъ отъ расположенія полка верстъ на сорокъ, и доставка еще больше усложнялась. Даже при удобныхъ путяхъ сообщенія, своими собственными средствами полкъ не могъ бы транспортировать своевременно муку, тѣмъ болѣе, что и расходъ фургоновъ и лошадей происходилъ значительный. Полкъ подвозилъ собственными перевозочными средствами не только провіантъ и фуражъ, но и транспортировалъ больныхъ; независимо того, часть обоза нужно было отдѣлить за вещами въ Зивинъ и Александрополь. Лошади буквально не выходили изъ сбруи и до того истощились, что часто весь четверикъ, не достигнувъ назначенной цѣли, ложился на дорогѣ.

Лошадей обыкновенно отправляли на поправку въ Экабатъ; тамъ ихъ откармливали и тогда уже брали въ работу. Въ половинѣ декабря, одна только треть лошадей была налицо, да и та еле передвигала ноги. Но еслибы даже всѣ лошади были здоровы, и пути сообщенія свободны, то и тогда наличными передвижными средствами невозможно было бы удовлетворить всѣхъ насущныхъ нуждъ полка.

Полковникъ Александеръ велъ обширную переписку съ начальствующими лицами по продовольствію полка. Такъ, въ рапортѣ

отъ 27-го декабря, за № 4,528, къ начальнику кавказской гренадерской дивизіи, онъ доносилъ, что въ сел. Экабатъ три мельницы перемалываютъ не болѣе восьмидесяти пудовъ пшеницы, т. е. половину того количества, какое необходимо полку на печеніе хлѣба, и что полкъ поставленъ въ крайнее затрудненіе относительно своевременнаго удовлетворенія нижнихъ чиновъ провіантомъ. Не говоря уже о томъ, что люди получали половинную дачу хлѣба, было опасеніе, что, по перемолѣ полученной пшеницы, не будетъ доставляться на мельницы вовремя необходимое количество ея, и тогда прекратится совсѣмъ довольствіе нижнихъ чиновъ провіантомъ, если интендантство откажетъ въ отпускѣ муки, какъ оно уже отказывало. Перевозка муки съ мельницы въ роты за тридцать и сорокъ верстъ сильно попортила подъемныхъ лошадей, которыхъ при полку, за посылкой въ Александрополь и Зивинъ за вещами, осталось половинное число. Такова сущность донесенія. Въ томъ же смыслѣ, но только еще настойчивѣе, полковникъ Александеръ дѣлалъ донесенія военному губернатору Шелковникову, а также интенданту соганлугскаго отряда Петрову.

Всѣ эти просьбы, по причинѣ запасовъ, а также недостатка обывательскихъ перевозочныхъ средствъ, исполнялись только отчасти, а иногда и вовсе оставались безъ послѣдствій, и полкъ продолжалъ существовать впроголодь. Больше всѣхъ бѣдствовалъ третій баталіонъ, значительно удаленный отъ общаго раіона расположенія полка.

Тѣмъ временемъ, генералъ Гейманъ не предполагалъ блокировать Эрзерумъ зимою, но командующій корпусомъ рѣшилъ иначе. Послѣ паденія Карса, осталось много свободныхъ войскъ, и часть ихъ была направлена къ Эрзеруму. Фактически полублокада состоялась въ концѣ декабря. Поэтому поводу, генералъ Гейманъ обратился къ войскамъ съ особымъ воззваніемъ, которое изложилъ въ приказѣ отъ 26-го декабря, за № 176. Приказъ этотъ былъ слѣдующій:

«Сегодня окончилось полное обложеніе Эрзерума—что неминуемо поставитъ защитниковъ твердыни этой крѣпости въ крайне затруднительное положеніе: отнынѣ всякаго рода лишенія будутъ ихъ

удѣломъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, естественно, будетъ падать ихъ нравственный духъ—что не можетъ не отразиться неблагопріятно на боевой ихъ силѣ и стойкости, которыя едва ли поэтому были бы въ состояніи противустоять заѣдомо неотразимому натиску нашихъ войскъ. Но какъ, при дѣйствіи открытою силою, войска неминуемо понесли бы большія или меньшія потери, то, щадя дорогую кровь безкорыстно преданныхъ святому долгу своему, поистинѣ молодецкихъ войскъ вѣреннаго мнѣ отряда, я, до поры до времени, открытой силѣ предпочитаю осторожность бдительной блокады, увѣренный, что и результатомъ таковой будетъ также несомнѣнно паденіе крѣпости. И такъ, боевые мои товарищи, будемъ терпѣливо выжидать результатовъ нашей блокады, сохраняя при этомъ должную бдительность и постоянную готовность къ отраженію всякаго рода непріязненныхъ попытокъ къ нанесенію намъ вреда. Буде же непріятель дерзнетъ произвести попытку къ прорыву блокадной линіи, то, зная доблесть войскъ отряда, увѣренъ, что за такую попытку турки дорого поплатятся и, совокупными усиліями смежно расположенныхъ частей, несомнѣнно будутъ опрокинуты обратно въ крѣпость.

«Въ виду же сдѣлать блокаду возможно тяжелой для непріятеля, предписываю всѣмъ начальникамъ частей отряда—отнюдь не пропускать изъ крѣпости никого, подъ какимъ бы видомъ кто бы то ни было не старался пробраться за блокадную линію. Всѣхъ такихъ лицъ возвращать обратно въ крѣпость. Исключеніе допускать только для лицъ, снабженныхъ билетами отъ меня или нашихъ гражданскихъ властей, и вообще, для всѣхъ дезертировъ, съ увеличеніемъ числа коихъ, естественно, будетъ ослабѣвать и боевая сила турокъ».

Не взирая, однако, на свершившуюся блокаду Эрзерума, тифлисскій полкъ продолжалъ стоять на зимнихъ квартирахъ, по деревнямъ, гдѣ и встрѣтилъ новый 1878-й годъ. Къ этому дню, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна прислала для офицеровъ согаилугскаго отряда чай, сахаръ и вино.

10-го и 11-го января, начальникъ кавказской гренадерской

дивизіи генералъ-маіоръ Соловьевъ производилъ инспекторскій смотръ. Генералу доложено было обстоятельно и откровенно о положеніи полка. Начальникъ дивизіи, провѣривъ лично отчетности, убѣдился, что отпускъ провіанта производился микроскопически, такъ напримѣръ: 3-й баталіонъ получилъ, въ продолженіи двадцати двухъ дней, всего шесть фунтовъ сухарей на человѣка. Къ счастью, въ то время полкъ уже немного обстроился, обшился. Какъ видно изъ донесенія полковника Александера, отъ 17-го января, на имя командира полка, тогда уже построено было: 260 шинелей, 260 мундировъ, 1,200 шароваръ, выдано людямъ 250 новыхъ, прочныхъ полушубковъ, отпущено было въ роты 2,000 аршинъ холста, для портянокъ. Кромѣ того, получилось донесеніе поручика Скабичевскаго, что черезъ семь дней прибудутъ въ полкъ шинели, сапоги въ готовомъ видѣ и 2,000 аршинъ холста на постройку бѣлья.

До половины января, въ войскахъ не появлялось эпидеміи; затѣмъ, стали показываться признаки тифа, и вскорѣ болѣзнь эта начала быстро опустошать ряды соганлугскаго отряда. Чтобы предотвратить это бѣдствіе, командующій корпусомъ приказалъ открыть при полкахъ лазареты на сто кроватей, но только въ такомъ случаѣ, если около полковъ не было ближе десяти верстъ дивизіонныхъ или военно-временныхъ госпиталей. Происхожденіе тифозной эпидеміи врачи приписывали несвоевременной доставкѣ провіанта, частымъ переходамъ отъ хорошей къ дурной пищѣ, тѣснымъ, сырымъ помѣщеніямъ въ деревняхъ, усиленнымъ трудамъ, передвиженіямъ и тяжелой службѣ. Началомъ же и предвѣстникомъ эпидеміи, противъ которой можно было принять своевременно мѣры, служила дизентерія. Всѣ эти факторы, въ общемъ соединеніи, свели въ могилу столько жертвъ, что количество убитыхъ и раненыхъ въ теченіи кампаніи не доходило и до половиннаго числа умершихъ отъ тифа. Къ концу января, лазаретъ и околотокъ полка уже ежедневно переполнялись больными.

Разница между этими двумя лечебными заведеніями состояла въ томъ, что въ первомъ люди носили лазаретное бѣлье и одежду, въ околоткѣ же—бѣлье собственное и одежду форменную. Въ лазаретѣ

и околоткѣ довольствіе было одинаковое: утромъ и вечеромъ больнымъ выдавали чай, два раза въ день варили пищу изъ двухфунтовой мясной порціи. Въ размѣщеніи больныхъ тоже не было никакой разницы: душные, сырые, съ спертымъ воздухомъ буйволятники служили пристанищемъ околотку и лазарету. Положеніе лазарета, впрочемъ, было сноснѣе, потому что въ немъ, такъ сказать, люди были при мѣстѣ, и хотя лежали тѣсно, въ повалку, но все же на рогожахъ, пожертвованныхъ обществомъ «Краснаго креста». Въ околоткѣ же приливъ больныхъ бывалъ до того великъ, что они буквально громоздились другъ на другѣ. Пока ихъ переписывали и распредѣляли по буйволятникамъ, нерѣдко нѣкоторые умирали.

Болѣзнь требовала правильнаго, тщательнаго ухода и самаго серьезнаго, неусыпнаго леченія. Но кто же могъ лечить! При полку находился всего одинъ старшій врачъ Егоровъ и еще лекарскій помощникъ Пантелеймоновъ. Оба они трудились неутомимо и добросовѣстно, но далеко не успѣвали оказать помощь всѣмъ. Фельдшеровъ было тоже мало, и вскорѣ всѣ они заболѣли сами. При подобныхъ трудныхъ обстоятельствахъ, больные умирали безпомощно. Среди лазаретной прислуги процентъ смертности былъ также великъ: люди, назначаемые для ухода за больными, скоро сваливались съ ногъ. Впослѣдствіи, генералъ Гейманъ приказалъ назначать прислугу изъ людей, вынесшихъ тифъ и оправившихся отъ него. Скопленіе тифозныхъ въ лазаретѣ и околоткѣ вызывало необходимость отправленія ихъ въ госпитали, для дальнѣйшаго пользованія; перевозили ихъ обыкновенно все тѣже полковыя лошади. Само собою разумѣется, что если войскамъ приходилось голодать, то и больные находились не въ лучшемъ положеніи. И они тоже частенько довольствовались бульономъ, безъ крупъ, соли и сухарей. Вообще, тифъ поглотилъ лучшія силы полка. О результатахъ эпидеміи будетъ сказано далѣе.

Не взирая, однако, на лишенія, холодъ и развитіе тифа, войска продолжали окружать Эрзерумъ, и хотя генералъ Гейманъ еще въ декабрѣ считалъ блокаду крѣпости завершенною, тѣмъ не менѣе, болѣе тѣсное обложеніе ея совершилось лишь въ половинѣ января, когда части 39-й и 40-й пѣхотныхъ дивизій были двинуты черезъ

перевалъ верхняго и нижняго Туи и гнилое ущелье въ долину Ефрата. Тогда только, т. е. къ концу января, войска наши совершенно обложили Эрзерумъ.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, тифлисскій полкъ не могъ играть пассивной роли; вскорѣ и ему пришлось принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ крѣпости.

20-го января 1878-го года, предписано было полку выступить снова на передовую позицію. Въ приказѣ по полку сохранились подробныя распоряженія относительно выступленія. Въ Караселетѣ оставили всѣ хозяйственныя учрежденія, и за старшаго въ этомъ селеніи назначенъ былъ маіоръ Кабенинъ. Съ полкомъ выступили денежный ящикъ и патронные фургоны. Для наблюденія за порядкомъ оставлены были: въ селеніи Гюлли прапорщикъ Лукинъ, въ селеніи Ахджаларѣ прапорщикъ Пономѣвскій и въ Оргузѣ прапорщикъ Шишковскій. Для очистки лагернаго мѣста высланы были рабочіе, подъ командою штабсъ-капитана Маіорова. Вечеромъ, весь полкъ собрался у Узунъ-Ахмета, гдѣ и расположился въ кибиткахъ, по указанію штабсъ-капитана Маіорова.

Командующій 2-мъ баталіономъ капитанъ Баграмовъ, вслѣдствіе предписанія, полученнаго наканунѣ, по приходѣ въ лагерь явился къ начальнику дивизіи генералъ-маіору Соловьеву. Генералъ приказалъ ему принять тридцать кибитокъ, выступить съ баталіономъ на передовую позицію, гдѣ уже было очищено мѣсто, а подстилку и дрова взять изъ деревни, извѣстной маіору Улановичу. Капитанъ Баграмовъ долженъ былъ отправить больныхъ въ Узунъ-Ахметъ или Караселетъ. 2-й баталіонъ принялъ сухарный провіантъ на пять дней, порціонный скотъ былъ пригнанъ полковымъ маркитантомъ. Послѣ устройства лагеря, капитану Баграмову генералъ поручилъ очистить мѣсто еще на одинъ баталіонъ. Получивъ изложенныя приказанія, Баграмовъ выступилъ на позицію, лежавшую въ четырехъ верстахъ впереди Узунъ-Ахмета. Кибитки люди несли на себѣ. Черезъ три дня, т. е. 24-го января, къ 2-му баталіону присоединился 1-й баталіонъ, подъ командою капитана князя Макаева.

Цѣль стоянки этихъ баталіоновъ заключалась въ томъ, чтобы

открыть дорогу къ Узунъ-Ахмету и Эрзеруму, такъ какъ носились слухи, что къ 10-му февраля непріятель сдастъ намъ крѣпость. На работу выводили обыкновенно въ десять часовъ и работали до двѣнадцати; затѣмъ, пообѣдавъ, снова принимались за очистку снѣга. Работы эти походили на нескончаемый трудъ Сизифа, потому что сдѣланное днемъ—ночью заносилось снѣгомъ. Новая стоянка была также тяжела, какъ и служба на высотѣ Узунъ-Ахмета.

Мятели не унимались, холода крѣпли, продовольственная часть страдала. Зачастую, 1-й и 2-й баталіоны голодали, потому что сообщеніе съ Узунъ-Ахметомъ прекращалось. А тифъ все по-прежнему находилъ обильную жатву среди изнуренныхъ людей. Больныхъ обыкновенно носили на кибиточныхъ рѣшеткахъ, для чего требовалось не менѣе восьми человѣкъ носильщиковъ. При двухъ баталіонахъ находился одинъ только фельдшеръ Натаровъ, но, въ виду недостатка медикаментовъ, помощь его была ничтожна.

Одинъ разъ, когда дорогу занесло совершенно, а люди стали голодать и умирать, капитанъ Багратовъ взялъ съ собою четырехъ конвойныхъ и отправился въ Узунъ-Ахметъ. Тутъ онъ доложилъ о бѣдственномъ положеніи баталіона начальнику дивизіи. Генералъ приказалъ мертвыхъ хоронить въ снѣгу, а насчетъ доставки провіанта послать нарочнаго къ командующему корпусомъ, въ Гасанъ-Кала. Капитанъ Багратовъ съ трудомъ добрался вечеромъ до своего лагеря. Положеніе 3-го и 4-го баталіоновъ, стоявшихъ у развалинъ Узунъ-Ахмета, было, конечно, далеко сноснѣе.

21-го января, прибыло на укомплектованіе полка 417 человѣкъ ратниковъ. Они были одѣты въ мундиры армейскихъ полковъ, подготовлены къ строю и вооружены. Ихъ помѣстили въ Каравелетѣ и на довольствіе прикомандировали къ нестроевой ротѣ. Завѣдывающимъ командою ратниковъ назначенъ былъ поручикъ Гаушъ. 27-го января, ратниковъ разбили поротно, назначивъ въ каждую роту отъ 25—29 человѣкъ.

30-го января, заболѣлъ полковникъ Александеръ, и 3-го февраля вступилъ въ командованіе полкомъ 14-го гренадерскаго грузинскаго полка подполковникъ Меликъ-Мнацакановъ. 4-го февраля, 3-я рота, подъ командою поручика Гогніева, выступила съ тран-

спортомъ больныхъ въ Александрополь. 6-го февраля для той же цѣли отправлены были въ Экабатъ 1-я и 2-я роты, подъ командою капитана князя Макаева. Въ трехъ этихъ ротахъ состояло налицо: оберъ-офицеровъ 6, музыкантовъ 6, унтеръ-офицеровъ 28 и рядовыхъ 213. 6-го февраля, явился къ капитану Баграмову, съ двумя стами рабочихъ, прапорщикъ милиціи Цитовцевъ, получившій приказаніе—во что бы ни стало открыть дорогу къ Эрзеруму. 10-го числа дорога была готова, а 11-го, наши войска вступили въ Эрзерумъ. 13-го февраля, вечеромъ, капитанъ Баграмовъ получилъ предписаніе—выступить въ сел. Ахджаларъ, откуда 15-го февраля, въ составѣ пяти ротъ, слѣдовать по маршруту въ Александрополь.

Второй эшелонъ полка: 8-я, 9-я и 3-я стрѣлковая роты, 10-я, 11-я и 4-я стрѣлковая роты, подъ командою подполковника Меликъ-Мнацаканова, выступили 17-го февраля въ сел. Эйсанджа и затѣмъ, оба эшелона пошли по маршруту на Юзъ-Веранъ, Кара-Килиса, Башъ-кей, потомъ черезъ Араксъ на Кара-Куртъ, Али-Софи, Хаджи-Хорманъ, Супоназадъ и Карсъ; оттуда на Халифъ-Оглы, Палдырванъ—и въ Александрополь. Всѣхъ же переходовъ было тринадцать; кромѣ того, пять дневокъ. Количество верстъ по маршруту—двѣсти двадцать восемь съ половиною.

Полковой лазаретъ и околотокъ оставлены въ Каравелетѣ, подъ прикрытіемъ 7-й и 12-й ротъ. 17-го февраля, при выступленіи, больныхъ состояло: въ лазаретѣ 225 человѣкъ, въ околоткѣ 115, на санитарной стоянкѣ 197 человѣкъ. При нихъ находилось: фельдшеровъ 3, надзиратель больныхъ 1, служителей 8, обозныхъ рядовыхъ 2. Въ 7-й ротѣ было налицо 35 человѣкъ, а въ 12-й—94 человѣка. Всего, полкъ оставилъ подъ Эрзерумомъ 710 человѣкъ. Изъ этого числа, съ 17-го по 29-е марта умерло 82 человѣка. Больные тоже отправлены были не сразу, а эшелонами. Первый эшелонъ выступилъ 26-го февраля, въ составѣ 70 человѣкъ больныхъ и 61 человѣка въ 7-й ротѣ. Второй эшелонъ отправленъ 5-го марта, въ числѣ 29 человѣкъ, а третій—29 марта, въ числѣ 209 больныхъ и 38 человѣкъ строевыхъ 12-й роты.

И такъ, послѣдній транспортъ тифлисцевъ оставилъ долины

Эрзерума весною, вступивъ въ нихъ глубокою осенью. Пятимѣсячная стоянка въ нездоровой, покрытой глубокими снѣгами, мѣстности, сильно опустошила полкъ. Стоянка на Шипкѣ и переходъ черезъ Балканы знакомы почти каждому русскому человѣку и заслужили всеобщую извѣстность. Но незамѣтною осталась до сихъ поръ въ исторіи тяжелая доля кавказскихъ гренадеръ: о ней такъ мало писали и говорили. На Балканахъ и Шипкѣ было топливо, и войска, спустившись съ снѣговыхъ вершинъ, находили отдыхъ въ теплыхъ долинахъ Румеліи и Болгаріи. Кавказцы же, куда бы ни двинулись, встрѣчали одно и тоже: недостатокъ лѣса, помѣщеній, провіанта, безлюдье, дикія горы, снѣга, нескончаемыя горныя вершины и почти поголовный тифъ.

Да, Узунъ-Ахметъ и Деве-Бойну имѣютъ право занять на страницахъ нашихъ лѣтописей не менѣе почетное мѣсто, какъ Шипка и Балканы.

ГЛАВА XIII.

Разновременное прибытіе частей и эшелоновъ полка въ Александрополь. Встрѣча полковникомъ Ридигеромъ. Квартирное расположеніе полка. Продолженіе тифозной эпидеміи. Отчетъ о ходѣ болѣзни. Санитарныя мѣры. Приведеніе въ порядокъ полковаго хозяйства. Выступленіе въ лагерь. Отдыхъ и занятія.

Третья рота, выступившая изъ Гасанъ-Кала 3-го февраля, съ транспортомъ больныхъ, благополучно прибыла въ Александрополь 18-го февраля. На другой же день, рота была переведена въ селеніе Баяндуръ—съ санитарною цѣлью. Тамъ она расположилась довольно удобно и просторно. Благодаря тому, что при ней были повозки съ больными, всѣ подбившіеся дорогой нижніе чины и заболѣвшіе усаживались на эти повозки. Это доставило возможность сберечь людей, и рота пришла въ томъ же составѣ, какъ и выступила. Но все же, постоянное сношеніе съ больными, зараженными большею частью тифомъ, не прошло безслѣдно. По прибытіи на мѣ-

сто, ежедневно приходилось отправлять заболѣвшихъ въ госпиталь. Однимъ изъ первыхъ поплатился командующій ротою поручикъ Гогніевъ; онъ слегъ 23-го февраля и 2-го марта скончался. Послѣ его смерти, 3-ю роту принялъ прапорщикъ Ильинскій. Изъ числа же нижнихъ чиновъ, въ день прихода отправлено въ госпиталь девять человѣкъ, а затѣмъ, въ первые десять послѣдующихъ дней еще двадцать четыре человѣка. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли послѣ прибытія изъ заграницы, 3-я рота дошла до сорока человѣкъ общаго состава.

21-го февраля, прибыла въ Александрополь рота Его Высочества, а 23-го—вторая рота. Объ роты оставили по дорогѣ тоже нѣсколько больныхъ, а именно: 1-я рота четыре, а 2-я—девять человѣкъ. Сверхъ того, во второй ротѣ умеръ въ Карсѣ скоропостижно капитанармусъ.

Тотчасъ по прибытіи въ Александрополь, гдѣ тифъ свирѣпствовалъ съ чрезвычайною силою, въ первой ротѣ заболѣло и отправлено въ госпиталь двѣнадцать человѣкъ, а на слѣдующій день еще пять человѣкъ; приблизительно, тоже было и во 2-й ротѣ. Вслѣдствіе этого, ротамъ данъ былъ двухдневный отдыхъ. Первая рота пришла подъ командой прапорщика Звегинцева; а вторая—поручика Кучевскаго, единственнаго въ полку ротнаго командира, который въ теченіи всего похода ни на одинъ день не оставлялъ своей роты, несмотря на то, что 20-го сентября былъ раненъ. Вмѣстѣ съ этими ротами прибылъ и командующій первымъ баталіономъ капитанъ князь Макаевъ.

21-го февраля, прибылъ изъ Тифлиса полковникъ Ридигеръ, совершенно оправившійся отъ дове-бойской раны, благодаря вторично сдѣланной ему операціи. Такъ какъ въ минуту выѣзда полковника Ридигера изъ Тифлиса всѣ эшелоны полка были уже въ обратномъ движеніи изъ Гасанъ-Кала, то Главнокомандующій приказалъ ему остаться въ Александрополѣ и тамъ вступить въ командованіе полкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему было приказано, совмѣстно съ уѣзднымъ начальникомъ маіоромъ Невтоновымъ—провѣрить на мѣстѣ дислокацію гренадерской дивизіи, съ ея артилеріей, возвращавшуюся изъ подъ Эрзерума, и, въ случаѣ надобности, измѣ-

нить ее, донеся командующему корпусомъ въ Гасанъ-Кала, съ пояснениемъ причинъ, вызвавшихъ измѣненія.

Тифлисскому полку были назначены деревни у подножія Алагеза, а именно: Артикъ, Башкетъ, Арихвели, Кочи-Килиса, Мухмуджухъ, Кипчагъ, Армутли, Богасъ-Кисанъ, Сарибашъ и Ширванджухъ, всего 809 дворовъ. По осмотрѣ этихъ мѣстъ, полковникъ Ридигеръ просилъ начальника штаба корпуса выбрать другой квартирный раіонъ, такъ какъ всѣ окрестности Алагеза были еще покрыты глубокимъ снѣгомъ, и между многими деревнями сообщенія не было. Даже до Артика, гдѣ предполагался полковой штабъ, можно было добраться только верхомъ. Съ наступленіемъ теплой погоды, во всѣхъ этихъ мѣстахъ неминуемо образовалась бы невылазная грязь, которую напуженныя обозныя лошади не могли бы преодолѣть. Вмѣсто названнаго участка, представлялась возможность расположить полкъ хотя на старыхъ квартирахъ, которыя онъ занималъ до войны, а именно: Бекантъ, Коралъ, Налбантъ, Топалы, Абдибекъ, Вартанъ, Качаганъ. Перемѣна квартирнаго расположенія была одобрена командующимъ корпусомъ: 1-я, 2-я и 3-я роты немедленно направлены въ селеніе Бекантъ.

4-го марта, прибылъ въ селеніе Оджахъ-Кули, находящееся на берегу Арпачая, противъ крѣпости Александрополя, первый эшелонъ полка, подъ командою капитана Баграмова, командовавшаго вторымъ баталіономъ, въ составѣ пяти ротъ, а именно: 1-й стрѣлковой, 4-й, 5-й, 6-й и 2-й стрѣлковой. Эшелонъ этотъ, выступившій изъ Гасанъ-Кала въ составѣ девяти офицеровъ и 449-ти нижнихъ чиновъ, прибылъ на берегъ Арпачая значительно сократившись, а именно: въ числѣ тѣхъ же девяти офицеровъ, 45-ти унтеръ-офицеровъ, 11-ти музыкантовъ и 277-ми рядовыхъ; всего, 333-хъ человѣкъ. Такимъ образомъ, по дорогѣ, въ попутныхъ госпиталяхъ, онъ разсыпалъ 116 человѣкъ. Дорогой двое умерло и одного задавило внезапно обрушившееся саклей. Сверхъ того, на другой же день, 5-го марта, пришлось отправить изъ состава эшелона въ госпиталь еще сорокъ человѣкъ. Эти страдальцы заболѣли дорогой, но перемогались, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы дотащиться до Александрополя, который казался имъ родиной. 5-го же марта, заболѣлъ тоже

тифомъ командиръ 1-й стрѣлковой роты поручикъ Згоржельскій, отправленный немедленно въ госпиталь.

6-го марта, 1-й эшелонъ, послѣ дневки, прослѣдовалъ черезъ Александрополь, въ три перехода, въ селеніе Вартанъ. Вмѣсто его прибылъ въ Оджахъ-Кули, 6-го же марта, 2-й эшелонъ, подъ командою временно завѣдывающаго полкомъ подполковника Меликъ-Мнацаканова, въ составѣ семи ротъ, а именно: 8-й, 9-й, 3-й стрѣлковой, 10-й, 11-й, 4-й стрѣлковой и нестроевой ротъ. Эшелонъ этотъ имѣлъ въ строю, при выступленіи изъ Гасанъ-Кала, трехъ штабъ-офицеровъ, шестнадцать оберъ-офицеровъ и 762 строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чина. Прибыло же въ Александрополь всего два штабъ-офицера, четырнадцать оберъ-офицеровъ, 56 унтеръ-офицеровъ, 41 музыкантъ, 421 строевыхъ и 114 нестроевыхъ; всего, 632 нижнихъ чиновъ. Слѣдовательно, въ госпиталяхъ оставлено по пути 130 человѣкъ. По приходѣ же въ Александрополь, 7-го марта, сверхъ того, было сдано въ госпиталь еще 58 человѣкъ, съ трудомъ дотащившихся до русской границы. Въ числѣ заболѣвшихъ тифомъ былъ также и завѣдывающій хозяйствомъ подполковникъ Кабешинъ, дѣлопроизводитель хозяйственной части чиновникъ Роопъ, подпоручики Барсовъ и Каліевъ. Всѣ они остались въ Карсѣ. Подпоручикъ Каліевъ вскорѣ умеръ, а остальные проболѣли нѣсколько мѣсяцевъ.

Со вторымъ эшелономъ пришелъ полковой обозъ, состоявшій изъ 16-ти фургоновъ съ патронами, 24-хъ фургоновъ, нагруженныхъ разными тяжестями, 7-ми офицерскихъ и 7-ми артельныхъ повозокъ. Всего, лошадей прибыло 145. Изъ нихъ до сорока лошадей приведены въ поводу, потому что, вслѣдствіе бескормицы, онѣ были сильно изнурены.

Послѣ дневки въ Оджахъ-Кули, второй эшелонъ, 8-го марта, двинулся по квартирамъ. Третій баталіонъ былъ направленъ въ селеніе Налбантъ, а четвертый въ селеніе Абдибекъ. Такимъ образомъ, полкъ расположился въ слѣдующихъ деревняхъ: штабъ полка и 1-й баталіонъ въ селеніи Бекантъ, 2-й баталіонъ въ селеніи Вартанъ, 3-й баталіонъ въ селеніи Налбантъ и 4-й баталіонъ въ селеніи Абдибекъ. Благодаря небольшому наличному составу ротъ, людей

можно было расположить просторно. Жители приняли своихъ постояльцевъ радушно и съ готовностью доставляли все необходимое, чтобы сколько нибудь успокоить ихъ послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, перенесенныхъ во время войны.

Съ прибытіемъ полка на широкія квартиры, представлялось много дѣла, такъ какъ, благодаря стоянкѣ на Деве-Бойну, полкъ пришелъ въ совершенное разстройство въ санитарномъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Но при твердомъ сознаніи своего долга всѣми чинами, уцѣлѣвшими отъ непріятельскихъ пуль и тифа, затрудненія были устранены.

Прежде всего надо было возстановить въ полку санитарную часть, такъ какъ въ дѣйствительности ея не существовало, а тифъ продолжалъ свой свирѣпый покосъ, вырывая ежедневно новыя жертвы. Для борьбы съ нимъ въ первые дни не было никакихъ средствъ: полковой лазаретъ и аптека, съ класснымъ медицинскимъ фельдшеромъ Пантелеймоновымъ, а также уцѣлѣвшіе фельдшера, оставались въ окрестностяхъ Гасанъ-Кала, въ селеніи Каравелетъ; старшій полковой врачъ Егоровъ лежалъ въ тифѣ и вскорѣ умеръ; изъ четырехъ младшихъ врачей, два—Теръ-Арутиньянцъ и Зрѣловъ были въ командировкахъ, а два другіе—Лангенбахеръ и Кашинцевъ лежали тоже въ тифѣ; для завѣдыванія полковымъ лазаретомъ въ Каравелетѣ былъ командированъ, по распоряженію начальства сагалугскаго отряда, врачъ Поповъ.

Удаленный отъ полка на сотни верстъ, полковой лазаретъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи, не принося полку никакой пользы. Къ довершенію его разстройства, командиръ 12-й роты штабсъ-капитанъ Станкевичъ, оставленный для управленія лазаретомъ и довольствія его, вскорѣ по уходѣ полка былъ арестованъ за растрату казенныхъ денегъ, а потому, какъ рота, такъ и лазаретъ, оставались нѣсколько дней безъ начальника. Впослѣдствіи, штабсъ-капитанъ Станкевичъ по суду былъ совершенно оправданъ, и растрата денегъ оказалась случайною пропажею. Къ счастью, состоявшій на сверхсрочной службѣ, фельдфебель 12-й роты Походенко, поддержалъ порядокъ и въ ротѣ, и въ лазаретѣ до прибытія прапорщика имеретинскаго полка Александровскаго

командированнаго въ Каравелетъ для завѣдыванія лазаретомъ и 12-й ротой.

При выступленіи полка изъ Каравелета въ предѣлы Россіи, можно было отдѣлить изъ наличнаго небольшаго медицинскаго персонала только двухъ фельдшеровъ—и то, не изъ лучшихъ. Какъ ни хлопоталъ командиръ полка о присылкѣ хотя бы одного врача, но просьба его не могла быть удовлетворена, за неимѣніемъ въ Александрополѣ ни одного свободнаго медика. Полковникъ Ридигеръ, узнавъ, что одинъ изъ младшихъ врачей полка, Лангенбахеръ, едва выздоравливавшій отъ тифа, прибылъ въ Александрополь, обратился къ нему съ просьбой, чтобы онъ, въ виду безвыходнаго положенія, подалъ рапортъ о выздоровленіи и вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей. Лангенбахеръ не задумался ни на минуту и, несмотря на слабость послѣ болѣзни и на необходимость еще самому лечиться, прибылъ въ полкъ и принялся за дѣло. А дѣла было много, такъ какъ заболѣваемость продолжалась: въ околоткѣ, устроенномъ наподобіе лазарета, ежедневно лежало отъ 50-ти до 80-ти человѣкъ; вдвое же большее число больныхъ было на ногахъ, и приходили они только на консультацію.

Большую помощь полку въ этомъ трудномъ дѣлѣ оказало общество «Краснаго креста». Уполномоченные его, Карцовъ и Шадиновъ, щедрою рукою снабжали полковой околотокъ всѣмъ необходимымъ: они отпустили на 150 человѣкъ бѣлья, простынь, наволокъ, полушубковъ, фуфаекъ, чулковъ, теплыхъ сапоговъ, халатовъ, очень много чаю, сахару, вина, водки, табаку, папиросъ, хины и множество медикаментовъ. Благодаря этой щедрой помощи, больныхъ удалось обставить довольно благопріятными гигіеническими условіями. Для помѣщенія больныхъ было выбрано два большихъ буйволятника; въ каждомъ могло помѣщаться свободно до 50-ти человѣкъ. Буйволятники тщательно были вычищены, дезинфецированы и въ нихъ, за неимѣніемъ досокъ въ этихъ безлѣсныхъ мѣстахъ, устроены на землѣ постели для больныхъ; постель состояла изъ толстаго слоя самана, покрытаго чистыми простынями. Для нагрѣванія околотковъ были куплены въ Александрополѣ желѣзныя печи. При этихъ условіяхъ, получили теплыя помѣще-

пія, и многіе трудные больные поправились даже безъ отсылки ихъ въ госпиталь, котораго солдаты страшно боялись и избѣгали.

Пища для больныхъ готовилась весьма хорошая: чаю—сколько угодно, на обѣдъ и на ужинъ—вино и водка. Выздоравливавшимъ давались папиросы и табакъ. Теплой одежды было въ изобиліи—и немудрено, что больнымъ не хотѣлось идти въ госпиталь.

Въ концѣ марта, медицинскій персоналъ въ полку увеличился прибытіемъ еще двухъ фельдшеровъ и прикомандированіемъ гражданскаго врача Надежина. Эта мѣра была весьма благодѣтельна, потому что, хотя заболѣваемость значительно уменьшилась, и тифъ потерялъ свои прежнія грозныя формы, больныхъ для одного врача все же было слишкомъ много.

О силѣ заболѣваемости можно судить изъ того, что, хотя по приходѣ въ Александрополь тотчасъ отправлено изъ обоихъ эшелоновъ въ госпиталь 98 человѣкъ, но съ 10-го марта и до конца мѣсяца еще отослали изъ околотка 130 человѣкъ. При наличномъ составѣ полка въ 1,200 нижнихъ чиновъ, это былъ чрезчуръ большой процентъ. Въ теченіи марта заболѣло тифомъ немало и офицеровъ, а именно: командующій четвертымъ баталіономъ капитанъ Гагемейстеръ и первымъ—князь Макаевъ; командиры ротъ: 1-й—поручикъ Пирадовъ, 1-й стрѣлковой—поручикъ Згоржельскій, 4-й—штабсъ-капитанъ Буткевичъ, 5-й—штабсъ-капитанъ Макаевъ и капельмейстеръ Паривекъ, а въ первыхъ числахъ апрѣля заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и командиръ полка полковникъ Ридигеръ, проболѣвшій до половины мая. На время болѣзни его, командованіе полкомъ было возложено на командира 3-го баталіона маіора Улановича, единственнаго штабъ-офицера, уцѣлѣвшаго отъ болѣзни.

Съ наступленіемъ болѣе теплой погоды, а особенно съ выходомъ въ лагерь, заболѣваемость уменьшилась, и большинство заболѣвающихъ страдало уже не тифомъ, а другими болѣе легкими болѣзнями. Такимъ образомъ, въ апрѣлѣ отправлено въ госпиталь 117 человѣкъ, въ маѣ 127, а въ іюнѣ 113. Послѣднія цифры за май и іюнь не будутъ значительныя, если взять въ соображеніе, что съ прибытіемъ полка изъ заграницы, численность его увеличи-

лась выписными изъ госпиталей на 883 человѣка, да прибыло на укомплектованіе изъ запаснаго баталіона 961 человѣкъ. Вообще, самая большая болѣзненность въ полку была въ концѣ февраля и въ началѣ марта. Въ иные дни доходило до того, что въ разныхъ госпиталяхъ выбывало изъ списковъ полка до двадцати человѣкъ умершими.

Несомнѣнно, однако, что одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ санитарныхъ мѣръ для прекращенія тифа—былъ выводъ полка, съ 9-го мая, въ лагерь; причемъ, было разрѣшено смотрѣть на лагерь, какъ на санитарную стоянку, т. е. не заботиться о правильной разбивкѣ его и о сборѣ полка непремѣнно въ одномъ мѣстѣ. Можно было становиться не только побаталіонно, но даже поротно, лишь бы только найти удобную, здоровую площадку и хорошую воду.

Оказалось возможнымъ поставить полкъ въ двухъ мѣстахъ: 1-й и 2-й баталіоны у сел. Бекантъ, а 3-й и 4-й баталіоны у сел. Налбантъ. Въ сел. же Бекантъ устроенъ былъ въ палаткахъ пріемный покой, снабженный всѣмъ необходимымъ; онъ былъ похожъ скорѣе на лазаретъ. Въ немъ имѣлось не шестнадцать положенныхъ по штату мѣстъ, а сколько угодно, такъ что число больныхъ въ пріемномъ покоѣ первое время доходило до пятидесяти человѣкъ и болѣе. Размѣщеніе не только больныхъ, но и здоровыхъ нижнихъ чиновъ, было обыкновенное: вездѣ были устроены нары и свѣжая подстилка. Пища выдавалась отличная, такъ какъ отпускъ военнаго времени—по полтора фунта мяса на человѣка въ день, продолжался. До того времени, пока не явилась возможность доставать для борща зелень, отпускалась полку кислая капуста, очень хорошая, заготовленная интендантствомъ. Вслѣдствіе сильнаго истощенія въ краѣ скотоводства, у полковаго маркитанта мясо было дурное; но оно сдабривалось прекрасною солониною, отпускавшеюся тоже изъ интендантства и заготовленною своевременно на югѣ Россіи изъ хорошаго черкасскаго скота. Капусты отпускалось въ день по 50 золотниковъ на человѣка, а солонины до половины апрѣля половинное количество противъ мяса, а потомъ меньше.

Чай и сахаръ выдавался солдатамъ натурой; хлѣбъ выпекался

хорошо, такъ какъ мука, за самыми рѣдкими исключеніями, была доброкачественная. Каждая рота имѣла особыя хлѣбопекарныя печи и всѣ необходимыя кухонныя принадлежности. Впрочемъ, третья часть провіанта отпускалась тоже сухарями, но отпускъ этотъ не былъ обременителенъ, потому что, при хорошей пищѣ, небольшое количество сухарей не могло имѣть никакого значенія, тѣмъ болѣе, что люди по большей части не поѣдали своего провіанта.

Если прибавить ко всему сказанному, что нижніе чины не отягощались ни службой, ни учеными, то будетъ понятно, что здоровье людей быстро возстановлялось, и полкъ сталъ принимать опять тотъ же видъ, который онъ имѣлъ годъ тому назадъ, до перехода черезъ Арпачай; къ концу мая, онъ былъ уже совершенно готовъ къ новой, ожидавшейся войнѣ съ западными державами.

Для приведенія полка въ такое состояніе встрѣтилось много затрудненій и хлопотъ, такъ какъ полковое хозяйство, по возвращеніи изъ Гасанъ-Кала, было въ такомъ же разстройствѣ, какъ и санитарная часть. Завѣдывающій хозяйствомъ полка, подполковникъ Кабенинъ, и дѣлопроизводитель Роопъ были больны очень трудно, лежали въ Карсѣ, и не могли дать никакихъ поясненій относительно полковой отчетности. Командиръ полка встрѣтилъ полкъ въ Александрополѣ, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, и также не могъ знать, въ какомъ состояніи находится хозяйственная часть. Замѣнявшій же командира, подполковникъ грузинскаго полка Меликъ-Мнацакановъ, тотчасъ по приходѣ полка заболѣлъ и убылъ въ Тифлисъ. Къ довершенію затрудненій, изъ лицъ хозяйственнаго управленія полка, казначей былъ командированъ въ Тифлисъ, а квартирмейстеръ—въ Александрополь. Такимъ образомъ, изъ лицъ, занимавшихъ хозяйственныя должности, съ полкомъ прибылъ только завѣдывающій оружіемъ штабсъ-капитанъ Никитинъ, на котораго возложена была, вмѣстѣ съ тѣмъ, должность казначея и дѣлопроизводителя; но и онъ, принявъ объ должности экстренно, не имѣлъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о дѣлопроизводствѣ по хозяйству. Первое и самое важное затрудненіе по хозяйству полка встрѣтилось въ неимѣніи наличныхъ денегъ, такъ какъ въ полковомъ ящикѣ было всего около 2,000 рублей; о тѣхъ же деньгахъ, которыя были въ

ожиданіи, не имѣлось никакихъ точныхъ свѣдѣній.

Чтобы выйти изъ этого положенія, командиръ полка отправилъ въ Карсъ поручика Пирадова, которому довѣрилъ получить всѣ имѣющіеся въ интендантствѣ талоны на имя полка. Корпусный интендантъ принялъ лично самое живое участіе въ трудномъ положеніи полка и, благодаря его содѣйствію, поручикъ Пирадовъ черезъ недѣлю вернулся изъ Карса и привезъ восемь талоновъ, на сумму до тридцати тысячъ рублей. Всѣ эти деньги требовались разновременно; но, по случаю передвиженія полка, не могли быть ему ассигнованы раньше, чѣмъ полкъ сталъ на мѣсто.

Другое хозяйственное затрудненіе состояло въ перевозкѣ остающихся тяжестей и полковаго лазарета, съ 12-й ротой. Относительно средствъ для поднятія лазарета, распоряженіе должно было послѣдовать отъ корпуснаго начальства, полковыя же тяжести слѣдовало перевезти полку. Въ виду этого, были выбраны лучшія девяносто лошадей изъ полковаго обоза и, подъ командой подпоручика князя Джорджадзе, отправлены за Согаплугъ. Посылка эта дорого обошлась полку, такъ какъ изъ транспорта пало дорогой сорокъ семь лошадей, и многія вещи не могли быть доставлены изъ Гасанъ-Кала. Немало тоже вещей, за отсутствіемъ полка, оказалось недостающихъ потому, что многіе нижніе чины, на рукахъ у которыхъ онѣ находились, умерли—въ томъ числѣ, и полковой каптенармусъ.

Князь Джорджадзе и полковой лазаретъ прибыли обратно въ половинѣ апрѣля, и съ этой минуты всѣ части полка оказались, наконецъ, въ полномъ сборѣ. Прибыла также 12-я рота, но въ числѣ только семнадцати человѣкъ, оставивъ по дорогѣ въ попутныхъ госпиталяхъ шестьдесятъ девять человѣкъ.

Тотчасъ по прибытіи полка на зимнія квартиры, т. е. съ половины марта, были открыты во всѣхъ ротахъ ротныя швальни, которыя, по заведенному порядку, замѣнили общую полковую швальню. Собраны были всѣ нижніе чины, умѣющіе шить; въ иныхъ ротахъ ихъ набиралось больше десяти человѣкъ. Благодаря живому участію всѣхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ въ дѣлѣ обмундированія полка, работа пошла очень успѣшно, такъ

что, съ выступленіемъ полка въ лагерь подъ Ахалкалаки, т. е. къ іюню, всѣ нижніе чины имѣли новые мундиры и шинели. Такая огромная постройка произведена потому, что все обмундированіе, бывшее на людяхъ въ теченіи истекшаго года, было признано негоднымъ, и хотя оно еще и не выслужило двухгодичнаго срока, но, согласно свидѣтельству начальника дивизіи, подлежало замѣнѣ новымъ.

Вмѣстѣ съ постройкой новаго обмундированія, была тщательно исправлена вся старая одежда, употреблявшаяся для ежедневной носки, чтобы, на случай возобновленія военныхъ дѣйствій, сохранить вновь построенную. При обмундированіи, интендантство оказало полку довольно значительную помощь, отпустивъ полуготовыя вещи, а именно: отпущено было 2,000 шапокъ и 1,500 шинелей.

Вмѣстѣ съ обмундированіемъ исправлялись и всѣ прочіе предметы снаряженія солдатъ, а равно шла дѣятельная починка ружей, изъ числа которыхъ болѣе пятисотъ находилось нѣсколько мѣсяцевъ въ александропольскомъ складѣ, безъ всякаго надзора. Ружья эти складывались туда послѣ сраженій и принадлежали убитымъ и раненымъ. Безъ сомнѣнія, все это оружіе требовало капитальнаго ремонта. Оружіе, бывшее на рукахъ, да и то, которое получалось изъ артилерійскаго склада, было тоже далеко не въ отличномъ состояніи. Для всѣхъ этихъ работъ открыли въ сел. Бекантъ оружейную мастерскую.

Обозъ былъ тоже приведенъ въ порядокъ. Повозки починены, а тѣ, которыя оказались вовсе негодными, замѣнены новыми фургонами нѣмецкой конструкціи. Всѣ недостающія до штата лошади были пополнены; при покупкѣ ихъ пришлось приплатить кругомъ на каждую лошадь до двухъ рублей, сверхъ отпущенныхъ казною ста рублей. На лошадяхъ, вообще, полковому хозяйству пришлось понести большой убытокъ, такъ какъ оно переплатило за нихъ 5,800 рублей изъ своей экономіи. Расходъ этотъ впослѣдствіи былъ признанъ правильнымъ, но возврата денегъ полку не послѣдовало.

Учебная часть тоже не была забыта: люди ежедневно выводились на ученье, занимались гимнастическими упражненіями, провѣряли

прикладку, а затѣмъ, принялись за ротныя и баталіонныя ученья и маневрированіе. Отпущено было тоже по двадцати патроновъ на ружье, которые были разстрѣляны преимущественно на ближнія дистанціи.

Собрана была тоже санитарная команда, съ которою усиленно занимались врачи, такъ какъ старыхъ санитаровъ осталось въ полку только сорокъ человѣкъ. Въ концѣ іюня, при 5-й батареѣ была собрана артилерійская команда.

Набраны были ученики въ музыканты, горнисты и барабанщики, съ которыми пришлось усиленно заниматься, такъ какъ хорныхъ и ротныхъ музыкантовъ налицо было очень мало. Хоръ полковой музыки пришелъ въ полное разстройство: изъ него умерло девять человѣкъ, и такое же число было больныхъ, такъ что въ строй выходило съ небольшимъ двадцать человѣкъ.

16-го и 18-го мая, прибыли изъ запаснаго баталіона, двумя командами, 961 человѣкъ для пополненія полка. Изъ нихъ, половина была молодыхъ солдатъ, призыва 1877-го года, а другая—ратники. Вся команда была отличная, особенно ратники. Вправду полкъ не получалъ такого отборнаго народа. Между ратниками было 152 человѣка грамотныхъ и 88 мастеровыхъ, изъ которыхъ многіе оказались для полка весьма полезными. Замѣчательно, что подобный процентъ мастеровыхъ и грамотныхъ никогда не бываетъ при ежегодномъ поступленіи новобранцевъ.

Кромѣ нижнихъ чиновъ, прибывшихъ изъ запаснаго баталіона, полкъ сильно пополнялся еще выздоравливающими нижними чинами, прибывавшими ежедневно десятками. Въ числѣ ихъ, поступали на укомплектованіе полка также и нижніе чины 3-го гренадерскаго перновскаго полка, оставшіеся въ кавказскихъ госпиталяхъ послѣ выступленія дивизіи въ Россію.

Приказомъ по дивизіи отъ 31-го мая, объявлено о вступленіи въ командованіе ею генералъ-лейтенанта Тергукасова, назначеннаго на эту должность Высочайшимъ приказомъ отъ 16-го апрѣля. Назначеніе это всѣхъ порадовало, такъ какъ генералъ Тергукасовъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ войскахъ начальниковъ. 3-го іюня, новый начальникъ прибылъ въ сел. Бекантъ,

куда на другой день собрались всѣ части полка, и тутъ-же были подробно осмотрѣны генераломъ. Наружный видъ полка, обмундированіе и хозяйственная часть были найдены генераломъ Тергукасовымъ въ хорошемъ положеніи—что онъ и выразилъ въ самыхъ лестныхъ словахъ командиру полка, прибавивъ, «что все, видѣнное имъ, превзошло его ожиданія».

Такимъ образомъ, къ началу іюня полкъ былъ снова готовъ къ походу и новой кампаніи, еслибы того требовали политическія событія. Весь іюнь мѣсяцъ прошелъ въ окончательномъ приведеніи въ порядокъ оставшихся еще кое-какихъ неисправностей и въ подробныхъ инспекторскихъ смотрахъ, произведенныхъ командиромъ полка и командиромъ бригады.

Изъ числа санитарныхъ мѣръ, принятыхъ за это время, обращаетъ на себя вниманіе дезинфекція всего солдатскаго имущества, даже бѣлья. Полушубки были обыкновенно отправляемы въ дезинфекціонныя камеры, а прочія вещи дезинфецировались въ полковомъ штабѣ, и для этой надобности медицинскимъ начальствомъ былъ командированъ спеціалистъ по этой части—въ помощь полковымъ врачамъ.

28-го іюня, отъ полка потребовано было одиннадцать офицеровъ разныхъ чиновъ для сформированія 2-го мѣстнаго тифлисскаго полка; но, вслѣдствіе мира съ Турціею, сформированіе этого полка не состоялось.

Хотя полкъ въ теченіи января, февраля и марта 1878-го года насчитывалъ въ своемъ составѣ 750 человѣкъ умершихъ (см. приложеніе), но эту цифру слѣдуетъ считать лишь приблизительно вѣрною, потому что, при транспортировкѣ больныхъ въ разныя лечебныя заведенія, смертность ихъ въ пути оставалась надолго неизвѣстною. Часто никто изъ сотоварищей умершаго не могъ назвать имени и фамиліи его;—такъ и хоронили этихъ безличныхъ мертвецовъ въ неизвѣстныхъ могилахъ, не помнивъ даже ихъ именъ. Больныхъ перевозили по большей части безъ всякихъ письменныхъ свѣдѣній, потому что служащіе при нихъ сами были больны, и некому было составлять накладныхъ перевозимому полуживому грузу. Послѣ войны, во всѣхъ частяхъ оказывалась по

спискамъ масса людей, числившихся въ неизвѣстныхъ госпиталяхъ, и это обстоятельство невыносимо путало отчетности. Безспорно, всѣ транспортированные больные, за немногими исключеніями, умерли въ госпиталяхъ и на дорогѣ; уцѣлѣли же весьма немногіе. Слѣдовательно, для полученія полнаго итога смертности, необходимо прибавить числившихся въ неизвѣстныхъ госпиталяхъ къ общей суммѣ умершихъ. Если это будетъ правильно, то въ тифлисскомъ полку смертность будетъ равняться количеству тысячи двухсотъ человѣкъ, т. е. болѣе трети наличнаго состава полка;—страшный, невѣроятный фактъ, но, къ сожалѣнію, съ нимъ нужно согласиться и примириться. Почти всѣ офицеры переболѣли тифомъ. Баталіонные и ротные командиры мѣнялись чуть ли не ежедневно. Во время пребыванія полка въ окрестностяхъ Эрзерума, жертвами тифа сдѣлались: маіоръ Мальцевъ и полковой адъютантъ поручикъ Васильевъ. Изъ старшихъ начальниковъ, умеръ командующій кавказскою гренадерскою дивизіею генералъ-маіоръ Соловьевъ. Генералъ Гейманъ, скончавшійся въ Карсѣ, первый разъ заболѣлъ въ Эрзерумѣ, и оттуда перевезъ съ собою остатки тифа.

Чудовищный тифъ не щадилъ никого, поглощая преждевременно лучшихъ дѣятелей войны. Такъ умерли отъ тифа: генералъ-маіоръ Шелковниковъ, командиръ лейбъ-эриванскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ Толстой, бывшій командиръ 2-й бригады кавказской гренадерской дивизіи генералъ-маіоръ Зедергольмъ и многіе другіе.

Нельзя не увѣковѣчить доброй памяти фельдфебеля 6-й роты Федора Жирова, храбраго солдата, украшеннаго четырмя знаками военнаго ордена. Пули и гранаты его пощадили, но тифъ—нѣтъ. Жировъ былъ уроженецъ рязанской губерніи и односелецъ Якова Учатарова.

Да, пережитой нами тифъ былъ, дѣйствительно, какъ бы божьею карою. Но за что? . . .

ГЛАВА XIV.

Приготовленіе полка къ выступленію въ Ахалкалаки. Прибытіе въ лагерь въ день полковаго праздника. Предписаніе начальника дивизіи о выступленіи въ Аджарію. Передвиженіе и стоянка въ Ахалцыхѣ. Обзаведеніе вьючнымъ обозомъ. Движеніе въ Аджарію. Распредѣленіе полка во вновь завоеванной провинціи. Составъ оккупаціонной колонны. Тифлисскій полкъ въ предѣлахъ Аджаріи. Распоряженіе о возвращеніи полка въ Тифлисъ. Встрѣча полка Его Императорскимъ Высочествомъ и Августѣйшимъ Семействомъ въ Боржомѣ. Начало демобилизаціи въ Михайловѣ. Торжественная встрѣча полка въ Тифлисѣ. Обѣдъ, данный городомъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ въ александровскомъ саду. Продолженіе демобилизаціи. Опять полкъ на мирной почвѣ. Награды, пожалованныя полку. Учрежденіе обществомъ офицеровъ стипендіи Имени Императора Александра II. Торжество освященія георгіевскаго знамени, Высочайшее пожалованнаго четвертому баталіону. Заключеніе.

Послѣ блестящаго ряда побѣдъ въ европейской и азіятской Турціи, заключенъ былъ съ Портою миръ. Къ Россіи присоединены были карская и батумская области. Въ пріобрѣтенныхъ провинціяхъ надо было прочно утвердить наше владычество, введя, среди полудикихъ племенъ, русское управленіе и наши административные порядки.

Общее мнѣніе было такое, что отходящія къ намъ провинціи, въ особенности Аджарія, окажутъ вооруженное сопротивленіе; поэтому, являлась настоятельная необходимость сосредоточить войска въ такихъ пунктахъ, откуда онѣ могли бы во всякую минуту быть тамъ, куда ихъ потребуютъ обстоятельства.

Въ силу этого, и несмотря на заключенный миръ, кавказская гренадерская дивизія, во время стоянки въ окрестностяхъ Александрополя, усердно приготовлялась къ боевой жизни. Никто на минуту не сомнѣвался, что вскорѣ состоится походъ, но куда—объ этомъ утвердительно не говорилось.

26-го іюня, получено было экстренное предписаніе—быть готовыми къ выступленію въ Ардаганъ, въ составѣ бригады, и по первому востребованію. Все было немедленно уложено, а лишнія вещи отправлены въ Александрополь, въ полковой складъ. 30-го

іюня, послѣдовало окончательное распоряженіе о выступленіи полка, но не въ Ардаганъ, а въ г. Ахалкалаки, куда, по волѣ Главнокомандующаго, собирался общій лагерь всей гренадерской дивизіи, съ ея артилеріей. Тифлисскій полкъ долженъ былъ 2-го іюля выступить первымъ, вмѣстѣ съ 1-й батареей кавказской гренадерской артилерійской бригады—по маршруту на Ахъ-Булахъ, Александрополь, Джелабъ-Кичуть, Шишъ-Тапа, Ефремовку, Богдановку и въ Ахалкалаки; всего, сто двадцать три съ половиною версты.

Походъ былъ совершенъ вполнѣ удачно. Правда, погода стояла жаркая; но, благодаря небольшимъ переходамъ и раннимъ выступленіямъ съ ночлеговъ, люди шли бодро. Заболѣвшихъ было очень мало, да и тѣ могли, съ нѣкоторыми облегченіями, слѣдовать за полкомъ при обозѣ. Дорогой пришлось оставить въ госпиталѣ, въ селеніи Горѣловкѣ, только трехъ человѣкъ болѣе слабыхъ. Вообще, по числу заболѣвающихъ и роду болѣзни, можно сказать, что съ этого похода хорошее санитарное состояніе полка возстановилось.

Въ ахалкалакскій лагерь полкъ вступилъ въ самый день своего полковаго праздника, который на этотъ разъ былъ отпразднованъ скромнымъ образомъ. Но, тѣмъ не менѣе, полкъ былъ осчастливленъ воспоминаніемъ своего Августѣйшаго Шефа, прислвшаго слѣдующую телеграмму: «отъ души поздравляю съ праздникомъ храбрый полкъ; желаю ему, послѣ боевой славы, мирныхъ доблестей».

Лагерное мѣсто было избрано на большой площадкѣ около самаго города Ахалкалаки, между двумя рѣками. Мѣсто оказалось во всѣхъ отношеніяхъ удобное и здоровое—что подтверждаетъ весьма малый процентъ заболѣвшихъ. За двадцать шесть дней стоянки въ ахалкалакскомъ лагерѣ, изъ трехтысячнаго состава полка было отправлено въ госпиталь только 65 человѣкъ, да въ день выступленія въ Ахалцыхъ сдано разомъ 24 человѣка, которые не могли слѣдовать. Изъ числа всѣхъ этихъ заболѣвшихъ, не было уже болѣе ни одного смертнаго случая. Черезъ нѣсколько дней послѣ выступленія тифлисскаго полка, собрались въ лагерь и остальные полки дивизіи, а 14-го іюля генералъ Тергукасовъ произвелъ объѣздъ ла-

геря, вполнѣ уже устроеннаго.

Такъ какъ въ это время миръ былъ окончательно подписанъ, то полки располагались совершенно мирному и расчитывали простоять подъ Ахалкалаки до возвращенія въ свои штабъ-квартиры. Здѣсь же ожидались и смотры Главнокомандующаго, а потому лагерная жизнь потекла совсѣмъ ужъ тихо, однообразно. Занятія въ частяхъ производились хотя неутомительныя, но тѣ самыя, которыя производятся при обыкновенныхъ общихъ лагерныхъ сборахъ. Всѣ невзгоды войны были забыты, и полки приняли обычный стройный видъ, въ чемъ можно было убѣдиться на произведенныхъ начальникомъ лагеря смотрахъ и общихъ церковныхъ парадахъ, производившихся въ табельные дни.

2-го августа, совершенно неожиданно было получено начальникомъ дивизіи предписаніе—немедленно выступить изъ ахалкалакскаго лагеря съ тремя полками, къ городу Ардагану, а одинъ полкъ направить черезъ Ахалцыхъ на годерскій перевалъ; артилерію оставили, впредь до приказанія, въ Ахалкалаки. Передвиженіе это предпринималось съ цѣлью сосредоточенія возможно большаго числа войскъ въ предѣлахъ Аджаріи, перешедшей по мирному трактату къ Россіи. Всѣ были увѣрены, что, при передачѣ намъ батумской области, воинственное племя аджарцевъ окажетъ сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ.

Для занятія годерскаго перевала генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ назначилъ тифлисскій полкъ и сообщилъ объ этомъ командиру полка, отъ 4-го августа, слѣдующимъ предписаніемъ:

«Его Императорское Высочество Главнокомандующій арміею приказалъ, телеграммою—передвинуть полки дивизіи теперь же, три къ Ардагану и одинъ въ окрестности годерскаго перевала, не далѣе половины перехода отъ этихъ пунктовъ. Артилерію же оставаться на настоящихъ мѣстахъ. Полкамъ быть готовыми къ движенію на Батумъ по первому требованію, и о времени выполненія сего приказанія донести. Вслѣдствіе сего, предписываю вашему высокоблагородію сдѣлать распоряженіе о выступленіи ввѣреннаго вамъ полка завтра же, т. е. 5-го августа, въ окрестности годерскаго перевала, не далѣе полуперехода отъ этого пунк-

та, и о времени прибытія къ окрестностямъ названнаго пункта донести начальнику штаба арміи генералъ-лейтенанту Павлову въ Боржомъ—и мнѣ въ Ардаганъ.

«При этомъ, ввѣренный вамъ полкъ долженъ имѣть при себѣ положенный восьмидневный сухарный запасъ, шанцевый инструментъ и все необходимое для полковаго околотка на двадцать четыре мѣста. Нижніе чины должны выступить въ мундирной одеждѣ послѣдняго срока. Вмѣстѣ съ этимъ, я прошу зависящаго распоряженія начальника штаба арміи о немедленномъ заготовленіи сухарей, крупъ и ячменя для ввѣреннаго вамъ полка въ окрестностяхъ годерскаго перевала, на 2,700 человѣкъ и на 300 лошадей, въ пропорціи двадцатидневнаго запаса. Къ сему присовокупляю, что слабые нижніе чины всѣхъ полковъ дивизіи, а также и лишнія вещи, должны остаться въ гор. Ахалкалаки, при офицерѣ отъ мингрельскаго полка. Люди эти должны быть прикомандированы на довольствіе къ маманской мѣстной командѣ, для чего выдать имъ только одинъ аттестатъ на провіантъ; на приварочное довольствіе отпустить имъ деньги по положенію. По прибытіи въ Ахалцыхъ, предлагаю вамъ явиться къ командующему пограничными войсками. Объ оказаніи же вамъ законнаго содѣйствія въ пути сообщено ахалцыхскому уѣздному начальнику».

Къ предписанію былъ приложенъ маршрутъ, по которому полку предстояло слѣдовать на Хертвисъ, Идумала, Ахалцыхъ, селеніе Уде и оттуда на постъ лѣтній годерскій; всего, девяносто шесть съ четвертью верстъ.

Такимъ образомъ, снова началась для полка походная жизнь, которую всѣ приняли охотно: долгая стоянка подъ Александрополемъ и Ахалкалаки, при полномъ бездѣйствіи и однообразіи, всѣмъ надоѣла,—хотѣлось какого нибудь разнообразія. Сборы были неведики: лишнія вещи сложены въ городѣ подъ карауломъ по одному человѣку изъ роты, и на другой день, 5-го августа—лагеря какъ и не бывало; на его мѣстѣ стоялъ полкъ въ походныхъ колоннахъ, съ обозомъ, вполнѣ готовый къ выступленію.

Генералъ Тергукасовъ объѣхалъ баталіоны, и привѣтливо простясь съ полкомъ, приказалъ двинуться. Полкъ, съ пѣснями и му-

ыкой, потянулся черезъ городъ по ахалцыхской почтовой дорогѣ.

Первый переходъ оказался невѣроятно трудный. Дорога шла узкимъ ущельемъ, по берегу рѣки; движенія въ воздухѣ не было, жара стояла удушливая. Несмотря на частыя остановки для того, чтобы подобрать отсталыхъ, полкъ ужасно растягивался. Только передъ сумерками всѣ баталіоны собрались у селенія Хертвисъ, гдѣ, при выборѣ бивака, встрѣтилось со стороны магометанскаго населенія множество затрудненій; устранить ихъ не могъ даже и полицейскій урядникъ, данный полку въ проводники.

Второй переходъ—до станціи Идумала и третій до Ахалцыха сдѣланы были очень легко, и 7-го августа, около полудня, полкъ уже стоялъ подъ Ахалцыхомъ, на прекрасномъ бивакѣ, на берегу Посховъ-чай. Въ Ахалцыхѣ полкъ былъ привѣтливо встрѣченъ генералъ-маіоромъ Трейтеромъ, командиромъ 1-й бригады 38-й пѣхотной дивизіи, назначеннымъ завѣдывающимъ войсками, расположенными въ окрестностяхъ Ахалцыха. Генералъ Трейтеръ долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, командовать и колонною войскъ, назначенныхъ для оккупаціи Аджаріи со стороны Ахалцыха.

По прибытіи полка въ Ахалцыхъ, предстояло немедленно заказать вьючныя сѣдла, такъ какъ сто пятидесяти экземпляровъ, имѣвшихся въ полку, было недостаточно для поднятія тяжестей по вьючной дорогѣ вплоть до Батума. Благодаря большому числу сѣдельныхъ мастеровъ, въ Ахалцыхѣ заказано было сто сѣделъ, по десяти рублей каждое. Весь этотъ заказъ былъ сдѣланъ въ два дня.

Командиръ полка, 7-го августа, донесъ начальнику дивизіи о прибытіи полка въ Ахалцыхъ слѣдующей телеграммой: «сегодня прибылъ съ полкомъ въ Ахалцыхъ благополучно; явился генераламъ Мерхилевичу и Трейтеру. Копію съ полученнаго предписанія о расположеніи полка посылаю завтра вашему превосходительству съ генераломъ Мерхилевичемъ. Пріобрѣтеніе вьюковъ можетъ задержать полкъ на лишнихъ два дня въ Ахалцыхѣ, въ чемъ затрудненія не представляется. Безъ вьюковъ дальше двигаться невозможно».

Первоначально, по прибытіи полка въ Ахалцыхъ, предполагалось, послѣ дневки, направить три баталіона на ахалцыхскую обо-

ронительную линію; затѣмъ, одинъ баталіонъ оставить въ Ахалцыхѣ, отдѣливъ отъ него одну роту въ Абасъ-Туманъ. Такое расположеніе полка было проэктировано въ виду того, чтобы прикрыть нашу границу отъ хищническихъ партій аджарцевъ, занимавшихся постоянными разбоями въ нашихъ предѣлахъ. Въ настоящемъ случаѣ, разбои эти могли еще усилиться, вслѣдствіе оккупаціи ихъ страны, къ чему, по обще-распространеннымъ тогда слухамъ, аджарцы относились враждебно.

Выступленіе полка по маршруту, выданному генераломъ Тергукасовымъ, было нѣсколько измѣнено, и вмѣсто 9-го отложено до 10-го. Объ этомъ случаѣ командиръ полка, отъ 9-го августа, такъ донесъ телеграммой генералъ-лейтенанту Тергукасову слѣдующее:

«Тотчасъ по прибытіи въ Ахалцыхъ, заказалъ сто сѣделъ. Сегодня вечеромъ готово восемьдесятъ два; завтра остальныя. Вьючныхъ аптечныхъ ящиковъ имѣю съ собою три. Ожидаю еще завтра изъ Александрополя, согласно полученной телеграммѣ отъ генерала Эриста, сто семь сѣделъ. Завтра выступаютъ, согласно предписанію генерала Трейтера, второй баталіонъ на Ялля, впереди сел. Мохе, 3-й баталіонъ къ годерскому лѣтнему посту, 4-й баталіонъ въ сел. Бонарасъ-Хови. Первый остался въ Ахалцыхѣ занимать караулъ. Ежедневно въ расходѣ изъ баталіона: на интендантской пекарнѣ 65-ть человѣкъ и 55-ть въ караулъ. Восьмидневный провіантъ раньше, какъ черезъ нѣсколько дней, пополнить нельзя. Магазинъ имѣетъ только необходимое количество сухарей для удовлетворенія черноморскаго полка. Во избѣжаніе затрудненія въ провіантѣ, вчера началъ въ городѣ хлѣбопеченіе для полка».

10-го, выступленіе не состоялось вслѣдствіе того, что переговоры о передачѣ Россіи батумской области затянулись. Вскорѣ измѣнился и самый составъ войскъ, назначенныхъ для оккупаціи Аджаріи. Вмѣсто одного, первоначально назначеннаго черноморскаго полка, приказано было составить колонну изъ баталіоновъ того же полка—и тифлисскаго. Всѣ распоряженія о выступленіи и дислокаціи полка были отмѣнены, и вновь приказано слѣдующее: оставить одинъ баталіонъ (4-й) въ Ахалцыхѣ—для занятія карауловъ, а первые три баталіона направить, 18-го августа, на годерскій

перевалъ, откуда два баталіона, съ дивизіономъ горной артилеріи и сотней казаковъ, должны, по первому требованію, двинуться въ предѣлы Аджаріи: одинъ баталіонъ оставить на годерскомъ перевалѣ, для прикрытія имѣющагося тамъ огромнаго склада провіанта.

Одновременно съ этими распоряженіями, былъ полученъ приказъ, что начальникомъ всѣхъ войскъ, назначенныхъ для оккупаціи Аджаріи и состоящихъ подъ командою генераловъ Комарова и Грейтера, назначается генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, отъ котораго уже и начали съ этого времени исходить всѣ распоряженія.

Случайно выпавшая на долю полка двухнедѣльная задержка въ Ахалцыхѣ была истиннымъ для всѣхъ отдыхомъ. Полкъ стоялъ на прекрасномъ биваномъ мѣстѣ, погода была не очень жаркая, съ прохладными вечерами и ночами: близость порядочнаго города дала возможность запастись всѣмъ необходимымъ для предстоящаго похода и, къ общему удивленію, за весьма недорогую цѣну. Къ довершенію всѣхъ удобствъ, офицерамъ удалось даже повеселиться— чего они были лишены болѣе года: въ городскомъ саду оказалась хорошая ротонда, въ которую два раза въ недѣлю посылалась полковая музыка, и тотчасъ же устроивались танцы, привлекавшіе довольно многочисленное ахалцыхское общество; танцы съ чрезвычайнымъ оживленіемъ длились всякій разъ за полночь.

20-го августа, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны полка, подъ командою полковника Ридигера, выступили на годерскій перевалъ. Всѣ полковыя тяжести слѣдовали на вьюкахъ и подняты были на 195-ти лошадяхъ. Сверхъ того, каждая рота имѣла четыре вьючныя лошади.

21-го августа, полкъ достигъ годерскаго перевала и расположился лагеремъ на самомъ перевалѣ, представляющемъ много удобствъ для лагерной стоянки въ это время года; чувствовался только недостатокъ въ водѣ, такъ какъ небольшой ручей, протекавшій вблизи лагеря, былъ очень маловоденъ: пришлось расчищать родники, находившіеся въ этой мѣстности въ изобиліи. Около лагеря оказалось десятка два строеній, служившихъ мѣстнымъ жителямъ для загона скота, во время лѣтнихъ кочевокъ, и для жилья. Всѣ строенія были частью обращены въ склады сухарей, а частью

въ бани и кухни. Всѣ эти хозяйственныя приспособленія мы получили по наслѣдству отъ черноморцевъ, стоявшихъ до нашего прихода на перевалѣ и уступившихъ намъ свое мѣсто. Черноморцы должны были вступить въ Аджарію особою колонною, изъ другаго пункта.

21-го августа, прибылъ къ намъ въ лагерь начальникъ колонны, генералъ Трейтеръ, съ своимъ штабомъ, въ составъ котораго входили: подполковникъ генеральнаго штаба Домонтовичъ, прикомандированный къ генеральному штабу штабсъ-ротмистръ Василевскій, адъютантъ Главнокомандующаго ротмистръ Клушинъ, чиновникъ Мещисовъ, предназначенный въ должность начальника верхней Аджаріи, и нѣсколько другихъ лицъ. Почти одновременно прибылъ и генералъ-маіоръ Шерифъ-бекъ-аджарскій, только-что перешедшій въ нашу службу. Генералъ этотъ долженъ былъ вмѣстѣ съ нами вступить въ Аджарію. При его содѣйствіи и вліяніи на народъ, расчитывали безъ кровопролитія занять край. Для огражденія же Шерифъ-бека отъ злостнаго покушенія какого нибудь фанатика, къ палаткѣ новаго нашего генерала выставлялся ежедневно ефрейторскій караулъ.

Дни 22-го и 23-го августа, прошли покойно; люди отдыхали, пользуясь прекрасною погодою и здоровою мѣстностью. Начальствующія лица, подъ руководствомъ генералъ-маіора Трейтера, и совмѣстно съ Шерифъ-бекомъ, произвели рекогносцировку дорогъ, ведущихъ въ верхнюю Аджарію. Шерифъ-бекъ служилъ проводникомъ рекогносцирующей партіи и весьма охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы, знакомя начальствующихъ лицъ со всѣмъ, что ихъ ожидаетъ при вступленіи въ Аджарію.

23-го августа, вечеромъ, было получено генералъ-маіоромъ Трейтеромъ разрѣшеніе, отъ генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго, руководившаго оккупаціею Аджаріи, вступить, съ ввѣренной ему колонной, въ предѣлы Аджаріи. Немедленно были сдѣланы всѣ распоряженія о выступленіи на слѣдующій же день въ походъ.

На благополучный исходъ оккупаціи была полная надежда, такъ какъ въ теченіи трехъ дней, проведенныхъ нами на годерскомъ перевалѣ, перебывали въ лагерѣ многія изъ вліятельныхъ лицъ

верхней и даже нижней Аджаріи, жители которой весьма воинственны и жили преимущественно разбоями. Сверхъ того, во всѣхъ ротахъ былъ прочитанъ приказъ князя Святополкъ-Мирскаго, выражавшій надежду, что войска будутъ вести себя сдержанно во вновь присоединенномъ краѣ. Начальникамъ предлагалось принять всѣ мѣры, чтобы жители не терпѣли ни малѣйшей обиды или насилія, чтобы ничего не было взято даромъ; словомъ, чтобы въ частяхъ былъ полнѣйшій порядокъ. Солдаты, выслушавъ приказъ, обѣщали своимъ начальникамъ строго исполнить его и, надо сказать къ чести ихъ, обѣщаніе свое сдержали безукоризненно.

Собственно, для вступленія въ Аджарію со стороны годерскаго перевала назначены были 1-й и 3-й баталіоны тифлисскаго полка, четыре горныхъ орудія и сотня казаковъ полтавскаго полка, подъ командой полковника Ридигера. Параллельно и лѣвѣе этихъ войскъ должна была наступать другая колонна, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ черноморскаго полка, подъ командой полковника Макѣева; третья колонна, правая, состояла изъ одной кавалеріи. Всѣ эти войска обязывались соединиться у селенія Чвана, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Трейтера, который слѣдовалъ, съ своимъ штабомъ и Шерифъ-бекомъ-аджарскимъ, при тифлисскомъ полку. 2-й баталіонъ тифлисцевъ, подъ командой капитана Багрaмова, оставленъ былъ, съ сотней казаковъ, на годерскомъ перевалѣ, для охраненія собраннаго тамъ громаднаго склада сухарей и разнаго полковаго имущества.

24-го августа, въ шесть часовъ утра, 1-й и 3-й баталіоны, справа по отдѣленіямъ, имѣя между ротами одинъ дивизіонъ горныхъ орудій, двинулись въ походъ. Всѣ полковыя тяжести везены были непосредственно за колонной, на 180-ти вьючныхъ лошадяхъ. Ротныя кухни и ротное имущество поднято было, сверхъ того, на 32-хъ лошадяхъ.

День былъ ясный, и хотя жаркій—но не удушливый. Дорога шла по чрезвычайно живописнымъ мѣстамъ, на каждомъ шагу встрѣчались родники или ручьи, съ чистою, холодною водою. Перейдя безлюдный годерскій перевалъ, мы стали спускаться въ населенныя части Аджаріи. Тутъ началась мѣстность лѣсистая и пришлось про-

ходить вѣковые еловые лѣса. Деревья были такихъ размѣровъ, что никто изъ насъ не видѣлъ еще ничего подобнаго. Вообще, всѣмъ было весело; шли охотно. Новый край, необыкновенно заманчивая природа, привѣтливыя встрѣчи жителей у каждаго селенія, все это развлекало, заставляло забывать усталость.

Дорога, однако, была трудная: приходилось подниматься съ горы на гору по узкимъ тропамъ; тѣмъ не менѣе, колонна шла съ пѣснями и музыкой. Въ каждомъ селеніи все мужское населеніе высыпало на улицы и весьма дружелюбно относилось къ войскамъ. Сопротивленіе, которое могли выразить намъ аджарцы при занятіи ихъ страны, оказалось преувеличеннымъ. Легко можетъ быть, что скромное поведеніе войскъ и вѣжливое обращеніе начальниковъ успокоило жителей. Остановки были часты. Въ шесть часовъ вечера стали на бивакъ около аула Рехкети.

Мы сдѣлали въ этотъ день, считая разстояніе по числу часовъ, около тридцати верстъ. По картѣ выходило гораздо меньше; но, какъ видно, карты упустили зигзаги. По прибытіи на мѣсто, выставлены были аванпосты и приняты мѣры, чтобы солдаты не отлучались въ деревню. Все необходимое велѣно было доставить намъ самимъ жителямъ, черезъ своихъ старшинъ, по установленной послѣдними таксѣ. Не дешево, однако, аджарцы цѣнили нѣкоторые продукты, такъ напримѣръ: за пудъ сѣна они запросили сначала три рубля и лишь послѣ уступили за рубль. Дороговизна эта отчасти потомъ объяснилась тѣмъ, что сѣна вообще у жителей очень мало, и что, сверхъ того, они считали на турецкія деньги; на наши же, это выходило вдвое дешевле.

25-го августа, послѣ ночлега, двинулись далѣе и къ полудню достигли большаго селенія Хула. Здѣсь присоединилась къ намъ еще одна сотня полтавскаго полка, съ командиромъ его княземъ Эристовымъ. Съ трудомъ можно было выбрать небольшую площадку для размѣщенія двухъ баталіоновъ, съ артилеріей и двумя сотнями. Бивакъ, выбранный у развалинъ стариннаго замка, принадлежавшаго Шерифъ-беку и разрушеннаго въ 1828-мъ году генераломъ Сакеномъ, былъ очень удобный во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ съ удовольствіемъ узнали, что на 26-е назначена дневка.

26-го августа, по случаю дня священнаго коронованія Государя Императора, всему отряду былъ сдѣланъ церковный парадъ, которому старались придать какъ можно больше торжественности. Музыка и салютаціонная пальба, повидимому, весьма понравились аджарцамъ, собравшимся большими толпами къ биваку. Послѣ парада, начальникъ отряда и всѣ офицеры отправились въ мечеть, куда стеклась большая часть населенія Хула, имѣя во главѣ вліятельныхъ людей. Здѣсь жители принесли присягу на вѣрноподданство Государю Императору.

Вечеромъ, въ этотъ же день, была въ отрядѣ заря съ церемоніею, а Шерифъ-бекъ, какъ хозяинъ этой мѣстности, устроилъ иллюминацію, состоявшую изъ транспаранта, выпиленнаго изъ Ахалцыха, и фонарей со свѣчьми; сверхъ того, на окрестныхъ горахъ зажгли большіе костры. Вечеръ, однако, чуть не кончился трагически: въ то время, какъ начальникъ отряда, командиръ полка и еще нѣсколько лицъ сидѣли у палатки Шерифъ-бека, раздался ружейный выстрѣлъ, и около нихъ упала пуля. Хотя виновника выстрѣла и нашли, но не было возможности опредѣлить, былъ ли это выстрѣлъ умышленный, или нечаянный—какъ, конечно, доказывалъ виновный, котораго отпустили на свободу.

27-го августа, колонна двинулась далѣе къ сел. Чвана. Въ Хула были оставлены 1-я и 2-я роты, которымъ поручено беречь складъ, предполагавшійся устроить въ этомъ пунктѣ. Другія двѣ роты этого баталіона должны были остаться въ сел. Чвана, а 3-й баталіонъ въ селеніи Кеда. Такъ какъ весь тифлисскій полкъ растягивался, такимъ образомъ, отъ Ахалцыха до Кеда по частямъ, то командиръ полка, съ разрѣшенія генералъ-маіора Трейтера, впредь до окончанія похода, избралъ для своего пребыванія центральный пунктъ—именно, селеніе Хула

3-й баталіонъ, съ 3-й и 1-й стрѣлковой ротами, подъ командою маіора Улановича, прибылъ въ сел. Чвана. Здѣсь получено было приказаніе генералъ-лейтенанта Тергукасова—собрать весь полкъ въ Ахалцыхѣ и слѣдовать въ Тифлисъ.

30-го августа, эшелонъ маіора Улановича возвратился въ сел. Хула. 31-го августа, полку дана была дневка, а 1-го сентября, 1-й

и 3-й баталіоны, съ дивизіономъ горной артилеріи, двинулись обратно на годерскій перевалъ, куда и прибыли 2-го сентября. По всей дорогѣ жители встрѣчали войска предупредительно, выносили на продажу свои произведенія и нисколько не боялись насъ. Неразъ приходилось слышать отъ нихъ самыя добродушныя заявленія о томъ, что они будутъ охотно платить подати, давать солдатъ— словомъ, служить вѣрой и правдой, только «не трогайте нашихъ женщинъ и нашей вѣры», добавляли они.

На годерскомъ перевалѣ мы нашли 2-й баталіонъ устроившимся позимнему. Пользуясь обиліемъ лѣса и дерна, всѣ нижніе чины сдѣлали себѣ хорошіе домики, въ родѣ землянокъ. На перевалѣ холода стояли уже довольно сильные: въ ночь нашего прихода былъ порядочный морозъ, градуса въ четыре. Люди въ палаткахъ порядкомъ продрогли, и на другой же день принялись за устройство землянокъ, такъ какъ о днѣ выступленія въ Ахалцыхъ еще не было точнаго приказанія.

Третье число сентября прошло въ устройствѣ лагеря; четвертаго же, было получено приказаніе—немедленно выступить полку въ Ахалцыхъ, сдавъ всѣ склады на перевалѣ двумъ сотнямъ полтавскаго полка. Такъ какъ сборы были коротки, то того же числа полкъ двинулся съ перевала и на другой день явился въ Ахалцыхъ, гдѣ, соединившись съ 4-мъ баталіономъ, сталъ лагеремъ на лѣвомъ берегу Посховъ-чай, вдоль боржомскаго шоссе.

Въ этотъ день полковникъ Ридигеръ получилъ слѣдующую телеграмму отъ начальника штаба арміи: «имѣйте въ виду, что полкъ долженъ прибыть въ Боржомъ не раньше десятаго числа. Сообщите, когда именно прибудетъ онъ». Затѣмъ, 7-го сентября, получена была отъ него же вторая телеграмма: «полкъ вашъ имѣетъ прибыть Боржомъ десятаго и будетъ тамъ дневать; затѣмъ, двѣнадцатаго слѣдуетъ Михайлово, откуда будетъ перевезенъ желѣзною дорогою». Извѣстіе это было встрѣчено весьма радостно, такъ какъ полку выпадалъ счастливый случай представиться своему Августѣйшему Главнокомандующему.

Почти одновременно съ прибытіемъ полка въ Ахалцыхъ, пріѣхалъ и командиръ бригады генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ, чтобы

представить полки Главнокомандующему въ Боржомѣ, такъ какъ и мингрельскій полкъ былъ направленъ туда же изъ Ардагана, черезъ Ахалкалаки. 9-го сентября, полкъ выступилъ, съ 1-й батареей кавказской гренадерской артилерійской бригады, и прибылъ къ вечеру на ночлегъ къ селенію Ацхуръ, сдѣлавъ легкій переходъ, по прекрасному шоссе, въ двадцать верстъ. Отсталыхъ и заболѣвшихъ вовсе не было, потому что люди втянулись въ походную жизнь.

10-го сентября, чтобы не прійти слишкомъ рано въ Боржомъ, полкъ выступилъ съ ночлега въ восемь часовъ. На границѣ боржомскаго имѣнія, насъ ожидалъ пріятный сюрпризъ: поперегъ дороги были устроены арки изъ зелени, и управляющій имѣніемъ встрѣтилъ полкъ съ хлѣбомъ и солью. Тутъ же былъ приготовленъ для офицеровъ завтракъ, а для нижнихъ чиновъ—водка и булки. Встрѣча эта была устроена, по приказанію Его Императорскаго Высочества. По приходѣ въ Боржомъ, насъ ожидали новые сюрпризы: когда полкъ сталъ подходить къ мѣстечку, Его Высочество, съ Великой Княгиней Ольгой Ѳеодоровной и Августѣйшимъ Семействомъ, изволилъ выѣхать навстрѣчу полку, принявъ рапортъ отъ командира, съ которымъ милостиво поздоровался. Главнокомандующій пропустилъ полкъ мимо себя по отдѣленіямъ. Затѣмъ, вызвавъ офицеровъ, имѣвшихъ георгіевскіе кресты, а именно: подполковника Улановича, капитана князя Орбеліани и штабсъ-капитана Сагинова, Его Высочество осчастливилъ ихъ представленіемъ Великой Княгинѣ.

Пройдя мимо Главнокомандующаго, полкъ потянулся по улицамъ Боржома на отведенное для лагеря мѣсто. Боржомъ имѣлъ праздничный видъ, особенно хорошо былъ убранъ мостъ черезъ Куру, изящно разукрашенный флагами, гирляндами и зеленью. Все населеніе вышло встрѣтить насъ. На улицахъ играла музыка, съ дворцовой террасы салютовали орудія. Радостно было встрѣтить, за перенесенные труды и лишенія, первый истинно русскій привѣтъ отъ Семьи нашего возлюбленнаго Главнокомандующаго. Въ лагерѣ ожидалъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ вкусный и обильный обѣдъ. Командиры бригады и полка были приглашены къ столу во дворецъ.

На другой день, 11-го сентября, въ десять часовъ утра, Его Императорское Высочество, съ Супругою и Августѣйшимъ Семействомъ, изволилъ пожаловать въ лагерь полка. Нижніе чины были выстроены передъ своими палатками, георгіевскіе же кавалеры собраны отдѣльно и поставлены покоемъ. Ихъ Высочества изволили обойти всѣ роты; многіе солдаты осчастливлены были распросами. Нашлись такіе изъ числа раненыхъ, которыхъ Великая Княгиня узнавала, видѣвъ ихъ въ военномъ госпиталѣ № 5-й, который неразъ изволила посѣщать. Съ кавалерами, Ихъ Высочества были особенно милостивы. По приказанію Главнокомандующаго, были представлены Государю Великому Князю восемнадцать человѣкъ нижнихъ чиновъ, наиболѣе отличившихся разновременно, но не получившихъ знаковъ военнаго ордена. Всѣмъ имъ были пожалованы кресты изъ рукъ Главнокомандующаго. Сверхъ того, Его Высочеству угодно было пожаловать еще по одному кресту 1-й, 2-й и 3-й степени нижнимъ чинамъ, уже имѣвшимъ низшія степени, но особенно выдавшимся во время войны. Такой награды удостоились: знаменщикъ 1-го баталіона унтеръ-офицеръ Петръ Чинчевичъ—креста 1-й степени, фельдфебель роты Его Высочества Василій Сидякинъ—креста 2-й степени, и 4-й стрѣлковой роты унтеръ-офицеръ Чурсиловъ—креста 3-й степени. Послѣ раздачи крестовъ, всѣ старые и новые кавалеры прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Лагерь нашъ представлялъ истинно праздничный видъ. Чины полка, удостоенные столь высокой и щедрой ласки, были въ восторгѣ; «ура» не умолкало. Каждый сознавалъ, что честно выполнилъ долгъ службы Царю и отечеству. Его Высочеству угодно было узнать, сколько находилось въ строю нижнихъ чиновъ изъ числа тѣхъ, которые ровно семнадцать мѣсяцевъ тому назадъ перешли Арпачай. Число ихъ оказалось еще довольно значительное, а именно: въ 1-й ротѣ, съ хорными музыкантами, 123, во 2-й—90, въ 3-й—86, въ 1-й стрѣлковой—95, въ 4-й—104, въ 5-й—99, въ 6-й—105, во 2-й стрѣлковой—91, въ 7-й—81, въ 8-й—98, въ 9-й—97, въ 3-й стрѣлковой—100, въ 10-й—92, въ 11-й—88, въ 12-й—94 и въ 4-й стрѣлковой—96, а всего 1,539

человѣкъ. Такое приблизительно одинаковое число людей въ ротахъ произошло вслѣдствіе уравненія ихъ во время военныхъ дѣйствій.

Въ двѣнадцатомъ часу, Ихъ Высочества отбыли съ бивака и направились къ вокзалу боржомскихъ минеральныхъ водъ, гдѣ былъ накрытъ завтракъ; къ нему были приглашены всѣ офицеры и классные чиновники полка. Послѣ завтрака, по приказанію Его Высочества, командиромъ полка были представлены Великой Княгинѣ и Великой Княжнѣ всѣ баталіонные и ротные командиры и раненые офицеры поодиночкѣ; каждый изъ нихъ удостоился самыхъ милостивѣйшихъ распросовъ.

На другой день, 12-го сентября, полкъ выступилъ съ бивака на станцію Михайлово въ семь часовъ утра. Его Высочество изволилъ проводить полкъ, пропустивъ его церемоніальнымъ маршемъ справа по отдѣленіямъ вдоль шоссе, проходящему мимо дворца. Какъ и наканунѣ, всѣ чины полка восторженно привѣтствовали своего Главнокомандующаго, глубоко тронутые высокимъ и милостивымъ гостепріимствомъ, оказаннымъ имъ въ теченіи двухъ дней въ Боржомѣ.

Между тѣмъ, по приходѣ на станцію Михайлово, предстояло много дѣла. Еще наканунѣ боржомскій воинскій начальникъ баронъ Мирбахъ предъявилъ командиру полка телеграмму, полученную имъ отъ помощника начальника штаба Томилова, въ которой предлагалось сообщить командирамъ тифлисскаго и мингрельскаго полковъ, что они должны оставить всѣхъ ратниковъ, состоящихъ налицо въ полку, на станціи Михайлово, такъ какъ эти ратники на слѣдующій же день отправлялись въ Поти по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ, дальше—моремъ на родину. Такимъ образомъ, въ этотъ день началась демобилизація полка.

Нелегко было выполнить такое приказаніе, такъ какъ письменныя свѣдѣнія большею частью не были еще готовы. Хотя о заготовленіи ихъ полкъ былъ увѣдомленъ заблаговременно, но, находясь въ постоянныхъ передвиженіяхъ, не могъ приняться за дѣло, и только въ послѣдніе дни по возвращеніи изъ Аджаріи въ Ахалцыхъ, работа въ канцеляріи пошла усиленная. Тѣмъ не менѣе, приказаніе надо было исполнить. Всѣхъ ратниковъ, путь слѣдованія

которыхъ на родину былъ черезъ Поти, оказалось налицо 410 человѣкъ; сверхъ того, было еще 144 ратника, которыхъ слѣдовало отправить черезъ Владикавказъ. Немедленно по прибытіи въ Михайлово, всѣ писаря полковой канцеляріи, а также и всѣ ротные, посажены были за работу, не прерывавшуюся и ночью. Хотя съ трудомъ, но къ вечеру, 13-го числа, всѣ письменныя свѣдѣнія были готовы и, съ отъѣздомъ послѣдняго эшелона полка изъ Михайлово въ Тифлисъ, можно было безъ затрудненія оставить ратниковъ на станціи, въ ожиданіи дальнѣйшаго ихъ направленія.

Черезъ нѣсколько часовъ по прибытіи полка въ Михайлово, желѣзно-дорожное начальство уже начало ставить полковой обозъ на платформы. Къ десяти часамъ вечера, поѣздъ былъ совершенно готовъ, къ нему присоединили шефскую роту и вечеромъ, еще 12-го числа, отправили въ Тифлисъ. Остальныя роты 1-го баталіона и часть обоза и лошадей должны были отправляться 13-го, въ девять часовъ утра; 2-й баталіонъ въ два часа пополудни; 3-й баталіонъ 14-го сентября въ девять часовъ утра и 4-й въ два часа пополудни. Такимъ образомъ, къ вечеру, 14-го сентября, всѣ части полка должны были собраться въ своей штабъ-квартирѣ, въ Тифлисѣ.

Посадка нижнихъ чиновъ, нагрузка обоза и лошадей совершились безъ всякихъ затрудненій и весьма быстро. Около двухъ часовъ дня, 13-го сентября, первый эшелонъ полка высадился въ Тифлисѣ. При выходѣ изъ вагоновъ, командира полка, офицеровъ и нижнихъ чиновъ привѣтствовали: начальникъ главнаго управленія, городской голова, депутація отъ города и представители цеховъ, съ своими значками и зурною. Въ средѣ собравшагося народа, многіе имѣли въ рукахъ букеты, и бросали ихъ солдатамъ въ ноги; цвѣтами же граждане украсили наше знамя и многимъ солдатамъ надѣли ихъ на штыки. Возлѣ станціи красовались арки съ транспарантами, на которыхъ начертаны были названія мѣстъ, прославленныхъ нашими побѣдами. Вообще, при большомъ оживленіи, встрѣча вышла радушная и парадная.

Баталіоны, съ музыкой, двинулись въ городъ, предшествуемые амкарами, съ ихъ значками и зурною. По мѣрѣ нашего движенія

шумныя волны народа росли и буквально запрудили всю улицу. Такимъ образомъ, насъ проводили до лагернаго мѣста на р. Верѣ. Вечерній поѣздъ, прибывшій въ седьмомъ часу, хотя и не былъ встрѣченъ такимъ же образомъ, но, ко времени прибытія его, вокзалъ былъ иллюминованъ. Сверхъ того, начальникъ штаба арміи лично пріѣхалъ на желѣзную дорогу и распорядился размѣщеніемъ баталіона на ночь по близости станціи, приказавъ доставить изъ учебной роты все необходимое для приготовленія нижнимъ чинамъ пищи.

14-го сентября, въ полдень, прибылъ 3-й баталіонъ и также былъ встрѣченъ радушно городскими обывателями и представителями города. Къ 3-му баталіону присоединился и 2-й баталіонъ, ночевавшій около желѣзной дороги. Оба баталіона двинулись уже не на Вору, а прямо на Авлабаръ, гдѣ командиръ полка пріискалъ болѣе удобное мѣсто для лагерной стоянки, которая должна была продлиться около мѣсяца, такъ какъ казармы полка, занятыя посторонними частями, еще не были очищены и ремонтированы. 4-й баталіонъ прибылъ въ шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ, весь полкъ былъ въ сборѣ—и походъ оконченъ. Все наше отсутствіе изъ Тифлиса, со дня выступленія въ лагерь на Карабулахъ, продолжалось два года, два мѣсяца и двадцать дней.

Черезъ два дня, именно 16-го сентября, городъ дѣлалъ полку обѣдъ въ александровскомъ саду. Для нижнихъ чиновъ столы были накрыты вдоль аллей, а на площадкѣ, въ шатрѣ, сервировали для высшихъ воинскихъ начальниковъ и офицеровъ полка. Обѣдъ былъ весьма радушный, обильный и веселый; сказано было нѣсколько привѣтствій полку.

Въ Тифлисѣ полкъ стоялъ лагеремъ около Навтлуга, примыкая правымъ флангомъ къ большому оврагу, имѣя впереди шоссе и кирпичные заводы, а сзади—старую дорогу. Второй бригадѣ дали отдыхъ лишь нѣсколько дней; съ 22-го сентября полкъ попрежнему занялъ въ городѣ караулы. И снова мирная жизнь вступила въ обыденную рамку однообразія.

Демобилизація и разоруженіе продолжались. Ежедневно упразднялись учрежденія, сокращались штаты военнаго времени, про-

ходили на родину черезъ Тифлисъ партіи запасныхъ нижнихъ чиновъ. 1-го октября, вновь уволили изъ полка на родину 144 человѣка ратниковъ. Вскорѣ, вслѣдствіе расформированія 16-го гренадерскаго запаснаго баталіона, прибыло въ полкъ 208 нижнихъ чиновъ. Изъ нихъ большинство были новобранцы.

3-го октября, Его Императорское Высочество Главнокомандующій удостоилъ начальника дивизіи изъ Боржома слѣдующей телеграммой:

«Государь Императоръ соизволилъ приказать—сегодня, 3-го октября, поздравить всѣ полки кавказской гренадерской дивизіи съ георгіевскими петлицами. Поспѣшите передать во всѣ полки. Счастливъ и поздравляю Монхъ славныхъ гренадеръ отъ всего сердца».

Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ 13-й день октября, кромѣ георгіевскихъ петлицъ нижнимъ чинамъ, пожалованы петлицы на офицерскіе мундиры и знамя 4-му баталіону, съ надписью: «за взятіе Ардагана 4-го и 5-го мая». Шитье на штабъ и оберъ-офицерскіе мундиры Высочайше пожаловано за 3-е октября, а георгіевскія петлицы нижнимъ чинамъ—за штурмъ укрѣпленной позиціи Деве-Бойну, 23-го октября 1877-го года. Такимъ образомъ, полкъ сразу получилъ три награды. Кромѣ того, участникамъ сраженій пожалована свѣтлобронзовая медаль, а участникамъ кампаніи вообще—темнобронзовая.

Рѣшительная демобилизація полка началась съ 9-го октября, и въ этотъ день уволено въ запасъ арміи 759 человѣкъ. Однако, войска не сразу освободились отъ сверхкомплектныхъ людей, такъ напримѣръ: въ декабрѣ, въ спискахъ полка числилось 416 человѣкъ въ неизвѣстныхъ госпиталяхъ. Даже спустя четыре года послѣ кампаніи, т. е. въ 1881-мъ году, въ тифлисскомъ полку числилось 160 человѣкъ въ неизвѣстныхъ лечебныхъ заведеніяхъ. Изъ нихъ очень многіе давно уже сошли въ могилу, а свѣдѣнія объ нихъ получались медленно и постепенно.

По волѣ Государя Императора, день св. великомуче-

ника Георгія, въ 1878-мъ году, праздноемъ былъ въ Петербургѣ съ особенною торжественностью. Его Императорскому Величеству угодно было, въ этотъ день, чествовать въ зимнемъ дворцѣ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ офицерскіе георгіевскіе кресты и золотое оружіе. Поэтому, согласно предложенію Главнокомандующаго, поѣхали въ Петербургъ: подполковникъ Улановичъ и капитанъ Орбеліани, а изъ нижнихъ чиновъ фельдфебель Походенко. Находившійся въ отпуску полковникъ Ридигеръ прибылъ тоже къ этому дню въ Петербургъ. 26-го ноября, онъ прислалъ въ полкъ телеграмму: «за доблестную службу полка, Государь Императоръ осчастливилъ меня званіемъ Своего флигель-адъютанта». Съ сердечной радостью была принята полкомъ эта новая Монаршая милость.

Въ концѣ декабря, стали прибывать партіи новобранцевъ. Памятный 1878-й годъ завершился среди мира, тишины и спокойствія.

Черезъ годъ, именно въ 1880-мъ году, выдающимся событіемъ было празднованіе всѣмъ русскимъ народомъ двадцатипятилѣтняго царствованія Императора Александра II. Всѣ слои общества спѣшили увѣковѣчить этотъ торжественный день разнаго рода благотворительностью. Обществу офицеровъ тифлисскаго гренадерскаго полка пожертвовало шесть тысячъ рублей, чтобы на проценты этого капитала учредить въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Тифлиса стипендію Имени Императора Александра II. Стипендія предназначена для дѣтей бѣднѣйшихъ офицеровъ тифлисскаго гренадерскаго полка.

17-го октября 1880-го года, было освящено Высочайше пожалованное 4-му баталіону георгіевское знамя. Торжество освященія, въ присутствіи Августѣйшаго Главнокомандующаго, происходило въ александровскомъ саду въ Тифлисѣ. Въ парадѣ участвовали четвертые баталіоны отъ всѣхъ полковъ кавказской гренадерской дивизіи и 1-й кавказскій саперный баталіонъ. Всѣмъ упомянутымъ частямъ тоже пожалованы были георгіевскія знамена. Священнодѣйствіе совершалъ экзархъ Грузіи, преосвященный Іоанникій. Послѣ окропленія войскъ св. водою, Его Императорское Высо-

чество, глубоко растроганнымъ голосомъ, благодарилъ своихъ кавказцевъ за доблестную службу. Въ семь часовъ вечера, во дворцѣ Великаго Князя былъ обѣдъ, на который удостоились приглашенія, кромѣ генераловъ и начальниковъ частей, всѣ наличные штабъ-офицеры четвертыхъ баталіоновъ тифлисскаго и прочихъ полковъ. Во время обѣда, Главнокомандующій провозгласилъ тостъ за здоровье раненыхъ и подозвалъ ихъ къ себѣ: изъ-за стола поднялась большая половина лицъ. Его Высочество милостиво бесѣдовалъ съ каждымъ изъ раненыхъ. Это былъ послѣдній день славныхъ боевыхъ воспоминаній.

И такъ, военная гроза промчалась «какъ мимолетное видѣнье». Отъ боевыхъ тревогъ остались лишь свѣтлыя преданія, да безчисленныя могилы храбрецовъ, усѣявшія путь отъ Александрополя и Карса до Эрзерума.

Прежній кавказскій солдатъ воспѣвалъ пережитое горе, труды и подвиги въ безискусственной, простой пѣснѣ, дѣлавшейся достояніемъ потомства. И носилась пѣсня эта по скаламъ и ущельямъ, по дремучимъ лѣсамъ и заоблачнымъ высямъ величественнаго Кавказа. Она оживляла въ памяти былое, воспитывала новыя поколѣнія героевъ...

Не то теперь! Никто не воспѣлъ Ардагана, Баязета, кроваваго боя на высотахъ Зивина, подвиговъ у горъ Ягны и даже паденіе Карса. Хотя все это, конечно, и не предастся забвенію, потому что уже и теперь переходитъ въ исторію, но за то, не будетъ поучать и увеселять будущаго солдата, потому что не сложилось до сихъ поръ, на горячихъ слѣдахъ, въ его задушевную пѣсню.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) —Въ 1874-мъ году Тифлисъ назначенъ штабъ-квартирой 2-й бригады кавказской гренадерской дивизіи. До этого же, штабъ-квартира полка находилась на лезгинской линіи, въ урочищѣ Лагодехи.

(2)—Въ этой таблицѣ показанъ списочный и наличный составъ полка при выступленіи изъ Тифлиса.

	Генерал.	Шт.-офиц.	Оберъ-офиц.	Унт.-офиц.	Музыкант.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Лошадей.
По списку сост.	1	7	55	162	113	1597	53	»
Больныхъ . .	»	1	5	2	5	60	9	»
Въ командиров.	1	»	9	2	1	44	28	»
Налицо. . .	»	6	41	158	107	1493	16	52

(3) —За отсутствіемъ начальника кавказской гренадерской дивизіи, генералъ-адъютанта князя Тархан-Моуравова, начальникомъ лагеря былъ командиръ 2-й бригады генералъ-маіоръ Зедергольмъ. Въ составъ лагернаго сбора входили: кавказская гренадерская дивизія, 1-я, 2-я, 3-я и 5-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, кубанскій и кавказскій казачьи конные полки.

(4)—Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся 18-го іюня 1875-го года, полковникъ Александръ Николаевичъ Ридигеръ назначенъ командиромъ тифлисскаго полка, который принятъ имъ послѣ сдачи кавказской учебной роты.

(5)—Послѣ окончанія кавказской войны, это былъ первый праздникъ, на который, по кавказскому обычаю, собраны были всѣ офицеры отряда.

(6)—Полковникъ Ридигеръ, какъ уже сказано, не былъ при полку, потому что участвовалъ въ военной поѣздкѣ, направленной въ Александрополь.

(7)—Въ то время командиромъ александропольскаго баталіона былъ полковникъ князь Дмитрій Тумановъ, служившій прежде въ тифлисскомъ гренадерскомъ полку.

(8)—17-го сентября, на «холмѣ чести» отслужена была панихида за упокой душъ воиновъ, павшихъ при штурмѣ Карса.

(9)—Генералъ-адъютантъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ впослѣдствіи получилъ графское достоинство и былъ председателемъ верховной коммисіи и министромъ внутреннихъ дѣлъ.

(10)—Въ память стоянки полка въ старыхъ Гумрахъ, улица, ведущая къ развалинамъ бывшаго укрѣпленія, названа была тифлисскою. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, чтобы увѣковѣчить память стоянки полковъ 1-й бригады гренадеръ, далъ тоже новыя названія нѣсколькимъ улицамъ.

(11)—Въ Александрополѣ роты оставили всѣ лишнія тяжести, а также капусту и сухари. Для содержанія карауловъ при ротныхъ цейхгаузахъ назначена была команда изъ 1 унтеръ-офицера и 16 рядовыхъ. Въ Тифлисѣ тоже оставленъ завѣдывающимъ штабъ-квартирой капитанъ Загобель и, кромѣ того, для присмотра за цейхгаузами 1 унтеръ-офицеръ и 20 рядовыхъ.

(12)—Мясо и прочіе продукты полку доставлялъ частный маркитантъ, законтрактованный на цѣлый годъ.

(13)—Окладъ приварочныхъ денегъ полагался по семи копѣекъ въ день на человѣка (приказъ по дѣйствующему корпусу 1877-го года, №№ 5-й и 6-й). У полковаго маркитанта говядина стоила: 1 фунтъ—7 копѣекъ, 1 пудъ—2 рубля 80 копѣекъ.

(14)—Процентъ болѣзненности видѣнъ изъ слѣдующихъ данныхъ: въ 1876-мъ году до мобилизаціи, въ октябрѣ, больныхъ—45, ноябрѣ—41, въ 1877-мъ году, послѣ мобилизаціи, въ январѣ больныхъ— 52, февралѣ—45 и мартѣ—38.

(18)—Въ 1876-мъ году полагалось имѣть въ каждомъ полку 50 посыльщиковъ, въ томъ числѣ—2-хъ унтеръ-офицеровъ; посылокъ имѣлось 16-ть, или по три человѣка на каждыя посылки. Приказомъ по военному вѣдомству 1877-го года, № 133-й, штатъ посыльщиковъ увеличенъ: положено имѣть по шести человѣкъ на роту.

(16)—По мѣрѣ прибытія чиновъ запаса въ Тифлисъ, для нихъ сейчасъ же пристрѣливали ружья и приступали къ обученію стрѣльбѣ, а также къ строевымъ занятіямъ.

(17)—По дорогѣ, оставлено больныхъ: въ большомъ Каракилисѣ 7, въ Делижанѣ 4.

(18)—Въ тифлисскомъ полку, до войны, сохранились еще стрѣлковыя роты, состоявшія при своихъ баталіонахъ. Всего, въ полку было 16-ть ротъ дѣйствующихъ и одна нестроевая. Роты именовались слѣдующимъ образомъ: въ первомъ баталіонѣ 1-я, 2-я, 3-я и 1-я стрѣлковая, во второмъ—4-я, 5-я, 6-я и 2-я стрѣлковая, и т. д.; каждая рота дѣлилась на два полувзвода. Вскорѣ, приказомъ по военному вѣдомству 1877-го года, № 128, предписано именовать: взводы—полуротами, а полувзводы—взводами, дѣлившимися на 4 отдѣленія

(19)—Кавказская гренадерская дивизія вооружена была малокалиберными скорозарядными винтовками Бердана № 2-й, съ скользящимъ затворомъ. Калибръ винтовки—4 лин. и 2 [illegible]. Вѣсъ со штыкомъ 11 фунтовъ 92 золотника; вѣсъ металлическаго патрона 9 золотниковъ и 19 долей. Винтовка имѣла въ каналѣ шесть нарѣзовъ.

(20)—Изъ запаса, въ полкъ прибыло 17 человѣкъ, состоявшихъ въ разрядѣ штрафованныхъ.

(21)—Морозы достигали иногда 7°—8°, а снѣгъ выпадалъ неглубокій, да и непродолжительный. Вообще, зима 1876—1877-го

годовъ могла считаться умѣренною.

([32])—Приказъ по дѣйствующему корпусу 28-го октября 1876-го года, № 3-й.

([33])—Провіантъ тоже доставлялся изъ Александрополя на полковыхъ фургонахъ.

([34])—Въ строю находилось 16-ть баталіоновъ кавказскихъ гренадеръ, два полка драгунъ (нижегородцы и сѣверцы), пять казачьихъ полковъ, 6-ть батарей кавказской гренадерской артилерійской бригады, двѣ батареи казачьей конной артилеріи; всего, 64 орудія, безчисленный обозъ и 2 сотни каранпаховъ.
Другой отрядъ стоялъ около Александрополя. Въ составъ его входили: кубинскій и дербентскій пѣхотные полки, а также артилерія и кавалерія. Оба отряда составляли впослѣдствіи главныя силы дѣйствующаго корпуса.

([35])—Тифлисскій гренадерскій полкъ перешелъ границу въ слѣдующемъ составѣ:

	Генерал.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Унт.-офиц.	Музыкант.	Рядовыхъ.	Нест. п. ч.	Казен. плош.
По списку состояло .	1	6	49	401	112	2651	»	»
Противъ штата недоставало или сверхъ комплек.	»	1 нед.	24 нед.	145 св. к.	1 нед.	181 нед.	»	»
Больныхъ .	»	»	1	9	7	58	»	»
Въ командировкѣ .	»	»	9	7	2	170	»	»
Арестованныхъ . .	»	»	»	1	»	6	»	»
Налицо .	»	6	39	384	103	2417	134	213

Заимствовано изъ мѣсячнаго отчета и строев. рапорта за апрѣль.

([36])—Генералъ-лейтенантъ Василій Александровичъ Геймапъ былъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи.

([37]) Дмитрій Виссаріоновичъ Комаровъ, начальникъ 19-й пѣхотной

дивизіи, нынѣ умершій.

([28])—Приказъ по полку 1877-го года. № 107.

([29])—Приказъ по дѣйствующему корпусу 1877-го года № 8, и приказъ по полку того же года № 114.

([30])—Въ распоряженіи генерала Деккля находились: два полка пѣхоты (бакинцы и елисаветпольцы), 3-й саперный баталіонъ, два казачьихъ полка, небольшой осадный паркъ и 4½ полевыхъ батареи.

([31])—Имени Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича Старшаго, 4-я рота капитана Васильева.

([32])—Дивизіонъ 5-й конной кубанской батареи.

([33])—Пропущенныя главы не относятся къ полку.

([34])—На телишердинскихъ высотахъ находилось два отдѣльныхъ укрѣпленія.

([35])—Во время наступленія, тучи заволокли небо, и зачастилъ дождь, бившій прямо непріятелю въ лицо и, вѣроятно, мѣшавшій туркамъ цѣлиться. Дождь былъ непродолжительный, и вскорѣ небо прояснилось.

([36])—Въ первой ротѣ убиты: Семенъ Солтусъ,—ему разворотило грудь и брюшину, и Иванъ Заря—у него оторвало плечо и обѣ ноги до таза. Ранены: Тимофей Калинченко, Коляда, Полузюковъ (всѣ трое умерли отъ ранъ), Губскій, Даниленъ, Цыгановъ, Посларъ и контуженъ барабанщикъ. Послѣ взрыва гранаты, капенармусъ 1-й роты, Тимофей Калинченко, съ оторванной повисшей только на одной кожѣ рукою, не роняя ружья, бѣжалъ догонять роту; но ему измѣнили силы, и онъ упалъ,

истекая кровью. Вскорѣ его подняли, но онъ не захотѣлъ лечь на носилки, пошелъ самъ пѣшкомъ на батарею, гдѣ устроенъ былъ перевязочный пунктъ. Тутъ Калинченко, во время перевязки, острилъ и отпускалъ шуточки насчетъ своихъ товарищей. На другой день, командиръ роты капитанъ Братковскій навѣстилъ своихъ раненыхъ. Увидя своего командира, Калинченко громко зарыдалъ. На вопросъ, отчего онъ плачетъ, Калинченко отвѣчалъ: «да какъ же не плакать: не удалось побить турокъ, а у меня руки нѣтъ. Да и какъ выздоровлю, опять пойду въ строй; хотя самъ не могу, буду, покрайности, смотрѣть, какъ другіе бьютъ турокъ».

Не суждено было сбыться его надеждамъ. Бѣдняга выдержалъ двѣ операціи безъ хлороформа и, вдругъ, отъ гнойнаго воспаленія умеръ. Калинченко награжденъ былъ знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени. Онъ былъ уроженецъ полтавской губерніи, лохвицкаго уѣзда, сел. Нехристово.

(37)—Въ Ардаганѣ было три моста.

(38)—На этомъ мѣстѣ было заколото 45-ть турокъ, которые всѣ похоронены въ одной могилѣ, на кладбищѣ, около моста.

(39)—Орудіе это оказалось, дѣйствительно, заряженнымъ. И что всего забавнѣе, когда гранату вынули, то командиръ полка просилъ одного изъ батарейныхъ командировъ приказать ее разрядить. Боевой винтъ былъ вывинченъ со всѣми предосторожностями, но въ гранатѣ не оказалось ни одного зерна пороха. Изъ этого можно заключить, какъ тщательно приготовлялись турецкіе снаряды.

(40)—Весь же уронъ подъ Ардаганомъ простирался: убито—1 офицеръ и 68 нижнихъ чиновъ; ранено—10 офицеровъ и 342 нижнихъ чина.

(41)—Составъ полка въ 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ баталіонахъ былъ въ день штурма—1,965 человѣкъ.

(42)—См. планъ № 1-й.

(43)—По военному журналу, потеря непріятеля показана отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ.

(44)—Людямъ, привозившимъ это орудіе, командующій корпусомъ давалъ по рублю на каждаго человѣка.

(45)—Ночью слышна была орудійная пальба. Это—часть нашей кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, у селенія Бегли-Ахметъ разбила наголову отрядъ черкесовъ Муссы-паши Кундухова. Черкесы бѣжали въ горы въ крайнемъ безпорядкѣ, оставивъ 80 труповъ, 85 палатокъ и два горныхъ орудія. Фактъ этотъ очень важенъ. Кундуховъ, съ кавалеріей своей, угрожалъ нашимъ сообщеніямъ; съ той минуты, онѣ стали свободными, и мы имѣли безпрепятственный доступъ къ нашимъ границамъ и могли совершенно свободно оперировать вокругъ Карса.

(46)—Для встрѣчи высшихъ начальниковъ, въ походѣ, войска не брали на плечо, а только командовалось: «смирно»!

(47)—Высочайшимъ приказомъ отъ 17-го апрѣля, подполковникъ Александеръ произведенъ въ полковники; отъ 22-го марта, штабсъ-капитанъ кубинскаго полка Афанасьевъ переведенъ въ тифлисскій полкъ, а приказомъ 5-го апрѣля, поручикъ Рейбургъ вновь опредѣленъ на службу. Приказомъ по кавказскому военному округу, штабсъ-капитанъ Быченковъ назначенъ и. д. помощника начальника закатальскаго военнаго округа. 12-го мая прибылъ изъ перемѣннаго состава учебной роты поручикъ Никитинъ.

(48)—Операціи дѣйствующаго корпуса. «Военный Сборникъ» 1877-го года, № 8-й.

(49)—Герасимъ Хижченко—изъ крестьянъ собственниковъ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, сел. Орсеніевки.

(*)—Диспозиція для дѣйствій подъ Карсомъ:

«Въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня, войсками колонны генералъ-лейтенанта Девеля производится слѣдующее: наводится на Карсъ-чай, между селеніемъ Чалчаутъ и впаденіемъ въ Карсъ-чай чахмахскаго ручья, капителевскій мостъ; возводятся батареи: а) на лѣвомъ берегу Карсъ-чая №№ 5-й, 6-й и 7-й, б) на правомъ берегу №№ 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й и 15-й; батареи эти вооружаются артилеріею, согласно прилагаемому при семъ росписанію, и съ утра, 1-го іюня, начинаютъ, по полученіи на то приказанія отъ корпуснаго командира, дѣйствовать по цѣлямъ, означеннымъ въ росписаніи.

«Завѣдывающими работами назначаются: а) по наводкѣ моста, на батареяхъ №№ 5-й, 6-й и 7-й и по разработкѣ дорогъ къ симъ батареямъ и мосту—генералъ-маіоръ Соловьевъ; б) на батареяхъ №№ 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й—инженеръ-полковникъ Бульмеринцъ. Распоряженіемъ инженернаго начальства, заранѣе для каждой батареи и отдѣльно для прочихъ работъ, назначаются особые инженерные и саперные офицеры, съ саперными нижними чинами, и заблаговременно, какъ саперы, такъ и части войскъ, назначенныя на работы, снабжаются шанцевымъ инструментомъ.

«Начальниками артилеріи назначаются: батарей №№ 5-го, 6-го и 7-го подполковникъ Нечаевъ; батарей № 8—15 полковникъ Ахвердовъ. Распоряженіемъ артилерійскаго начальства, заранѣе для каждой батареи назначается особый командиръ и заблаговременно орудія и снаряды, назначенныя на батареи, подвозятся къ началу тѣхъ путей, по которымъ имъ прійдется слѣдовать. Перевозочныя средства должны быть тщательно подготовлены.

«Общее завѣдываніе работами и дѣйствіями принадлежитъ начальнику колонны генералъ-лейтенанту Девелю. Ему предоставляется заблаговременно назначить особыхъ начальниковъ на правомъ и лѣвомъ берегахъ Карсъ-чая и распредѣлить ближайшее командованіе войсками, какъ прикрытія, такъ и ра-

бочныхъ. При этомъ, въ прикрытіе батарей оставляется одинъ баталіонъ, въ прикрытіе работъ три баталіона (1 на лѣвомъ и 2 на правомъ берегу Карсъ-чая), а 10 баталіоновъ на работы (2 на лѣвомъ и 8 на правомъ берегу). О подробностяхъ сихъ распоряженій сообщается соотвѣтствующему инженерному и артилерійскому начальству. По окончаніи работъ, войска, по распоряженію начальника колонны, разставляются на позиціи, повозможности скрытно отъ выстрѣловъ непріятеля.

«Кавалерія колонны генералъ-лейтенанта Девеля, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Шереметьева, кромѣ частей для аванпостовъ, разъѣздовъ, посылокъ и другихъ надобностей, при пѣхотѣ съ конною батареею, съ вечера 31-го мая выступаетъ для дѣйствій ночью по укрѣпленію Хафисъ-паша, лагерю за онымъ и, если возможно, по городу Карсу. Къ утру, она отходитъ и, по распоряженію генералъ-лейтенанта Девеля, прикрываетъ лѣвый флангъ войскъ. Въ это же время (въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня) войсками колонны генералъ-лейтенанта Геймана исполняется: частью пѣхоты, съ пѣшею артилеріею, по усмотрѣнію начальника колонны—дѣйствія со стороны укрѣпленій Тохмасъ и Тихъ-тепеси. Остальною пѣхотою лишь поддерживается связь съ войсками генералъ-лейтенанта Девеля. Часть кавалеріи, съ конной артилеріей, по распоряженію начальника колонны, перейдя на правый берегъ Карсъ-чая, дѣйствуетъ со стороны укрѣпленій Канлы и Сувари—также, какъ выше сказано для кавалеріи колонны генералъ-лейтенанта Девеля. Кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, впредь до особаго приказанія, находится около селенія Кекячь, наблюдая дальними разъѣздами всѣ пути къ Соганлугу, черезъ Ахджакала, Чапхахлы, Органы и Сарыкамышъ.

«Летучій отрядъ полковника Панина, по ближайшему распоряженію генералъ-лейтенанта Геймана, тщательно оберегаетъ телеграфную линію между обѣими колоннами и прикрываетъ сообщеніе между ними.

«Общее руководительство инженерными работами принадлежитъ

начальнику инженеровъ арміи, генералъ-маіору Реберу; всею артилеріею—начальнику артилеріи генералъ-маіору Губскому; осадною артилеріею—полковнику Коханову.

«Инженернымъ, сапернымъ и артилерійскимъ офицерамъ и старшимъ начальникамъ строевыхъ войскъ будутъ выданы планы мѣстности, гдѣ имъ предстоитъ дѣйствовать, и они должны повозможности заранѣе лично ознакомиться съ путями, ведущими къ мѣстамъ ихъ назначенія, а также предъ выступленіемъ должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы въ ночной темнотѣ не сбиваться съ дороги.

«О мѣстахъ перевязочныхъ пунктовъ, въ каждой изъ обѣихъ колоннъ должно быть заранѣе сдѣлано извѣстнымъ по войскамъ. На каждый изъ сихъ пунктовъ назначить для наблюденія за порядкомъ и за доставленіемъ раненыхъ по особому офицеру, снабдивъ ихъ средствами для продовольствія раненыхъ—впредь до отправленія ихъ въ лазареты или госпитали. Этимъ офицерамъ быть въ вѣдѣніи старшаго врача на пунктѣ. Медицинскому начальству заранѣе исполнить распредѣленіе врачей и иныхъ необходимыхъ средствъ на пунктахъ. Отъ каждой части войскъ назначить на перевязочные пункты достаточное число фургоновъ съ приспособленіями для перевозки раненыхъ, а санитаровъ не упустить снабдить необходимыми (какъ указалъ опытъ) на случай отысканія и уборки раненыхъ ночью, фонарями. Диспозиція на дальнѣйшее время отдастся своевременно». Подписалъ—начальникъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ Духовской.

(81)—Извлеченіе изъ диспозиціи съ 2-го на 3-е іюня:

«Войскамъ ввѣренной мнѣ колонны предстоитъ настоящую ночь заложить и вооружить 6-ть мортирныхъ батарей для осадной артилеріи и устроить ложементы съ эполементами для трехъ девяти-фунтовыхъ батарей, для чего потребуется, независимо саперъ, еще 2,360 человѣкъ рабочихъ, по слѣдующему расчету: эриванскаго полка 570 человѣкъ—имѣютъ свой инструментъ: 115 лопатъ, 67 кирокъ, а 338 штукъ инструмента

принимаютъ отъ инженернаго парка; грузинскаго полка 570 человѣкъ—имѣютъ свой инструментъ: 140 лопатъ, 67 кирокъ, а 365 штукъ инструмента принимаютъ отъ инженернаго парка; тифлисскаго полка 650 рабочихъ—имѣютъ свой инструментъ: 225 штукъ лопатъ, 480 штукъ инструмента и 810 мѣшковъ; мингрельскаго полка 570 рабочихъ—имѣютъ свой инструментъ: 192 лопаты, а 378 штукъ инструмента принимаютъ отъ инженернаго парка. Баталіоны для работъ должны быть въ полномъ составѣ, съ своими баталіонными и ротными командирами. Изъ нихъ: тифлисскаго полка устроиваютъ батареи №№ 1-го и 2-го, подъ командою подпоручика Митрофанова и Будкевича; на обсерваціонной горѣ будетъ завѣдывать работами подполковникъ Черкасовъ и находиться рота саперъ. Ложементы для полевой артилеріи, устройство 3-й, 4-й и 5-й батарей . . . . . производится остальными тремя полками гренадерской дивизіи и ротой саперъ. Работами завѣдываетъ полковникъ Беземанъ. Инженерный инструментъ для тифлисскаго полка будетъ доставленъ сапернымъ баталіономъ, а прочія части должны принять его передъ выступленіемъ на руки. Инструментъ будетъ сложенъ по полкамъ на дорогѣ, противъ праваго фланга эриванскаго полка. Къ шести часамъ вечера, всѣ войска должны отужинать и къ 7-ми часамъ выстроиться впереди 1-го баталіона эриванскаго полка въ слѣдующемъ порядкѣ: три баталіона эриванскаго полка, назначенные собственно для прикрытія работъ; за ними—6-я батарея собственно тоже для прикрытія на ночь; за батареей—баталіоны эриванцевъ, грузинцевъ и мингрельскій полкъ, и рота саперъ, принявши уже инструментъ, который долженъ быть на рукахъ.

. . . . . .

«Войска слѣдуютъ по оврагу до деревни Чивтлинъ, а осадная артилерія по дорогѣ туда же. О движеніи войскъ къ Чивтлину и дальше будетъ мною отдано личное особенное приказаніе. Независимо этого, команда охотниковъ эриванскаго полка слѣдуетъ къ деревнѣ Чивтлинъ и, по указанію поручика Завріева, оцѣпляетъ деревню Чивтлинъ, куда вслѣдъ за симъ перено-

сится телеграфная станція. Всѣмъ прикрытіемъ на ночь, включая въ то число и тифлисскій полкъ, командовать генералъ-маіору Комарову.

«Тифлисскій полкъ, въ 8-мъ часовъ вечера, имѣя впереди два баталіона, съ 4-мя орудіями 5-й батареи, а сзади сапер. и рабочіе баталіоны, подъ командою полковника Ридигера, слѣдуетъ по направленію къ обсерваціонной горѣ, занимаетъ ее съ фланга, т. е. вдоль гребня; причемъ, если тамъ будетъ непріятель—выбить его, несмотря ни на что, и немедленно приступить къ возведенію батарей; причемъ, баталіонъ съ четырмя орудіями составляетъ прикрытіе, съ которымъ вступаетъ въ связь эриванскій полкъ, а другой баталіонъ составляетъ резервъ и помогаетъ втаскивать на батарею осадную артилерію. Мингрельскій полкъ на ночь остается въ лагерѣ. Въ 12 часовъ ночи 1-я, 2-я и 3-я батареи гренадерской артилерійской бригады выступаютъ на позицію и къ разсвѣту занимаютъ свои ложементы.

«Съ разсвѣтомъ, 3-го іюня, всѣ батареи должны быть окончены и вооружены. Грузинскій полкъ и одинъ баталіонъ тифлисскаго полка составляютъ прикрытіе батарей. Эриванскій полкъ становится въ резервѣ. Два тифлисскихъ баталіона отходятъ къ развалинамъ башни, гдѣ готовятъ пищу; 4-хъ-фунтовая артилерія возвращается въ лагерь. Къ 8-ми часамъ утра, 3-го іюня, мингрельскій полкъ и одинъ баталіонъ тифлисскаго полка, отобѣдавъ, смѣняютъ прикрытіе. Грузинскій полкъ и тифлисскій, составляющіе прикрытіе, отходятъ къ деревнѣ Чинтликъ, обѣдаютъ и въ 12 часовъ дня смѣняютъ эриванцевъ и тифлисскій баталіонъ, которые, въ свою очередь, прибываютъ: три баталіона эриванцевъ въ дер. Чинтликъ (одинъ баталіонъ этого полка остается въ прикрытіе лагеря) и два баталіона тифлисскіе—за высотой, гдѣ развалины башни. Однимъ словомъ, къ двумъ часамъ дня, войска должны быть въ слѣдующемъ порядкѣ: въ прикрытіи по всей линіи ложементовъ и батарей—баталіонъ тифлисскаго полка и весь мингрельскій полкъ, подъ командою генералъ-маіора Зедергольма. Въ резервѣ—грузинскій полкъ; за

высотой, гдѣ развалины башни — два баталіона тифлисскаго полка, и у сел. Чивтликъ — три баталіона эриванскаго полка, съ 4-й батареею. Въ прикрытіе лагеря генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе присылаетъ 3-й баталіонъ тифлисскаго полка, если прибудетъ; въ противномъ же случаѣ, прикрытіе остается отъ кавалеріи. Въ отрядѣ у Арамартана прикрываетъ лагерь баталіонъ эриванскаго полка и шестая батарея. Начальникамъ частей озаботиться, чтобы люди пообѣдали и поужинали.

. . . . . .

«Мое пребываніе съ 8-ми часовъ вечера сего 2-го іюня будетъ находиться у селенія Чивтликъ, куда имѣютъ всѣ начальники частей присылать ко мнѣ за приказаніями, если въ этомъ будетъ надобность, и присылаютъ донесенія.

«Въ сумерки, какъ колонна у Когалы, такъ и у Арамартана, уменьшить лагерь: въ первомъ, по приказанію генералъ-маіора князя Чавчавадзе, а во второмъ — по указанію полковника Радзишевскаго. Огни, лагеря не снимать, а въ сумерки могутъ лагерь спять нестроевые, каптенары, деньщики и конюхи.

«Всѣмъ войскамъ быть безъ ранцевъ и имѣть въ карманѣ по фунту мяса и сухари. Половинное число патронныхъ ящиковъ, къ утру, 3-го іюня, должно быть за резервами.

«Перевязочные пункты учреждаются: главный, подъ управленіемъ стараго врача гренадерской дивизіи Шульца, сзади дер. Чивтликъ; другой, временный, собственно для тифлисскаго полка, подъ управленіемъ старшаго врача Егорова, сзади развалинъ башни. Эти пункты находятся на своихъ мѣстахъ до 4-хъ часовъ 3-го іюня; въ четыре же часа, тифлисскій перевязочный пунктъ соединяется съ главнымъ у сел. Чивтликъ. Независимо отъ казаковъ, которые будутъ состоять въ полномъ распоряженіи старшихъ врачей, завѣдывающихъ перевязочными пунктами, при полковыхъ лазаретныхъ фургонахъ, отъ каждой части непремѣнно долженъ быть офицеръ, исполняющій безусловно распоряженія старшаго врача. Лазаретныя фуры тифлисскаго полка должны быть на перевязочномъ пунктѣ, какъ равно и 5-й батареи, которыя, по мѣрѣ накопленія ра-

пеных, будутъ перевозить ихъ кругомъ въ дивизіонный лазаретъ у Аралыртана. Лазаретныя кареты гренадерской дивизіи, въ половинномъ числѣ, съ вечера должны находиться въ полной готовности, въ запряжкѣ, на линейкѣ 1-го баталіона эриванскаго полка, а къ четыремъ часамъ пополудни, 3-го іюня, какъ остальные фургоны и линейки дивизіоннаго лазарета, такъ равно и отъ всѣхъ частей лазаретныя фуры, обязательно приспособленныя для возки раненыхъ, должны быть тамъ же, впереди перваго баталіона эриванскаго полка. Фургоны эти, по требованію старшаго врача, будутъ двигаться къ перевязочному пункту, по не ипаче, какъ по приказанію, чтобы не было толкотни. Статскому совѣтнику Шульцу распорядиться приготовленіемъ возможно большаго числа мѣстъ для раненыхъ, а также нужнымъ числомъ медикаментовъ и чиновъ хозяйственнаго управленія—для пріема и успокоенія раненыхъ. Командующему гренадерской дивизіей назначить одного изъ завѣдывающихъ хозяйствомъ въ полкахъ, для главнаго завѣдыванія дивизіоннымъ лазаретомъ и порядкомъ въ немъ.

. . . . . .

«Къ восьми часамъ вечера сего втораго іюня, прислать ко мнѣ офицеровъ-ординарцевъ отъ всѣхъ полковъ пѣхоты по одному, одного отъ всей артилеріи, одного отъ кавалеріи, одного отъ кизляро-гребенскаго полка и одного отъ владикавказскаго полка. Паролъ—Кавказъ; отзывъ—св. Кириллъ; пропускъ—картечь». Подлинный подписалъ генералъ-лейтенантъ Гейманъ.

(52)—Укрѣпленіе Тохмасъ имѣло форму бастіоннаго шанца. Укрѣпленіе вооружено было 27-ю орудіями. Длина линіи огня—780 шаговъ. Укрѣпленіе Тихъ-тепеси, расположенное въ 100 саженяхъ отъ Тохмаса, вооружено было 14-ю орудіями. Укрѣпленіе Лазъ-тепеси (или Чахмахъ) вооружено было 21-мъ орудіемъ.

(53)—Двѣ роты 1-го кавказскаго сапернаго баталіона Имени Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича Старшаго.

(54)—Такъ какъ въ перестрѣлкѣ принимали участіе 12-я, 4-я стрѣлковая роты и охотничья команда, поэтому, 7-го іюня, израсходовано патроновъ ружейныхъ 2,476 и револьверныхъ 22.

(55)—Диспозиція съ 8-го на 9-е іюня, о движеніи за Соганлугъ: «Отрядъ выступаетъ двумя колоннами. Первая колонна, подъ командою генералъ-маіора Федорольма: 2-я бригада гренадеръ, 3-я и 4-я батареи и весь обозъ, расположенный у селенія Когалы, снимаются съ позиціи въ пять часовъ утра и идутъ черезъ деревни Сусусъ, Бегли-Ахметъ на верхніе Каталы, гдѣ и располагаются на ночлегъ. При этой колоннѣ слѣдовать борчалинской сотнѣ. Вторая колонна, подъ командою генералъ-маіора Комарова: 1-я бригада гренадеръ, баталіонъ саперъ, 1-я, 2-я, 4-я, 6-я батареи, кизляро-гребенской казачій полкъ и тифлисскій дворянскій дивизіонъ, снимаются съ позиціи у Аравартана и слѣдуютъ черезъ Когалы, а оттуда, направивъ обозъ черезъ Сусусъ, сами идутъ лѣвѣе на Бегли-Ахметъ, прикрывая собою слѣва движеніе первой колонны со стороны Карса. Кавалерія на ночлегѣ располагается: въ колоннѣ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, состоящей нынѣ изъ полка драгунъ, 8-ми сотенъ дагестанской бригады, александропольскаго дивизіона и конной батареи, къ которой присоединяются остальныя 4 сотни дагестанской бригады и первый волгскій полкъ; по прибытіи пѣхотной колонны къ Бегли-Ахмету, сняться съ позиціи и слѣдовать черезъ Кекячь въ Еничло, гдѣ и занимаютъ позицію на ночлегъ, пославъ сильные разъѣзды по дорогѣ въ гор. Ольты, къ сторонѣ Ахджакала и влѣво на Сарыкамышъ, войдя въ связь съ колонной генералъ-маіора Лорисъ-Меликова.— Колонна генералъ-маіора Лорисъ-Меликова: 2-й волгскій и чеченскій полки и имѣющій присоединиться полкъ драгунъ, тифлисскій дворянскій дивизіонъ, борчалинская сотня и конная батарея—когда покажутся вблизи Бегли-Ахметъ пѣхотныя колонны, слѣдуютъ черезъ Котаплы, Парсаданъ, Чаулахъ и Аспуга, гдѣ и располагаются на ночлегъ, пославъ отъ себя возможно дальше разъѣзды впередъ и вправо на со-

единеніе съ княземъ Чавчавадзе. Объ кавалерійскія колонны, имѣя въ виду сбереженіе главныхъ силъ, должны быть очень бдительны и имѣть между собою связь, взаимно поддерживая другъ друга, и въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ—насколько возможно, удерживаютъ позиціи до прибытія пѣхоты и сообщаютъ немедленно мнѣ о положеніи дѣлъ».

([36])—По запискамъ Нормана, въ Зивинѣ находилось: 18 баталіоновъ пѣхоты, 500 человѣкъ кавалеріи, 2 батареи и 2 горныя; сверхъ того, въ Ардостѣ стояло 4,000 резерва. Всего было отъ 15 до 16 тысячъ человѣкъ и 24 орудія. Войсками этими командовали: Измаилъ-паша и Фейзи-паша—родомъ венгерецъ, бывшій начальникъ штаба англійскаго генерала Вильямса, во время блокады Карса въ кампанію 1853—1856-го годовъ.

([37])—Участники зивинскаго сраженія: командиръ полка полковникъ Ридигеръ, полковой адъютантъ поручикъ Васильевъ, жалованный офицеръ штабсъ-капитанъ Жонголовичъ, командиръ 1-го баталіона полковникъ Александеръ, адъютантъ 1-го баталіона подпоручикъ Мясниковъ, командиръ 1-й роты капитанъ Братковскій, субалтернъ-офицеръ поручикъ Станкевичъ, командиръ 2-й роты поручикъ Кучевскій, субалтернъ-офицеръ подпоручикъ Еремѣевъ, командиръ 3-й роты поручикъ Кретковскій, командиръ 1-й стрѣлковой роты поручикъ Згоржельскій, субалтернъ-офицеръ подпоручикъ Акинфіевъ. Командиръ 2-го баталіона подполковникъ Лорисъ-Меликовъ, баталіонный адъютантъ подпоручикъ Родзевичъ, командиръ 4-й роты поручикъ Снѣжковъ, субалтернъ-офицеръ поручикъ Гаушъ, командиръ 5-й роты штабсъ-капитанъ Мадчеваріани, субалтернъ-офицеръ поручикъ Рейбургъ, командиръ 6-й роты капитанъ Борковскій, субалтернъ-офицеръ прапорщикъ Агаларовъ, командиръ 2-й стрѣлковой роты штабсъ-капитанъ Гавриловъ, субалтернъ-офицеръ подпоручикъ Климовъ. Командиръ 3-го баталіона маіоръ Улановичъ, баталіонный адъютантъ подпоручикъ Чогло-

ковъ, командиръ 7-й роты капитанъ Андріевичъ, субалтернъ-офицеръ поручикъ Савицкій, командиръ 8-й роты поручикъ Ясовичъ, субалтернъ-офицеръ подпоручикъ Агаевъ, командиръ 9-й роты штабсъ-капитанъ князь Аргутинскій-Долгорукій, командиръ 3-й стрѣлковой роты штабсъ-капитанъ князь Орбеліани, за офицера портупей-юнкеръ князь Джорджадзе. Командиръ 4-го баталіона маіоръ Суликовъ, баталіонный адъютантъ подпоручикъ князь Абашидзе, командиръ 10-й роты поручикъ князь Макаевъ (Владиміръ), командиръ 11-й роты штабсъ-капитанъ Афанасьевъ (Алексѣй), субалтернъ-офицеръ поручикъ Абеловъ, командиръ 12-й роты штабсъ-капитанъ Афанасьевъ (Константинъ), за офицера портупей-юнкеръ Никитинъ, командиръ 4-й стрѣлковой роты поручикъ Сагиновъ, за офицера портупей-юнкеръ Декабрилевичъ; начальникъ охотничьей команды штабсъ-капитанъ князь Макаевъ (Захарій), младшій офицеръ подпоручикъ Невѣровскій и вольноопредѣляющійся Купрюхинъ.

Находились подъ выстрѣлами: завѣдывающій хозяйствомъ маіоръ Кабенинъ, завѣдывающій оружіемъ поручикъ Никитинъ, старшій врачъ полка Егоровъ и священникъ Михаилъ Тополевъ. Послѣдній напутствовалъ умирающихъ въ селеніи Зивинѣ.

(⁸⁷)—Грузинскаго полка подполковникъ Сагиновъ раненъ былъ въ началѣ боя, въ командованіе же 3-мъ баталіономъ вступилъ капитанъ Сагиновъ (грузинецъ).

(⁸⁸)—Иванъ Походенко имѣетъ знаки отличія военнаго ордена 1-й 2-й и 4-й степеней, уроженецъ харьковской губерніи, срока службы 1865-го года. Въ 1881-мъ году состоялъ налицо въ полку.

(⁸⁹)—Митральезъ въ Зивинѣ не было. Чудовищный ружейный огонь ошибочно принятъ былъ за грохотъ картечницъ.

(⁹⁰)—Въ официальномъ рапортѣ генерала Гейнана, составленномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ боя, есть нѣсколько неточностей,

имѣющихъ значеніе лишь для участниковъ сраженія, но не вліяющихъ на общее описаніе сраженія.

(62)—См. сраженія у Халіаза и при Зивинѣ (по турецкимъ источникамъ). «Военный Сборникъ» 1879-го года, ноябрь.

(63)—Убиты: штабсъ-капитанъ Алексѣй Афанасьевъ, поручикъ Яковичъ и подпоручикъ Родзевичъ. Умеръ отъ раны 14-го іюня подпоручикъ Софіевъ. Ранены: командиръ полка полковникъ Ридигеръ—въ ногу; полковникъ Александеръ—въ руку; маіоръ Суликовъ—въ животъ; подпоручикъ Чоглоковъ—въ колѣно (оба умерли отъ ранъ); капитанъ Андріевичъ—въ грудь, съ переломомъ ключицы; штабсъ-капитанъ князь Аргутинскій Долгорукій—въ грудь; штабсъ-капитанъ Мадчеваріани—въ ногу, съ переломомъ кости; подпоручикъ Еремѣевъ—въ голову и грудь; поручикъ Снѣжковъ—въ мякоть правой руки; поручикъ Абеловъ—въ руку. Контужены: маіоръ Улановичъ—въ правую ногу и Мальцевъ—въ руку; капитанъ Борковскій—въ ногу, животъ и ухо; капитанъ князь Орбеліани—въ голову и животъ; штабсъ-капитанъ Константинъ Афанасьевъ—въ лѣвую руку; поручикъ Сагиновъ—въ бокъ; подпоручикъ Агаевъ—въ голову и прапорщикъ Агаларовъ—въ руку. Большею частью раны были пулевыя, тяжелыя. Трое умерли отъ ранъ, а 8-мь причислены александровскимъ комитетомъ ко второму классу. Полковникъ Ридигеръ, маіоръ Улановичъ и Мальцевъ, штабсъ-капитанъ Афанасьевъ, поручики Снѣжковъ, Сагиновъ, Абеловъ вовсе не оставляли строя, а капитанъ Борковскій и князь Орбеліани явились въ полкъ на другой день послѣ сраженія, потому что могли исполнять службу верхомъ. Изъ фельдфебелей ранены: 8-й роты Кондратъ Синцарь, 9-й роты Игнатъ Скиба, 11-й роты Станиславъ Милиневскій и вольноопредѣляющійся Михаилъ Купрюхинъ. Милиневскій изъ мѣщанъ волынской губерніи, заславскаго уѣзда.

(44)—

Въ какихъ рот. должны состоять	Чинъ и фамилія.	Званіе.
Въ 1-й	Подпоручикъ Джаіани. .	Младш. офиц. (мингрелецъ)
— 2-й	— Подкользинъ	— — (навагинецъ)
— 3-й	Шт.-капитанъ Кетамовъ .	коман. ротою (кабардинецъ)
— 1 стр.	Прапорщикъ Зродловскій.	младш. офиц. (тенгинецъ)
— 4-й	Поручикъ Туробойскій. ,	— — (грузинецъ)
— 5-й	Шт.-капитанъ Левитскій.	коман. ротою (измайловецъ)
— »	Подпоручикъ Итаевъ. .	младш. офиц. (навагинецъ)
— 6-й	— Печковскій.	— — (навагинецъ)
— 7-й	Шт.-капитанъ Кушелевъ.	коман. ротою (измайловецъ)
— »	— Маіоровъ .	младш. офиц. (тенгинецъ)
— »	— Калиновскій	— — (мингрелецъ)
— 8-й	Поручикъ Цурканъ. . .	— — (мингрелецъ)
— »	Прапорщикъ Пираловъ .	— — (кабардинецъ)
— 9-й	Поручикъ Зноско-Боровскій	коман. ротою (измайловецъ)
— »	— Магаловъ. . .	младш. офиц. (мингрелецъ)
— 10-й	— Меркалинъ .	коман. ротою (измайловецъ)
— »	— Тулаевъ. . .	младш. офиц. (мингрелецъ)
	Итого 17 чел.	

(45)—Коммисія, отправленная въ Александрополь сортировать полушубки, состояла изъ слѣдующихъ лицъ: капитана Борковскаго, штабсъ-капитана князя Орбеліани, поручиковъ Сагинова и Згоржельскаго. Въ свободное время упомянутыя лица навѣщали своихъ раненыхъ товарищей. Послѣдніе были окружены замѣчательно заботливымъ уходомъ: многіе изъ нихъ тогда уже поправились. Полковникъ Александръ находился въ Тифлисѣ. Капитанъ князь Аргутинскій-Долгорукій совсѣмъ выздоровѣлъ и собирался уѣхать. Подпоручики Гамза-Бекъ-Агаевъ и Агаларовъ отправлены для дальнѣйшаго леченія въ тифлисскій военный госпиталь. Капитана Андріевича и подпоручика Еремѣева, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна приказала отправить въ боржомское отдѣленіе собственнаго госпиталя. Одинъ только маіоръ Суликовъ со дня на день угасалъ, несмо-

тря на заботливый уходъ жены и сестры. Штабсъ-капитанъ Мадчеваріани тоже поправлялся плохо, онъ лежалъ въ отдѣленіи общества «Краснаго креста» и, не взирая на образцовое леченіе, остался на всю жизнь калѣкой.

Всѣ безъ исключенія раненые пользовались благосклоннымъ вниманіемъ Августѣйшаго Семейства Его Императорскаго Высочества Намѣстника кавказскаго. По разсказамъ раненыхъ, царственныя Особы баловали страдальцевъ, какъ дѣтей. Всѣ раненые тифлисцы получили изъ собственныхъ рукъ Главнокомандующаго награды, а именно: полковникъ Александеръ и маіоръ Суликовъ—золотыя сабли, съ надписью «за храбрость»; капитанъ Андріевичъ—орденъ св. Анны 2-й степени съ мечами; штабсъ-капитанъ Мадчеваріани — орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ; штабсъ-капитанъ князь Аргутинскій-Долгорукій и прапорщикъ Еремѣевъ—слѣдующіе чины, со старшинствомъ съ 13-го іюня 1877-го года; подпоручики Агаевъ и Агаларовъ—ордена св. Станислава 3-й степени, съ мечами и бантомъ; унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся, 3-й стрѣлковой роты, Михаилъ Купрюхинъ—знакъ отличія 4-й степени и Леонидъ Катарчукъ—3-й степени.

Солидная матеріальная денежная помощь оказана была всѣмъ, въ особенности Сулякову и Андріевичу. Въ отдѣленіи боржомскаго госпиталя, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна обращалась съ ранеными, какъ добрая, заботливая мать. Раненые помнятъ свято о высокомъ вниманіи и разсказываютъ объ этомъ съ восторгомъ.

(44)—Когда цѣпь улеглась рядовой Александръ Молчановъ, изъ новобранцевъ, продолжалъ хладнокровно и спокойно стрѣлять по туркамъ. Несмотря на крики—отойти назадъ, Молчановъ только махнулъ рукой и продолжалъ неторопливо свою потѣху. Этотъ бравый поступокъ не оставленъ безъ вниманія: Молчановъ награжденъ былъ знакомъ отличія военнаго ордена 4-й

степени. 20 го сентября, Александръ Молчановъ былъ раненъ въ ступню и убылъ на родину.

(87)—Нельзя не указать на поступокъ одного изъ фельдшеровъ тифлисскаго полка, совершенный имъ при отступленіи съ Кизилъ-таны. Когда наша цѣпь была всего шагахъ въ 400-хъ отъ подножія горы, и турецкіе баши-бузуки уже спускались съ горы, одинъ солдатъ владикавказскаго полка былъ раненъ въ грудь. Сначала онъ упалъ, потомъ, вдругъ, вскочилъ и, какъ будто въ безпамятствѣ, побѣжалъ въ сторону непріятеля. Шедшій по близости, въ цѣпи же, безъ всякаго оружія, кромѣ фельдшерской сумки, фельдшеръ Натаровъ бросился за нимъ, нагналъ раненаго, остановилъ, посадилъ на землю и началъ подавать помощь. Увидя это, полковникъ Ридигеръ придержалъ отступленіе цѣпи, удалившейся отъ перевязываемаго раненаго, такъ какъ въ это время уже приближались къ нему баши-бузуки. Полковникъ Ридигеръ послалъ нѣсколько владикавказцевъ на помощь фельдшеру Натарову, чтобы вынести раненаго. Фельдшеръ дѣлалъ перевязку совершенно спокойно и невозмутимо. Въ числѣ другихъ, награжденныхъ за дѣло при Кизилъ-танѣ, фельдшеръ Яковъ Натаровъ, по личному указанію командира полка, былъ награжденъ серебряной медалью на георгіевской лентѣ, съ надписью: «за храбрость». Къ сожалѣнію, Натарова нельзя было наградить георгіевскимъ крестомъ, который фельдшеръ не имѣетъ права получить. Яковъ Натаровъ остался живъ и ушелъ невредимымъ на родину, рязанской губерніи, раненбургскаго уѣзда, въ сел. Дубовку.

(88)—Общая потеря войскъ, участвовавшихъ въ бою, выражается слѣдующими цифрами: убито—штабъ и оберъ-офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 237: ранено—генералъ 1, штабъ и оберъ-офицеровъ 35, нижнихъ чиновъ 712; всего 992. По донесенію лазутчиковъ, турки потеряли 1,500 человѣкъ.

(89)—Приказъ по тифлисскому полку о размѣщеніи частей его на

горѣ Караялъ:

«По случаю занятія вверенным мнѣ полкомъ оборонительной позиціи на горѣ Караялъ, предписываю принять къ руководству слѣдующія правила: 1) на высотѣ, занимаемой 3-мъ баталіономъ, командой охотниковъ, 11-й и 12-й ротами, командовать маіору Улановичу. 2) На высотѣ, занимаемой 10-ю и 4-ю стрѣлковою ротами, командовать маіору Мальцеву. 3) Резервомъ, состоящимъ изъ 4-й и 5-й ротъ, расположеннымъ за высотами, занимаемыми 3-мъ и 4-мъ баталіонами, командовать штабсъ-капитану Левитскому. 4) Во время отсутствія моего, на всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ пунктахъ предписываю быть старшимъ маіору Улановичу, коему разрѣшается, въ случаѣ надобности, употребить резервъ на томъ пунктѣ, гдѣ признается наиболѣе нужнымъ. 5) На высотѣ, занимаемой 6-й и 2-й стрѣлковою ротами, командовать капитану Борковскому. 6) Ниже вышеупомянутой высоты расположенъ въ резервѣ 1-й баталіонъ, подъ командою капитана Гагемейстера. 7) Командованіе надъ общимъ резервомъ, а равно и высотою, занимаемою 6-ю и 2-ю стрѣлковою ротами, возлагаю на маіора Кабенина. 8) На всѣхъ вышеупомянутыхъ пунктахъ предписываю принять слѣдующія мѣры охраненія: а) днемъ, отъ каждой роты, въ занимаемой ею траншеѣ, ставить пикетъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера. б) Ночью, въ траншеяхъ должна находиться, въ полной готовности, четвертая часть людей, отъ каждой роты. в) Сверхъ того, каждой ротѣ выставлять на ночь, на мѣстахъ указанныхъ мною всего числа, секреты. г) Частямъ, находящимся въ резервѣ, имѣть дежурныя части въ размѣрѣ четвертой части всего резерва. д) Во всѣхъ частяхъ имѣть дежурныхъ, причемъ, на высотахъ, занимаемыхъ 3-мъ и 4-мъ баталіонами, 4-й и 5-й ротами, наряжать дежурнымъ офицера: но, сверхъ того, въ 4-й и 5-й, а равно 10-й и 4-й стрѣлковыхъ ротахъ, имѣть еще одного дежурнаго фельдфебеля. По главному резерву, т. е. 1-му баталіону, а равно по 6-й и 2-й стрѣлковой ротамъ, имѣть еще дежурнаго фельдфебеля. е) Знамена 3-го и 4-го баталіоновъ снести къ 1-му баталіону, гдѣ

и сдать ихъ въ 1-ю роту, на которую возлагается отвѣтственность за сохраненіе знаменъ. При знаменахъ должны быть пять ассистентовъ. 9) Завтра, прошу всѣхъ начальствующихъ лицъ окончить возведеніе траншей, причемъ, стараться—какъ можно толще обсыпать ихъ землею. Точно также прошу убрать весь камень, который валяется на мѣстахъ расположенія ротъ. 10) Патронные ящики имѣть за ротами, лошадей же держать въ обозѣ. 11) Сверхъ всѣхъ вышеупомянутыхъ мѣръ, не воспрещается г.г. начальникамъ принимать еще большія мѣры осторожности, а равно возвести, кромѣ уже устроенныхъ, еще новыя траншеи, гдѣ признается полезнымъ.

«Для помощи ротамъ въ подвозѣ воды, предписываю—въ каждый батальонъ наряжать ежедневно по одному полковому фургону. Для посылки на почту и за приказаніемъ въ штабъ дивизіи—наряжать по одной лошади изъ обоза, для писарей».

(70)—Списокъ офицеровъ, прибывшихъ въ полкъ, по старшинству ихъ службы:

Прапорщики: 1) Антоновъ 1-й (Петръ), 2) Рудневъ, 3) Всесвятскій, 4) Шубниковъ, 5) Надежинъ, 6) Шишковскій, 7) Фруктовъ, 8) Дзердзіевскій, 9) Петровъ, 10) Краснопѣвцевъ, 11) Ярошкій (умеръ въ дорогѣ), 12) Лавровъ, 13) Нововейскій, 14) Смольскій, 15) Ходкевичъ, 16) Петропавловскій, 17) Погорѣловъ, 18) Звегинцевъ, 19) Бредо, 20) Лукинъ, 21) Роговицкій, 22) Глазовъ, 23) Антоновъ (Константинъ) и 24) Ильинскій.

(71)—Въ тифлисскомъ полку удостоились наградъ нижепоименованныя лица:

За отличіе подъ Зивиномъ: подполковникъ Лорисъ-Меликовъ—св. Анны 2-й степени съ мечами, маіоръ Улановичъ—св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, капитанъ Борковскій—св. Станислава 2-й степени съ мечами, капитанъ Гагемейстеръ—св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», капитанъ князь Макаевъ—св. Станислава 2-й степени съ ме-

чами, капитанъ Афанасьевъ—св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, штабсъ-капитаны Жонголовичъ и Васильевъ и поручикъ князь Макаевъ—орденовъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, поручикъ Невѣровскій—св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ и старшій врачъ надворный совѣтникъ Егоровъ—св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.

За 13-е августа: поручикъ Никитинъ—св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ и подпоручикъ князь Абашидзе—св. Анны 4-й степени съ надписью: «за храбрость». Эти двѣ послѣднія награды были передовыя.

(72)—Приказъ по полку 19-го сентября 1877-го года:

«Сего числа, въ 5½ часовъ пополудни, ввѣренный мнѣ полкъ выступаетъ изъ лагеря, для дѣйствій противъ укрѣпленной турецкой позиціи на горѣ малые Ягны, въ составѣ колонны генералъ-маіора графа Граббе. Объявляя о семъ полку, предписываю—къ 5-ти часамъ поужинать и быть готовымъ къ выступленію. Съ полкомъ слѣдовать патроннымъ ящикамъ, лазаретнымъ фурамъ, двумъ бочкамъ воды на баталіонъ и по одному фургону отъ баталіона для офицерскихъ вещей. Форма походная, безъ ранцевъ, имѣя шинели скатанныя черезъ плечо».

(73)—Изъ офицеровъ, убитъ поручикъ Снѣжковъ. Пуля ударила въ високъ около глаза и вышла въ затылокъ. Покойникъ Петръ Ѳедоровичъ былъ воспитанникъ 1-й петербургской военной гимназіи, откуда выпущенъ въ 1871-мъ году въ полкъ подпоручикомъ. Снѣжковъ былъ любимъ товарищами, отличался строгой честностью, храбростью и самоотверженіемъ. Раненый въ руку подъ Зивиномъ, онъ ни на минуту не оставлялъ фронта. Тѣло покойнаго привезли на мѣсто стоянки, въ Кабахъ-тапа, на офицерскомъ фургонѣ втораго баталіона; затѣмъ, отправили въ Александрополь, гдѣ и предали землѣ на «холмѣ чести».—Ранены: прапорщикъ Петропавловскій, штабсъ-капитаны Жонголовичъ и Сагиновъ, въ обѣ ноги пулями, пра-

порщики: Антоновъ 2-й тяжело въ ногу и Бредо—тяжело, поручикъ Згоржельскій легко въ правую руку, подпоручикъ Бродовскій, поручики: Кретковскій легко въ правую ногу и Кучевскій; прапорщики: Антоновъ 1-й и Смольскій, поручикъ Туробойскій, прапорщикъ Рудневъ. Маіоръ Улановичъ контуженъ пулею въ правый високъ.

(74)—Капитуляція турецкихъ войскъ подъ начальствомъ Омеръ-паши, 3-го октября:

«Условія, на которыхъ остатки трехъ дивизій турецкой арміи сдаются военно-плѣнными войскамъ арміи Его Величества Императора всея Россіи:

«§ 1) Принимая въ соображеніе мужество, выказанное турецкими войсками въ сегодняшнемъ бою, офицеры всѣхъ чиновъ сохраняютъ ихъ оружіе и все остальное имущество, въ томъ числѣ лошадей.

«§ 2) Всѣ лица, непринадлежащія къ частямъ войскъ, подводчики и прочія, также слуги и офицерскіе деньщики, по обезоруженіи, имѣютъ право возвратиться восвояси.

«§ 3) Всѣ тѣ, которые не упомянуты въ § 2, сдаются какъ военно-плѣнные, и должны сдать весь военный матеріалъ, въ томъ числѣ: знамена, вооруженіе, орудія, заряды и патроны, артилерійскіе и пѣхотные парки, госпитали, и вообще, все военное имущество.

«§ 4) Сдача всего, что поименовано и упомянуто въ § 3, должна быть сдѣлана въ слѣдующемъ порядкѣ: всѣ войска, которыя сдаются какъ военно-плѣнныя, въ порядкѣ нумеровъ частей, кладутъ оружіе, артилерія сдаетъ орудія въ указанномъ мѣстѣ; затѣмъ, всѣ эти войска въ полномъ составѣ спускаются съ горы въ указанное мѣсто.

«§ 5) Сдача военнаго имущества должна начаться въ два часа утра, 4-го октября 1877-го года.

«§ 6) Къ числу лицъ, которыя получаютъ право возвратиться восвояси, принадлежатъ три врача, состоящіе при арміи». Подписали: «начальникъ отряда дѣйствующаго корпуса кавказской

арміи генералъ-лейтенантъ Роопъ. Генералъ-лейтенантъ отто-манской арміи Омеръ. Адъютантъ Его Императорска-го Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полковникъ Петерсъ».

Въ концѣ капитуляціи написано порусски рукою генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова:

«Капитуляцію эту, съ разрѣшенія Его Императорска-го Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею, утверждаю. Командующій дѣйствующимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ».

([75])—Убиты: 1-й роты Тимофей Сорокинъ, 3-й роты Онуфрій Дон-чикъ и 3-й стрѣлковой роты Филиппъ Сутулинъ. Ранены: 1-й роты—3 человѣка, 2-й—1, 3-й—3, 1-й стрѣлковой—4, 4-й—1, 7-й—1, 8-й—5 и 9-й—3 человѣка.

([76])—Приказъ по согаплугскому отряду № 122:

«Все оружіе и снаряженіе военное есть достояніе государства, какъ военный трофей, поэтому, предписывается всѣмъ началь-никамъ частей—теперь же собрать означенное оружіе и сдать его въ отрядный штабъ, и на будущее время принять за пра-вило—строго преслѣдовать продажу отбитаго оружія, такъ какъ это развращаетъ войска». Подлинный подписалъ: «генералъ-лейтенантъ Гейманъ».

([77])—Диспозиція на 23-е октября:

Диспозиція начинается описаніемъ деве-бойнской позиціи, изъ котораго уже сдѣлано извлеченіе. На основаніи данныхъ, до-бытыхъ рекогносцировкой, войска распредѣлили на слѣдующія колонны:

«Первая колонна, подъ командою генералъ-маіора Броневскаго: три баталіона крымскаго полка, три баталіона ставрополь-скаго, два или три баталіона таманскаго полка (изъ этихъ девяти баталіоновъ, одинъ, болѣе слабый числительностью или здоровьемъ, по усмотрѣнію начальника эриванскаго отряда, на-

значается для прикрытія перевязочнаго пункта), 30 орудій девяти-фунтовыхъ эриванскаго отряда,—всего, 8 баталіоновъ и 30 орудій. Колонна эта имѣетъ назначеніе—въ шесть часовъ утра двинуться изъ лагеря, развернуть въ одну линію на полные интервалы артилерію, подъ прикрытіемъ своей пѣхоты, и подойдя на тысячу саженей къ лѣвому флангу непріятельской позиціи, что правѣе эрзерумской дороги, открыть усиленный артилерійскій огонь по непріятелю; затѣмъ, послѣ обстрѣла, когда вторая колонна откроетъ артилерійскій огонь,—артилерія первой колонны побатарейно подвигается впередъ на 800 саженей и открываетъ усиленный огонь картечными гранатами. Первая колонна отнюдь не ведетъ фронтальной атаки, а только ведетъ бой демонстративный.

«Вторая колонна, подъ командою полковника князя Амираджиби: два баталіона бакинскаго полка, одинъ баталіонъ кубинскаго полка, три баталіона елисаветпольскаго полка, 3-й стрѣлковый баталіонъ, 3-я батарея 39-й артилерійской бригады,—всего, 7-мь баталіоновъ и 8-мь орудій. Назначеніе этой колонны—одновременно съ первой, выстроившись правѣе ея, дѣйствовать во флангъ непріятелю съ лѣваго его фланга, а когда артилерією первой колонны будетъ достаточно подготовлена атака, пятью баталіонами атаковать позицію во флангѣ непріятеля, и въ этомъ случаѣ, остающіеся два баталіона, съ батареею, обстрѣливаютъ правый скатъ оврага, идущаго черезъ Деве-Бойну, по дну котораго пролегаетъ дорога. Полковникъ князь Амираджиби, опрокинувъ флангъ непріятеля, самымъ энергическимъ образомъ долженъ обратить все вниманіе на скорѣйшее занятіе единственной дороги, продѣланной для въѣзда на это плато, и стрѣлками обстрѣливать непріятельскій лагерь, состоящій на большой дорогѣ; а когда обскачетъ Деве-Бойну кавалерія и приблизится къ этому лагерю, то всѣми силами поддерживать эту атаку. Когда же овладѣютъ лагеремъ, то занимаетъ позицію на мѣстѣ этого лагеря—чѣмъ отрѣзываетъ отступленіе непріятельскихъ передовыхъ войскъ къ Эрзеруму; но кавалерія высылаетъ сильные аван-

посты къ сторонѣ Эрзерума. Два баталіона, съ батареей, оставшіеся для обстрѣла праваго ската оврага, слѣдуютъ за кавалеріею, не форсируя движеніемъ. Первая и вторая колонны, составляя правый флангъ, состоятъ подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тергукасова.

«Третья колонна, подъ командою генералъ-маіора Авинова: первая бригада гренадеръ, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я батареи гренадерской бригады,—всего, 8-мь баталіоновъ и 48-мь орудій. Назначеніе этой колонны—одновременно съ первою, въ такомъ же порядкѣ, двинуться лѣвѣе большой эрзерумской дороги, также развернуть свою артилерію и съ тысячи саженей начать свои дѣйствія по правому флангу непріятеля; дѣйствовать также демонстративно, отнюдь не переходить въ общую атаку.

«Четвертая колонна, подъ командою генералъ-маіора фонъ-Шака: двѣ роты саперъ, 2-я бригада гренадеръ, 4-я батарея 19-й артилерійской бригады, три сотни волгскаго полка,—всего, 8½ баталіоновъ, 6 орудій и три сотни. Назначеніе этой колонны—одновременно съ первою, двинуться значительно лѣвѣе ея, по дорогѣ, идущей у ската Поланъ-Текена, черезъ деревни Гюлли и Тополахъ, и стараться охватить непріятельскій правый флангъ, но отнюдь не форсировать и дѣйствовать крайне осторожно до тѣхъ поръ, пока не достигнутся успѣхи противъ лѣваго непріятельскаго фланга, и затѣмъ, когда получится отъ меня приказаніе, или лично начальникъ колонны замѣтитъ въ непріятельскихъ войскахъ колебаніе—что будетъ показывать, что онѣ обойдены—тогда только перейти въ самое энергическое наступленіе. Третья и четвертая колонны состоятъ подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева.

«Для конвоя и въ распоряженіе начальника праваго фланга, генералъ-лейтенанта Тергукасова, назначается одна сотня екатеринодарскаго полка, а другая сотня этого полка назначается въ распоряженіе генералъ-маіора Соловьева—для той же надобности.

«Вся кавалерія, состоя подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, дѣлится на двѣ колонны. Первая кава-

лерійская колонна, подъ командою хана Нахичеванскаго: переяславскій драгунскій полкъ (4 эскадрона), 2-й сунженскій казачій полкъ (4 сотни), астраханскій казачій полкъ (4 сотни), кавказская ракетная батарея (1 сотня), 1-я батарея кубанскаго войска (6 орудій),—всего, 12 сотенъ и эскадроновъ, при 6-ти орудіяхъ. Колонна эта, при началѣ боя, располагается внѣ пушечнаго выстрѣла, между первой и второй колоннами; когда же колонна полковника Амираджиби достигнетъ успѣха, то первая кавалерійская колонна слѣдуетъ на полныхъ рысяхъ по оврагу, идущему черезъ Доне-Бойну, въ тылъ непріятельскому лагерю, расположенному на большой эрзерумской дорогѣ; но для начала движенія, она дожидаетъ приказанія начальника кавалеріи и, совмѣстно съ полковникомъ княземъ Амираджиби, энергически атакуетъ упомянутый лагерь и отрѣзываетъ отступленіе непріятельскаго праваго фланга.

«Вторая кавалерійская колонна, подъ командою генералъ-маіора князя Амилахвари: сводный драгунскій полкъ (дивизіоны нижегородскаго и сѣверскаго, 4 эскадрона), 2-й горско-мосдокскій полкъ (4 сотни), волгская ракетная батарея (1 сотня), 4 орудія 1-й терской батареи,—всего, 13 сотенъ и 4 орудія. Вторая кавалерійская колонна выстроивается впереди селенія Куруджукъ, и когда колонна полковника князя Амираджиби достигнетъ результатовъ, то слѣдуетъ на рысяхъ по большой эрзерумской дорогѣ, или же на походѣ перемѣняетъ фронтъ, и атакуетъ правую половину непріятеля въ лѣвый ея флангъ, со стороны большой эрзерумской дороги; но тоже ожидаетъ приказанія для движенія отъ начальника кавалеріи или моего личнаго.

«Когда начнутъ достигаться результаты атаки полковника князя Амираджиби, то войска первой колонны передвигаются частями на мѣсто первой гренадерской бригады, которая, по смѣнѣ также частями, будетъ направлена по большой эрзерумской дорогѣ.

«Перевязочные пункты: для праваго фланга—у дер. Эюрмыкъ, для лѣваго фланга—за дер. Хаиджи, внѣ пушечнаго выстрѣла.

Въ прикрытіе перевязочныхъ пунктовъ назначается по двѣ роты отъ баталіона, остающагося для сей цѣли отъ первой колонны, по два орудія 6-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, и команды отъ 2-го уманскаго коннаго полка. При каждомъ перевязочномъ пунктѣ назначить по два жандарма.

«Всѣ фургоны, какъ войсковые, такъ и лазаретные, должны быть при перевязочныхъ пунктахъ и выѣзжаютъ впередъ только тогда, когда будутъ направлены за ранеными; при войскахъ же отнюдь не должны быть. Въ прикрытіе лагеря остается одинъ кубинскій баталіонъ и два орудія 6-й гренадерской батареи. Съ выступленіемъ войскъ, остающимся слабымъ снять палатки, а жандармскому офицеру—весь обозъ собрать въ общій магенбургъ и ожидать дальнѣйшаго приказанія.

«Парки располагаются сзади Куруджука, но начальникъ артилеріи согандугскаго отряда имѣетъ распорядиться, чтобы они были распредѣлены соразмѣрно съ войсками праваго и лѣваго фланговъ, имѣя въ виду родъ вооруженія пѣхоты.

«Начальникомъ артилеріи праваго крыла назначается генералъ-маіоръ Барсовъ, а лѣваго—полковникъ Кульстремъ.

«При началѣ боя, я буду находиться впереди Куруджука, а потомъ—гдѣ укажутъ обстоятельства; но, вѣроятно, въ центрѣ. Отъ всѣхъ колоннъ выслать ко мнѣ по одному конному ординарцу; но ихъ послать тогда, когда войска займутъ первыя свои позиціи».

(78)—Диспозиція на 28-е октября 1877-го года:

«Городъ Эрзерумъ, съ его укрѣпленіями и верками, представляетъ слѣдующій видъ: на правомъ флангѣ, на возвышенности—укрѣпленія Керметлю, обстрѣливающія подступы съ лѣвой стороны карской дороги; на лѣвомъ флангѣ, на гребнѣ, постепенно къ Эрзеруму, понижающимися, построены форты довольно сильные: Азизъ-табія, Меджидіе и Сурпъ-Нишанъ. Эти укрѣпленія обстрѣливаютъ также анфиладнымъ огнемъ тѣже подступы, что и Керметлю. Отъ Меджидіе до Керметлю тянется

пять бастіоновъ, которые прикрываютъ городъ; между двумя лѣвофланговыми бастіонами находятся, такъ называемыя, карскія ворота, а между двумя правофланговыми, ближайшими къ Керметлю, имѣется глубокая промоина, идущая отъ горъ Полатъ-Текенъ-дагъ въ городъ и дальше, чрезъ него. Лѣвѣе карской дороги, для обстрѣла ея и на одной линіи съ фортомъ Меджидіе, есть небольшой фортъ на плоскости, именуемый Ахали-табія, который имѣетъ къ сторонѣ города горжу съ жилой казармой. Судя по описанному, наступленіе открытою силою будетъ сопряжено съ большими потерями; ночное же нечаянное нападеніе дастъ много шансовъ на успѣхъ, но въ этомъ случаѣ главное условіе успѣха—атака прямо въ штыки, и ни одного выстрѣла. При этомъ, обращается самое строгое вниманіе на то, чтобы, подъ страхомъ смертной казни, никто не смѣлъ курить, слѣдовать безъ малѣйшаго шума и отнюдь не отвѣчать на могущіе быть выстрѣлы турецкихъ аванпостовъ; наблюсти, чтобы при колоннахъ не было собакъ. Всѣ эти данныя должны быть внушены начальниками своимъ подчиненнымъ.

«Для этого нападенія на городъ назначаются слѣдующія колонны: первая—генерала Авинова: охотники грузинскаго полка, грузинскій полкъ, двѣ роты саперъ, лейбъ-эриванскій полкъ. Колонна эта выступаетъ въ 6-ть часовъ вечера и слѣдуетъ горною тропою до водомоины; не доходя версты до крѣпости, колонна стягивается и въ полной тишинѣ ожидаетъ, пока не завяжется бой у фортовъ Авинъ-табія и Ахали, которые будутъ атакованы одновременно. Тогда колонна стремительно двигается по водомоинѣ и, пройдя бастіоны, прикрывающіе ее, занимаетъ баталіономъ правый бастіонъ, имѣя впереди охотниковъ, остальные три баталіона быстро слѣдуютъ направо, вдоль и позади бастіоновъ, къ карскимъ воротамъ, которыми и овладѣваютъ сзади. Эриванскій же полкъ, занявъ баталіономъ лѣвый бастіонъ, располагаетъ другой за закрытіемъ, лицомъ къ Керметлю; остальные два баталіона быстро слѣдуютъ черезъ городъ и занимаютъ цитадель, въ которой пѣхоты пѣтъ—причемъ,

охотники должны скорѣе занять всѣ выходы зданія, называемаго Сарай, въ которомъ помѣщаются главные нашп. При эриванскомъ полку должны быть всѣ чины 2-й батареи 21-й артилерійской бригады, безъ орудій и лошадей, имѣя съ собою ракетный станокъ и ракету. По занятіи цитадели, артилерійская прислуга становится по орудіямъ, но огня до разсвѣта не открываетъ; съ появленіемъ же дня, будетъ видно, что дѣлать. Съ занятіемъ цитадели, должна быть пущена сигнальная ракета въ знакъ того, что эриванцы уже на мѣстѣ. При грузинскомъ полку долженъ быть ракетный станокъ и ракетная команда отъ 1-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, которая пуститъ ракету, когда будутъ заняты карскія ворота.

«Вторая колонна: 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ и 1-й баталіонъ крымскаго полка, подъ командою полковника Крузенштерна. Къ 11-ти часамъ ночи, колонна эта должна быть у поста Хана; затѣмъ, она осторожно спускается внизъ, и ровно въ два часа пополуночи атакуетъ фортъ Ахали съ тыла, т. е. со стороны казармы: но при этомъ, спустившись внизъ, слѣдуетъ лѣвѣе карской дороги и атакуетъ безъ выстрѣла. При этой колоннѣ назначается ракетная команда отъ 6-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, и, когда фортъ будетъ взятъ, должна быть пущена ракета; отъ той же батареи, при колоннѣ должна быть прислуга на четыре орудія, которыя имѣются въ фортѣ.

«Третья колонна, подъ командою полковника князя Амираджиби: двѣ роты саперъ съ лѣстницами, 3½ баталіона бакинскаго полка и 4 баталіона елисаветпольскаго полка. Колонна эта, также къ 11-ти часамъ, должна быть у поста Хана: затѣмъ, спускается вправо, внизъ, и безъ малѣйшаго шума поднимается къ форту Азизіе. Передніе охотники, перескочивъ траншейки, врываются сзади на передній фортъ, а затѣмъ, остальные обходятъ справа и слѣва въ тылъ два другіе форта и занимаютъ ихъ, стараясь ворваться въ середину казармъ и по бокамъ ихъ, внутрь укрѣпленій. Когда всѣ три форта будутъ

заняты, тогда должна быть пущена сигнальная ракета (отъ 3-й батареи 39-й артилерійской бригады), и затѣмъ, саперы немедленно, къ сторонѣ Меджидіе, приспособляютъ батареи для дѣйствія по укрѣпленію Меджидіе и по городу, если окажется надобность. Прислуга для дѣйствія изъ орудій въ эту колонну назначается отъ 3-й батареи 39-й артилерійской бригады.

«Четвертая колонна, генерала фонъ-Шака: тифлисскій и мингрельскій полки, 3-я, 4-я и 5-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады. Къ 12-ти часамъ ночи, колонна должна быть у поста Хана; затѣмъ, спускается внизъ по первымъ выстрѣламъ и слѣдуетъ прямо по дорогѣ къ карскимъ воротамъ, составляя въ тоже время резервъ колоннѣ, атакующей фортъ Ахали; по занятіи же карскихъ воротъ, входитъ въ городъ и, дойдя до первыхъ строеній, поворачиваетъ лѣвымъ плечомъ, слѣдуетъ вдоль спиртнаго завода и кавалерійскихъ казармъ, выстраиваетъ войска за крайними строеніями, ближайшими къ форту Меджидіе, и вообще, располагаетъ войска такъ, чтобы укрыть ихъ отъ огня Меджидіе.

«Пятая колонна, генералъ-лейтенанта Тергукасова: два баталіона крымскаго полка, три баталіона ставропольскаго полка, три баталіона таманскаго полка, 1-я и 2-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, 1-я и 2-я батареи 39-й артилерійской бригады и вся артилерія эриванскаго отряда, составляютъ [redacted] резервъ, который и выстраивается къ часу ночи у [redacted] Хана. Рота саперъ, одинъ баталіонъ кубинскаго полка, 6-я батарея кавказской гренадерской и 5-я батарея 39-й артилерійскихъ бригадъ остаются для прикрытія лагеря.

«Вся кавалерія дѣлится на двѣ колонны: 1-я, подъ командою генералъ-маіора князя Амилахвари, изъ кавалеріи эриванскаго отряда; дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ большая слѣдуетъ сперва за 2-ю кавалерійскою колонною, а затѣмъ, выйдя изъ трапезондскихъ воротъ, поворачиваетъ правымъ плечомъ впередъ и преслѣдуетъ непріятеля, если онъ будетъ слѣдовать по дорогамъ лѣвѣе трапезондскаго шоссе; меньшая

же часть выходитъ изъ города въ ольтинскія ворота и преслѣдуетъ непріятеля до болотъ Ефрата. Всей кавалеріи быть у поста Хана къ 5-ти часамъ утра.

«Я лично буду находиться у поста Хана, а затѣмъ, гдѣ укажутъ обстоятельства. Всѣмъ генераламъ, не получившимъ прямаго назначенія, впредь до соединенія войскъ, состоять при мнѣ. До разсвѣта, перевязочный пунктъ у поста Хана, а затѣмъ, гдѣ укажутъ обстоятельства». Подлинную подписалъ генералъ-лейтенантъ Гейманъ.

(70)—Инструкція для передовыхъ постовъ на Дене-Бойну, № 315-й: «На передовыхъ постахъ ежедневно должны быть наряжаемы по два пикета, а въ туманную погоду по четыре. Обязанность коихъ заключается въ наблюденіи за предлежащею мѣстностью и сообщеніи о замѣченномъ начальнику передовыхъ постовъ—командиру баталіона, расположеннаго впереди.

«Ночью, каждая рота передоваго баталіона дѣлится на четыре смѣны, которыя, съ своими вводными унтеръ-офицерами, занимаютъ близъ находящуюся траншею. Для повѣрки оныхъ назначаются отъ того же баталіона восемь унтеръ-офицерскихъ патрулей, половина которыхъ повѣряетъ лѣвый, а другая половина—правый фланги расположенія баталіона, и послѣ повѣрки являются съ рапортомъ къ начальнику передовыхъ постовъ. Ротные командиры должны непремѣнно находиться въ траншеяхъ 4-й смѣны роты, 3-ю с[illegible] должны повѣрять состоящіе въ ротахъ субалтерн-офицеры; если же таковыхъ въ ротахъ не имѣется, то фельдфебеля, причемъ, повѣрявшіе должны являться съ рапортомъ къ начальнику передовыхъ постовъ. Отъ баталіона этого ночью выставляются посты на тропинку между 4-й батареей и заводомъ 39-й артилерійской бригады.

«Одинъ изъ баталіоновъ, расположенныхъ въ редутѣ, назначается карауленымъ, и отъ него назначаются: 1 ефрейторъ и 3 рядовыхъ къ денежному ящику, въ патронный паркъ 1 ефрейторъ и 3 рядовыхъ, въ полковой духанъ 1 унтеръ-офицеръ и

ДЕФЕКТ ОРИГИНАЛА

4 рядовыхъ, въ полковую канцелярію 4 вѣстовыхъ, изъ коихъ одинъ въ хозяйственную часть, къ командиру полка 1 ординарецъ и 1 вѣстовой, къ бригадному командиру черезъ день 1 ординарецъ и 2 вѣстовыхъ, къ нехѣ 1 ефрейторъ и 3 рядовыхъ; итого, 3 унтеръ-офицера и 23 рядовыхъ. Кромѣ того, каждый баталіонъ выставляетъ часоваго къ своему знамени. Ночью, каждый баталіонъ высылаетъ въ траншеи по одной ротѣ, которая смѣняется черезъ каждые три часа; въ траншеи выходятъ въ семь часовъ вечера, причемъ: а) баталіонъ, стоящій на переднемъ фасѣ редута, занимаетъ траншеи въ центрѣ, впереди передоваго баталіона и первой роты этого баталіона, стоящей у дороги, и выставляетъ три пикета между 5-й батареею и четырмя турецкими орудіями, на трехъ тропахъ, и б) баталіонъ на лѣвомъ флангѣ редута занимаетъ такимъ же образомъ расположенныя передъ нимъ передовыя траншеи. Командиръ передоваго баталіона отвѣтствуетъ за всѣ роты, находящіяся въ траншеяхъ, хотя бы онѣ и не принадлежали къ его баталіону, и обо всѣхъ неисправностяхъ доноситъ мнѣ. Командиры прочихъ баталіоновъ должны быть въ полной готовности по тревогѣ выступить съ своими остальными ротами къ центру передоваго баталіона, гдѣ ожидать моихъ приказаній. Въ случаѣ тревоги днемъ, одна рота каждаго баталіона бѣгомъ разсыпается въ траншеи, а остальныя роты, съ своими баталіонными командирами, слѣдуютъ, какъ сказано выше, къ передовому баталіону. Я буду находиться въ центрѣ передоваго баталіона.

«Охотничья команда дѣлится на четыре смѣны и располагается на мѣстѣ бывшаго расположенія отряднаго штаба, выставляя вправо, влѣво и впередъ патрули; смѣняется черезъ каждые три часа; послѣ каждой смѣны, унтеръ-офицеръ является съ рапортомъ къ начальнику передовыхъ постовъ. Съ послѣдней смѣной долженъ находиться офицеръ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Въ началѣ столѣтія, укрѣпленіе Гумры играло немаловажную роль, защищая наши владѣнія отъ вторженія персіянъ. Въ историческихъ памятникахъ имѣется официальная дислокація тифлисскаго мушкетерскаго полка. Въ 1811-мъ году, полкъ расквартированъ былъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: Гумры—штабъ, четыре роты и три казачьихъ сотни; Артикъ—четыре съ половиною роты и одна сотня казаковъ; Хорумъ—полторы роты и одна сотня казаковъ; малый Караклисъ—одна рота; Бекантъ—одна рота; и того, двѣнадцать ротъ (три баталіона).

Въ 1826-мъ году, прежде объявленія войны, персіяне внезапно вторглись въ наши предѣлы, стали грабить и убивать безащитныхъ жителей. Въ это время, на границѣ расположены были восемь ротъ тифлисскаго мушкетерскаго и семь ротъ карабинернаго (эриванскаго) полковъ.

16-го іюля, персіяне атаковали неоконченное укрѣпленіе Миракъ, постройкою котораго занималась рота тифлисцевъ и рота 7-го карабинернаго полка. Обѣ роты вынуждены были отступить въ Гумры, по каменистой дорогѣ, занятой непріятелемъ. Солдаты штыками пробили себѣ дорогу, и, въ виду трехтысячной персидской конницы, вступили въ Гумры, послѣ шестичасоваго боя. Непріятель сейчасъ же приступилъ къ блокадѣ Гумры. Гарнизонъ бѣдствовалъ страшно; помощь, между тѣмъ, не приходила. Наконецъ, 31-го іюля, получено было предписаніе—оставить Гумры. Въ ту же ночь, крѣпость была очищена. Безпечные персидскіе пикеты до того крѣпко спали, что не слышали даже шума колесъ 1,200 арбъ, слѣдовавшихъ съ оружіемъ, боевыми припасами и имуществомъ преданныхъ намъ жителей. Персіяне только утромъ опомнились и настигли русскихъ въ двадцати верстахъ отъ Гумры; но тутъ подоспѣла помощь и заставила непріятеля отступить съ высотъ Дарбаза къ рѣчкѣ Биль-чай. Вообще, въ кампанію 1826-го года, тиф-

лиссій мушкетерскій полкъ оказалъ много блестящихъ подвиговъ.

Авт.

II.

Во время штурма горы Авліара, третьей роты тифлисскаго полка прапорщикомъ Егоровымъ былъ отнятъ у непріятеля значекъ. Обстоятельство это, о которомъ въ общемъ описаніи дѣятельности полка упоминается вскользь, заслуживаетъ, въ сущности, бо́льшихъ подробностей.

Назначеніемъ третьей роты было—поддерживать наступленіе эриванцевъ. Все это такъ и дѣлалось до тѣхъ поръ, пока эриванцы не бросились на передовые ложементы. Когда грянуло ихъ «ура», прапорщикъ Егоровъ, понимая поддержку во всемъ широкомъ смыслѣ этого слова и вовсе не желая играть второстепенную роль, съ своей стороны, кинулся на траншеи, одинъ изъ первыхъ перешагнулъ ихъ и изъ рукъ турокъ вырвалъ значекъ. Тутъ же, возлѣ него, находился и французскій генералъ графъ де-Курси. При видѣ нашей побѣды и быстраго очищенія непріятелемъ авліарской высоты, графъ, вмѣстѣ съ Егоровымъ, быстро повернули одно изъ крупповскихъ орудій, приспособили его и открыли пальбу по бѣгущимъ.

За этотъ подвигъ, и также другія отличія—генералъ де-Курси получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Быть можетъ, подобная награда не миновала бы и отважнаго прапорщика, но дѣло сложилось такъ, что онъ даже одна не пострадалъ, и рядъ былъ уже по наградѣ, а тому, что счастливо отдѣлался отъ послѣдствій своего молодецкаго и весьма простительнаго въ этомъ случаѣ самопроизвольнаго движенія.

Первоначально, Егоровъ поднесъ значекъ генералу Гейману, бывшему уже на вершинѣ Авліара. Генералъ велѣлъ ему доставить его къ командиру полка. Когда сошли съ Авліара, командующій первымъ баталіономъ капитанъ Гагемейстеръ вручилъ значекъ полковому адъютанту князю Абашидзе и сказалъ: «отвезите этотъ трофей къ командиру полка и доложите, что его взялъ прапорщикъ Его-

рогъ». На другой день, полковникъ Риддигеръ, вмѣстѣ съ Егоровымъ, отправился къ начальнику отряда, разсчитывая, что храбрый молодой человѣкъ будетъ принятъ любезно и по заслугамъ. Но, увы! генералъ Гейманъ распекъ Егорова жесточайшимъ образомъ и, въ заключеніе, пригрозилъ ему судомъ за то, что онъ осмѣлился штурмовать, когда долженъ былъ поддерживать.

Съ этой минуты, прапорщикъ Егоровъ, конечно, вполнѣ сознавалъ тонкое различіе между понятіями объ атакѣ и поддержкѣ.

Наружный видъ отбитаго прапорщикомъ Егоровымъ значка былъ слѣдующій: древко имѣло до трехъ аршинъ длины, и на концѣ его—бронзовый вызолоченый полумѣсяцъ и шаръ; полотно—двойное голубое, шелковое, около двухъ аршинъ въ квадратѣ, украшенное шитыми золотомъ изображеніями; оно было тщательно свернуто и сверху прикрыто хорошимъ кожанымъ чахломъ. По всему видно было, что значекъ или принадлежалъ кому либо изъ нашей, или даже, изображалъ собою знамя. Дальнѣйшая участь этого значка до сихъ поръ неизвѣстна.

Заслуги прапорщика Егорова, между прочимъ, на этомъ не остановились, и при Дёбе-Бойну онъ вновь оказалъ весьма видающіеся, по своимъ послѣдствіямъ для насъ, отличіе: когда, послѣ битвы, которую прекратила поздняя ночь и выпавшій снѣгъ, все утомилось, на удержанныхъ вами позиціяхъ до самаго почти разсвѣта не было извѣстно, отступили ли турки, или нѣтъ. Чтобы увѣдать это, маіоръ Улановичъ, находившійся съ третьимъ баталіономъ въ передовой линіи, вызвалъ охотниковъ. Ихъ вышло до тридцати человѣкъ; команду надъ ними принялъ прапорщикъ Егоровъ. Подойдя къ деревнѣ, находившейся впереди селенія Гюлли, охотники были встрѣчены выстрѣлами. Не обращая на нихъ вниманія, они, съ крикомъ «ура», бросились впередъ и выбили непріятеля. Оказалось, что это была турецкая передовая часть, которая, вѣроятно, приняла нашихъ молодцовъ за цѣпь, открывающую движеніе цѣлой колонны. Когда турки были выбиты изъ деревни, вскорѣ цѣлая масса ихъ потянулась вдали къ сторонѣ Эрзерума, и такимъ образомъ, правый флангъ непріятельскаго расположенія совершенно очистился.

III.

Таблица смертности за три мѣсяца въ разныхъ госпиталяхъ и полковомъ лазаретѣ.

числа мѣсяца	ЯНВАРЬ.					ФЕВРАЛЬ.					МАРТЪ.				
	див. лазар.	лаз. 20 див.	полк. лазар.	въ раз. госп.	итого.	див. лазар.	лаз. 20 див.	полк. лазар.	въ раз. госп.	итого.	див. лазар.	лаз. 20 див.	полк. лазар.	въ раз. госп.	итого.
1	5	2	1	»	8	5	2	1	2	10	1	»	3	3	7
2	1	4	1	»	6	6	2	4	3	15	6	»	»	4	10
3	»	»	»	»	»	2	5	3	1	11	7	»	6	2	15
4	1	1	»	1	3	2	»	2	1	5	8	»	2	3	13
5	2	2	»	1	5	»	5	6	»	11	5	»	2	2	9
6	2	1	»	»	3	5	2	4	1	12	6	»	5	»	11
7	2	3	»	»	5	3	1	2	»	6	3	»	2	8	13
8	7	2	»	»	9	3	1	4	»	8	2	»	2	4	8
9	3	3	»	1	7	1	2	4	»	7	2	»	1	8	11
10	2	3	»	»	5	4	»	2	»	6	2	»	3	7	12
11	4	1	»	»	5	2	5	4	»	11	2	»	1	»	3
12	»	5	»	1	6	1	2	3	»	6	3	»	1	9	13
13	1	2	»	1	4	9	2	3	»	14	5	»	4	2	11
14	2	2	»	»	4	3	1	8	5	17	»	»	3	1	4
15	5	4	1	»	10	»	»	8	3	11	2	»	1	1	4
16	»	2	1	1	4	8	»	8	4	20	5	»	2	2	9
17	5	3	»	»	8	1	1	2	1	5	1	»	3	3	7
18	2	6	»	1	9	1	1	7	»	9	3	»	2	4	9
19	2	5	1	»	8	10	2	2	»	14	»	»	4	4	8
20	7	»	»	2	9	3	1	6	3	13	3	»	5	3	11
21	7	»	»	»	7	1	1	10	1	13	1	»	1	5	7
22	»	3	1	»	4	7	1	4	2	14	1	»	3	1	5
23	2	4	»	»	6	»	»	3	4	7	1	»	2	1	4
24	»	7	»	»	7	2	2	3	4	11	1	»	2	5	8
25	2	6	»	»	8	5	1	3	4	13	1	»	6	3	10
26	7	»	»	1	8	4	1	3	3	11	1	»	2	»	3
27	2	3	»	»	5	4	»	»	6	10	»	»	2	4	6
28	2	2	4	1	9	7	»	5	6	18	1	»	2	1	4
29	2	4	»	»	6	»	»	»	»	»	1	»	3	3	7
30	2	»	1	»	3	»	»	»	»	»	»	»	5	3	8
31	3	2	3	»	8	»	»	»	»	»	»	»	1	4	5
					189					308					255

IV.

СПИСОКЪ

Шефа, штабъ и оберъ-офицеровъ и классныхъ чиновниковъ 16-го гренадерскаго тифлисскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича полка, числившихся въ спискахъ съ 12-го апрѣля 1877-го года по 1879-й годъ.

Чины, имена, отчества и фамиліи.	Занимаемая должность.	Кто раненъ, контуженъ, убитъ или умеръ отъ болѣзни.
Шефъ.		
Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ.	Шефомъ полка съ 1-го сентября 1858 года.	—
Полковникъ.		
Александръ Николаевичъ Рудигеръ.	Командиръ полка.	Раненъ 13-го іюня и 23-го октября.
Подполковники:		
Эдуардъ Яковлевичъ Александеръ	Командиръ 1-го баталіона.	Раненъ 13-го іюня.
Захарій Даниловичъ Лорисъ-Меликовъ.	Командиръ 2-го баталіона.	—
Маіоры:		
Василій Петровичъ Кабенинъ.	Завѣдывающій хозяйствомъ.	—
Григорій Гавриловичъ Суликовъ.	Командиръ 4-го баталіона.	Умеръ отъ раны полученной 13-го іюня.
Паулинъ Осиповичъ Улановичъ	Командиръ 3-го баталіона.	Контуженъ 18-го іюня и раненъ 20-го октября.

Капитаны:		
Алексѣй Михайловичъ Загобель.	Оставленъ въ г. Тифлисѣ завѣдывающимъ штабъ-квартирой.	
Фердинандъ Юліяновичъ Борковскій.	Командиръ 6-й роты.	Контуженъ 13-го іюня и раненъ 23-го октября.
Александръ Владиміровичъ Гагемейстеръ	Бригадный адъютантъ.	
Александръ Гордѣевичъ Андріевичъ.	Командиръ 7-й роты.	Раненъ 13-го іюня.
Штабсъ-капитаны:		
Князь Рожденъ Григорьевичъ Русіевъ.	Командиръ построевой роты.	
Титъ Людвиговичъ Братковскій.	Командиръ роты Его Высочества.	
Князь Захарій Романовичъ Макаевъ 3-й	Командиръ 3-й роты.	Контуженъ 4-го іюня и раненъ 13-го августа.
Константинъ Николаевичъ Афанасьевъ.	Завѣдывающій оружіемъ.	Контуженъ 13-го іюня.
Князь Сергѣй Елизбаровичъ Аргутинскій-Долгорукій. . .	Командиръ 9-й роты.	Раненъ 13-го іюня.
Заалъ Александровичъ Мадчеваріани.	Командиръ 5-й роты.	Раненъ 13-го іюня.
Князь Константинъ Макарьевичъ Орбеліани.	Командиръ роты.	Контуженъ 13-го іюня.
Андрей Яковлевичъ Быченковъ.	Командиръ 3-й стрѣлковой роты.	

Николай Юрьевичъ Жонголовичъ	Завѣдывающій учебной командой и жалонерный офицеръ.	Контуженъ 20-го сентября.
Александръ Афанасьевичъ Гавриловъ	Командиръ 2-й стрѣлковой роты.	
Алексѣй Емельяновичъ Афанасьевъ		Убитъ 13-го іюня.
Поручики:		
Василій Евсѣевичъ Васильевъ.	Полковой адъютантъ.	Контуженъ 23-го октября. Умеръ отъ тифа.
Михаилъ Осиповичъ Станкевичъ.	Командиръ 11-й роты.	
Иванъ Степановичъ Матафановъ.	При штабѣ дѣйствующаго корпуса.	
Иванъ Ефремовичъ Дьячковъ	Полковой казначей.	
Болеславъ Феликсовичъ Згоржельскій.	Командиръ 1-й стрѣлковой роты.	Раненъ 20-го сентября.
Александръ Павловичъ Скабичевскій.	Полковой квартирмейстеръ.	
Іосифъ Францовичъ Ясовичъ	Командиръ 8-й роты.	Убитъ 13-го іюня.
Петръ Федоровичъ Снѣжковъ	Командиръ 4-й роты.	Раненъ 13-го іюня, а убитъ 20-го сентября.
Ростомъ Ивановичъ Сагиновъ.	Командиръ 4-й стрѣлковой роты.	Контуженъ 13-го іюня, раненъ 20-го сентября два раза пулею.

Эмилій-Августъ Карловичъ Кучевскій.	Командующій 2-й ротой.	Контуженъ 20-го сентября.
Іосифъ-Северинъ Леопольдовичъ Кротковскій.	Командующій 3-й ротой.	Раненъ 20-го сентября.
Николай Андреевичъ Рейбургъ.		Раненъ 23-го октября.
Подпоручики:		
Князь Владиміръ Гавриловичъ Макаевъ.	Завѣдывающій 10-й ротой.	Раненъ 28-го октября.
Михаилъ Андріановичъ Чоглоковъ	Адъютантъ 3-го баталіона.	Умеръ отъ раны, полученной 13-го іюня.
Николай Григорьевичъ Абеловъ.		Раненъ 5-го мая и 23-го октября.
Дмитрій Владимировичъ Савицкій.		
Евгеній Львовичъ Альшевскій.		
Алексѣй Казимировичъ Гаушъ.		
Ромуальдъ Ивановичъ Родзевичъ.	Адъютантъ 2-го баталіона.	Раненъ 13-го іюня и убитъ въ тотъ же день.
Михаилъ Николаевичъ Акинфіевъ		
Константинъ Николаевичъ Еремѣевъ.	Адъютантъ 1-го баталіона.	Раненъ 13-го іюня.
Рахимъ-Ибрагимъ-Мамедъ Агаларовъ		Контуженъ 13-го іюня.
Гамза-Бекъ-Паша-Бекъ Агаевъ.		Контуженъ 13-го іюня.
Владиміръ Кузьмичъ Мисниковъ.		
Ага-Бекъ-Шавріевъ Софіевъ.		Умеръ отъ раны, полученной 13-го іюня.

Владиміръ Эваристовичъ Невѣровскій.	Начальникъ охотничьей команды.	
Князь Дмитрій Ростомовичъ Абашидзе.	Адъютантъ 4-го баталіона.	
Антонъ Ефимовичъ Климовъ. Классный чиновникъ, коллежскій регистраторъ Мартынъ Михайловичъ Роонъ	Дѣлопроизводитель по хозяйственной части.	
Врачи:		
Надворный совѣтникъ Иванъ Варѳоломѣевичъ Егоровъ. (До войны старшимъ врачемъ состоялъ въ полку Григорій Степановичъ Кузнецовъ).	Старшій полковой врачъ.	Умеръ отъ тифа.
Адольфъ Эдуардовичъ Лангенбахеръ.	Младшіе полковые врачи.	
Александръ Аристиновичъ Теръ-Аристоніанцъ.		
Александръ Александровичъ Кашинцевъ.		
Алексѣй Матѳеевичъ Зрѣловъ.		
Классный медицинскій фельдшеръ, коллежскій секретарь Антонъ Пантелеймоновичъ Пантелеймоновъ.		
Полковой священникъ.		
Михаилъ Григорьевичъ Тополевъ.		
Впослѣдствіи прибыли въ полкъ изъ командировокъ, госпиталей и отставки:		
Маіоръ.		
Петръ Павловичъ Мальцевъ.	Переведенъ изъ лейбъ-эриванскаго полка.	Контуженъ 13-го іюня. Умеръ отъ тифа.

Капитанъ.		
Сергѣй Ивановичъ Багра-мовъ.	Изъ госпиталя.	
Поручикъ.		
Джемшутъ Исаевичъ бекъ Каліевъ	Изъ отставки.	Умеръ отъ тифа.
Подпоручики:		
Шермазанъ Игнатьевичъ Гогніевъ	Изъ командировки.	Умеръ отъ тифа.
Іосифъ Андреевичъ Пирадовъ.	Изъ пѣхотнаго учебнаго баталіона.	
Михаилъ Васильевичъ Никитинъ.	Изъ учебной кавказской роты.	
Владиміръ Васильевичъ Барсовъ.	Изъ отставки.	
Прапорщикъ.		
Петръ Андреевичъ Дужковичъ.	Изъ отставки.	
Старшій врачъ.		
Александръ Васильевичъ Ѣлюкинъ. (По смерти Егорова). .		
Списокъ офицерамъ, прибывшимъ въ полкъ во время стоянки на Карааѣ, изъ московскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища.		
Прапорщики:		
Герасимъ Артемьевичъ Зурабовъ (изъ константиновскаго военнаго училища).		
Иванъ Лукичъ Звегинцовъ.		
Константинъ Александровичъ Шубниковъ.		
Викторъ Ивановичъ Петропавловскій		Контуженъ 20-го сентября.

Александръ Ивановичъ Ильинскій.	
Карлъ Іосифовичъ Ходкевичъ.	
Петръ Петровичъ Антоновъ.	Контуженъ 20-го сентября.
Константинъ Васильевичъ Надежинъ.	
Константинъ Кириловичъ Антоновъ.	Раненъ 20-го сентября.
Дмитрій Глѣбовичъ Роговицкій.	
Алексѣй Петровичъ Смольскій.	Контуженъ 20-го сентября.
Федоръ Антоновичъ Нововейскій.	
Владиміръ Ивановичъ Рудневъ.	Раненъ 20-го сентября.
Владиміръ Егоровичъ Лавровъ.	
Владиміръ Ѳеофиловичъ Шишковскій.	
Василій Алексѣевичъ Фруктовъ.	Раненъ 23-го сентября.
Василій Викторовичъ Всесвятскій.	
Александръ Ивановичъ Глазовъ.	
Андрей Александровичъ Лукинъ.	
Александръ Петровичъ Петровъ.	
Константинъ Фердинандовичъ Бредо.	Раненъ 20-го сентября.
Романъ Казиміровичъ Двердзіевскій.	

Александръ Васильевичъ Красноѣвцевъ. . . . . | Раненъ 28-го октября.

Георгій Ивановичъ Погорѣлов. . . . . | Раненъ 23-го октября.

Въ полку произведены во время кампаніи:

Князь Дмитрій Николаевичъ Джорджадзе.

Аполлинарій Васильевичъ Никитинъ. . . . . | Раненъ 3-го октября.

Леонардъ Александровичъ Декабрилевичъ. . . . . | Контуженъ 28-го октября.

Александръ Михайловичъ Егоровъ.

Послѣ кампаніи:

Николай Евгеніевичъ Знаменскій . . . . . | Раненъ въ нижнемъ чинѣ, въ сраженіи 13-го іюня.

Михаилъ Михайловичъ Купріохинъ. . . . . | Раненъ 13-го іюня.

Іосифъ Іосифовичъ Крыжевичъ.

Николай Назаровичъ Огановъ.

Владиміръ Григорьевичъ Абашидзе.

Григорій Михайловичъ Евтѣевъ . . . . . |

Прикомандированные:

Штабсъ-капитанъ.

Левитскій. . . . . | Контуженъ два раза 13-го августа.

Поручики:

Зноско-Боровскій. . . . .

Меркавинъ. . . . . |

Штабсъ-капитаны:

Кушелевъ. . . . . |

Изъ конно-артиллерійскаго полка.

Когамовъ.		
Поручики:		
Печковскій.		Умеръ отъ раны, полученной 23-го октября.
Туробойскій.		Раненъ 20-го сентября.
Подпоручики:		
Джаіани.		
Подкользинъ.		Раненъ 23-го октября.
Итагаевъ.		Убитъ 13-го августа.
Поручики:		
Магаловъ.		Раненъ 28-го октября.
Туласвъ.		
Калиновскій.		
Цуриновъ.		
Маіоровъ.		
Прапорщики:		
Ипаловъ.		
Зродловскій.		Контуженъ 20-го сентября.

V.

СПИСОКЪ

Штабъ и оберъ-офицеровъ 15-го гренадерскаго тифлисскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича полка, получившихъ высшія воинскія награды за отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ въ кампанію 1877—1878 годовъ.

№	Чины и фамиліи.	Наименованіе наградъ.
1	Полковникъ Ридигеръ. . . .	Золотое оружіе, орденъ св. великомученика Георгія 4-й степени и званіе флигель-адъютанта.
2	Маіоръ Улановичъ.	Золотое оружіе, орденъ св. великомученика Георгія 4-й степени и подарокъ по чину.
3	Полковникъ Александеръ. . .	Орденъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами и золотое оружіе.
4	Маіоръ Суликовъ.	Золотое оружіе и орденъ св. великомученика Георгія 4-й степени.
	Штабсъ-капитаны:	
5	Князь Орбеліани.	Золотое оружіе и орденъ св. великомученика Георгія 4-й степени.
6	Сагиновъ.	Орденъ св. великомученика Георгія 4-й степени.

За всѣ боевыя отличія, нижніе чины тифлисскаго полка получили 885 знаковъ военнаго ордена. Изъ нихъ, первою степенью награждены шесть человѣкъ, а второю—шестнадцать человѣкъ. Знака отличія первой степени удостоились слѣдующіе нижніе чины: фельдфебеля—Самсонъ Демьяненко, Ѳедоръ Жировъ, Петръ Чинчевичъ, Игнатъ Скиба, Станиславъ Малиневскій и Иванъ Походенко.

Въ число помянутыхъ знаковъ отличія военнаго ордена не включены кресты, выданные высшими начальниками раненымъ нижнимъ чинамъ, находившимся въ госпиталяхъ. Такимъ образомъ, безошибочно можно сказать, что въ полкъ выдано было не менѣе тысячи знаковъ отличія военнаго ордена, такъ что, по прибытіи въ Тифлисъ, половина наличныхъ нижнихъ чиновъ украшена была крестами.

Офицеровъ тоже награждали чинами и орденами. Изъ числа участвовавшихъ въ кампаніи, нѣкоторые получили до пяти наградъ, и почти всѣ, упомянутые въ спискѣ, удостоены не менѣе двухъ наградъ; одна награда составляла рѣдкое исключеніе.

Конецъ.